

Алексей Ракитин

Американские трагедии

Хроники подлинных уголовных расследований. Книга VIII

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Восьмая книга серии. Сборник очерков, посвященных малоизвестным сюжетам из истории американской преступности разных лет. Помимо необычных и полных драматизма криминальных конфликтов в представленных очерках можно увидеть подлинную картину общественной жизни США XIX–XX веков, специфику правоприменения и особенности работы правоохранительного сообщества той поры.

- Американские трагедии
  - Дело Сэма Шэппарда
  - Таинственное исчезновение «самого надёжного юриста Нью-Йорка»
  - Волк в овечьей шкуре
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Американские трагедии
Хроники подлинных уголовных расследований. Книга VIII
Алексей Ракитин

Дело Сэма Шэппарда

Кливленд, город на берегу озера Эри в штате Огайо, уже хорошо знаком читателям «Загадочных преступлений прошлого». Именно здесь в 30-х годах 20-го столетия имела место мрачная череда серийных убийств с расчленением тел жертв, вошедшая в историю мировой криминалистики. Очерк об этом (так и не раскрытом) криминальном «сериале» можно найти на нашем сайте. Но Кливленд известен в США не только своим «Безумным Мясником», но и детективной историей совершенно иного рода. Историей настолько неординарной и запутанной, что её изложение с полным правом следует разместить на нашем сайте.

Начало 50-х годов 20-го века можно обоснованно назвать «золотым временем Америки». Страна, разбогатевшая на Второй мировой войне, наслаждалась материальным изобилием: роскошные автомобили, доступное жильё, дешевизна всех товаров — от продуктов питания до ювелирных украшений. Места на этом празднике жизни, казалось, должно хватить всем. Кливленд, некогда криминальное гнездо и порочная клоака, превратился в спокойный, трудолюбивый город. Шутка ли сказать, в его западных пригородах за 10 лет (в 1945—55 гг.) имело место всего 1 нераскрытое убийство!

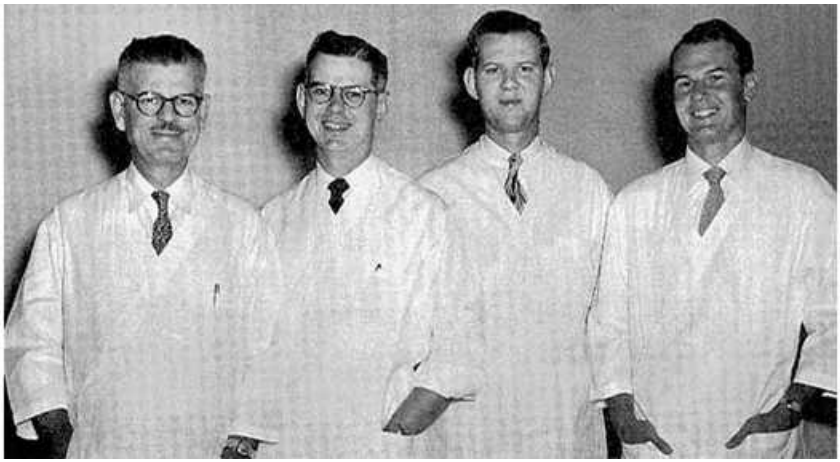
Городок Бэй-виллидж, западный пригород Кливленда, вытянувшийся вдоль озера Эри, являлся местом респектабельным и даже престижным: утопающие в зелени дома, богатые белые жители, полиция численностью всего-то в пять человек (три рядовых сотрудника, сержант и начальник). По прихоти судьбы именно здесь в ночь с 3 на 4 июля 1954 г. в доме уважаемого всеми врача Сэмюэля Шэппарда развернулась кровавая драма.

Сэм Шэппард на момент описываемых событий достиг 30-летнего возраста с весьма неплохими жизненными результатами. Женился он ещё в 1945 г. по любви и вроде бы вполне удачно. Со своей будущей женою Сэм познакомился ещё в школьные годы, произошло это в 1937 г. Мэрилин была на год старше мужа, у них рос замечательный сын, Сэм-младший, родившийся в 1947 г.

«Все семьи счастливы одинаково», — утверждал классик. Семейная идиллия четы Шэппард: ещё все живы, здоровы и богаты.

Мэрилин в июле 1954 г. была на четвёртом месяце беременности. Сэмюэль Шэппард являлся продолжателем семейного дела — его отец Ричард и братья Ричард и Стив — являлись врачами-остеопатами. В те годы такого рода специалисты не считались врачами, и диплом врача-костоправа не признавался полноценным документом о высшем медицинском образовании, тем не менее остеопаты были весьма популярны среди пациентов и зарабатывали очень прилично.

Клан Шэппардов: Ричард и трое его сыновей — Стивен, Ричард и Сэмюэль. Все занимались остеопатией, работали в больнице «Бэйвью» («Bay View Hospital»), заслуженно пользовались репутацией очень компетентных специалистов.

К своим 30 годам Сэм не только купил прекрасный дом по адресу Бэй-виллидж, Лейк-роад, № 28924, но и оплатил две дорогие автомашины: огромный «линкольн-континентал» с кожаным салоном для семейного отдыха и спортивный «ягуар» — для собственных поездок на работу.

3,4 и 5 июля являлись в 1954 г. нерабочими днями (4 июля — День независимости, государственный праздник США). Однако для Сэма Шэппарда 3 июля оказался рабочим днём, и притом весьма напряжённым. Он не только отстоял свою смену, но и около 17:00 был повторно вызван в больницу к мальчику, серьёзно травмированному в результате ДТП.

Вечером Мэрилин и Сэм Шэппарды принимали друзей — Нэнси и Дональда Ахерн с детьми. Мужчины возились с малышнёй — сначала боксировали по груше, затем подвесили корзину и принялись играть в баскетбол на лужайке перед домом. Женщины тем временем приготовили коктейли и горячие бутерброды. После ужина Ахерны увезли своих детей и уложили спать, но вернулись в дом Шэппардов, и вечеринка продолжилась. Мэрилин тем временем уложила спать Сэма-младшего. Спальня сына находилась на втором этаже дома рядом со спальней родителей (однако общей стены комнаты не имели — их разделяли гардеробные, что немаловажно в контексте последовавших событий).

Вот оно — скромное обаяние буржуазии: дом четы Шэппард в богатом пригороде Кливленда на берегу озера Эри. Собственный кусочек пляжа, спуск к воде, начинающийся прямо от дома.

Примерно до полуночи взрослые общались, пили коктейли и смотрели по телевизору кинофильм "Strange holiday" в большой гостиной на первом этаже дома. Сэм Шэппард, утомлённый событиями долгого дня и захмелевший от выпитого алкоголя, стал засыпать. Около полуночи Нэнси и Дон Ахерн засобирались домой; их проводила Мэрилин, закрывшая за гостями входную дверь.

Примерно в 05:45 4 июля Сэм Шэппард-старший позвонил по телефону мэру Бэй-виллидж Спенсеру Хоуку и прокричал: "Ради Бога, Спен, давай скорее сюда! Я думаю, они убили Мэрилин!"

Уже в 05:52 Спенсер и его жена Эстер прибыли в дом доктора. Они обнаружили Сэма сидящим на стуле в гостиной первого этажа и сжимавшим руками собственную шею; лицо его было разбито, уголок рта — разорван. Он производил впечатление не совсем адекватного человека, иногда протяжно стонал, впрочем, сознания не терял и мог отвечать на вопросы.

Эстер и Спенсер Хоук жили по той же самой Лэйк-роад, что и Шэппарды; их дома разделяли два участка. Хоуки никогда не были особенно дружны с семьёй Шэппард, что объяснялось заметной разницей возрастов. То, что Сэм позвонил именно Спенсеру Хоуку, сбивало с толку всех, занятых расследованием убийства Мэрилин Шэппард. Чета Хоук, вроде бы совершенно случайно попавшая в самый эпицентр «дела Шэппарда», окажется связанной с ним навсегда. Мы увидим, что даже по прошествии многих лет истинная роль этих людей в случившемся будет подвергаться самому пристрастному вниманию.

Спенсер Хоук поднялся в супружескую спальню на втором этаже, где обнаружил в кровати, залитой кровью, труп Мэрилин. Женщина была изувечена; лицо её оказалось разбито до такой степени, что его черты невозможно было разобрать. Сбежавший вниз мэр тут же позвонил в местное отделение полиции, этот звонок был зафиксирован в 05:58.

В 06:02 на место трагедии прибыл первый полицейский — 27-летний Фред Дренкхан. Убедившись, что Мэрилин Шэппард мертва, Дренкхан вызвал начальника местной полиции Джона Итона и сделал необходимое сообщение в отдел убийств Кливлендского управления полиции. Поскольку отделение в Бэй-виллидж не имело своего уголовного розыска, расследование преступления должно было принять на себя соответствующее подразделение из Кливленда.

После этого Дренкхан приступил к детальному осмотру спальни, дома и территории вокруг него.

Пока он был занят этим важным делом (о том, как полицейский с ним справился, разговор предстоит отдельный), в доме Шэппардов появились братья хозяина — Ричард и Стив. Ричард по просьбе мэра Хоука осмотрел спальню и констатировал смерть Мэрилин. После этого провёл осмотр Сэма и понял, что тому нужна срочная госпитализация (с машиной "скорой помощи" приехал Стив, дежуривший в больнице). Последний забрал Сэма в

больницу; Ричард же, разбудив 7-летнего Сэма-младшего, быстро вывел его из дома, не разрешив войти в спальню родителей. Он увёз мальчика в свой дом, где тот в дальнейшем и находился.

В половине седьмого из Кливленда прибыл первый детектив отдела убийств городской полиции — Майкл Грабовский, чуть позже к нему присоединились детективы Патрик Гаро и Роберт Шоттк. Около восьми часов утра в дом Шэппардов приехал коронер (председатель «коронерского жюри» — в англо-американском правосудии это выборная должность низшего судебно-арбитражного органа, в чьей компетенции находится выяснение причины смерти и решение вопроса о возбуждении уголовного дела; аналогов в отечественной правовой системе ему нет). Коронером являлся Сэмюэль Гербер, упоминаемый в другом моём криминальном очерке — «Безумный Мясник из Кливленда». Хотя с того времени, когда в Кливленде орудовал «Безумный Мясник», минуло уже почти 20 лет, Гербер продолжал оставаться коронером. (Он поставил рекорд, не имеющий аналогов в истории американской правовой системы, избираясь на должность коронера 13 сроков подряд; всего же Гербер оставался в этой должности 50 лет — с 1936 г. по 1986 г.).

Детектив Роберт Шоттк (фотография слева) и коронер Сэмюэль Гербер. Последний немало наворотил чудес в «деле Шэппарда». Самодовольный популист и демагог, чрезвычайно дороживший мнением прессы, Гербер умудрился проработать коронером 50 лет, написать книгу воспоминаний «Врач в суде» и даже сделаться профессором местного университета — и всё это без сколь-нибудь по-настоящему заметных успехов. По иронии судьбы он оказался причастен к двум сенсационным расследованиям («Безумного Мясника» и «делу Шэппарда») и в обоих умудрился проявить себя далеко не с лучшей стороны.

По своему образованию Гербер был врачом, поэтому почитал себя специалистом во всех науках сразу — от судебной медицины

до юриспруденции и социологии. Он не мешкая прошёл наверх, в спальню, и лично провёл осмотр трупа и места преступления. Основываясь на результате этого осмотра, он заключил, что убийство Мэрилин Шэппард произошло достаточно давно — в интервале от 3 до 3:30 часов ночи. Кроме того, Гербер на глаз определил количество полученных погибшей ран: примерно 35.

Уже после появления Гербера полицейский Фред Дренкхан приступил к фотографированию места преступления и обстановки в доме. При осмотре комнат в здании полицейские и коронер установили, что ящики рабочего стола Шэппарда-старшего в гостиной первого этажа выдвинуты и сложенные там вещи как будто бы находятся в беспорядке. Несколько конвертов и марки почтовой оплаты валялись на полу, словно обронённые кем-то, кто довольно небрежно копался в столе. Позади стола была найдена небольшая жестяная коробочка, в которой лежали золотые женские часики, забрызганные кровью. Они остановились в 3:15; впоследствии было установлено, что эти часики принадлежали убитой. Кроме того, оказалось, что чемодан с медицинскими принадлежностями Сэма Шэппарда раскрыт и его содержимое вывалено на пол.

Эти фотографии демонстрируют положение тела Мэрилин Шэппард в кровати и подушку в изголовье. По мнению коронера

Гербера, странный кровавый след на подушке был оставлен орудием убийства (неким «медицинским инструментом»), которое преступник положил туда, а затем унёс с собою.

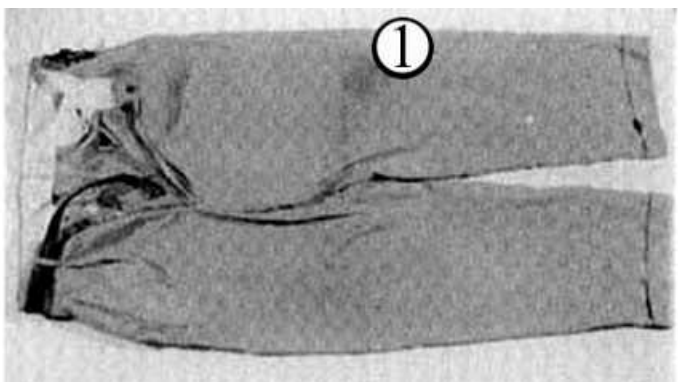
После 9 часов утра коронер Гербер и начальник полиции Бэйвиллидж Итон отправились в больницу, чтобы поговорить с Сэмом-старшим. Стив Шэппард запретил официальный допрос брата, поскольку тот находился под действием транквилизаторов и был неадекватен, однако частным образом разрешил задать несколько вопросов.

Пострадавший рассказал, что уснул на кушетке в гостиной первого этажа. Посреди ночи его разбудил то ли крик, то ли зов жены; Мэрилин как будто бы произнесла его имя один или два раза. Он взбежал наверх, в спальню, где увидел крупного мужчину в белой рубашке, склонившегося над кроватью Мэрилин. При появлении Сэма незнакомец повернулся к нему и сделал несколько шагов навстречу. Видимо, он как-то ударил Сэма, потому что тот потерял сознание. Как именно незнакомец нанёс удар и каким для этого воспользовался орудием, пострадавший припомнить не мог. Пришёл он в себя позже оттого, что лунный свет попадал ему в глаза, отражаясь от металлического значка, укреплённого на его собственном портмоне, лежавшего на кровати. Между тем, Сэм Шэппард точно помнил, что прежде это портмоне находилось в кармане его брюк. Он догадался, что незнакомец, оглушивший его, обыскал карманы. Сэм находился в сидячем положении, привалившись к кровати, в которой лежала Мэрилин; он попытался нащупать пульс жены, но не нашёл его и понял, что та мертва. Тогда Сэм поднялся и прошёл в комнату сына; убедившись, что с ребёнком всё в порядке, он возвратился в свою спальню. Тут до него донёсся шум из гостиной первого этажа, и Сэм понял, что преступник всё ещё находится в доме. Сэм сбежал по лестнице вниз и увидел, что незнакомец, видимо, услыхавший шум его шагов, выскочил через чёрный выход. Шэппард бросился за ним; с высоты крыльца он увидел, что неизвестный сбегает вниз, к озеру Эри, по длинной деревянной лестнице с перилами, устроенной на участке позади дома. Сэмюэль побежал следом. Преступник, достигнув конца лестницы, остановился возле воды и подождал своего преследователя, после чего напал на него. Сэм снова потерял сознание, а когда пришёл в себя — понял, что находится в воде, в полосе прибоя; голова и плечи его находились на песке, а торс и ноги — в воде. Шэппард сумел подняться и направился к дому, откуда позвонил Спенсеру Хоуку. На вопрос о том, заметил ли он исчезновение из дома каких-либо вещей, Сэмюэль ответил

отрицательно, упомянув лишь о том, что из его портмоне пропали наличные деньги; точную сумму он припомнить не смог, сказав, что она была в пределах от 30 до 50 $. Вместе с тем 60 $, спрятанные под кожаную обложку портмоне, преступник не заметил, и они остались на своём месте. Кроме того, по словам Сэмюэля, из его медицинского саквояжа исчезли ампулы с морфием и демеролом (другое название — петидин), довольно сильным обезболивающим средством, применяемом остеопатами при вправлении вывихов суставов и совмещении осколков сломанных костей.

Гербер и Итон поинтересовались состоянием Сэма Шэппарда. Оказалось, что у него расколот первый позвонок (с незначительным смещением осколка), имеется гематома в височной области, разорван рот. Лишь чудом тяжёлая травма позвоночника не привела Сэма Шэппарда к параличу.

Начальник полиции изъял одежду пострадавшего, после чего Итон и Гербер убыли.

Брюки Сэма Шэппарда с небольшим замытым пятном крови (обозначено цифрой «1»). Именно будучи в этих брюках, он, по его словам, боролся с неизвестным убийцей. Футболку Шэппарда найти не удалось; по мнению полицейских, крови на футболке должно было быть намного больше.

В то самое время, пока они находились в больнице, детективы Шоттк и Гаро опрашивали соседей. Параллельно с этим осуществлялось прочёсывание участка, на котором находился дом Шэппардов. Для этого полицейские собрали группу местных школьников. Один из них — по странной игре случая им оказался Ларри Хоук, сын Спенсера и Этель — отыскал в кустах, неподалёку от чёрного хода, тряпичный зелёный мешочек, внутри которого оказались следующие предметы:

— золотые часы Сэма Шэппарда с каплей засохшей крови,

остановившиеся в 5:00;

— золотое кольцо студенческого союза Ганноверского колледжа, также принадлежавшее Сэмюэлю Шэппарду;

— ключи от дома.

Часы Сэма Шэппарда с небольшой каплей крови, найденные в зелёном мешочке в кустах позади дома. Детективы справедливо предположили, что преступник, убивший Мэрилин Шэппард и успешно отбившийся от её мужа, не имел никаких оснований выбрасывать эти часы.

В целом же осмотр вещественных улик, дома, прилегающей к нему территории и опрос соседей позволили полицейским вычленить следующие детали, существенные для понимания произошедшего здесь в ночь с 3 на 4 июля 1954 г.:

— двери и окна дома не имели следов взлома; на момент прибытия полиции парадный и чёрный входы оказались открыты;

— часы Мэрилин Шэппард, найденные на первом этаже между столом и стенкой, остановились в 3:15;

— Мэрилин Шэппард имела обыкновение обходить вечером дом и проверять закрытие дверей и окон; супруги Ахерн, покидавшие дом Шэппардов после полуночи, утверждали, что Мэрилин закрыла за ними парадную дверь на замок;

— предметы обстановки, окружающие кровать Мэрилин Шэппард, оказались забрызганы кровью. Пятна крови были найдены на северной и южной стенах спальни, прикроватной тумбочке, радиаторе отопления, входной двери и на прочих предметах. Правда, в результате некомпетентных действий полиции в протокол осмотра места преступления попало упоминание лишь о том, что кровью была забрызгана входная дверь;

— в кровати погибшей оказались найдены осколки двух передних резцов, вырванных из её рта;

— при тщательном осмотре дома детектив Грабовский обнаружил пятно крови в гостиной на первом этаже, у лестницы. Окровавленный фрагмент паркета был извлечён и приобщён к делу в качестве улики;

— на момент прибытия полиции свет в спальне был погашен. Супруги Хоук утверждали, что не касались выключателя, то же утверждал и Сэм Шэппард-старший;

— из спальни, явившейся местом преступления, исчезла лампа-ночник, стоявшая на тумбочке возле кровати Мэрилин;

— ночь с 3 на 4 июля была лунной и безветренной, ширина линии прибоя на озере Эри не превышала 1,2 м;

— следов борьбы на пляжном песке обнаружить не удалось;

— патрульный Дренкхан, прибывший на место преступления первым из полицейских, видел на трёх самых верхних ступенях лестницы, спускавшейся к озеру, влажные пятна, которые могли быть оставлены ногами. Подобное же пятно он видел на втором этаже дома возле лестницы;

— в доме имелась собака, однако никто из соседей не слышал её лая ночью. Сэм Шэппард признавал, что не может вспомнить, лаяла ли собака;

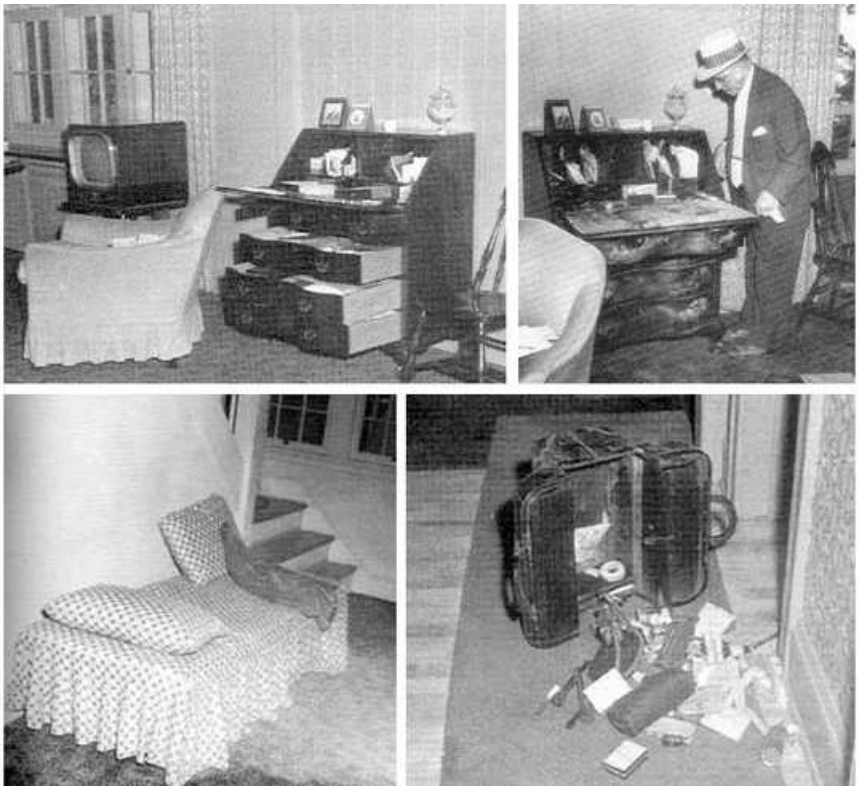
— Сэм Шэппард-младший, находившийся ближе всех к месту трагедии, не был разбужен и спокойно проспал до 06:30, когда его поднял с кровати дядя Ричард;

— к моменту прибытия полицейских (то есть в начале седьмого часа утра) Сэм Шэппард имел сухие волосы; его штаны также казались сухими; на левой штанине при тщательном осмотре был замечен размытый кровавый след;

— супруги Ахерн утверждали, что в момент расставания после полуночи Сэм-старший был одет в белую футболку; между тем, утром 4 июля все видели его с голым торсом. Сэм не мог объяснить, когда и для чего снял футболку, и где она находилась теперь;

— зелёный мешочек с вещами, найденный возле дома Шэппардов, был взят из медицинского саквояжа Сэма (там были обнаружены точно такие же мешки);

— некоторые из жителей Бэй-виллидж утверждали, будто Сэм Шэппард-старший имел роман с лаборанткой больницы "Бэйвью" Сьюзен Хейс.

Слева вверху: письменный стол-бюро с выдвинутыми ящиками, находившийся в гостиной комнате 1-го этажа; между ним и стеной была найдена жестяная коробочка с окровавленными часами Мэрилин Шэппард, остановившимися в 3:15. Вверху справа: коронер Сэм Гербер осматривает письменный стол; коронер чрезвычайно любил фотографироваться в местах совершения преступлений, демонстрируя свою компетентность и деловитость. Внизу слева: тахта перед телевизором в гостиной 1-го этажа, на которой уснул Сэм Шэппард. Внизу справа: докторский саквояж Сэма Шэппарда с вывалившимися из него инструментами и лекарствами; согласно утверждению доктора, из саквояжа пропали ампулы морфия и демерола (8 штук).

Уже на этом — самом первом этапе дознания — полицейские допустили ряд серьёзных просчётов. Вещи, найденные возле дома, побывали в руках большого количества людей, что сделало бессмысленным их дактилоскопирование. В описании места преступления были допущены существенные пробелы, важные для понимания произошедшего. Протокол осмотра места преступления не отметил положения штор на окнах спальни (были ли они открыты или задёрнуты); этот документ ничего не

сообщал о росших за домом деревьях (закрывали ли их ветви окна второго этажа), какова была ориентация дома относительно сторон света. Эти обстоятельства были важны для последующей проверки правдоподобности рассказа Сэма Шэппарда.

В полицейском протоколе были допущены и иные погрешности и откровенные ляпы, на которых придётся остановиться в дальнейшем. Кроме того, полиция забыла опечатать дом, явившийся местом преступления, и он некоторое время простоял открытым и доступным для осмотра всеми желающими. Впоследствии этот факт полицейские постарались скрыть, ибо он слишком красноречиво характеризовал воцарившуюся 4 июля в Бэй-виллидж неразбериху и некомпетентность местных стражей порядка.

Тем не менее, удовлетворившись полученными сведениями, коронер Гербер и детектив Шоттк примерно в 11:30 снова отправились в больницу к пострадавшему. Сэм Шэппард, несмотря на действие седативных лекарств, не спал. Он согласился ещё раз пообщаться с судьёй и полицейским, разумеется, без записи в протокол. Разговор продолжался около получаса. Сэм Шэппард повторил свой прежний рассказ о событиях минувшей ночи и категорически отверг существование интимных отношений со Сьюзен Хейс. Он не смог объяснить, куда исчезла его футболка, почему его ручные часы оказались за домом и каким образом преступник смог проникнуть в дом без взлома окон и дверей. Выходя из палаты Шэппарда около полудня, детектив Шоттк бросил ему в лицо: "Это вы убили свою жену, и мы намерены это доказать!"

Вечером 4 июля 1954 г. Сэма Шэппарда обследовал врач Чарльз Элкинс, назначенный полицией. Он констатировал наличие у пострадавшего сотрясения спинного мозга, перелом и частичное смещение первого позвонка, наличие обширной гематомы на правой стороне лица, разрыв правого уголка рта, сколы четырёх зубов.

По просьбе Стива Шэппарда, брата пострадавшего, в тот же день Сэма обследовал и невропатолог Хекстер, который дополнил список Элкинса указанием на исчезновение рефлексов в бёдрах и брюшной области Сэма. Данный симптом, не поддающийся симуляции, указывал на серьёзность полученной травмы позвоночника.

Сэм Шеппард в больнице.

Зверское убийство в доме Шэппардов потрясло Бэй-виллидж и весь Кливленд. Уже 4 и 5 июля практически все газеты штата Огайо сообщили о кровавой драме. В дальнейшем интерес к произошедшему только нарастал.

Уже в первые дни после убийства Мэрилин Шэппард детективам удалось отыскать важных свидетелей. Некая Дорис Бендер, жившая через дорогу от дома Шэппардов, на протяжении долгого времени видела свет в доме, явившемся местом преступления. Между тем, согласно рассказу Сэма Шэппарда, свет в доме не зажигался.

Буквально в ста метрах от лестницы, по которой якобы сбегали к озеру преступник и Сэм Шэппард, находился лодочный пирс. Там в ночь с 3 на 4 июля распивали пиво трое мужчин. Они разошлись только под утро, но за те несколько часов, что провели на пирсе, никто из них не заметил и не услышал ничего подозрительного.

Эта информация только усиливала недоверие полицейских рассказу Сэма Шэппарда, но до тех пор, пока он не дал официальных показаний, детективам приходилось держать свои подозрения при себе.

Между тем, 6 июля 1954 г. Сэм Шэппард-старший по настоятельной просьбе родственников пригласил к себе в больницу опытного адвоката Уильяма Корригана и предложил тому представлять его интересы на время полицейского расследования.

Судебно-медицинское исследование трупа Мэрилин Шэппард осуществил доктор Лестер Аделсон, ассистировал ему Томас Дозьер. Надо сказать, что представленный следствию (и впоследствии суду) документ оказался довольно странен. В дальнейшем мы увидим, что некомпетентность работы судебного

медика весьма и весьма способствовала запутыванию дела. Невольно приходят на ум слова известного французского судебного врача Лакассаня, любившего повторять, что "огрехи некомпетентного анатомирования не поддаются исправлению". Аделсон не сделал многого из того, что должен был сделать, и самое главное — не исследовал должным образом вопрос о возможном изнасиловании жертвы и не описал состояние плода.

Судебный врач констатировал смерть, последовавшую в результате неоднократного травмирования лобных и височных костей черепа с их раздроблением на мелкие фрагменты и разделением лобного шва. Смерть наступила от двустороннего субдурального кровоизлияния и очаговых субарахноидальных кровоизлияний в обоих полушариях мозга. По мнению анатома, орудием убийства явился тупой предмет. Время наступления смерти определялось интервалом от 3 до 4 часов ночи 4 июля 1954 г. Следов вагинального или анального изнасилования обнаружено не было. В заключении отмечалось, что убийца нанёс жертве не менее 35 ран, то есть подсчёт врача удивительным образом совпал с оценкой коронера Гербера, осматривавшего труп всего-то пару минут! (Здесь необходимо отметить, что точное количество ударов, нанесённых жертве, точно установить не удалось. Отставной "профилёр" ФБР Грег МакКрэри, ознакомившийся в 1999 г. с подлинными материалами расследования "дела Шэппарда", со ссылкой на заключение судебного медика написал о 35 ударах по голове. Между тем, на судебном процессе 1954 г. обвинитель со ссылкой на тот же самый документ говорил о 27 ударах. Автору настоящего очерка не удалось отыскать текст протокола судебно-медицинского исследования трупа, поэтому полной ясности в этом вопросе нет. Для нас важно то, что количество полученных Мэрилин Шэппард ударов действительно было велико.) Практически все причинённые жертве ранения признавались безусловно смертельными, способными повлечь гибель в интервале от нескольких минут до получаса с момента нанесения.

7 июля 1954 г. состоялись похороны Мэрилин Шэппард, на которых присутствовал Сэм, отпущенный из больницы. Он передвигался в инвалидной коляске, его постоянно сопровождал медбрат из больницы. Сэм-младший на похоронах матери не присутствовал.

Только ленивый журналист не сфотографировал Сэма Шэппарда-старшего, плакавшего на кладбище Knollwood в пригороде Кливленда. Пресса готовилась пожать плоды неизбежного скандала, поскольку из источников, близких к коронеру и полиции, уже было известно о возникших в адрес

потерпевшего подозрениях. Пищи для сплетен в тот же день подбросил помощник прокурора округа Кайохога Джон Михан, назвавший поведение Сэма Шэппарда "скандальным". Его негодование вызвал тот факт, что человек, которого полиции не разрешают допрашивать, свободно покидает больницу и перемещается по городу (под "свободным перемещением по городу" помощник шерифа подразумевал посещение церкви и кладбища).

На следующий день — 8 июля 1954 г. — Сэм Шэппард-старший попросил полицию допустить его в дом для того, чтобы забрать некоторые личные вещи, необходимые в обиходе: обувь, одежду и тому подобное. В сопровождении наряда полиции он посетил собственный дом, бывший ещё несколько дней тому назад родным и уютным; теперь же Сэмюэль оказался вынужден перемещаться в здании под контролем полицейских и выбирать вещи под запись в протоколе.

На лужайке перед домом Шэппарда и его эскорт встретила толпа журналистов, зевак и моментально сбежавшихся соседей. Сэмюэль был поражён видом десятков людей, беззастенчиво фотографировавших и глазевших на него. Он потребовал от полиции убрать всех этих людей с принадлежащего ему участка земли; как нетрудно догадаться, полиция этого делать не стала.

Вечером 8 июля Сэм Шеппард в сопровождении детективов посетил свой дом, всё ещё охранявшийся полицией как место совершения преступления, для того, чтобы забрать личные вещи.

Сэм Шэппард разумно решил не обострять конфликт с журналистами и пригласил в дом корреспондента кливлендской

газеты "News", которому дал первое с момента убийства жены интервью. Во время беседы с репортёром, не сдержав эмоций, Сэмюэль расплакался. Он пообещал заплатить 10 тыс.$ за информацию, способную изобличить убийцу жены. Сэмюэль особо подчеркнул, что не уклоняется от разговора с полицией и если этот разговор до сих пор не состоялся, то лишь потому, что он не был готов к нему физически.

Понятно было, что после разговора с репортёром отказываться от полицейского допроса уже не следовало. В тот же день — 8 июля — Шэппард впервые был допрошен официально, что называется, «под протокол». Допрос имел место в больнице, куда он вернулся после посещения дома, и продлился три часа.

Допрос касался только событий ночи с 3 на 4 июля. Шэппард повторил свой рассказ о том, как уснул на кушетке в гостиной и был разбужен вскриком жены. Поднявшись наверх, он увидел человека в белой рубашке, находившегося в ногах кровати; Мэрилин была ещё жива и издавала «булькающие звуки». Шэппард не помнил удара, оглушившего его; он пришёл в себя в положении сидя на полу у кровати жены (в спальне находились две кровати, разделённые тумбочкой). Ему в глаза попадал лунный свет, отражавшийся в металлическом значке, укреплённом на портмоне; до этого портмоне находилось в кармане его брюк, теперь же — лежало на кровати. Он проверил пульс жены, понял, что она мертва, и отправился в спальню сына. Убедившись, что с ним всё в порядке, он отправился вниз, поскольку услышал шум, доносившийся с первого этажа. На фоне двери чёрного хода он увидел тёмную фигуру, бросившуюся наутёк по лестнице, спускавшейся к озеру. Шэппард последовал за неизвестным; тот остановился возле воды, дожидаясь, пока преследователь спустится. Едва Шэппард сошёл с лестницы на песок, неизвестный напал, и он — Шэппард — снова потерял сознание. Придя в себя в воде, он поднялся в дом и накрыл тело жены одеялом — его смущал тот факт, что её нагое тело увидят посторонние. Шэппард позвонил мэру Хоуку потому, что не мог вспомнить никакого другого телефона — все номера просто выскочили из головы. Вообще все — отца, братьев, соседей…

Шэппарду официально сообщили, что он рассматривается в качестве главного подозреваемого в убийстве собственной жены. Он не смог ответить, почему его золотые часы оказались найдены за домом, и куда и как исчезла его футболка. По описанию Сэма Шэппарда художником был нарисован портрет мужчины якобы убившего его жену и напавшего на него самого.

Согласно сообщённым Шэппардом приметам, это был белый широкоплечий мужчина ростом 185–187 см в возрасте около 25

лет, имевший чёрные, торчавшие "ёжиком" волосы. Незнакомец был одет в белую рубашку и чёрные брюки.

Рисунок неизвестного мужчины, напавшего на Мэрилин и Сэма Шэппарда, подготовленный полицейским художником по описанию потерпевшего.

В ходе допроса 8 июля Сэму Шэппарду было сделано предложение пройти проверку на "детекторе лжи". Он от такой проверки отказался, заявив, что "знает, как это работает, и знает, что окажется виновен из-за своей сопричастности трагедии". (Перевод умышленно сделан немного некорректным, дабы фраза выглядела более литературно; дословно в протоколе записано: "because of his knowledge of it, and how it operated, that he would have a reaction because of his nearness to the tragedy").

Несомненно, отказ от проверки на полиграфе согласовывался Шэппардом с адвокатом; к оценке обоснованности некоторых советов Уильяма Корригана в дальнейшем нам ещё придётся вернуться.

До 10 июля 1954 г. Сэм Шэппард-старший оставался в больнице, но в этот день он был отпущен для продолжения лечения дома. Сэм направился в дом отца, где его уже поджидала толпа репортёров, как газетных, так и телевизионных. В те годы ещё не существовало записи телесигнала на магнитную ленту, поэтому телевизионные трансляции осуществлялись в прямом эфире. При появлении Сэма Шэппарда телепрограммы были прерваны для прямого включения камер, установленных перед домом его отца. Они-то и показали миллионам телезрителей некрасивую сцену, во время которой Ричард Шэппард, вышедший навстречу сыну, закричал на журналистов, чтобы те убирались. Делать этого, разумеется, не следовало ни в коем случае — в той обстановке Шэппардам следовало бороться за симпатию общественности, а таковая напрямую была связана с тем, как

журналисты станут подавать информацию! Представители телевидения и прессы, разумеется, никуда от дома не ушли, и Ричард потребовал от присутствовавших полицейских удалить их. Толпа немного потеснилась с газона, но этим дело и ограничилось. Публика, жаждавшая скандала, получила его: семья Шэппардов предстала в роли эдаких агрессивных, неадекватных самодуров, бросающихся безо всякого повода на нормальных людей.

В тот же день Сэмюэль Шэппард-старший был вторично официально допрошен кливлендскими детективами в присутствии начальника полиции Бэй-виллидж и коронера Гербера. На этот раз допрос оказался куда продолжительнее, чем двумя днями ранее, и намного более обстоятельным. Журналисты утверждали, что Шэппарда допрашивали без перерыва 9 часов, но на самом деле это не так: допрос начался в 11:40 и закончился в 16:15.

Содержание этого допроса в контексте последующих событий очень интересно, поэтому имеет смысл остановиться на нём подробнее.

Сэм Шэппард во время дачи показаний после выписки из больницы: шея в корсете (бандаже), тёмные очки скрывают синяки на лице и кровоизлияния в склеры глаз.

Во время допроса Сэмюэль признал, что примерно до 1949 г. Мэрилин очень ревновала его к другим женщинам (они бракосочетались в феврале 1945 г.), но в последующем их отношения полностью выправились и стали совершенно гармоничными. Согласно его утверждению, оснований для ревности Мэрилин не имела, поскольку он не искал интимных

связей на стороне. Шэппард отверг предположение, будто при выяснении отношений с женою впадал в гнев. Он утверждал, что не имел интимных отношений со Сьюзен Хейс, лаборанткой из больницы «Бэйвью» («Bayview»), и более того, заявил, что Мэрилин была полностью в курсе всех его рабочих дел.

Вместе с тем Сэмюэль признал, что в марте 1954 г. во время симпозиума остеопатов в Калифорнии он купил Сьюзен Хейс золотые часы. Из его объяснения следовало, что это был не подарок, а лишь компенсация за потерянные ею во время официального обеда часики. По словам допрашиваемого, его жена ничего об этих часах не знала. Во время допроса Шэппарду были заданы вопросы, связанные с его отношениями с другой женщиной — с женою хозяина автосалона, в котором Сэмюэль приобрёл свой спортивный «ягуар» — некоей Джулией Лоссман. Сэмуэль признал товарищеские отношения с семьёй Лоссманов, рассказал о том, что лечил Джулию полтора года назад, но категорически отверг все подозрения на интимную связь с нею. Однако Сэму Шэппарду пришлось признать, что между их семьями (то есть Лоссманов и Шэппардов) летом 1953 г. произошло выяснение отношений, после чего дружба оказалась разрушена и товарищеских встреч они более не устраивали. Детективов интересовало, пытался ли Сэмюэль восстановить отношения с миссис Лоссман после этого разговора: Сэм заявил, что не делал этого, напротив, женщина сама разыскала его и привела к нему на лечение дочь.

Полиция, допросившая к тому моменту уже почти 200 жителей Бэй-виллидж, знала достаточно много местных сплетен, поэтому Шэппарду был прямо задан вопрос: правда ли, что он несколько раз совокуплялся с миссис Лоссман (допрашивавший детектив выразился вульгарнее, употребив разговорное словцо «dating», соответствовавшее нашему «трахаться»)? Допрашиваемый категорически отверг подобные подозрения и добавил, что жена знала об этом слухе. Сэм Шэппард отказался признать свою причастность к гибели жены — непосредственную или косвенную — высказав предположение, что расправа над Мэрилин могла быть местью отвергнутого ею любовника. Он утверждал, что ему известны по меньшей мере 3 таких человека; их имена и фамилии он сообщил ещё до этого допроса, поэтому в протоколе они не фигурировали.

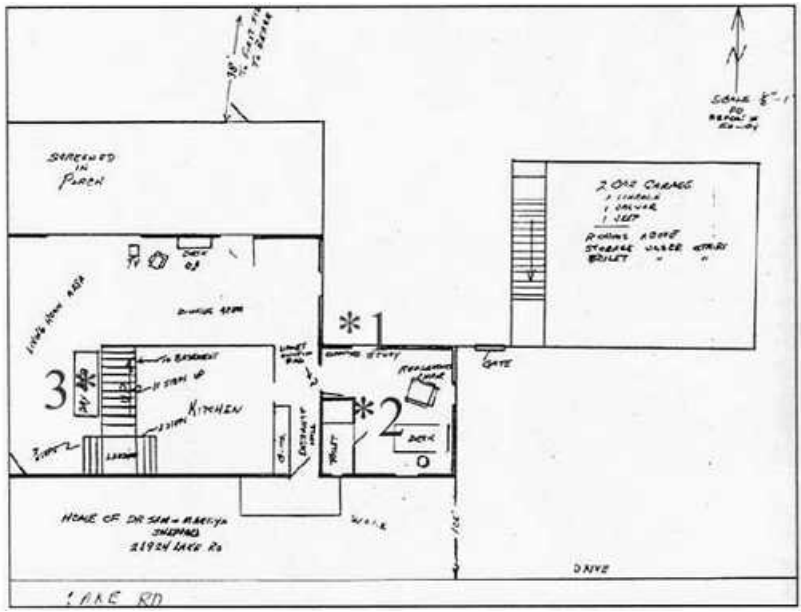
Между тем, полиция уже располагала сведениями, позволявшими довольно скептически отнестись к некоторым деталям, сообщённым Шэппардом во время допроса. Нэнси Ахерн, подруга убитой Мэрилин, сообщила, что та вечером 3 июля 1954 (то есть за несколько часов до смерти) рассказала ей,

будто подумывает о разводе с Сэмом. Мэрилин, согласно утверждению Нэнси, прекрасно знала о связи мужа со Сьюзи Хейс и о золотых часиках, подаренных мужем последней.

Одного этого сообщения оказалось достаточно, чтобы детективы кливлендского "убойного отдела" поставили перед начальником полиции Бэй-виллидж вопрос о взятии Сэмюэля Шэппарда под стражу. Но Итон отказался это делать, рассчитывая потратить ещё некоторое время на розыск описанного Шэппардом-старшим убийцы. В течение последующей недели полиция безуспешно пыталась отыскать брюнета с короткими торчащими волосами, отвечающего приметам, сообщённым Сэмом Шэппардом, но успеха в этом деле не достигла. Удалось лишь найти двух свидетелей, которые утверждали, что после 22:00 3 июля видели высокого черноволосого мужчину в белой рубашке, наблюдавшего за домом Шэппардов.

Через две недели с момента гибели Мэрилин Шэппард кливлендские детективы сделали ещё одно удивительное открытие. Они выяснили, что дом, явившийся местом преступления, имел не два входа, а три! Помимо парадного входа со стороны Лэйк-роад и чёрного со стороны озера Эри, имелся ещё и люк, который вёл в подвал под домом. Может показаться невероятным, но никто из полицейских и сам коронер Гербер, осматривавшие здание 4 июля, его не увидели! Нет этого входа и на схеме здания, составленной полицией и приобщённой к следственным материалам! Что и говорить — этот ляп замечательно характеризует уровень профессионализма детективов, взявшихся за распутывание этого весьма неординарного дела.

Подвал под домом имел один выход на улицу, в сторону озера, а другой — внутрь дома, в большую гостевую комнату, отделённую коридором от гостиной первого этажа, в которой уснул Сэм Шэппард. Сделанный в полу люк был закрыт ковром, который полицейские при осмотре дома не догадались поднять. В подвал спуститься никто из них тоже не догадался, потому о существовании прохода через него они не знали до тех самых пор, пока об этом им не рассказал Стив Шэппард. 18 июля 1954 г. детективы "убойного отдела" прибыли для осмотра дверей подвала. Их ждало неприятное открытие — на деревянной коробке и самом люке были хорошо видны свежие следы, могущие принадлежать инструменту вроде долота или широкого ножа. Конструкция двери из подвала в комнату допускала её открытие снизу. Полицейские запротоколировали увиденное, но фотографии обнаруженных царапин делать не стали и о составленном документе благополучно позабыли на многие годы.

План дома Шэппардов, подготовленный полицией и фигурировавший на суде 1954 г. План составлен с учётом ориентации постройки относительно сторон света. Южнее дома, в самом низу — Лэйк-роад, наверху — озеро Эри, до него примерно 20 метров. Большая L-образная постройка в левой части рисунка — 2-этажный жилой дом, прямоугольная постройка справа — 2-этажный гараж. Знак «*» и цифры «1», «2», «3» нанесены автором очерка. Цифра «1» показывает вход в подвал с улицы; «2» — люк из подвала в полу гостевой комнаты; «3» — тахту, на которой уснул Сэм Шэппард. Окна спален на втором этаже, в которых находились Мэрилин Шэппард и Сэм-младший, выходили в сторону озера, то есть на север. Из этой схемы можно видеть, что человек, открывающий дверь в подвал, не мог быть замечен из окон дома, а также со стороны Лэйк-роад. Злоумышленник мог подняться на второй этаж, пройдя через кухню; в этом случае он вполне мог не заметить спавшего на тахте в гостиной Сэма. Такой маршрут хорошо объясняет то обстоятельство, почему убийца не напал сначала на мужа: он его просто не увидел в тёмном доме. Появление в «деле Шэппарда» прохода через подвал до такой степени не понравилось следователям, что они сделали всё возможное, чтобы скрыть это открытие. Поэтому даже спустя три месяца с момента осмотра подвала во время подготовки обвинительного заключения работники прокуратуры не стали уточнять план дома, представив суду фактически фальсифицированный документ.

Между тем, время поджимало и результаты предварительного расследования требовалось как можно скорее рассмотреть коронерскому жюри. По американской практике такие заседания, призванные зафиксировать объективность совершения преступления, его состав, подсудность и порядок ведения дальнейшего расследования, обычно проводятся в течение первых 24 часов с момента открытия факта правонарушения или преступления; иногда, в особо запутанных случаях, допускается задержка, но она обычно не превышает одного-двух дней. В данном же случае минули уже две недели, а глава полиции Бэй-виллидж всё ещё не желал представлять коронеру результаты дознания.

Чтобы подстегнуть Итона, коронер Гербер заявил, что если к концу третьей недели с момента гибели Мэрилин Шэппард (то есть к 24 июля 1954 г.) полиция Бэй-виллидж не отчитается о проделанной работе, то он откажет в возбуждении уголовного дела. Ситуация, конечно же, складывалась скандальной: налицо было зверское убийство молодой женщины, а коронер грозил отказать в возбуждении дела! Пресса и телевидение штата Огайо с большим вниманием следили за происходившим в Кливленде, и правоохранительные органы своими действиями давали им массу информации для комментариев. Практически в каждом июльском и августовском номере местных газет можно было видеть большие статьи, посвящённые «делу Шэппарда». Тон комментариев в отношении Сэма Шэппарда всё время оставался сдержанно-недружественным: репортёры склонялись к мнению, что влиятельная семья Шэппардов парализовала деятельность местной полиции.

Следствие у коронера началось 22 июля 1954 г. Материалы дознания представляли прокурор округа Кайохога Каллиган и его помощник Мэхон; Сэм Шэппард присутствовал на заседаниях коронерского жюри в сопровождении адвоката Корригана (напомним, что Шэппард формально не являлся обвиняемым, а выступал одновременно и свидетелем, и потерпевшим). В отношении Сэмюэля-старшего следствие коронерского жюри с самого своего стало приобретать резко обвинительный уклон.

Сэм Шеппард плечом к плечу с адвокатом проходит в здание суда для участия в работе коронерского жюри (кадр записи, сделанной любительской кинокамерой 22 июля 1954 года).

В этом отношении сам по себе показателен порядок заслушивания свидетелей. Надо сказать, что обычно коронер начинает с заслушивания полицейских, прибывших по вызову, а затем знакомится с протоколом осмотра места преступления, после чего переходит к допросу свидетеля, первым обнаружившим факт преступления. Только после этого судья приглашает для дачи показаний тех свидетелей, кто способен прояснить существенные для понимания дела аспекты произошедшего. Другими словами, судья идёт по следующей логической цепочке: что именно произошло? когда и где? имеются ли непосредственные свидетели случившегося?

То есть Гербер должен был начать с заслушивания полицейского Дренкхана и после этого пригласить для допроса Сэмюэля Шэппарда.

На деле всё вышло совсем не так. Следствие почему-то началось с допросов супругов Ахерн и Хоук. Нэнси Ахерн, разумеется, сразу рассказала о том, что погибшая Мэрилин Шэппард была в курсе того, что муж ей изменяет и даже купил золотые часики любовнице. Это, конечно, был прямо-таки кафкианский нонсенс, ведь, формально рассуждая, ещё никто не рассказал коронеру о том, кто именно является жертвой и каковы обстоятельства её — жертвы — смерти! Супруги Хоук в один голос заявили, что были крайне удивлены телефонным звонком Сэма Шэппарда, сообщившего об убийстве: мол-де, они никогда не были особенно дружны, и непонятно, для чего Сэмюэль им

позвонил. Примечательно, что помощник прокурора Мэхон с упоением зацепился за эту мысль и несколько раз возвращался к ней, дескать, для чего же понадобился этот странный звонок на восходе солнца?

Все эти рассуждения свидетелей, занявшие более часа, имели место ещё до того, как члены жюри формально были поставлены в известность о сути произошедшего в доме Шэппардов… Это было, конечно же, грубейшим нарушением принятых традиций и правил проведения подобных заседаний.

Гербер, впрочем, этих и им подобных ляпов не заметил, потому, думается, что имел в голове определённую схему действий и неуклонно ей следовал. Пятым свидетелем оказался полицейский Дренкхан, который по смыслу коронерского следствия должен был быть как раз таки первым. Именно Фред Дренкхан и рассказал, наконец, об обстановке в спальне Мэрилин Шэппард. Гербер разделался с полицейским очень быстро, допросив его в высшей степени формально. Оно и понятно: коронер сам побывал в доме Шэппардов и обо всём имел собственные суждения; между тем педантичный и внимательный допрос полицейского, подготовившего протокол осмотра места преступления и сделавшего фотоснимки спальни Шэппардов, оказался бы способен вскрыть массу любопытнейших деталей, выставляющих работу полиции в весьма неприглядном свете. Об этом у нас ещё будет обстоятельный разговор впереди; сейчас же важно отметить, что **уже во время следствия у коронера можно было зафиксировать полицейские недочёты и избежать в будущем больших ошибок**. Этого, однако, не случилось.

Наконец, после Фреда Дренкхана свидетельское место занял Сэм Шэппард-старший. Он заявил, что любил свою жену и никогда вопрос о разводе между ними «всерьёз не обсуждался». Сэмюэль категорически отверг все подозрения на возможную интимную связь со Сьюзен Хейс, хотя и признал, что встречался с нею во время симпозиума остеопатов в Лос-Анджелесе в марте 1954 г. Коронер осведомился у свидетеля, не спал ли он тогда в одной кровати со Сьюзен Хейс на протяжении четырёх ночей (у полиции имелись сведения, что именно так оно и было), на что Сэм Шэппард твёрдо ответил: «Нет!»

Этим допросом закончился первый день следствия у коронера. Произошедшее в дальнейшем в точности неизвестно, но с уверенностью можно предположить, что Шэппард и его адвокат Корриган узнали о том, какими будут показания Сьюзен Хейс на следующий день — разоблачительными! Сьюзен имела намерение полностью раскрыть в суде историю своих интимных отношений с Сэмом, которую тот наивно и неуклюже попытался

скрыть. И поэтому, стремясь упредить крайне негативное для своего подзащитного развитие событий, Уильям Корриган на утреннем заседании 23 июля 1954 г. попытался внести в стенограмму вчерашнего заседания изменения. Формально они касались объяснений Сэма Шэппарда, связанных с его поездкой в Лос-Анджелес; адвокат попытался доказать, будто свидетель не понял двусмысленность задаваемых вопросов и ответил в "узком их понимании".

Разъярённый коронер запретил править стенограмму и выгнал Уильяма Корригана из зала заседаний. Допущенные на заседание жюри свистели и аплодировали этому решению, кто-то кричал в спину адвокату: «Преступник!» Что и говорить, зрелище, конечно, получилось необычным!

Так Сэм Шэппард остался без адвоката.

Весь день 23 июля 1954 г. коронер Гербер посвятил допросам судебного медика и детективов, проводивших осмотр места преступления и территории вокруг дома. Думается, он специально тянул время, издеваясь над Шэппардом.

Сьюзен Хейс заняла свидетельское место лишь на следующий день — 24 июля.

Сьюзен Хейс. Стремясь скрыть интимные отношения с этой женщиной, Сэм Шэппард решился на ложь под присягой. Последствия этого шага оказались для него самыми что ни на есть печальными.

Она легко признала наличие сексуальных отношений с Сэмом Шэппардом, которые, согласно её уверению, тянулись с декабря 1952 г. (то есть более полутора лет). По словам Сьюзен, Сэм твердил, что намерен жениться на ней и для этого обязательно разведётся с женою. В марте 1954 г. в компании с Сэмюэлем она

побывала на симпозиуме остеопатов в Лос-Анджелесе; они жили в доме доктора Миллера, друга Сэма, в Голливуде. Обстановка вокруг была в высшей степени романтичной, четыре дня они провели как муж и жена, вместе разъезжая по магазинам, посещая рестораны и отправляясь спать в общую спальню…

Сэм Шэппард был раздавлен.

Утром 25 июля 1954 г. коронер Сэм Гербер вынес вердикт о признании факта умышленного убийства Мэрилин Шэппард. Следствие по этому делу поручалось прокуратуре округа Кайохога.

Шэппард уехал в дом родителей, где находился безвылазно все последующие дни. Сьюзен Хейс в это время пожинала плоды свалившейся на неё национальной известности. Репортёры, дабы взять у неё интервью, стояли в очередь; 15-минутная беседа со вчерашней лаборанткой стоила "от 500 $" — её полугодовое жалование.

Несмотря на кажущийся провал Сэма Шэппарда, реалистично мыслящие юристы и журналисты понимали, что всё произошедшее на следствии у коронера есть вовсе не признак виновности мужа в убийстве жены, а лишь следствие в высшей степени неудачной защиты. В газетных публикациях, пытавшихся объективно анализировать ход расследования, отмечалась опрометчивость выбранной Корриганом линии поведения его подзащитного. Сэм Шэппард отказался от проверки на полиграфе; между тем эта проверка ему решительно ничем не грозила. По законам штата Огайо результаты допроса с использованием "детектора лжи" не могут служить доказательством в суде, на них нельзя официально ссылаться и, вообще, упоминать о самом факте применения подобной процедуры. Даже если бы полиграф "полностью разоблачил" Сэмюэля, на следствии у коронера прокуратура не смогла бы обмолвиться об этом ни единым словом.

Далее: Шэппард мог воспользоваться своим конституционным правом отказа от дачи показаний; в этом случае его не смогла бы разоблачить Сьюзен Хейс. Расчёт на то, что она будет молчать под присягой, был, конечно же, крайне наивен. Видимо, Сьюзен когда-то клялась любовнику в том, что всегда покроет тайну женатого мужчины; Сэмюэль показал себя слишком простодушным человеком, если всерьёз отнёсся к такого рода обещанию. Адвокат должен был запретить давать ему показания, между тем Корриган поступил прямо наоборот: он посоветовал отказаться от проверки на "полиграфе", но при этом разрешил давать показания под присягой.

Шэппард соврал и сделал это на глазах десятков людей, а

репортёры растиражировали рассказ об этом на всю страну. Репутация вдовца, которого ещё недавно все жалели, оказалась уничтожена на корню. Всем было ясно, что арест Сэма Шэппарда — это дело ближайших дней.

Между тем прокуратура не спешила заключать Сэмуэля под стражу. Ему, видимо, умышленно дали "повариться в собственном соку" несколько дней. Ожидание ареста очень психологически давит на человека, и приём этот довольно часто используется правоохранительными органами.

Полиция явилась в дом Ричарда Шэппарда с ордером на арест Сэма поздним вечером 30 июля 1954 г. Время было выбрано с иезуитским коварством — дело в том, что в США запрещены ночные допросы, и было ясно, что после привода в тюрьму Сэм просто-напросто ляжет спать в камере. Казалось бы, зачем арестовывать его сейчас, арестуйте завтра утром! Но нет, расчёт следователей строился на том, что бессонная ночь в тюремной камере (а у всех, кто впервые попадает в тюрьму, первая ночь бессонная) лишит арестованного сил, и на следующее утро он окажется готов к "сотрудничеству со следствием".

В 22:30 30 июля полицейский конвой вывел Сэма Шэппарда из дома родителей. И перед домом, и по прибытии в тюрьму их фотографировали журналисты — они оказались кем-то заботливо предупреждены об ожидавшемся "неожиданном" аресте. О нём ничего не знали лишь сам Шэппард, его родные и адвокат.

Сэм Шэппард, доставленный под полицейским конвоем в тюрьму.

На следующий день последовал первый продолжительный допрос — он длился 9 часов. 1 и 2 августа 1954 г. допрос продолжился; на этот раз его суммарная продолжительность составила 13 часов. Эмоциональный накал допросов был чрезвычайно велик, Сэма Шэппарда допрашивали, сменяя друг

друга, четыре пары детективов. Арестованный ни на йоту не отошёл от изложенной прежде версии событий и не признал своей виновности.

Адвокат Корриган, находившийся в отъезде, появился в кливлендской тюрьме в 0:45 1 августа. Он потребовал допуска к подзащитному, в чём ему отказали со ссылкой на правила тюремного распорядка, запрещавшие встречи арестантов с посетителями после 19:00. Однако Корриган в своём требовании опирался на существовавшую правовую норму, позволявшую адвокату проводить встречу со своим подзащитным в первый раз после ареста в любое время. (Смысл этого правила заключался в том, что защитник должен был проинструктировать подзащитного относительно его прав в отношении тюремной администрации и правил поведения после ареста, а также убедиться в его адекватности и состоянии здоровья. Если арестант был травмирован при задержании, адвокат тут же должен был связаться с представителем тюремной администрации и заявить ходатайство об обследовании подзащитного независимым врачом). Несмотря на обоснованность требования адвоката, Корригану во встрече с Сэмом Шэппардом отказали.

Упорное нежелание арестованного признать свою вину вызвало крайнее раздражение следователей. Именно этим раздражением можно объяснить тот фокус, на который они решились 3 августа.

В этот день полицейские задержали Спенсера Хоука, мэра Бэй-виллидж, и доставили его в кливлендскую тюрьму. Прокурор округа начал его допрос, трагическим голосом объявив о том, что Сэм Шэппард "разоблачил вас, мистер Хоук". Прокурор сделал вид, будто у него на руках имеются показания Шэппарда, из которых явствует, будто именно он — Спенсер Хоук — убил Мэрилин Шэппард.

В том, что утверждал прокурор Фрэнк Каллиган, не было ни слова правды — Сэм никогда не говорил ничего подобного. Но Спенсер-то этого не знал! А весь антураж — тюремные стены, конвой, серьёзное лицо прокурора напротив — убеждали его в серьёзности происходившего.

С мэром приключилась истерика. На протяжении четырёх часов он пытался вспомнить хоть что-нибудь порочившее Сэма Шэппарда и обелявшее его самого (надо сказать, ничего интересного для прокурора он так и не вспомнил!). В конце концов, Хоук немного взял себя в руки и потребовал очной ставки с арестантом.

Когда Шэппарда ввели в камеру, Хоук набросился на него с

кулаками и воплями: «Негодяй! Подлец! Лгун!» Мэра едва оттащил конвой и присутствовавшие полицейские. Сэм Шэппард ни сном ни духом не знавший о подготовленной инсценировке, был поражён этим нападением. Разумеется, на очной ставке всё моментально выяснилось, и Спенсера Хоука немедленно выпустили из тюрьмы.

Этот эпизод очень выпукло демонстрирует методы работы американской прокуратуры образца 50-х годов прошлого века и степень уважения её представителями гражданских прав и свобод населения. Честное слово, голословные упрёки, которые раздаются в адрес сталинских правоохранительных органов в том, что они допускали «беззастенчивые манипуляции фактами и незаконные методы ведения следствия», заметно тускнеют на фоне таких вот невыдуманных историй. Самое забавное, что прокуратура округа Кайохога, устроившая с мэром Бэй-виллидж постыдный спектакль, и не подумала приносить извинения; ну подумаешь, нацепили на «народного избранника» наручники, ну продержали его в тюрьме четыре часа, ну оклеветали, попугали немного, потрепали нервы, так что с того? Не застрелили же ведь, правда?! Пальцем даже не тронули, домой привезли на машине…

В августе 1954 г. адвокат Уилльям Корриган попытался привлечь к делу в качестве независимого эксперта-криминалиста Энтони Казлаускаса, долгое время отработавшего судебным медиком. По американским законам защита имеет право приглашать специалистов, не связанных с правоохранительными органами. Цель таковых частных экспертов — независимая оценка представляемых обвинением улик и вещественных доказательств, причём следственные и судебные власти не вправе препятствовать им в допуске к материалам следствия в полном объёме для ознакомления.

Однако и тут прокуратура пошла на явное нарушение буквы и духа закона. Корригану заявили, что его эксперт не будет допущен в дом Шэппардов ни под каким видом. А Казлаускасу конфиденциально сообщили, что если он подключится к "делу Сэма Шэппарда", то на его карьере "независимого эксперта" будет поставлен крест. Тот не стал искушать судьбу и отказался от сотрудничества с Корриганом.

Тогда адвокат обратился в окружной суд с ходатайством об освобождении арестованного под залог. Судья имел право остановить действие ордера на арест и изменить меру пресечения, оставив обвиняемого на свободе до рассмотрения дела в суде. Ходатайство Корригана рассматривалось 16–17 августа 1954 г. В помещении суда поставили 20 кресел для журналистов, поскольку внимание средств массовой информации

к «делу Сэма Шэппарда» не только не уменьшалось, но напротив, день ото дня росло.

In Sheppard Case

MRS. JULEE LOSSMAN (above), 25, of Rocky River, Ohio, a suburb of Cleveland, told police that she had "hugging and kissing" dates with Dr. Samuel Sheppard, who is being held in the bludgeon-slaying of his wife. The housewife said Dr. Sheppard was a "fine doctor" who saved her life after an auto accident. (International)

В середине августа 1954 года журналисты узнали, что молчавшая до того Джулия Лоссман из городка Роки-ривер, расположенного в 10 км западнее Кливленда, рассказала полиции о своём знакомстве с Сэмом Шеппардом. По её словам, тот лечил её после автомобильной аварии. При этом он якобы соблазнял Джулию, обнимал, целовал и всячески покушался на её честь замужней женщины. Сложно сказать, что в действительности произошло между Шеппардом и Лоссман, но вне всякого сомнения утечка информации не была случайной. Руководство полиции организовало её с таким расчётом, чтобы повлиять на рассмотрение в суде ходатайства об освобождении Сэма Шеппарда под залог.

Сначала адвокату удалось добиться желаемого результата. Он заявил, что его подзащитный сам является потерпевшим в деле, виновность в котором ему инкриминируют; справедливо указал на то, что против арестованного нет ни одной прямой улики; он не признал выдвигаемых против него обвинений и, наконец, его здоровье до сих пор не восстановлено в полном объёме после перенесённых травм. Обвинение со своей стороны представило

нескольких свидетелей, заявивших, что Шэппард лжив и двуличен, мэр Бэй-виллидж Спенсер Хоук, в частности, назвал его "Джекилом и Хайдом". Тем не менее речь Корригана убедила судью санкционировать освобождение Шэппарда под залог в 50 тыс. $, который тут же был представлен.

Ночь с 16 на 17 августа 1954 г. Сэмюэль Шэппард провёл в доме родителей. Это была его последняя ночь на свободе на много-много лет вперёд.

На следующий день прокурор округа заявил в суде, что Сэм Шэппард обвиняется в предумышленном двойном убийстве (ведь жена его была беременна!), осуществлённом с особой жестокостью, а потому прокуратура будет настаивать на квалификации совершённого им преступления как «убийство первой степени». Ввиду материального достатка Сэма Шэппарда, а также наличия у него состоятельных родственников и друзей обвинение считало его способным покинуть пределы штата и, дабы не допустить этого, потребовало вернуть обвиняемого в тюрьму. Судья, не моргнув глазом, отменил собственное вчерашнее постановление об освобождении под залог, и Сэм Шэппард был взят под стражу в зале суда.

Журналисты, жаждавшие сенсации, её получили. Шоу состоялось, всем, кто следил за «делом Сэма Шэппарда», было что обсудить.

Далее в расследовании возник двухмесячный перерыв. Вплоть до середины октября 1954 г. в рамках расследования на первый взгляд не происходило ничего существенного. Прокуратура готовила обвинительный акт. Вкратце его тезисы можно суммировать следующим образом.

— Мотив. Сэмюэль Шэппард не имел намерения продолжать совместную жизнь со своей женой и уже с начала 1954 г. планировал развод. Он регулярно изменял нелюбимой жене, причём помимо случайных связей, в его жизни на протяжении последних полутора лет присутствовала и устойчивая привязанность к Сьюзен Хейс, которую он обещал взять в жёны. Вторая беременность Мэрилин Шэппард, с одной стороны, резко осложнила формальное получение её согласия на развод, а с другой — грозила значительно увеличить величину алиментов, которые она могла получить после его оформления. Кроме того, Сэмюэлю грозил раздел имущества, при котором мужчина-инициатор развода получал гораздо меньше брошенной им жены с двумя детьми. В начале июля 1954 г. Сэм Шэппард посчитал, что убийство жены, обставленное как попытка ограбления, даст ему возможность стать свободным мужчиной и избавит от неизбежной при разводе материальной ответственности перед

Мэрилин.

— Способ осуществления. После того, как Мэрилин Шэппард проводила гостей — Нэнси и Дональда Ахерн — между супругами возникла ссора. Они отнюдь не легли спать, и поэтому в доме долго горел свет, который видела Дорис Бендер с противоположной стороны Лэйк-роад. Что послужило конкретной причиной скандала, сказать в точности уже не представлялось возможным, но в какой-то момент времени, видимо, в 3:15 ночи, когда остановились часы Мэрилин, супруг напал на неё, нанося удары каким-то медицинским инструментом. Чтобы извлечь его из саквояжа, он с лихорадочной поспешностью высыпал его содержимое на пол. После убийства супруги Сэмюэль положил орудие преступления на подушку, в результате чего на ней образовался симметричный след. В ходе борьбы с жертвой убийца сам получил серьёзные ранения. Стремясь придать преступлению видимость сексуального, убийца осуществил с телом некоторые посмертные манипуляции: расстегнул верхние пуговицы пижамы Мэрилин и обнажил её грудь, подтянул за ноги тело к краю кровати и спустил на пол ноги (на простыне остались кровавые следы, указывавшие на волочение тела).

— Последующие действия и манипуляции. С момента убийства и почти до 6 часов утра (то есть примерно 2,5 часа) Сэм Шэппард был занят тем, что создавал такую обстановку на месте преступления, которая, по его мнению, должна была соответствовать действиям грабителя: открыл двери в доме, переворошил содержимое стола в гостиной первого этажа, снял со своей руки золотые часы и кольцо, которые сложил в мешок и выбросил за домом и прочее. Он тщательно вымылся, уничтожая следы крови, которых на его теле было множество. Шэппард уничтожил белую футболку, которая вся была в крови убитой им жены, а также орудие убийства (где и каким образом это было сделано, обвинительное заключение не объясняло, что и понятно — никакими данными на сей счёт следствие не располагало). Лишь после этого он позвонил супругам Хоук и вызвал их в дом.

Доводы в пользу виновности Сэмуэля Шэппарда тезисно можно было сформулировать так:

— посторонний человек не мог проникнуть в запертый дом без взлома замков (чего не наблюдалось);

— появление в доме постороннего лица вызвало бы беспокойство собаки (сам Шэппард-старший признавал, что собака не лаяла, кроме того, её лай разбудил бы 7-летнего сына);

— рассказ о крике жены, который услышал Сэм Шэппард, находясь на первом этаже, выглядел крайне неубедительно, поскольку сын, находившийся куда ближе к спальне, этого крика

не слышал и продолжал спокойно спать;

— Сэм Шэппард-старший признал, что не может объяснить, когда и как исчезла его футболка (очевидно, что постороннему преступнику не было никакого смысла снимать её и уносить с собой). Между тем окровавленная футболка грозила выдать с головой его причастность к убийству жены;

— действия убийцы-грабителя, если таковой действительно существовал, представлялись крайне нелогичными, ведь фактически из дома Шэппардов не пропало ничего ценного. Даже снятые с руки Сэмюэля часы и кольцо грабитель почему-то выбросил за домом. Как такового ограбления не было, имела место лишь его имитация, а значит, ограбление не могло служить мотивом преступления. Жертва не была изнасилована, что указывало на то, что и сексуальный мотив в этом деле отсутствовал. Наиболее достоверным мотивом представлялась ненависть к жертве, глубокая личная неприязнь, усиленная аффектом, то есть мгновенной бесконтрольной вспышкой ярости;

— в спальне были обнаружены отпечатки пальцев только Мэрилин и Сэмюэля Шэппардов. Убийца, если только им являлся посторонний мужчина, должен был оставить свои отпечатки пальцев на деревянных деталях кровати Мэрилин, так как он явно опирался на кровать при манипуляциях с телом жертвы;

— Шэппард не смог объяснить, по какой причине вызвал в свой дом супругов Хоук, а не полицию. Его объяснения, данные во время допросов после ареста ("я надеялся, что, быть может, они что-то сделают для Мэрилин"), звучали неубедительно, поскольку к этому времени он уже точно знал, что его жена мертва (он дважды ощупывал её горло и запястье, проверяя пульс);

— если Сэмюэль Шеппард действительно дважды щупал пульс на шее и запястье Мэрилин, то на его пальцах должны были остаться мазки крови (между тем, этого не наблюдалось, а значит, он успел смыть кровь до появления в доме супругов Хоук);

— у преступника, если только им был посторонний человек, не было нужды уносить с собою орудие преступления, между тем, в данном деле оно отсутствовало. Причина, видимо, крылась в том, что орудие явно указывало на убийцу. Чтобы замаскировать использование медицинского инструмента из своего саквояжа, которым мог воспользоваться прежде всего сам хозяин, Шэппард выбросил лампу-ночник, стоявшую на тумбочке Мэрилин;

— похищение денег из портмоне Сэма Шэппарда и медицинских препаратов из его докторского саквояжа представлялись следователям лишь имитацией действий грабителя-наркомана. Настоящий грабитель, совершивший спонтанное убийство хозяина вещей, скорее всего, не стал бы

рассматривать свои "трофеи" на месте преступления, а забрал бы их с собой, дабы спокойно исследовать их содержимое в другой, более безопасной для него обстановке. В этом случае портмоне и саквояж должны были исчезнуть;

— Сэмюэль Шэппард так и не смог объяснить, почему между моментом смерти его жены в 03:15 и телефонным звонком супругам Хоук в 05:45 оказался столь значительный интервал времени.

A-6 ** THE EVENING STAR, Washington, D. C.
TUESDAY, OCTOBER 19, 1954

Lawyer Hints Sheppard Trial May Refer to 'Other Women'

By the Associated Press

CLEVELAND, Oct. 19.—Hints that testimony would include extra-marital affairs of the defendant enlivened the second day of the first-degree murder trial of Dr. Samuel H. Sheppard today.

Also injected into the trial, as selection of a jury progressed, were references—not fully explained—to mysterious crank letters received by some members of the jury panel.

Dr. Sheppard, 30-year-old osteopath, is on trial charged with beating to death last July 4 his 31-year-old wife, Marilyn, mother of one child and expecting another.

Defense Moves Fail.

One juror was seated yesterday after Dr. Sheppard's chief counsel, William J. Corrigan, had failed in two moves to delay the trial. Judge Edward Blythin of Common Pleas Court first denied a motion for a continuance, and then held in abeyance a second motion to move the hearing out of Cleveland and Cuyahoga County because of Mr. Corrigan's claim that public opinion was inflamed against the defendant.

Mr. Corrigan lost another round in the change of venue motion at the opening of today's court session. He contended the defense has announced that Dr. Sheppard will take the stand in his own defense. However, in the questioning of Mrs. Borke, Mr. Garmone left the way open for a change in that decision.

He began questioning Mrs. Borke at one point, but Judge Blythin interrupted, and by way of clarification, asked the following question in behalf of the defense lawyer:

"If the State fails to prove him (Dr. Sheppard) guilty beyond a reasonable doubt, would you require evidence from him to hold him innocent?"

"No," answered Mrs. Borke.

Received Crank Letters.

References to the mysterious crank letters were put into the record by Judge Blythin, who asked Mrs. Borke whether she had received a copy of a crank letter mailed to several members of the jury panel. Mrs. Borke said she had.

Judge Blythin emphasized that the court believed the Sheppard family had nothing to do with the several crank letters.

Dr. Sheppard, after a glance to the rear of the courtroom, where his relatives were seated, watched with interest the examination of Mrs. Borke.

—AP Wirephoto.

DR. SHEPPARD GOES TO TRIAL.—Cleveland.—Dr. Samuel H. Sheppard (right) is led into the courtroom of Judge Edward Blythin handcuffed to an officer as he goes to trial on a first-degree murder charge. Dr. Sheppard is charged with beating

Одна из многочисленных газетных статей, посвященных изложению и анализу обстоятельств «дела Сэма Шеппарда». Данная публикация относится к середине октября 1954 года. В ожидании судебного процесса газетчики искусно поддерживали всеобщий интерес к преступлению и не позволяли снизиться накалу ажиотажа.

Нельзя не признать, что хотя вышеизложенные доводы выглядели весьма разумными и логичными, всё же базировались они на косвенных уликах и весьма односторонней трактовке событий. Уже осенью 1954 г. стали известны некоторые факты, позволявшие оспорить умозаключения следователей из окружной прокуратуры, но вся эта информация была ими весьма цинично проигнорирована.

Назовём некоторые из подобных фактов.

— **Обнаружение футболки.** Разорванная белая футболка, соответствующая тому размеру, который носил Сэм Шэппард, в июле 1954 г. была обнаружена под кустами на берегу озера Эри.

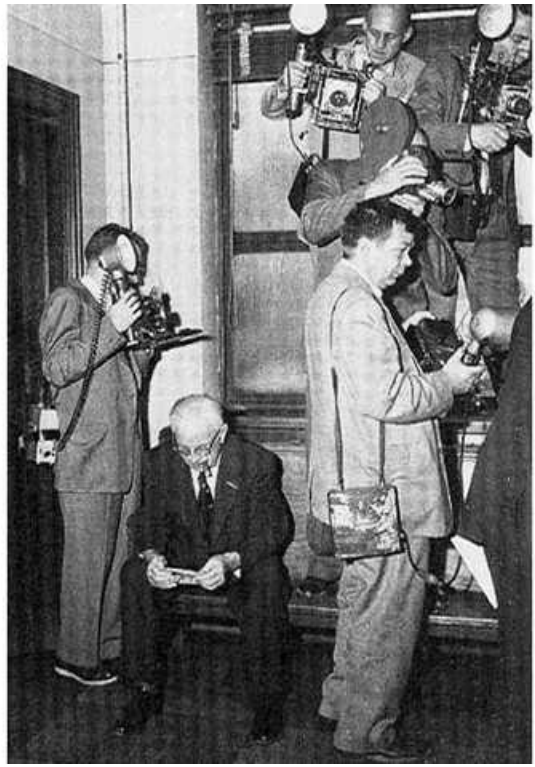
Футболка лежала буквально в 5 метрах от границы участка, которым владели Шэппарды, в направлении общественного парка Хантингтон. Если стать лицом к озеру Эри, то по правую руку от участка Шэппардов располагался общественный парк, а по левую находились частные владения, в том числе семей Хоук и Ахерн. Очевидно, что преступнику, если таковой действительно существовал, имело смысл бежать как раз в сторону парка, а не частных владений, где он мог нарваться на хозяев или сторожевых собак. Обнаруженная белая футболка, не имевшая, кстати, следов крови, была осмотрена полицейскими, но интереса у них не вызвала, для опознания она никому не предъявлялась и к делу приобщена не была.

— **Исследование часов.** Поскольку в «деле Сэма Шеппарда» фигурировали двое часов, остановившиеся в разное время, криминалистам важно было объяснить, почему это произошло. В случае с часиками Мэрилин Шэппард ответ оказался прост: механизм вышел из строя в результате сильного удара по корпусу. Это мог быть либо удар, нанесённый по часам, когда женщина закрывала лицо левой рукой, либо сотрясение при падении часов со стола на пол гостиной. В любом случае время, которое показывали женские часики — 3:15 — являлось моментом нештатного силового воздействия на них, связанного с действиями преступника. С часами Сэма Шэппарда всё оказалось куда сложнее: выяснилось, что их механизм был совершенно исправен, но он остановился из-за попадания внутрь корпуса воды. Исследование показало, что залитые водой часы могли идти ещё 45 минут. Поскольку часы Сэмюэля показывали 5:00, получалось, что вода попала в корпус в 4:15, то есть спустя час после остановки часов Мэрилин. Произойти это могло только вне дома, во время борьбы Шэппарда с преступником на берегу озера. Таким образом получалось, что преступник после нападения на Мэрилин пробыл в доме Шэппардов ещё довольно долго (около часа); тем самым преступление оказывалось весьма растянутым во времени. Если Сэмюэль около часа пролежал без сознания в спальне, а затем ещё примерно столько же на берегу озера, то факт задержки его телефонного звонка с вызовом помощи получал вполне убедительное объяснение. Надо ли говорить, что в обвинительном заключении данное умозаключение обходилось полным молчанием?

— **Обнаружение двери в подвал.** Об этом уже было написано выше. Тот факт, что в доме Шэппардов по истечении двух недель с момента совершения убийства вдруг обнаружился третий вход, чрезвычайно раздосадовал полицейские власти. Разговоров о возможности попасть в дом через подвал они

всячески избегали; на плане дома, который был представлен в суде в ноябре 1954 г., люк в подвал не был изображён; на этом плане не было и двери из подвала на улицу. Полиция, а затем и прокуратура постарались сделать вид, будто подвала под домом вообще не существовало. Как станет ясно из дальнейшего, перед началом судебных заседаний по «делу Шэппарда» для членов жюри присяжных будет устроена экскурсия на место преступления; присяжным покажут дом, гостиную на первом этаже, залитую кровью спальню, но никто из сопровождающих полицейских и словом не обмолвится о существовании люка в полу гостевой комнаты.

Судебный процесс «народ штата Огайо против Сэмюэля Шэппарда» фактически начался с отбора кандидатов в жюри присяжных заседателей 18 октября 1954 г. Процедура эта растянулась на 10 дней; 12 присяжных и 3-х запасных требовалось отобрать из 64 кандидатов. К Кливленду, где должен был открыться процесс, оказалось приковано внимание всех США. В самом большом зале в здании суда был поставлен дополнительный ряд сидений специально для представителей средств массовой информации. На суде в числе репортёров были аккредитованы известная на всю страну телеведущая Дороти Килгален и криминальный журналист Уолтер Винчелли (последний, прославившийся совершенно скандальными репортажами, знаком читателям «Загадочных преступлений прошлого» по очерку «Убийцы одиноких сердец» — это именно он написал о Марте Бек-Сибрук совершенно скандальную фразу: «Я вижу на месте подсудимой не женщину, а двести фунтов взбесившегося сала»). На первом этаже здания суда были оборудованы телефонные кабины для журналистов, дабы те успевали передавать в редакции репортажи во время перерывов между заседаниями.

По-настоящему интересный снимок: руководитель группы адвокатов Уильям Корриган-старший перед началом судебного заседания присел на скамью в коридоре здания суда. Мигом набежавшие репортёры поспешили его сфотографировать, кто-то ради этого даже влез на подоконник. Снимок этот хорошо передаёт тот ажиотаж вокруг процесса, что нарастал в обществе по мере приближения даты открытия суда.

28 октября выборы присяжных закончились, но никто из них не был изолирован, как того требовал закон. Более того, на протяжении последующих трёх дней местные газеты на своих страницах помещали их фотографии и брали интервью у членов семей. Номинально эти интервью были бесплатны, да только кто разберёт, как там это было на самом деле? Понятно, что в такой нездоровой обстановке очень трудно было всерьёз говорить о неангажированности и беспристрастности присяжных заседателей.

3 ноября 1954 г., перед формальным открытием первого заседания присяжные заседатели в сопровождении кливлендских полицейских посетили дом Сэма Шэппарда. Обвиняемый, закованный в ручные и ножные кандалы, под охраной вооружённого конвоя, также участвовал в этой поездке.

Жюри присяжных явилось в дом Шэппардов, чтобы осмотреть место преступления. В конце этой колонны, с руками, прикованными к поясу, и скованными ногами, под охраной четырёх полицейских находился и Сэм Шэппард. Злая ирония судьбы — оказаться в собственном доме в качестве узника!

На следующий день началось первое заседание. Сторону обвинения представляли помощник окружного прокурора Джон Мэхон и юристы прокуратуры — Сол Данако и Том Паррино. Группу защитников возглавлял Уильям Корриган-старший; кроме него в эту группу входили его сын Уильям Корриган-младший, Фрэнк Гэрмон и Артур Петерсилг. Судьёй на процессе был 70-летний Эдвард Близин, старейший судья Кливленда.

Буквально на пятой минуте открывшегося процесса Уильям Корриган-старший внёс ходатайство о переносе рассмотрения дела в другой округ. Своё предложение он мотивировал предубеждением против его подзащитного, которое сложилось у жителей округа и присяжных заседателей в последние месяцы ввиду бесконтрольного представления местными газетами предвзятой, с явным обвинительным уклоном, информации о деле. Разумеется, о подобном переносе не могло быть и речи — Эдварду Близину предстояло через 3 недели переизбираться на свою же должность, и он никак не мог лишить жителей Кливленда давно ожидаемого ими шоу. После быстро отклонённого ходатайства защиты судья предложил представителям прокуратуры ознакомить присяжных заседателей с обвинительным заключением.

Эдвард Близин всю жизнь мечтал о политической карьере, ему даже удалось один год побыть исполняющим обязанности мэра Кливленда. Впрочем, после того, как он сокрушительно проиграл политические выборы, Близин вернулся к судейской практике, каждые 4 года баллотируясь на должность окружного судьи. В 1954 г. ему исполнилось 70 лет, но судья считал, что ему ещё рано на покой, и выставил свою кандидатуру на очередной срок. Ему чрезвычайно льстило внимание прессы к «делу Шэппарда» и его собственной персоне. Близин сделал всё для того, чтобы оправдать ожидания журналистов и избирателей.

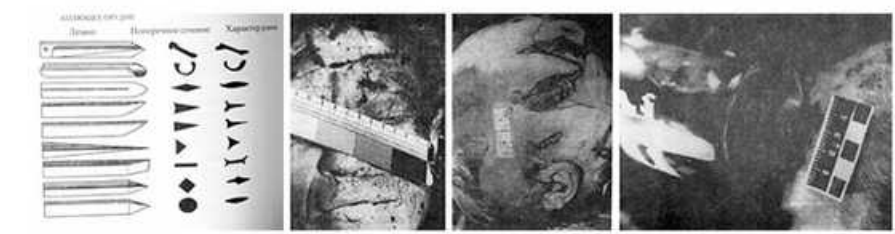
После этого последовали допросы свидетелей обвинения.

Сначала был приглашён судебный медик, делавший вскрытие тела Мэрилин Шэппард. Аделсон красочно живописал о причинённых погибшей повреждениях и продемонстрировал присяжным большие фотографии как трупа, так и отдельных этапов его анатомирования. Обвиняемый смотреть на предложенные ему фотоснимки отказался. "Анатомички" в США организационно относятся к ведению "коронных" судов, и судебные медики состоят в штате службы коронера, так что Аделсон в каком-то смысле являлся коллегой обвинителей. Поэтому допрос его помощником окружного прокурора Мэхоном оказался очень мягким и даже дружелюбным. Казалось, выступление Аделсона так и пройдёт в обстановке благодушной заинтересованности, но всё переменилось, когда к его допросу приступил адвокат.

Корриган-старший быстро вскрыл огрехи анатомирования. Оказалось, что в ходе судебно-медицинского исследования трупа не проводилось изучение содержимого желудка, и кровь погибшей не проверялась на содержание алкоголя и снотворных препаратов. Фактически изучение содержимого желудка свелось к констатации того факта, что последний приём пищи имел место около 22:30, то есть за 4,5–5 часов до смерти. Данное наблюдение не несло в себе ни малейшей крупицы полезной информации.

Между тем, очень важно было знать, насколько пьяна была Мэрилин и не усугубилось ли её состояние принятием каких-то лекарств. Возможно, нападение вовсе не сопровождалось громкими криками жертвы, и это прекрасно объясняет тот факт, почему той ночью ничего не слышал Сэм Шэппард-младший и почему не беспокоилась собака…

Аделсон не осуществил фотографирование ран на голове Мэрилин Шэппард. Внятного объяснения того, почему это не было сделано, адвокат так и не получил. Между тем, фотография раны способна многое рассказать об оружии, которым причинялось ранение. В 50-е года прошлого века практика фотографирования ран с соблюдением стандартных условий уже существовала во всех цивилизованных странах мира. Такие снимки тогда и сейчас называются "детальными" и представляют собою особую разновидность криминалистической фотографии. Правила их выполнения отличаются от тех, которыми руководствуются криминалисты при осуществлении "ориентирующей", "узловой" или "обзорной" фотосъёмки. (Снимки выполняются по правилам масштабной фотосъёмки с прикладыванием мерной линейки и соблюдением параллельности плоскости фотоплёнки и снимаемого объекта; изображаемый объект должен занимать весь кадр; если имеется орудие преступления — бутылка, топор и прочее — то оно прикладывалось к ране, дабы продемонстрировать соответствие его размеров и геометрии оставленному следу и тому подобное.) Почему Аделсон не зафиксировал крупным планом следы на теле погибшей, так и осталось не выяснено.

Эти фотографии из старых отечественных учебников криминалистики демонстрируют правила выполнения детальных фотоснимков ранений. Самый левый снимок показывает связь профиля орудия убийства с производимой им раной. Остальные снимки представляют собой детальные фотографии ранений из реальных уголовных дел. Отечественные криминалисты уже с 20-

х гг. прошлого века осуществляли подобное фотографирование ранений жертв. Американцы этого не делали даже в 50-е годы. Впрочем, мало кто знает, что и дактилоскопирование преступников в России началось гораздо раньше, чем в Великобритании, которая традиционно считается пионером этой отрасли криминалистики.

Оказалось, что судебный медик толком не исследовал вопрос о возможном изнасиловании жертвы, ограничившись одним лишь внешним осмотром половых органов. Из текста представленного заключения следовало, что Мэрилин Шэппард не подвергалась грубому анальному и вагинальному изнасилованию, но подобное утверждение вовсе не отменяло возможности полового акта непосредственно перед смертью. Поисков спермы Аделсон не проводил, что представлялось очень странным, принимая во внимание специфику дела. Своё решение не проводить анализов медик объяснил тем, что со слов коронера пришёл к выводу о невозможности изнасилования: ноги жертвы были спущены с кровати на пол, а над её тазовой областью располагалась массивная деревянная распорка, исключавшая возможность коитуса с лежавшей в кровати женщиной.

В целом Корригану-старшему удалось продемонстрировать суду некомпетентность или по крайней мере неполноту проведённой Лестером Аделсоном работы.

Уже этот эпизод показал, что защита намерена предельно жёстко и даже формально защищать интересы обвиняемого, а стало быть, на лёгкое разоблачение, подобное тому, что случилось на следствии у коронера, обвинению теперь рассчитывать не придётся.

После допроса патологоанатома последовало приглашение к даче показаний Нэнси и Дональда Ахерн. Ничего примечательного их утверждения не содержали — супруги повторили знакомый уже рассказ о событиях последнего дня жизни Мэрилин Шэппард. Нэнси упомянула о том, что погибшая якобы подумывала о разводе с мужем, о чём и рассказала свидетельнице как раз накануне убийства. Адвокат попытался было заявить протест, поскольку данное заявление делалось "с чужих слов" и не подтверждалось показаниями других свидетелей (Дональд Ахерн заявил, что не может вспомнить такого разговора). Протест Корригана, впрочем, был судьёю отклонён, хотя формально адвокат в своих рассуждениях был совершенно прав. Столь серьёзные заявления, не подкрепляемые свидетельствами других лиц или документально, не должны приниматься к сведению судом.

После этого последовали допросы Спенсера и Эстер Хоук, полицейского Дренкхана, начальника полиции Бэй-виллидж Итона и, наконец, Ларри Хоука (того самого 16-летнего юноши, который нашёл зелёный мешок за домом Шэппардов). Показания Спенсера Хоука обогатились воспоминанием, о котором тот никогда не упоминал прежде. По его словам, он лично слышал, как Ричард Шэппард, примчавшийся к брату рано утром 4 июля 1954 г. спросил того после осмотра спальни: "Признайся, ты это сделал?" Ответа Спенсер не слышал, но постановка такого вопроса показалась и ему, и обвинителю весьма красноречивой.

Впрочем, сам по себе этот вопрос (даже если он и был задан) ничего не доказывал и никого не разоблачал. Вообще же, обвинительный накал падал с появлением каждого нового свидетеля; строго говоря, трое последних из упомянутых лиц — Дренкхан, Итон и Ларри Хоук — вообще не сказали ничего обличительного в адрес Сэма Шэппарда.

Наконец, 16 ноября 1954 г. место для дачи показаний занял коронер Сэмюэль Гербер. С апломбом он рассказал о расследовании, в котором принимал участие, о личном осмотре трупа, о своём впечатлении от поведения обвиняемого во время предварительного следствия. С видом непререкаемого специалиста в судебно-медицинских вопросах он заявил, что смертельные раны Мэрилин Шэппард были нанесены именно медицинским инструментом. Это в высшей степени странное утверждение, ничем совершенно не подкреплённое, не прошло мимо внимания Корригана-старшего, и тот во время допроса свидетеля, разумеется, поинтересовался, о каком именно инструменте говорил Гербер. Коронер неожиданно стушевался — выяснилось, что он сам не знает, о каком именно инструменте толковал совсем недавно… Тогда адвокат не без издёвки в голосе осведомился: быть может, Гербер увидел на трупе какие-то специфичные раны, по одному виду которых сразу понял, чем именно они оказались причинены? И на этот вопрос бывалый коронер не нашёлся, что ответить — никаких особо примечательных ран он не видел. Более того, выяснилось, что при осмотре спальни он не включал свет, и хотя в восьмом часу утра солнце уже взошло, в комнате всё ещё было сумеречно из-за штор на окнах и тени крон росших на лужайке деревьев. При этом осмотр места преступления и трупа коронер умудрился провести за 2–3 минуты.

В общем, нельзя не признать того, что Уильям Корриган-старший сполна отплатил коронеру за собственное унижение при рассмотрении дела коронерским жюри и постыдное выдворение из зала. Гербер оказался раздавлен допросом защиты, сполна

обнаружив собственную самонадеянность и некомпетентность.

Допрошенный после коронера детектив Шоттк попытался поддержать линию обвинения. Он заявил, что Сэм Шэппард, не зная, как лучше себя вести и какую линию поведения выбрать, в первые дни после убийства его супруги видоизменял даваемые показания. По мнению Шоттка, именно из-за сомнений в том, какую версию событий предпочесть, Шэппард вплоть до 8 июля уклонялся от дачи показаний под присягой и записью в протокол.

Что и говорить, подобное утверждение выглядело серьёзным упрёком обвиняемому. Однако уже следующий свидетель — помощник шерифа округа Кайохога Карл Россбах — опроверг сказанное Шоттком. Россбах без лишних затей, что называется, "на голубом глазу", заявил, что Сэм Шэппард "всё время оставался последователен в своих объяснениях", хотя и добавил, что ему лично они не казались исчерпывающими.

В целом же нельзя не признать, что первые две недели процесса прошли под знаком явного превалирования защиты над обвинением. Вызванные прокуратурой свидетели заметно пасовали, не выдерживая той роли, которая им отводилась. Яркого, убедительного разоблачения женоубийцы не получалось; сенсационный процесс всё менее казался сенсационным.

Перелом, казалось, наступил, когда после Россбаха обвинение вызвало для дачи показаний Лестера Ховерстоуна, старинного, ещё со школьной поры, друга Сэма Шэппарда. С самого начала процесса заявление Ховерстоуна в качестве свидетеля обвинения удивило защиту, поскольку Шэппард пребывал в твёрдой уверенности, что тому решительно нечего сказать обличительного в его адрес. Оказалось, Сэм-старший недооценил друга.

Во-первых, Ховерстоун заявил, что Шэппард признался ему в своём намерении развестись с женою. Это признание якобы он услышал от обвиняемого за два дня до гибели Мэрилин.

Во-вторых, школьный друг сообщил во время допроса, будто слышал, как братья Ричард и Сэм Шэппард во время пребывания последнего в больнице обсуждали, какие показания надлежит давать Сэму во время допроса. По смыслу сообщения Ховерстоуна получалось, что братья готовились представить правоохранительным органам фальсифицированную версию событий.

Фактически допросом Ховерстоуна разоблачительный напор обвинения иссяк. Далее судом заслушивались лица, способные описать физическое состояние Сэма Шэппарда после событий ночи с 3 на 4 июля. Сначала выступил невропатолог Хекстер, освидетельствовавший обвиняемого 5 июля; он признал утрату

у Шэппарда рефлексов в бёдрах и брюшине, что указывало на серьёзность травмы позвоночника. Врач заверил, что симулировать утрату рефлексов невозможно, а значит, Шэппард на самом деле находился на грани развития паралича. К счастью для него, лечение оказалось своевременным, квалифицированным и успешным, благодаря чему он не стал инвалидом. После Хекстера допрашивались детектив-криминалист Грабовский и судебно-медицинский эксперт из ведомства коронера Мэри Коэн: оба свидетеля имели возможность наблюдать Шэппарда в больнице. Они заявили, что обвиняемый действительно чувствовал себя очень плохо, испытывал боли, получал сильные болеутоляющие лекарства. То есть версия о возможной симуляции травмы фактически отпала, даже не родившись. Со стороны обвинения никто даже и не заикнулся о том, что Шэппард вовсе не был столь болен, как хотел казаться.

Допросы свидетелей обвинения закончились вызовом Сьюзен Хейс. Все присутствующие ожидали новых сенсаций, поскольку любовница обвиняемого выступала этаким "гвоздём прокурорской программы". Но и тут все "домашние заготовки" обвинения вылились в банальный пшик. Хейс повторила лишь то, что он неё уже слышали прежде; к своим прежним показаниям она ничего не добавила и, судя по всему, ей просто-напросто уже нечего было сказать. Рассказ о том, что Сэмюэль Шэппард вступил с нею в интимную связь в декабре 1952 г., подарил золотые часики и обещал жениться, тянул, конечно же, на мотив убийства, но объективно положение обвиняемого уже не ухудшал. Выражаясь языком биржевых брокеров, это были уже "старые новости". В свою очередь адвокаты Шэппарда допрашивали Хейс предельно корректно, не допустив ни единого выпада в адрес свидетельницы. Видимо, они остались чрезвычайно довольны тем, что женщина не вывалила присяжным какую-нибудь новую "внезапно всплывшую" деталь или подробность, которую чрезвычайно трудно оказалось бы с ходу парировать.

Но повторю ещё раз, ничего такого не случилось. Хейс пробыла в кресле свидетеля менее 50 минут — меньше, чем другие свидетели. Сидевшие в зале зрители (и прежде всего репортёры!) остались разочарованы. Сенсация не состоялась!

А вместе с этим стало ясно, что и однозначного обвинения не получилось. В целом представление свидетелей обвинения, длившееся практически месяц (с 4 ноября по 1 декабря 1954 г.), оказалось бледным и неубедительным. Да, с одной стороны прокуратура вроде бы указала на наличие мотива. Но что с того? Иногда мужчины действительно убивают ненавистных жён в

припадке гнева. Однако миллионы спокойно разводятся и вовсе не думают убивать бывших жёнушек из-за нежелания выплачивать алименты. А ещё больше мужчин спокойно живут в браке, имея любовниц… У Сэма Шэппарда действительно вроде бы имелся мотив избавиться от жены, да только он менее всего походил на придурочного алкоголика, способного на насилие в отношении своих близких. Обвинение, кстати, не сумело привести ни единого примера рукоприкладства обвиняемого…

В общем, следовало признать, что первая половина суда получилась бледной, даже формальной. Процесс явно не оправдывал возлагавшихся на него надежд. Но сенсации начались, едва дело дошло до свидетелей защиты.

Первым оказался вызван Стивен Шэппард. И он сразу же поставил вопрос ребром: почему никто не говорит о том, что в спальне в ночь убийства побывал курящий человек? К спальне, явившейся местом трагедии, примыкал туалет, в унитазе которого плавал окурок, который Стивен видел своими глазами, когда приехал в дом рано утром 4 июля. В доме к тому моменту побывал только один курильщик — Спенсер Хоук, но невозможно представить, чтобы он приблизился к залитому кровью трупу с сигаретой во рту, которую затем бросил в туалете… Через какое-то время сигарета исчезла, и упоминание о ней не попало в протокол осмотра места преступления, составленный Дренкханом. Это ли не свидетельство некомпетентности полиции?!

Что говорить — удар пришёлся не в бровь, а в глаз. Главный обвинитель, разумеется, попробовал оспорить заявление Стивена Шэппарда, заявив, что оно голословно и ничём не подкреплено, однако, как скоро станет ясно, неприятные сюрпризы, связанные с некомпетентной работой полиции на месте преступления, вовсе не были исчерпаны одним только отсутствием в протоколе осмотра упоминания выброшенной сигареты.

Стивен Шэппард заявил, что Сэмюэль всегда отличался ровным характером и «отменным самообладанием». Даже имея дело с тяжёлым больным, при обращении с которым одно неловкое движение остеопата грозило превратить человека в калеку, Сэм всегда оставался спокоен и уверен в себе. Невозможно представить, утверждал Стивен, чтобы человек, профессионально имеющий дело с человеческими травмами и страданиями, до такой степени потерял самоконтроль, что нанёс смертельные ранения собственной жене, матери своего ребёнка, находившейся к тому же на 16 или 17 неделе беременности.

Допрос Стива Шэппарда явно произвёл сильное впечатление на всех присутствовавших в зале. Свидетель говорил о брате с

большой теплотой и искренней верой в его невиновность. Обвинители, сменявшие друг друга в ходе допроса свидетеля, при всём своём желании не смогли бросить тень ни на самого Стива, ни на Сэма. Положительное впечатление, произведённое тёплыми словами свидетеля о брате, пожалуй, только усилилось после допроса Бэтти Шэппард, жены Стива, которая заняла свидетельское место после него.

Она прямо заявила, что Мэрилин и Сэм являлись прекрасной парой, вызывавшей восхищение и прямую зависть окружающих.

После Бэтти защита пригласила для дачи показаний Ричарда-младшего, ещё одного брата обвиняемого. Тут на голову прокуратуры посыпались обвинения куда более серьёзные, чем упоминание о незамеченном окурке. Ричард, побывавший на месте преступления ещё до появления коронера и детективов "убойного отдела" кливлендской полиции, заявил, что в начале седьмого часа утра труп Мэрилин Шэппард находился в другом положении! Фотографии, представленные суду, демонстрировали тело, передвинутое в нижнюю часть кровати ("в ноги"), из-за чего тазовая область действительно оказалась придвинута к деревянной распорке на спинке кровати. На самом же деле в седьмом часу утра труп лежал на спине гораздо выше, ближе к изголовью, и ноги его не спускались с кровати. При таком положении тела деревянная распорка вовсе не препятствовала половому акту с жертвой…

Таким образом получалось, что некто умышленно изменил положение тела Мэрилин Шэппард. И сделал это не убийца, а кто-то из полицейских. Вопрос «с какой целью это было проделано?» потребует отдельного рассмотрения в дальнейшем, сейчас лишь ограничимся указанием на то, что обвинители на процессе с негодованием отвергли подозрения в изменении сцены убийства. Ричарда Шэппарда они постарались выставить этаким клеветником, готовым ради спасения брата оболгать «честных полицейских, беззаветно преданных делу». Но правда такова, что следует признать: перемещение тела действительно имело место, и мы, живущие в 2023 году, знаем это лучше участников суда 1954 г.

Дело в том, что в 1998 г. находившийся на пенсии «профилёр» ФБР Грег МакКрэри подготовил «поисковый психологический портрет» убийцы Мэрилин Шэппард. Во время работы над ним МакКрэри получил для ознакомления материалы дела и все фотографии с места преступления. Среди них он отыскал и описал фотоснимок следов волочения тела по постельному белью — широкую кровавую полосу, указывавшую на то, что тело передвинули «в ноги» кровати примерно на 40 см

или даже больше. О заключении Грега МакКрэри впереди будет разговор особый; сейчас лишь кратко отметим, что «профилёр» посчитал, будто труп двигал убийца. Но, скорее всего, МакКрэри ничего не знал об обвинениях Ричарда Шэппарда. На самом деле тело Мэрилин Шэппард могло быть сдвинуто «в ноги» кровати в 7 часов утра и даже позже, уже после того, как его видел Ричард Шэппард, приехавший на место преступления сразу после четы Хоук и полицейского Дренкхана. Кровь высыхает довольно долго, процесс этот может длиться 10–12 и больше часов, он зависит от температуры и влажности окружающего воздуха, а также наличия сквозняка. Даже если считать, что Мэрилин Шэппард погибла в 3:15 ночи, перемещение её тела около семи часов утра не могло не оставить узнаваемых кровавых следов на постельном белье.

К сожалению, о фотографии, найденной МакКрэри, Ричард Шэппард ничего не знал, никто ведь не допускал его знакомиться с материалами дела! А сами прокурорские работники, даже если и знали о существовании подобного фотоснимка, предпочли на суде об этом не вспоминать (в силу очевидных причин). Так что обвинения свидетеля повисли голословными утверждениями, но даже в таком виде они произвели сильное впечатление: многие сидевшие в зале поняли, что с "делом Сэма Шэппарда" что-то "не совсем чисто".

Кроме того, Ричард категорически отверг заявление Спенсера Хоука, утверждавшего, будто он, Ричард, выйдя из спальни после осмотра тела Мэрилин, осведомился у брата: "Признайся, Сэм, ты это сделал?" Свидетель утверждал, что никогда, ни на одну секунду не мог допустить, будто его брат способен на убийство жены.

После допроса Ричарда Шэппарда эмоциональный накал не только не ослабел, но даже усилился. Защита явно выстроила допрос своих свидетелей таким образом, чтобы впечатление от их показаний шло по нарастающей. После Ричарда защита пригласила для допросов персонал больницы "Бэйвью", куда утром 4 июля 1954 г. был доставлен Сэм Шэппард. Показания дали два медбрата, помогавшие потерпевшему, рентгеновский техник, делавший снимки шеи и черепа, доктора, лечившие Сэмюэля: радиолог, отоларинголог и стоматолог. Они, в частности, рассказали о том, что потерпевший испытывал такую боль, что не мог разжать челюсти, чтобы выпить обезболивающее лекарство. На шее Сэма Шэппарда образовался сильный отёк, угрожавший дыханию. По мнению свидетелей, невозможно было представить, чтобы обвиняемый, будучи медицинским специалистом высокого класса, решился причинить самому себе столь опасную травму просто из желания придать собственной

версии событий побольше правдоподобия. Да и невозможно было ударить самого себя по затылку с необходимой силой и притом с нужной точностью. Все врачи отвергли версию о саморанении как совершенно фантастическую.

Удивительный по своей трогательной теплоте снимок: Ричард Шэппард-старший, отец обвиняемого, подошёл к Сэму во время перерыва между заседаниями суда… Сколь красноречиво эта фотография свидетельствует о доверительных отношениях, царивших в этой семье.

Затем последовал допрос доктора Чарльза Элкинса, выступившего в роли независимого медицинского эксперта. В целом он согласился с точкой зрения защиты, доказывавшей, что Сэм Шэппард не симулировал тяжесть ранения и не причинял его сам.

9 декабря 1954 г. последовал допрос Сэма Шэппарда защитой (обвиняемый в американском правосудии может выступать свидетелем по собственному делу). Он категорически отверг все инсинуации относительно возможного развода с женою, назвав разговоры об этом "недобросовестным вымыслом". Шэппард подробно рассказал, как полиция и прокуратура добивались от него признательных показаний, упомянул о вечернем аресте и недопуске к нему адвоката. Безусловно, эта часть речи была тщательно обговорена Корриганом-старшим и Сэмом Шэппардом; думается, она произвела на присяжных необходимое впечатление.

Обвинение, приступив к допросу обвиняемого, постаралось в максимальной степени нейтрализовать мощный разоблачительный эффект, произведённый действиями защиты. Главный обвинитель Джон Мэхон добился от Сэма Шэппарда повторения признания того факта, что тот на протяжении

полутора лет изменял жене. Мэхон добился от обвиняемого и другого важного признания, не звучавшего прежде, а именно в том, что Сэм Шэппард, сидя в собственном "ягуаре", припаркованном возле одного из кливлендских парков, целовался с некоей дамой. И дама эта не была Сьюзен Хейс. Таким образом обвинитель сумел создать впечатление того, что обвиняемый изменял жене регулярно и притом с разными женщинами.

Тем не менее в конце допроса Шэппард твёрдо повторил, что не нападал на свою жену, не совершал её убийства и не имитировал собственное ранение.

После допроса Сэма Шэппарда произошёл весьма примечательный эпизод, характеризующий обстановку на процессе и поведение судьи. Уже упоминавшийся радиожурналист Уолтер Винчелли в одном из своих репортажей со ссылкой на «конфиденциальный источник» упомянул о существовании ребёнка, прижитом обвиняемым вне брака. На следующий день адвокат Сэма Шэппарда предложил судье опросить присяжных на предмет того, слушали ли они эту передачу, и если «да», то просить их не принимать во внимание услышанное как не соответствующее действительности.

Обращение адвоката было абсолютно разумно и полностью соответствовало закону. Однако реакция судьи оказалась неожиданно грубой; Эдвард Близин, повысив голос, ответил: «Что ж, я даже и не знаю, мы не можем останавливать людей (то есть присяжных заседателей), делающих это, слушающих это. Это вопрос свободы слова, и суд не может управлять каждым… Мы не собираемся беспокоить жюри каждое утро (подобными вопросами)…» («Well, I don't know, we can't stop people, in any event, listening to it. It is a matter of free speech, and the court can't control everybody… We are not going to harass the jury every morning…"). Судья отклонил запрос защиты и к членам жюри не обратился.

Поведение Близина оказалось совершенно скандально. Через много лет члены Верховного Суда США не могли поверить в подобный ответ судьи и для этого специально сверялись со стенограммой судебного заседания. Оказалось, что именно так Эдвард Близин и ответил.

После допроса обвиняемого защита вызвала для дачи показаний свидетелей, заявлявших, что они видели поздним вечером 3 июля 1954 г. высокого брюнета в белой рубашке, наблюдавшего за домом Шэппарда из кустов. Но тут у Корригана-старшего вышла осечка: обвинение в ходе допроса быстро установило, что свидетели заявили о себе уже после того, как Сэм Шэппард оповестил через газеты о намерении выплатить 10 тыс.$

за информацию о подозрительном мужчине. Таким образом обвинение заронило в души присяжных сомнения в добросовестности свидетелей.

Однако последнюю точку в состязании сторон поставила всё-таки защита. Вызванный ею сержант полиции Бэй-виллидж Джей Хубач признал то, что в туалете второго этажа ранним утром 4 июля действительно был окурок сигареты. Его заявление обвинение оставило без комментариев и допросу свидетеля не подвергло; воистину, это был именно тот случай, когда помощнику окружного прокурора лучше было жевать, чем говорить. Показания сержанта вновь оживили столь неприятные для обвинения воспоминания об огрехах предварительного расследования.

16 декабря 1954 г. начались прения сторон. Судья Эдвард Близин (во время процесса он, кстати, успешно переизбрался на новый срок; собственно, в этом мало кто сомневался, ведь человек, устроивший своим избирателям такое шоу, не мог проиграть выборы!) заявил, что не позволит представителям сторон затягивать свои речи более чем на 5 часов. Надо сказать, что выступления и обвинителя и защитника оказались в равной мере эмоциональны и логичны. Помощник прокурора Паррино, выступавший от стороны обвинения, ёмко и чётко суммировал "тело доказательств". В его формулировках дело действительно выглядело ясным: почему убийца в гневе бьёт Мэрилин 35 раз, а Сэма — всего 1? почему руки обвиняемого оказались чисты, хотя он утверждает, будто дважды ощупывал пульс мёртвой супруги? если он смывал кровь, то почему не признаётся в этом? где его футболка? что он делал более 2 часов после смерти супруги? и так далее и тому подобное. Обвинитель напомнил и о том, что Шэппард отказался пройти проверку на "детекторе лжи", хотя подобный отказ, как уже говорилось выше, не может считаться признанием вины и на него нельзя ссылаться в суде. Тем не менее обвинитель сослался, и судья его не остановил…

Обвиняемый ничего не мог ответить на большинство вопросов обвинителя. И Корриган-старший прямо признал это в своей ответной речи. Но ведь Шэппард и не обязан был это делать! Все доводы обвинения были косвенны и притом получены весьма некорректными с юридической точки зрения способами (вечерний арест, отказ во встрече с адвокатом, продолжительные допросы изо дня в день…). Медицинское заключение по мнению защиты было спорно и как minimum неполно. Сэм Шэппард никогда не признавал себя виновным в инкриминируемом ему преступлении. Повернувшись к детективу Шоттке, Корриган-старший гневно выкрикнул: «Вы провели 2 или 3 минуты в

спальне (…) И на этом основании заявили, что обвиняемый виноват, и пожелали забрать его жизнь?»

Пожалуй, день прения сторон явился всей кульминацией процесса. Обе стороны оказались на высоте положения. И самое главное заключалось в том, что все присяжные и зрители, сидевшие в зале, поняли, что даже к 17 декабря вопрос о том, кто же убил Мэрилин Шэппард, так и остался открытым. Каждая из сторон процесса всё также стояла на своих прежних позициях, и никакой ясности в ходе слушания дела так и не возникло.

На следующий день — 17 декабря 1954 г., в пятницу, после напутствия судьи коллегия присяжных заседателей отправилась для вынесения вердикта в гостиницу. Они не были изолированы в зале суда, как того требовали правила, для женщин-членов жюри не нашлось женской обслуги и поэтому… женщины-присяжные в последующие дни спокойно выходили из гостиницы за покупками. И возвращались из города не только с гигиеническими принадлежностями из аптек, но и газетами, которые прочитывались членами жюри и горячо обсуждались. А это было уже грубейшим нарушением процедуры, требующей, чтобы члены жюри присяжных при вынесении вердикта ориентировались только на информацию, полученную в зале суда!

Тем не менее судья Эдвард Близин постарался ничего этого не заметить. На его процессе скандалов не должно было быть, тем более под самый занавес…

Оглашение вердикта произошло вечером 21 декабря. На первый вопрос, поставленный судьёй, относительно умышленности и предварительной подготовленности убийства Мэрилин Шэппард присяжные ответили: "Нет". Такой вердикт гарантировал невынесение обвиняемому смертного приговора. Защита бросилась обниматься — дело казалось выигранным. Но на второй вопрос ("двойное убийство признаётся совершённым умышленно, но без подготовки") присяжные ответили положительно. Присяжные всё же посчитали, что именно Сэм Шэппард убил свою жену, хотя и не готовил это преступление заранее.

Спустя много лет тележурналистка Дороти Килгаллен, присутствовавшая на процессе от начала до конца, назвала этот приговор "неожиданным и неслыханным". По её мнению, защита выглядела в этом суде намного убедительнее обвинения.

Но дальше стало только интереснее! Судье потребовалось узнать, как распределились голоса членов жюри (эта тонкость имела значения при вынесении приговора: чем более единодушным было решение, тем более строгим должен быть

приговор). Близин затребовал от старшины присяжных записки с голосованием: каждый из членов жюри подавал старшине неподписанную записку с принятым решением, и все эти записки хранились у него до момента передачи их судье. Старшина, разумеется, отдал записки Эдварду Близину, и тут выяснилось, что записок оказалось не 12, а… 18! То есть 12 членов жюри подали 18 записок. Это был скандал, означавший не просто нарушение регламента, а нечто большее: присяжные не поняли разъяснений судьи относительно процедуры голосования. Между тем процедурный вопрос представлялся очень важным, поскольку существует понятие "тайны совещательной комнаты", и персональное распределение голосов присяжных всегда должно сохраняться в абсолютной тайне (даже от судьи; эта норма действует в интересах безопасности присяжных, дабы исключить месть со стороны обвинённых ими лиц).

В принципе, любой нормальный судья, убедившись в том, что присяжные заседатели напортачили и проголосовали с грубейшим нарушением регламента, должен был остановить процесс. Существует определённая процедура разрешения подобных запутанных ситуаций, связанная с перенесением решения в суд высшей инстанции, но речь сейчас не об этом. Эдвард Близин не только не остановил суд, но простодушно приказал присяжным "повторить, как именно они голосовали". Это было вопиющее нарушение основополагающих принципов американского правосудия, но 70-летний судья даже глазом не моргнул! Присяжные, подчиняясь приказу судьи, поимённо повторили, как именно распределились их голоса (вот она, "тайна" совещательной комнаты!).

И тут вылезла ещё одна скандальная подробность! Оказалось, что помимо 12 членов жюри проголосовали и… 3 запасных. Они тоже заполнили и подали 3 записки. До кучи, так сказать. Раз уж они просидели весь суд от начала до конца, так отчего бы не проголосовать, правда?

Теперь-то уж судье совершенно необходимо было объявить о приостановке суда и передаче рассмотрения дела в Верховный Суд штата. Ведь если присяжные до такой степени не поняли самого главного вопроса — регламентного! — то что же они могли уяснили в остальном? В принципе, обнаружившиеся нарушения не были виной заседателей — это скорее была вина судьи, не сумевшего чётко и внятно объяснить присяжным порядок их действий.

Разумеется, Близин от ведения дела не отказался; он без лишних затей записал, как поимённо распределились голоса присяжных заседателей, и закрыл на этом заседание вплоть до

вынесения приговора.

Безусловно, большой интерес представляет распределение голосов членов жюри. Из 7 мужчин и 5 женщин все 12 проголосовали против признания вины Сэма Шэппарда в умышленном, заранее обдуманном и подготовленном двойном убийстве. За признание виновности в умышленном, но спонтанном двойном убийстве проголосовали 6 мужчин и 1 женщина; за полную невиновность — 1 мужчина и 4 женщины. Таким образом, виновность Шэппарда признавалась большинством в 2 голоса, что, безусловно, указывало на большие сомнения членов жюри в доказательной силе обвинения. Важен был и другой аспект: женщины из состава жюри присяжных продемонстрировали неожиданную снисходительность к женоубийце, чего обычно на процессах такого рода не наблюдается (женщины больше мужчин склонны к морализаторству и обычно демонстрируют непримиримость в вопросах защиты семейных ценностей). Даже то, что обвинение доказало неоднократные измены Сэма Шэппарда, не отвратило от него симпатий женской части жюри. Это наблюдение ясно указывало на то, что женщины-заседатели не увидели фатального трагизма в обрисованной им ситуации и не поверили в ту мотивировку преступления, которую представило обвинение. Разумеется, определенную роль в отмеченном результате сыграли респектабельный внешний вид подсудимого, его манеры и обаяние, но эти детали не имели бы значения, если бы аргументация стороны обвинения оказалась по-настоящему убедительной.

Итак, фактически процесс оказался выигран обвинением с превышением в 2 голоса присяжных — прямо скажем, ничтожный результат для дела, казавшегося прокуратуре ясным уже через несколько часов с момента обнаружения тела Мэрилин Шэппард. В принципе, суд не только не разрешил тех неясностей и нестыковок в объяснениях событий трагической ночи, что имелись у обвинения и защиты Сэма Шэппарда, но, напротив, лишь выпукло их подчеркнул.

Суд проходил в обстановке нездорового ажиотажа и прямо-таки несуразного внимания средств массовой информации. О том, как репортёр Уолтер Винчелли вбросил сообщение, будто у Сэма Шэппарда имеется прижитый вне брака ребёнок, уже упоминалось. История эта имела продолжение. Информация о «тайном ребёнке» вызвала всеобщие кривотолки и горячее обсуждение; адвокаты Шэппарда потребовали от репортёра открыть источник информации, которую они назвали «клеветнической». Винчелли, разумеется, сделать это отказался. В

конце концов, уже после закрытия процесса под угрозой судебного преследования за диффамацию журналисту пришлось назвать человека, сообщившего ему о ребёнке: источником информации оказалась полусумасшедшая женщина, наблюдавшаяся у психиатра и не имевшая никаких связей с окружением Сэма Шэппарда. Под угрозой судебного разбирательства она от своих слов, разумеется, отказалась, и таким образом выяснилось, что сообщение Винчелли было лживо от начала до конца. Репортёр это признал, принёс извинения, да только время уже было упущено — клеветническая информация сделала своё чёрное дело, повлияв на присяжных заседателей.

Итак, 21 декабря 1954 года присяжные заседатели признали Сэма Шеппарда виновным в убийстве 2-й степени. А 3 января 1955 г. судья Эдвард Близин огласил приговор по делу: пожизненное содержание Сэма Шэппарда в тюрьме.

Через 4 дня — 7 января 1955 г. — мать Сэма застрелилась из револьвера мужа, оставив предсмертное письмо, адресованное сыну Стиву. Письмо это — строго говоря, записка — состояло всего из одной фразы, гласившей, что мать не может жить без сына. В тот же день Сэм обратился из тюрьмы к американской прессе, обвинив в смерти матери сотворённую американским судом несправедливость.

Пресса не осталась в стороне от произошедшего. Газетчики попытались проникнуть на церемонию прощания и похорон, дабы увидеть Сэма Шеппарда, которого для этого должны были привезти из тюрьмы. Почему-то всех интересовал вопрос, связанный с тем, будет ли осужденный закован в наручники или нет. Однако никто из посторонних не был допущен ни в морг, ни на кладбище, а потому вопрос о наручниках некоторое время оставался без ответа. Понимая, что обращаться с расспросами подобного рода к взрослым членам семьи чревато мордобоем, журналисты сумели подловить 7-летнего Сэма-младшего, вышедшего на улицу в одиночестве, и задали беспокоивший их вопрос вопрос мальчику. Тот ответил, что не видел наручников на руках отца… Согласитесь, поразительная история, весьма выпукло демонстрирующая как образ мышления, так и поведения американских журналистов той поры!

Через несколько дней — 18 января 1955 г. — скоропостижно скончался Ричард Шэппард-старший, отец осуждённого Сэмюэля. Ещё 20 декабря 1954 года он слёг с плевритом и по этой причине не смог присутствовать при оглашении вердикта присяжных. Затем состояние его несколько улучшилось, он даже появился на похоронах жены. Но не прошло и 2-х недель, как вполне крепкий и дееспособный 65-летний мужчина ушёл из жизни. Причиной

смерти явилось прободение старой язвы желудка. Несмотря на проведённую операцию, возникло так называемое геморрагическое кровотечение, неудержимое просачивание крови во внутренние органы сквозь стенки сосудов, которое не удавалось ничем остановить и которое в конечном итоге повлекло за собою смерть. Врачи не сомневались, что причиной открывшегося у Ричарда кровотечения явились стрессы последнего времени.

На похороны отца Сэм Шеппард также был отпущен из тюрьмы. Со времени самоубийства матери м вплоть до конца января заключенный находился под особым наблюдением с целью исключения попытки самоубийства. На это время его даже поместили в специальную камеру. Но как впоследствии признался Майкл Ацелло (Mike Ucello), тюремщик, отвечавший за содержание Шеппарда, тот никогда не демонстрировал суицидальных наклонностей, хотя и очень скорбел по умершим родителям.

Несмотря на приговор суда, Корриган-старший не считал дело оконченным. Буквально со дня оглашения приговора адвокат стал готовить апелляцию в Апелляционный Суд штата Огайо для пересмотра дела. И тут выяснилась одна немаловажная в контексте последующих событий деталь: Корриган предполагал в своей апелляции сослаться на недопуск независимого эксперта Энтони Казлаускаса на место преступления в августе 1954 г. как на крупное нарушение закона со стороны прокуратуры округа Кайохога. Однако выяснилось, что оснований для такой ссылки нет — адвокат не оформлял официального запроса на допуск независимого эксперта и потому не получал официального отказа (на устный отказ, понятное дело, он ссылаться не мог). Таким образом оказалось, что возможностью привлечь независимого эксперта защита Сэма Шэппарада до сих пор не пользовалась.

А потому этим правом Корриган-старший решил воспользоваться теперь, в январе 1955 г. Как говорится, лучше поздно, чем никогда…

Уже в первых числах января он обратился к прокурору округа Кайохога с заявлением об обеспечении допуска независимого эксперта на место преступления — в дом семьи Шэппард. Прокуратура противиться этому не стала, в конце концов, приговор Сэму уже был вынесен. После получения формального разрешения на осмотр дома Корриган-старший связался с известным калифорнийским криминалистом Полом Лиландом Кирком, 52-летним преподавателем одного из калифорнийских университетов, и попросил его приехать в Огайо, чтобы осмотреть место преступления.

Здесь необходимо сказать несколько слов о Поле Кирке. Это был человек энциклопедических знаний в теоретических вопросах криминалистики и биохимии и при этом с немалым опытом практической работы как преподаватель, обучавший будущих юристов на протяжении почти 30 лет.

Пол Лиланд Кирк. Фамилия этого человека неотделима от «дела Сэма Шэппарда».

Преподавательскую работу он начал ещё в 1924 г. в университете г. Питтсбург, затем переехал в Калифорнию, где был приглашён на работу в тамошний университет. В 1933 г. Кирк стал доцентом, а в 1949 и в 1950 гг. — полным профессором по кафедрам биохимии и криминалистики соответственно. В 1954 г. он отказался от преподавания биохимии и всецело сосредоточился на работе кафедры криминалистики. Красноречивый штрих к портрету: как большой специалист в области биохимии Пол Кирк в 1942-45 гг. работал по программе "Манхэттенский проект" (создание американской атомной бомбы). К 1954 г. он издал 4 научных монографии и 240 статей, а также выступил консультантом по 2 тысячам гражданских и уголовных дел. Его приглашали в суды Ямайки, Великобритании и Канады. Далеко не каждый криминалист из офиса коронера мог бы похвастаться таким опытом практической работы!

22 января 1955 г. Пол Кирк прибыл в Кливленд и сразу же отправился в Бэй-виллидж. В течение дня в сопровождении полицейского наряда он тщательнейшим образом осмотрел дом Шэппардов, изъял некоторые образцы крови, показавшиеся ему интересными, после чего убыл в Калифорнию. Полтора месяца Кирк готовил своё заключение, после чего представил его сначала Корригану-старшему, а позже — редакции журнала "Criminalist", где оно и было опубликовано.

Документ, подготовленный Кирком, оказался весьма большим — 19 машинописных страниц. Независимый

криминалист извлёк из осмотра столько новой информации, что имеет смысл остановиться на его исследовании подробнее. Самые существенные наблюдения и выводы Пола Кирка сводились к следующему:

а) подушка в кровати Мэрилин Шэппард использовалась жертвой для защиты головы от ударов. Обильные следы крови были обнаружены на обеих сторонах подушки (в полицейском протоколе осмотра места преступления об этом не сказано ни слова!). Именно тем, что жертва закрывала лицо подушкой, может быть объяснён тот факт, что криков Мэрилин никто не слышал: на самом деле Мэрилин кричала, но её голос заглушался подушкой;

б) странный след на лицевой части наволочки, образовавшийся, по мнению коронера Гербера, в результате того, что преступник положил на подушку "окровавленный медицинский инструмент", на самом деле имел куда более прозаическое происхождение — это был след большого кровавого пятна, зеркально отпечатавшийся в результате сгибания подушки. К загадочному "медицинскому инструменту" пятно это не имело ни малейшего отношения;

в) преступник опасался криков жертвы и для этого зажимал ей рот рукою. Его большой палец был прокушен передними резцами Мэрилин Шэппард — на это указывали по меньшей мере три несвязанных соображения:

— на внутренней поверхности губ Мэрилин Шэппард, согласно протоколу аутопсии, отпечатались зубы — такая картина наблюдается при сильном их прижиме и частичном закусывании. Если бы губы прижимались к зубам только подушкой, то подобного следа на них не осталось бы; нужное усилие может дать только рука;

— в протоколе осмотра трупа Мэрилин Шэппард содержалось указание на отсутствие у жертвы двух верхних передних резцов, однако преступник не наносил ударов орудием убийства по губам и нижней челюсти. Все его удары были сосредоточены в верхней части головы. Зубы жертвы могли быть вырваны преступником в момент сильного рефлекторного рывка, вызванного болью в травмированном пальце. Вырванные зубы были найдены расколовшимися в кровати и приобщены к делу, но кливлендских криминалистов они не заинтересовали. Между тем характер сколов ясно указывает на направление разрушающего воздействия: изо рта наружу. Факт, что никто из ответственных лиц не задумался о причине столь странного воздействия, ясно демонстрирует поверхностность и некомпетентность проведённого расследования;

Crime Expert to Study Sheppard Murder For New Evidence

By the Associated Press

CLEVELAND, Jan. 18—Invited by counsel for Dr. Samuel H. Sheppard, a West Coast crime expert will come here next week end to investigate the July 4 murder of Dr. Sheppard's wife, Marilyn.

Dr. Sheppard, convicted of the crime, is appealing his sentence to life imprisonment.

Dr. Paul L. Kirk, 52, a professor of criminalistics at the University of California, said he holds "no opinion in the case" and would be "completely neu-

Private Investigator Says Sheppard Case Is Not Yet Closed

By the Associated Press

CLEVELAND, Jan. 26.—Dr. Paul L. Kirk, University of California criminologist, declared "the Sheppard case is not closed," as he prepared to return to the West Coast today after spending three days investigating the July 4 murder of Marilyn Sheppard.

He said his private investigation was "going along satisfactorily," and added:

"I found a few things."

Dr. Kirk, who declined to elaborate, was hired by defense

New Sheppard Trial Fight On

CLEVELAND, May 4 (AP).—Defense attorneys today argued that a jury would have acquitted Dr. Samuel H. Sheppard if it had heard technical testimony that a strange intruder left a drop of blood at the scene of Marilyn Sheppard's murder.

The Bay Village osteopath is seeking a new trial on a claim of newly discovered evidence. He was convicted December 21 of slaying his pregnant wife last July 4 and is under life sentence.

In a hearing before the trial judge, Edward Blythin, the defense centered its drive for a new trial around an investigation conducted in January by Dr.

Привлечение Пола Кирка к сбору и анализу улик не прошло мимо внимания журналистов. В течение первой половины 1955 года в газетах как Огайо, так и других штатов появилось довольно много публикаций, посвященных работе независимого эксперта по «делу Сэма Шеппарда». Вот навскидку заголовки некоторых: «Эксперт по преступлениям изучит убийство Шеппард для поиска новых доказательств», «Частный исследователь заявляет, что дело Шеппарда не закрыто», «Борьба за новое разбирательство дела Шеппарда».

— полицейские обнаружили след крови на первом этаже здания, у основания лестницы. Кровь эта не могла попасть туда с орудия убийства; как показывает практика, свободное стекание крови даже с сильно окровавленного предмета (вроде топора, ножа или молотка) возможно в радиусе не более 20 м от места попадания крови на предмет (это максимальное расстояние, реально оно значительно меньше и составляет примерно 5–7 м при нормальной скорости движения человека с окровавленным предметом в руках). Время стекания крови очень ограничено и не превышает 45 секунд. Другими словами, если окунуть молоток в ведро с кровью, то стекание крови с молотка прекратится самое позднее через 3/4 минуты. Это наблюдение связано с фундаментальным свойством крови — способностью сворачиваться. Поэтому кровь на первом этаже возле лестницы могла очутиться лишь в одном случае — если она истекала непосредственно из раны. Сэм Шэппард открытых ран не имел, а Мэрилин Шэппард по дому не передвигалась, поэтому Пол Кирк предположил, что небольшую открытую рану получило некое третье лицо, присутствовавшее на месте преступления. Наиболее очевидным ранением представлялся именно укус преступника

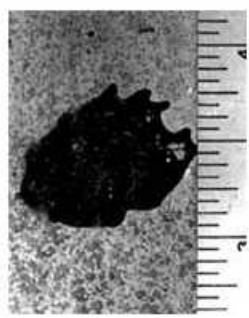
жертвою;

г) считая пункт «в)» доказанным, Пол Кирк предпринял попытку отыскать следы крови загадочного преступника. Полиция изъяла щепу из пола первого этажа со следом крови, приобщив его к уголовному делу как «улику № 87». Эту щепу прокуратура, разумеется, не выдала Кирку для проведения анализа крови (хотя и сама такой анализ не проводила и проводить в будущем отказалась). Поэтому Кирк постарался отыскать другие следы крови, которые могли быть связаны с действиями неизвестного лица на месте преступления. Его внимание привлекли кровавые мазки, оставленные на двери шкафа в спальне и на двери туалета. (Всего Кирк взял с места преступления 2 образца крови: с двери шкафа и с матраца, на котором лежало тело Мэрилин Шэппард.) В результате исследования образцов на групповую принадлежность, проведённого Кирком по возвращению в Калифорнию, было установлено, что они принадлежат «0» группе, но разным лицам, так как образцы сильно различались по составу. Возраст образцов был одинаков, Кирк посчитал, что им около 7 месяцев (к сожалению, в то время ещё не существовало способа выделения из крови так называемого Х-хроматина, который позволил бы однозначно определить половую принадлежность хозяина кровавого отпечатка). Одним из обладателей крови «0» группы являлась Мэрилин Шэппард, другим — неизвестное лицо, которым не могли быть её муж и сын;

д) изучив следы крови на полу спальни, Пол Кирк пришёл к выводу, что на быстро высохшие пятна попала в избыточном количестве вода, размывшая их края и придавшая им характерную нечёткость. Между попаданием на пол крови и воды прошло достаточно много времени — примерно 1–2 часа, так как пятна успели высохнуть. Это наблюдение Пол Кирк посчитал убедительным подтверждением точности рассказа Сэма Шэппарда о возвращении в спальню с пляжа в мокрых штанах и повторном ощупывании им тела Мэрилин в поисках пульса;

е) проанализировав распределение следов крови на стенах спальни и предметах окружающей обстановки, Пол Кирк отметил явную недостаточность описания их распределения в полицейском протоколе. (Фактически протокол упоминал лишь о крови на двери в спальню, между тем капли крови находились практически на всех объектах вокруг кровати — радиаторе отопления, двери, северной и южной стенах, шкафу и прочих; фактически крови не было только на потолке). Пол Кирк чётко разделил следы крови по источнику их происхождения: кровь, разлетавшаяся с орудия убийства во время замаха образовывала

капли не более 12 мм округлой или овальной формы; кровь, разбрызгивавшаяся раной в момент удара, давала многочисленные мелкие, сильно вытянутые капли; свободно истекавшая из ран кровь оставила большие кровавые пятна на постельном белье. Из рассмотрения капель крови эксперт заключил, что они разлетались с орудия убийства с различными скоростями, поскольку скорость его движения при замахе изменялась. По мнению Кирка, убийца орудовал левой рукой, в которой сжимал предмет длиною около 40 см, имевший "выступающий, но скруглённый край" (это мог быть ручной фонарь или ночной светильник. Напомним, что один из двух светильников, находившихся в спальне, исчез). Кирк убедительно доказал, что убийца не мог наносить удары слева, замахиваясь правой рукой, так как в этом случае распределение кровяных капель на предметах окружающей обстановки оказалось бы совсем иным (дуга разлёта стала бы примерно вдвое короче). Кроме того, убийца не мог замахиваться из-за головы, так как в этом случае кровавые пятна неизбежно попали бы на потолок (чего не наблюдалось). Таким образом, Кирк пришёл к выводу, что убийца наносил удары левой рукой слева, причём орудие убийства двигалось по пологой нисходящей траектории.

Размытый след крови на полу спальни, на который, согласно версии Пола Кирка, попала вода, стекавшая с брюк Сэма Шэппарда.

В своей статье для журнала "Criminalist" Пол Кирк коснулся и вопроса о возможном саморанении Сэма Шэппарда в целях имитации нападения. Он такими словами оценил вероятность подобного поступка со стороны осуждённого: "Поскольку человек, полностью сознающий опасность, связанную с ударом в заднюю часть шеи, сталкивается с почти непреодолимой трудностью контроля такого удара, никакой доктор никогда не рискнёт испробовать его на себе".

Заключение Пола Кирка, фактически доказавшего присутствие на месте преступления третьего лица, вдохнуло силы как в братьев Шэппард, так и адвокатов Сэма. В апреле 1955 г. они возбудили дело в Апелляционном Суде штата Огайо; в своём иске Корриган-старший напирал на многочисленные свидетельства неполноты прокурорского расследования, нарушение процедурных вопросов судом и предвзятость прессы, от негативного влияния которой жюри присяжных не было должным образом изолировано.

13 июля 1955 г. эта апелляция была отклонена.

А на следующий день мальчишки, купавшиеся в озере Эри неподалёку от участка пляжа, принадлежавшего Шэппардам, подняли со дна сильно деформированную лампу-ночник. Предмет этот в точности походил на ночной светильник, стоявший у кровати Мэрилин Шэппард и исчезнувший с места преступления. Металлические части лампы были сильно погнуты во многих местах; казалось несомненным, что деформация явилась следствием многочисленных ударов. Находка была предъявлена полиции Бэй-виллидж, но там она никого не заинтересовала: подросткам было заявлено, что «дело Сэма Шэппарда» закрыто, а потому нет никакой нужды тащить в полицию всякий хлам. Однако лампу эту в июле 1955 г. видели многие, в том числе и взрослые жители Бэй-виллидж, что немаловажно здесь отметить.

Сэмюэль Шэппард содержался в исправительной тюрьме штата Огайо, расположенной в городской черте Кливленда. Сын и братья пользовались правом ежемесячного свидания с заключённым. Отец и сын постоянно переписывались, впоследствии Сэм-младший признавался, что у него скопилась «целая гора» писем с тюремным штемпелем. Сэм Шэппард-старший подписывал свои послания буквами «VQP» — аббревиатурой латинской фразы «vincita quia patitura» («кто вынесет — победит»). Это изречение он избрал девизом своей дальнейшей жизни.

Сэм Шэппард-младший.

Уильям Корриган подготовил иск в Верховный Суд штата, в котором оспаривал правомерность осуждения Сэма Шэппарда в условиях явных нарушений процедуры судьёй Близиным. В апреле 1956 г. Верховный Суд не нашёл оснований для пересмотра приговора, но 2 из 9 его членов сделали особые заявления, в которых осудили нездоровую обстановку вокруг процесса 1954 г. и «вседозволенность прессы».

Братья Ричард и Стив продали дом Сэма Шэппарда и разделили оставшееся от осуждённого имущество. Во время раздела имущества выяснилось, что 2 спортивных кубка Сэма, полученные ещё во времена студенчества, разбиты. Когда это случилось и кто виновник акта вандализма, установить так и не удалось. Сэм Шэппард утверждал, что вплоть до 4 июля 1954 г. упомянутые кубки оставались целы; были ли они разбиты в ночь убийства Мэрилин или это случилось позже — неясно до сих пор. Полицейский протокол осмотра места преступления никаких указаний о судьбе кубков не содержит, но этот документ, как уже ясно любому, вообще был составлен предельно формально.

История с разбитыми спортивными кубками так и осталась тёмной, но к ней ещё придётся вернуться в другом месте и в ином контексте.

В 1956 г. редактор газеты «Кливленд пресс» Луис Зельцер (Lous B. Seltzer) издал книгу воспоминаний. Называлась она «Хорошие были годы» («The years were good»); одна из глав книги была посвящена «делу Сэма Шэппарда». Это была первая книга, предлагавшая читателю систематизированный обзор расследования убийства Мэрилин Шэппард и суда над её мужем. Сейчас число таких книг приближается к 40. Надо сказать, что возглавляемая Зельцером газета всегда демонстрировала абсолютную уверенность в виновности осуждённого и зло нападала на него. Из книги можно понять, что эту агрессивно-непримиримую тональность задавал сам редактор. Как увидим из дальнейшего, история с изданием мемуаров имела совершенно неожиданное и притом крайне унизительное для автора продолжение.

Между тем Уильям Корриган подготовил иск в Верховный Суд США, но его даже не приняли к рассмотрению. Произошло это в ноябре 1956 г. «Дело Сэма Шэппарда», таким образом, оказалось окончательно закрыто.

Шли годы. Казалось, ничего не происходило с «делом Шэппард» и произойти уже не могло.

Но 4 ноября 1959 г. полиция Кливленда задержала 30-

летнего Ричарда Эберлинга, работавшего мойщиком окон и обворовавшего клиента. У нищего разнорабочего в доме оказалась масса дорогих и не очень вещиц — дамских украшений, часов, столового серебра из разных наборов. Всё это барахлишко явно было ворованным. Дело казалось ясным; детективы быстро оформили ордер на обыск, изъяли подозрительные вещи и привезли их в здание полицейского управления для сортировки. Внимание полицейских привлекло массивное женское золотое кольцо с бриллиантами из разряда тех, что именуют в США «кольцом для вечеринок»; на внутренней поверхности можно было видеть гравировку «М. Шэппард».

Детектив Адельберт О'Хара поинтересовался у задержанного, откуда у него это кольцо. Эберлинг объяснил, что не так давно мыл окна в доме Стивена Шэппарда и там похитил это колечко. Детектив ничего не знал о разделе имущества между братьями Шэппард, зато он читал статью Пола Кирка в журнале «Криминалист» и хорошо помнил вывод автора о наличии на месте убийства следов крови неизвестного человека. Полицейский решил немного поиздеваться над мелким воришкой и, демонстрируя недоверие к словам задержанного, задал другой вопрос: «Почему же тогда твою кровь нашли в спальне убитой Мэрилин Шэппард?» Эберлинг как будто бы растерялся, но быстро взял себя в руки и ответил, что незадолго до трагических событий в Бэй-виллидж мыл окна в доме Шэппард и порезал палец; хозяйка дома разрешила ему промыть рану под краном в туалете второго этажа.

Эберлинг дал плохой ответ; надо было быть очень наивным человеком, чтобы удовлетвориться такой отговоркой.

Недоверие кливлендских детективов ещё более усилилось, когда из полицейского архива поступило запрошенное «дело» на Эберлинга. Стекломой оказался ещё тем жуком!

Ричард Эберлинг, он же Джордж Ленардик, во время задержания полицией Кливленда в 1959 г. Этот вор, мошенник и

убийца окажется причастен к «делу Сэма Шэппарда» много ближе, чем это сочтут поначалу. Но пройдут многие годы, прежде чем странные совпадения, связанные с действиями и словами этого человека, получат должную оценку.

Родился он 8 декабря 1929 г., и звали его поначалу Джордж Ленардик. Мама Джорджа была проституткой, и её быстро лишили родительских прав, папу, понятное дело, мальчик никогда не знал, хотя всю свою сознательную жизнь с настойчивостью, достойной лучшего применения, пытался отыскать. Это желание постепенно превратилось в его навязчивую идею.

Джордж Ленардик был усыновлён зажиточным фермером Джорджем Эберлингом, человеком твёрдых религиозных установок, который тщетно пытался вырастить из дегенеративного сына шлюхи нормального члена общества. Пасынок откровенно презирал отчима за его трудолюбие и преданность религиозным идеалам. Ленивый, но хитроумный Ленардик рано стал демонстрировать социопатические черты, и, в конце концов, как отмечали все его родственники, вырос форменной сволочью. Уже в начальной школе кроме лживости и склонности к воровству он стал демонстрировать рано пробудившееся половое чувство. Комплекс «дон-жуана» (потребность постоянно менять полового партнёра) Ленардик пронёс через всю свою жизнь; можно сказать, что это была его вторая ide-fix после розыска папаши. Имелась и третья, связанная с облысением: волосёнки у Джорджа Ленардика с самой юности были жидкими и стали рано выпадать. Он здорово комплексовал по этому поводу и уже в 20 с небольшим лет стал покупать парики, собрав, в конце концов, приличную коллекцию. Молодой мужчина с дюжиной париков в чемодане, согласитесь, в любом обществе произведёт странное впечатление!

Джордж Эберлинг чувствовал, что пригрел на груди змею и не хотел разрешать пасынку пользоваться своей фамилией усыновителя, опасаясь, что тот опозорит весь род Эберлингов. Между тем Ленардик был прямо-таки одержим идеей поменять неблагозвучную фамилию матери-еврейки на благородную тевтонскую фамилию «Эберлинг». В 1946 г. Джордж Эберлинг неожиданно скончался — он выпил раствор сулемы, применявшийся на ферме в качестве потравы для вредителей. Джордж вовсе не хотел кончать с собою, просто во время обеда он перепутал стаканы и вместо сока выпил яд. Надо ли особо говорить, что по странному стечению обстоятельств в этот момент с ним не оказалось рядом ни жены, ни сыновей. Один

только Ленардик возился в подвале…

Когда вскрыли завещание, выяснилось, что покойный отписал 70 % имущества… пасынку. Более того, он разрешил тому взять фамилию Эберлинг.

Это не лезло ни в какие ворота! Подобному завещанию не мог поверить никто, знавший простодушного трудягу-фермера. Сыновья Джорджа Эберлинга возбудили дело о мошенничестве, да только ничего не доказали. В конце концов, Джордж Ленардик удовольствовался выплаченными ему отступными, покинул постылую ферму и укатил жить в Кливленд. Ну и, разумеется, сменил имя и фамилию. Так в 17 лет он превратился в «Ричарда Эберлинга».

Жил молодой человек беспутно, перебивался случайными заработками, учиться и не думал. В 1956 г. он вторично попал в поле зрения правоохранительных органов. В тот год на День Независимости он укатил в лесной мотель с 23-летней Барбарой Энн Кинзел; 5 июля автомашину Эберлинга нашли в лесу, врезавшейся в дерево. Шофёр исчез, а мёртвая женщина с сильно разбитым лицом осталась в салоне. Эберлинг признал, что во время ДТП находился за рулём; по его словам, он не справился с управлением и выкатился за пределы дорожной полосы; увидев мёртвую спутницу, он якобы запаниковал и убежал в лес. Эберлинг не получил ни единого перелома, отделавшись лишь испугом да ссадинами, вообще же, как показала транспортная экспертиза, скорость автомашины в момент удара была очень невелика… Впрочем, смерть Барбары Кинзел никого в дорожной полиции не насторожила, и всё произошедшее списали на несчастный случай.

Теперь вот, в ноябре 1959 г. Эберлинг оказался связан с событиями в доме Сэма Шэппарда. Да притом как связан! Признал возможность присутствия собственной крови на месте убийства!

Кливлендские детективы со всей серьёзностью отнеслись к полученной информации. В клининговой компании они немедленно проверили утверждение Эберлинга о мойке окон в доме Шэппардов в конце июня — начале июля 1954 г. Выяснилось, что такие работы действительно проводились 2 июля того года. Одновременно с этим полицейские предложили задержанному проверку на полиграфе. Тот согласился.

Оператором «детектора лжи» был полицейский Кимбелл. Опрос Эберлинга состоялся в тот же самый день, что и задержание — 4 ноября 1959 г. Оператор счёл полученный результат вполне удовлетворительным для того, чтобы снять подозрения с Ричарда Эберлинга. Полицейские успокоились,

правда, соблюдая формальность, позвонили адвокату Корригану-старшему и рассказали об обнаружении кольца Мэрилин Шэппард. Адвокат поначалу заинтересовался этой историей, но услышав, что Эберлинг благополучно прошёл проверку на полиграфе, сразу потерял к ней интерес.

Момент сей весьма любопытен, поскольку выпукло демонстрирует характерную для многих образованных американцев (неглупых, в общем-то, людей) формализм и даже примитивность мышления. Они до такой степени верят в прогресс и непогрешимость техники, что не задумываются над тем, как эта слепая вера может жестоко их обмануть. Несмотря на кажущуюся эффективность, полиграф не является и не может являться абсолютным по эффективности прибором установления истины. Практика показывает, что примерно 4 % людей обманывают «детектор лжи», даже не имея специальных знаний о том, как это надо правильно делать. В том случае, когда люди специально обучаются обману полиграфа, процент успешно проходящих проверку лгунов резко возрастает и превышает 50 %. Американцы были шокированы, когда в 70-х гг. 20-го столетия узнали о том, что направляемые на работу за границу сотрудники советских спецслужб поголовно обучаются технике противодействия полиграфу. ЦРУ и ФБР США считали, что владеют «абсолютным оружием» установления истины, однако, как это часто бывало в истории прежде, «абсолютное оружие» оказалось в отношении русских вовсе не «абсолютным». Конечно, американцы тут же постарались усложнить работу своих «детекторов лжи», значительно увеличив число каналов съёма информации (сейчас их число достигает трёх десятков), усложнив вербальную технику допроса с использованием полиграфа, но на все эти хитрости всегда вырабатывались эффективные контрприёмы.

В принципе, для того, чтобы успешно противостоять допросу с использованием полиграфа, человек должен уметь быстро «раскачивать» свою нервную систему, нагнетать и снимать напряжение. Значительное число истериков, психопатов, профессиональных актёров прекрасно умеют это делать без всякой подготовки на спецсеминарах. Когда такой человек получит теоретические знания о том, в чём же именно состоит хитрость построения допроса с использованием полиграфа, он не позволит себя поймать на лжи. В худшем для него случае результат проверки окажется «неопределённым». Следует помнить, что анализирует результаты допроса всегда человек (оператор полиграфа), а потому задача, фактически, сводится к обману именно его, а вовсе не машины (это обстоятельство американцы тоже упускали из вида).

Примечательно, что в конце 80-х гг. 20-го столетия до американцев дошло, наконец, что полиграф может быть обманут, и показания к использованию допроса с его применением значительно изменились. Теперь считается, что допрос с использованием «детектора лжи» эффективен лишь в том случае, если с момента преступления прошло немного времени и преступник всё ещё переживает острый стресс. Чем больше проходит времени с момента преступления, тем ниже оцениваются шансы на разоблачение виновного посредством «детектора лжи».

Завершая разговор о применении полиграфа в следственной практике, можно добавить, что в СССР и РФ это устройство никогда не абсолютизировалось и не рассматривалось как безусловно надёжное. Хотя уже с 60-х гг. прошлого века полиграфы широко использовались отдельными подразделениями КГБ СССР и ГРУ ГШ МО, применение их было скорее прикладным, нежели по прямому назначению. С помощью импортных «детекторов лжи», например, проверялись психомоторные реакции, полушарность мышления, решались специфические задачи в интересах психологической поддержки личного состава, проводились собеседования разного профиля. Работа эта велась с личным составом подразделений спецслужб, и в собственно следственной практике полиграфы почти не использовались. Дорогу широкому применению «детекторов лжи» в раскрытии преступлений открыл Приказ МВД РФ от 28.12.1994 г «Об утверждении инструкции о порядке использования полиграфа при опросе граждан» (сама Инструкция, утверждённая Генеральной прокуратурой, МВД и ФСБ РФ, зарегистрирована в Министерстве юстиции 28.12.1994 г.). Можно сказать, что только с этого момента началось открытое использование полиграфа в нашей стране.

Завершая разговор о судьбе Ричарда Эберлинга, остаётся добавить, что в 1959 г. он отделался всего лишь испугом: его условно приговорили к 90-дневному тюремному заключению. В дальнейшем судимость сняли ввиду его примерного поведения, так что в тюрьму Ричард Эберлинг тогда не попал.

В 1959 г. Сэм Шэппард-старший принял участие в исследовательской программе по изучению влияния на человека различных патогенных и вредных воздействий. Надо сказать, что американцы довольно широко испытывали на людях различные лекарства, токсины, опасные излучения (радиоактивные, СВЧ-, акустические). Основной контингент испытателей составляли узники тюрем, приговорённые к смертной казни или очень длительным срокам заключения; за участие в испытаниях им

обещали смягчение режима содержания и разного рода поблажки. Известный преступник Натан Леопольд, участник нашумевшего в 1924 г. «убийства ради удовольствия» (так называемое «дело Леопольда-Лёба»), благодаря участию в программе испытаний новых штаммов тифа был помилован в 1958 г. Очевидно, Сэм Шэппард надеялся повторить его результат. Он записался в программу по изучению вопроса о возможности искусственного инфицирования человека онкологическими заболеваниями и получил ряд инъекций с живыми раковыми клетками.

На протяжении двух лет за состоянием его здоровья наблюдали врачи, после чего был сделан вывод о непривитии рака. Сейчас считается, что онкологическое заболевание невозможно вызвать инъекцией или переливанием крови, но полвека назад медицинская наука имела на сей счёт весьма противоречивые суждения.

В начале 1961 г. увидела свет книга американского судьи Пола Холмса «Дело об убийстве Шэппард» (Poul Holmes: «The Sheppard murder case»). Это был первый печатный материал, подвергавший официальную версию событий 1954 г. серьёзному анализу и оценке. Последняя получилась у Холмса на редкость нелицеприятной: осуждение Сэма Шэппарда автор книги назвал «позором американского правосудия». Холмса как профессионального юриста интересовали прежде всего не криминалистические версии и умозаключения, а процедурная сторона следствия и судебного процесса в Кливленде. Приведя обширные фрагменты судебной стенограммы, выдержки из газет, теле- и радиорепортажей, автор на их основе показал вопиющие нарушения духа и буквы американских законов, допущенные коронером Сэмюэлем Гербером и судьёй Эдвардом Близиным. Впрочем, последнему разоблачения Пола Холмса уже ничем не грозили: в 1958 г. он умер, окружённый всеобщим вниманием и почтением.

1961 г. принёс семье Шэппардов новые проблемы. Во время остеопатических манипуляций Стива скончался пациент; родные потребовали от доктора компенсации, тот платить отказался. Последовало обращение в суд, который Стивен Шэппард проиграл; в октябре он был вынужден выплатить семье погибшего 50 тыс.$. Ещё до вынесения приговора скончался адвокат семьи Шэппард — Уильям Корриган-старший. Произошло это 30.07.1961 г.

Ричард и Стив, однако, не забыли находившегося в тюрьме брата. После смерти адвоката они обратились к Полу Холмсу с просьбой принять на себя его функции и попытаться организовать процесс по освобождению Сэма. Холмс отказался от предложения,

но ответил, что ему знаком достойный человек, который мог бы взяться за это дело.

Речь шла о Френсисе Ли Бейли.

Человек этот хорошо знаком всем, интересующимся историей преступности в Соединенных Штатах. Адвокат Ли Бейли не раз появлялся в моих работах, посвящённых «Бостонскому Душителю»[1] и «Зодиаку»[2], расследованиях, прямо скажем, далеко не рядовых. Поскольку фамилия этого незаурядного юриста снова всплывает в неординарном расследовании, имеет смысл подробнее рассказать о его судьбе.

Френсис Ли Бейли. Фотография сделана в середине 1960-х гг., в то самое время, когда адвокат работал по делу «Бостонского Душителя».

Ли Бейли родился 10 июня 1933 г., в 1950 г. поступил

в Гарвардский колледж, но обучение не закончил, поскольку в 1952 г. был призван на действительную военную службу в Корпус морской пехоты, где попросился в школу пилотов лётчиков-истребителей. Через 2 года он получил допуск к полётам, в том числе и с авианосцев. В качестве лётчика он отслужил ещё два года и демобилизовался в 1956 г. Любовь к авиации Ли Бейли пронёс сквозь всю свою жизнь; разбогатев, он купил самолёт, на котором летал через всю страну (общий его налёт в качестве пилота реактивного самолёта превысил 15 тысяч часов, что очень много). Кроме того, в 70-е годы Ли Бейли учредил и возглавил компанию «Enstrom», расположенную в г. Меномайн, штат Мичиган. Компания эта специализировалась на разработке и производстве комплектующих для вертолётов.

Вернувшись из армии, Френсис продолжил обучение в Гарварде, курс он закончил в 1960 г. лучшим студентом в выпуске юридического факультета. В качестве адвоката ему довелось поучаствовать в большом количестве сенсационных процессов. В их ряду, кроме уже упоминавшихся, можно назвать и защиту Патрисии Хёрст, и участие в защите О-Джея-Симпсона.

Давно замечено, что талантливый человек талантлив во всём. Наблюдение это в отношении Ли Бейли совершенно справедливо — он не только энергичный и оригинально мыслящий юрист, но и выдающийся менеджер. Помимо компании «Enstrom», Френсис является учредителем или членом правления ещё полудюжины успешных предприятий, в том числе крупного издательства «TelShare». Им самим или в соавторстве написаны более 70 книг, в которых он предстаёт как талантливый публицист; кроме того, за всю свою жизнь Ли Бейли прочёл более 2,5 тыс. публичных лекций. Френсис регулярно появлялся на телевидении, в том числе в самых рейтинговых программах, так что этот адвокат известен воистину всей стране. Вряд ли будет большим преувеличением сказать, что Ли Бейли — это хорошо раскрученный бренд, широко известная торговая марка.

В 1994 г. одним из клиентов Френсиса Ли Бейли стал наркоторговец Клод ДюБок. Последний владел пакетом акций фармацевтической компании стоимостью около 6 млн.$; согласно решению суда ДюБок должен был передать акции американскому правительству (если точнее — правительству штата Флорида). Ли Бейли задержал перевод акций, требуя оплаты собственных услуг из их стоимости (поскольку ДюБок оказался разорён в результате конфискаций и не мог оплатить адвокату его услуги). Более полутора лет тянулась переписка по этому вопросу; за это время стоимость акций достигла 21 млн.$. В конце концов, Верховный Суд штата за неуважение к суду наложил на Ли Бейли штраф в

размере 2,3 млн.$. Адвокат отказался его оплачивать, за что был приговорён к 6-месячному тюремному заключению. Сначала Ли Бейли скрылся от правосудия, явно рассчитывая добиться отмены приговора, но по здравому размышлению решил сдаться властям. 8 марта 1996 г. он был помещён в тюрьму города Таллахасси, где пробыл в заключении 44 дня. После этого Ли Бейли выплатил наложенный штраф и вышел на свободу.

В настоящее время — речь идёт об осени 2023 года — Ли Бейли жив и несмотря на 90-летний возраст вполне активен.

О своём участии в «деле Сэма Шэппарда» адвокат рассказал в книге «Защита никогда не отдыхает» (Francis Lee Bailey: «Defense Never Rests»), изданной в 1971 г. и ставшей с той поры подлинным бестселлером.

Френсис Ли Бейли принял предложение Пола Холмса и приехал в Кливленд для встречи с братьями Шеппард. Сначала он повидался со Стивом, после чего вместе с последним отправился в тюрьму на встречу с Сэмом. Честолюбивый адвокат, убедившись в наличии огромного числа процедурных нарушений и сомнительности выдвинутого против Сэма Шэппарда обвинения, понял, что это дело даёт ему реальный шанс прославиться на всю страну. Единственное, что от него требовалось — грамотно подойди к выработке алгоритма действий.

Для пересмотра приговора в отношении Сэма Шэппарда адвокат решил апеллировать к существующей в англо-американском правосудии юридической норме, именуемой «habeas corpus». Это словосочетание восходит к закону, принятому в Великобритании в 1679 г., который обязывал судебную власть проверять правильность ареста по требованию заинтересованного лица. С течением времени норма эта несколько видоизменилась, но суть её осталась прежней: от судьи можно требовать проверки правильности ареста и помещения в тюрьму любого лица, даже в том случае, если лицо это лишено свободы на основании приговора суда. Разумеется, подобная проверка возбуждается не на основании голословной просьбы, а при предъявлении свидетельств, позволяющих усомниться в справедливости заявленного подозрения, официально выдвинутого обвинения или вынесенного приговора. В каком-то смысле принцип «habeas corpus» аналогичен существующему в отечественной судебной практике понятию «возбуждение дела по вновь открывшимся обстоятельствам», хотя первый несколько шире и может быть применим вообще к любым видам лишения человека свободы. Имеются определённые ограничения на применение этого принципа, но для нас сейчас важно то, что к Сэму Шэппарду они не имели отношения, а значит, данная

норма могла быть к нему применена.

Френсис Ли Бейли, апеллируя к «habeas corpus», решил вновь открыть «дело Сэма Шэппарда». Разумеется, для этого необходимы были серьёзные основания. Работу свою адвокат повёл в нескольких направлениях:

— проведение проверки Сэма Шэппарда на полиграфе с целью получения аппаратно подтверждаемого свидетельства его невиновности;

— применение к Сэму Шэппарду гипноза или "сыворотки правды" для получения глубоких, скрытых в подкорке головного мозга воспоминаний о событиях ночи с 3 на 4 июля 1954 г., о существовании которых сам осуждённый мог даже и не догадываться;

— проведение самостоятельного расследования убийства Мэрилин Шэппард, с целью установления событий, фактов и свидетелей, о которых полиция и прокуратура не смогли узнать во время расследования (либо узнали, но не пожелали предать огласке ввиду противоречия официальной версии);

— проведение в средствах массовой информации активной компании в поддержку Сэма Шэппарда, в целях оказания давления на судебные инстанции в благоприятном для осуждённого направлении.

Подав прошение о допуске к заключённому врача-гипнолога и специалиста по допросам с полиграфом, Ли Бейли принялся за «работу с прессой». Начал он с упоминавшегося уже Луиса Зельцера, поскольку этот писака являлся наибольшим антагонистом Сэма Шэппарда и, очевидно, мог представить большую опасность при пересмотре дела.

Френсис Ли Бейли явился в кабинет Зельцера и объяснил тому, что намерен добиться освобождения осуждённого. Поскольку газета, редактируемая Зельцером, и сам он лично много сделали для того, чтобы опорочить невиновного человека и дискредитировать его в глазах жителей города, Ли Бейли предложил журналисту исправить ошибки прошлого и возглавить компанию по реабилитации Сэма Шэппарда. Адвокат обещал предоставить возглавляемому Зельцером изданию информацию, доказывающую несправедливость суда 1954 г. Зельцер стал издеваться над Ли Бейли и, в конце концов, ядовито поинтересовался, что тот вообще сможет ему сделать? "Для начала я набью тебе морду, а ты попробуй подать на меня в суд!" — выкрикнул адвокат. Редактор тут же вызвал в кабинет помощников из соседний комнаты, но Ли Бейли, не беспокоясь из-за присутствия свидетелей, трижды ударил Зельцера по лицу, после чего спокойно вышел из редакции. Его никто не остановил.

Примечательно, что никто из подчинённых не бросился на защиту редактора, видимо, все знали, какая это каналья!

В дальнейшем Ли Бейли всегда с удовольствием рассказывал об этом эпизоде, в том числе и в телевизионных передачах. Когда Зельцера спрашивали о подробностях инцидента, тот неизменно отвечал, что Ли Бейли всё выдумал и никакого мордобоя не было. Адвокат же в развернувшейся заочной полемике всегда указывал на наличие свидетелей этой сцены, которые подтвердят под присягой точность его слов.

В общем, Ли Бейли жестоко и уничижительно отомстил Зельцеру. Надо ли говорить, что никакого вызова в суд не последовало? Журналист перепугался до такой степени, что в дальнейшем никогда не писал о Сэме Шэппарде. Случившееся, кстати, послужило отличным уроком и прочим кливлендским писакам — в последующие годы все публикации о "деле Сэма Шэппарда" носили либо подчёркнуто нейтральный, либо благожелательный тон.

Из событий 1961 г. следует упомянуть о ещё одном примечательном факте: в конце года развелись Спенсер и Эстер Хоук. История получилась некрасивой — жена обвиняла мужа в том, что тот педераст и гуляет от неё напропалую. Спенсер в свою очередь заявлял, что сильно страдает от психических отклонений неумеренно пьющей супруги и не живёт с нею как с женщиной уже несколько лет. Эстер действительно много пила и периодически безуспешно лечилась от этого порока.

Ли Бейли, приступая к сбору сведений о событиях 1954 г., с удивлением обнаружил, что репутация бывшего мэра Бэй-виллидж среди избирателей была, мягко выражаясь, не на высоте. В городке циркулировали слухи о том, что неслучайно именно Хоуки очутились на месте убийства Мэрилин Шэппард первыми — данное обстоятельство казалось многим весьма подозрительным. Разумеется, Ли Бейли прекрасно знал о том, что в своё время полиция Кливленда задерживала Спенсера Хоука и обвиняла его в убийстве Мэрилин Шэппард.

Ли Бейли удалось отыскать важного свидетеля, о котором ничего не знали ни полицейские, ни братья Шэппард. Некто Джек Кракан, работавший в 1954 г. в булочной, сообщил адвокату, что лично видел, как незадолго до своей гибели Мэрилин Шэппард отдала ключи от дома некоему неизвестному мужчине, сказав при этом: "Только чтобы Сэм не видел!" Произошло это в булочной, и встреча — явно неслучайная! — была обставлена так, чтобы не возбудить чьих-либо подозрений. Кракан утверждал, что может поклясться в точности своих слов, и был готов свидетельствовать в суде.

Разумеется, Ли Бейли повидался и с Ричардом Эберлингом. Тот тоже рассказал немало интересного. Согласно версии событий, изложенной Эберлингом, 2 июля 1954 г. (то есть в тот день, когда он мыл окна в доме Шэппард) к Мэрилин в гости приехал Спенсер Хоук. Произошло это примерно в 11 часов, Сэм Шэппард ещё находился дома. Формальным поводом для визита мэра послужила доставка заказанного мяса — Спенсер Хоук владел мясным магазином, и поскольку проживал по соседству с Шэппардами, то по пути домой завёз сделанный по телефону заказ. Из дружеских, так сказать, чувств, по-соседски. В начале двенадцатого часа или чуть позже Сэм Шэппард уехал на своём "ягуаре" на работу, и Мэрилин осталась со Спенсером с глазу на глаз. Они довольно долго пробыли наедине. В конце концов, в доме Шэппардов появилась разъярённая Эстер Хоук, которая закатила страшный скандал и вопила, что убьёт Мэрилин. Спенсеру пришлось силой увести взбеленившуюся супругу. Мэрилин, понимая, что Эберлинг оказался невольным свидетелем некрасивой сцены, объяснила свидетелю, что Эстер — психически нездоровая женщина, и потому не следует её слова принимать всерьёз. Выглядела она при этом крайне смущённой.

Собирая сведения о процессе 1954 г., Ли Бейли посетил здание суда, где тот проходил. Он обратил внимание на то, что зал, отведённый под слушания, практически не имел свободного места, между тем было известно, что перед процессом в этом зале поставили дополнительный ряд кресел. Реконструируя события того времени, адвокат выяснил, как именно был установлен дополнительный ряд кресел, и измерил расстояние от него до стола, за которым помещались защитники. Оно составило всего 1,2 м — ровно столько, чтобы адвокаты, отодвигая стулья, не ударяли ими по коленям сидевших в первом ряду журналистов. Это было неслыханно! Понятно, что ни о каких доверительных переговорах за столом защиты не могло быть и речи — сидевшие вплотную журналисты могли слышать практически всё. Кроме того, они могли читать записи адвокатов. Получалось, что судья Эдвард Близин, санкционировавший перестановку в зале накануне процесса, посягнул не только на тайну совещательной комнаты присяжных, но и на адвокатскую тайну тоже!

Кроме того, Френсису Ли Бейли удалось раздобыть сведения о возможной измене мужу Мэрилин Шэппард. Следствие в 1954 г. совсем не интересовалось этим вопросом, между тем однобокий упор на измены мужа без изучения поведения жены вряд ли был способен дать объективную картину внутрисемейных отношений. Ли Бейли нашёл свидетеля, своими глазами видевшего, как Мэрилин Шэппард целовалась с мужчиной, который не был

Сэмом. Свидетель знал этого человека, и он назвал его адвокату, но тот в своей книге фамилию эту не повторил. Нам ещё придётся вернуться к обсуждению этого направления розысков Ли Бейли, поскольку в силу ряда обстоятельств их результат так и не был обнародован.

Адвокату удалось осуществить проверку Сэма Шэппарда на полиграфе. Осуждённый успешно её прошёл. Впрочем, с точки зрения современных представлений о технике подобных допросов следует заметить, что такой допрос не может считаться репрезентативным. Сейчас американские специалисты по работе с полиграфом считают, что по прошествии большого отрезка времени с момента проверяемого события (в нашем случае — 8 лет) острота восприятия случившегося сильно снижается, и достоверность проверки стремится к нулю. Но в начале шестидесятых годов прошлого века на это дело смотрели иначе.

С Сэмом Шэппардом поработал и врач-гипнолог. Результат оказался неожиданным даже для самого осуждённого. В состоянии транса Сэм рассказал, что во время нападения на Мэрилин в спальне находились два человека, но он видел только одного из них — второй стоял в стороне от двери, и когда Сэм вбежал в комнату, тот оказался у него за спиной. Он-то и ударил Шэппарда по затылку. Впоследствии, придя в сознание, Сэм увидел, что этот человек хромает. Находясь в полубессознательном состоянии возле кровати жены, Сэм Шэппард слышал, как нападавшие обсуждали, что с ним делать. В конце концов, они решили его не добивать, полагая, что он скончается и так. В какой момент времени и почему разделились эти люди, Сэм Шэппард вспомнить не мог.

Ведя поиск лиц, способных помочь ему в его деле, Френсис Ли Бейли связался с упоминавшейся выше Дороти Килгаллен, знаменитой американской тележурналисткой. Дороти очень сочувственно относилась к Сэму Шэппарду, считая его осуждение несправедливым. Она рассказала адвокату о беседе с судьёй Эдвардом Близиным, состоявшемся накануне открытия процесса 1954-го года. Последний сказал ей буквально следующее: «Это дело открыто и закрыто одновременно. Шэппард адски виновен, и в этом нет никаких сомнений!» Килгаллен, по её словам, была поражена тем негативным чувством, с каким судья относился к обвиняемому; понятно, что ни о каком беспристрастном рассмотрении дела при подобном отношении не могло быть и речи. Разумеется, свидетельство Дороти Килгаллен было очень важно; Ли Бейли попросил журналистку повторить свой рассказ в суде, и она дала слово быть свидетелем защиты.

Кстати, Килгаллен очень помогла Ли Бейли и в другом деле:

она ввела его в круг телевизионных продюсеров и журналистов, чем адвокат не преминул воспользоваться в интересах дела. Бойкий, говорливый, энергичный, мгновенно переходящий от тонкой иронии к глубокому сарказму, Ли Бейли великолепно вписывался в формат телевизионных шоу. Он являлся презанятным собеседником, не нуждался в шпаргалках и моментально находил удачные ответы — о подобном госте программы мог мечтать любой телеведущий. В 1962 г. Ли Бейли появился в телевизионной программе с переносным "детектором лжи" и "подверг допросу" популярную актрису Доди Гудмен. Помимо хохмочек и комплиментов звезде, он успел рассказать телезрителям о принципах работы полиграфа и о "деле Сэма Шэппарда". Передача с участием Ли Бейли до того понравилась аудитории, что вызвала шквал телефонных звонков. Адвоката стали наперебой зазывать в различные телепрограммы, и он везде обязательно упоминал о проводимой им подготовке пересмотра дела.

Следующим весьма удачным ходом Ли Бейли явилось учреждение благотворительного фонда в поддержку невинно осуждённого Сэма Шэппарда. В принципе, Шэппарды были весьма зажиточны, и благотворительные взносы в фонд, разумеется, не могли компенсировать их затрат, но тут важен был не финансовый аспект, а возможность проведения шумной PR-кампании. Всевозможные публикации и интервью, вызванные якобы необходимостью сбора средств, на самом деле преследовали совсем иную цель — они формировали в обществе благожелательное отношение к заключённому.

В этом непростом деле очень к месту пришлось событие, не связанное напрямую с деятельностью Ли Бейли, но использованное им с максимальной эффективностью. В начале 1963 г. по американским телеканалам началась трансляция криминального сериала «Беглец», основанного на фабуле «дела Сэма Шэппарда». Многие сюжетные повороты напрямую были позаимствованы из жизни; даже настоящего преступника режиссёр Рой Хаггинс поначалу хотел сделать «высоким брюнетом в белой рубашке». Лишь в последний момент по настоянию юристов, испугавшихся возможного судебного преследования из-за очевидных аналогий, убийца стал «высоким и одноруким». По сюжету главный герой сериала ошибочно обвинялся в убийстве жены, попадал в тюрьму, но бежал оттуда и принимался за самостоятельные розыски убийцы. «Беглец» сделался в 1963 г. самым высокорейтинговым сериалом за всю историю американского телевидения. В 1993 г. по мотивам сериала «Беглец» был снят фильм с Харрисоном Фордом в

главной роли.

13 февраля 1963 г. отец Мэрилин Шэппард — Томас Риз — покончил жизнь самоубийством. Он выстрелил себе в голову из дробовика.

Ровно через два месяца — 13 апреля 1963 г. — Френсис Ли Бейли зарегистрировал иск о проверке правильности заключения под стражу Сэмюэля Шэппарда. В исковом заявлении адвокат указывал на нарушение фундаментального конституционного права обвиняемого — права на объективное правосудие и приводил большое число конкретных примеров предвзятого отношения к нему со стороны журналистов и представителей власти. Отдельным пунктом иска явилось перечисление многочисленных нарушений процессуальных норм, допущенных судьёй Эдвардом Близиным.

Следует отметить, что активность Ли Бейли не прошла незамеченной лицами, причастными к обвинению Шэппарда. Коронер Сэм Гербер, приложивший свою руку к формированию негативного отношения к обвиняемому, ещё до рассмотрения иска Ли Бейли по существу поспешил выступить с примечательной, но довольно странной инициативой: он направил письмо министру юстиции штата Огайо Уильму Саксби, в котором предложил тому выступить с инициативой… помилования Сэма Шэппарда Губернатором. Причём о своей гуманной активности Гербер поспешил сообщить журналистам, сам же министр с ними на эту тему говорить отказался и, кстати, странную просьбу коронера отклонил.

Коронер — это должность, находящаяся в служебном отношении много ниже министра юстиции и не в прямом подчинении последнего. Посылка подобного письма явилась со стороны Гербера явной бестактностью; кроме того, не имелось никаких фактических оснований для реализации того предложения, с которым выступил инициативный коронер. Объяснение этого странного поступка может быть только одно — шкурный интерес. Гербер, убедившись в серьёзности намерений Ли Бейли, испугался, что пересмотр дела вскроет его собственные — коронера — глупость, некомпетентность и произвол, столь ярко продемонстрированные в 1954 г. Стремясь упредить разоблачительные открытия, которые могли бы последовать в ходе нового суда, Гербер испытал прилив столь несвойственного ему гуманизма, выразившийся в инициативе с письмом министру юстиции.

В 1963 г. в жизни Сэма Шэппарда произошло весьма примечательное событие: он впервые увиделся с Ариан Теббенджоханнс (Ariane Tebbenjohanns), немкой из ФРГ,

принявшей живое участие в его судьбе. Ещё в 1957 г. она случайно узнала о «деле Сэма Шэппарда», прочитав статью в немецком журнале о загадочном убийстве в Бэй-виллидж и экспертизе Пола Кирка. Когда Ли Бейли создал благотворительный фонд в поддержку осуждённого, Ариан прислала самый большой денежный перевод — 1 тыс. марок ФРГ (немногим более 250 $). Родившаяся в 1931 г. очаровательная немка являлась наследницей большого состояния, была замужем за владельцем крупных сталелитейных заводов, но развелась с ним и приехала в США, чтобы помочь Ли Бейли в деле освобождения Сэма Шэппарда. Появление в команде его сторонников обаятельной и притом богатой блондинки добавило истории романтический оттенок и весьма способствовало росту общественного интереса к действиям Ли Бейли (что последний, разумеется, только приветствовал).

Во время своей первой встречи с осуждённым Ариан подарила ему прядь своих волос. Начальник тюрьмы Максвелл, узнав о подарке, высмеял Сэма Шэппарда перед строем заключённых. Разгневанный Шэппард, понимая, что не может ударить тюремщика без угрозы добавления себе новых лет отсидки, плюнул ему в лицо на глазах сотен людей. За этот поступок он был немедленно избит конвоем и помещён на неделю в карцер: начальник тюрьмы поместил бы его туда и на больший срок, да только правила тюремного распорядка запрещали держать узника в бетонном мешке более 7 дней.

История с помещением в карцер наделала много шума и прибавила Сэму Шэппарду популярности. И заключённые тюрьмы, и конвоиры открыто заявляли о своей симпатии пострадавшему; Ли Бейли выжал из случившегося максимум возможного. Во всех интервью и выступлениях на публике он говорил о произволе тюремной администрации и делал это, как всегда, толково и зажигательно. В конечном итоге тюрьма в Кливленде была закрыта, переведена за пределы города, а штат её переформирован. Начальник тюрьмы, надо думать, сам был не рад той кутерьме, что заварил неудачной насмешкой над заключённым Сэмом Шэппардом.

Френсис Ли Бейли и Ариан Теббенджоханнс (на заднем плане) дают интервью журналистам после очередного посещения Сэма Шэппарда в тюрьме.

Ожидание судебного разбирательства затянулось более чем на год, сам же суд потребовал всего двух дней — с 14 по 16 июля 1964 г. Вёл процесс судья Вейнман. Ознакомившись с представленными образчиками журналистского творчества 1954 г., допросив Дороти Килгаллен и некоторых членов жюри присяжных, он без лишних проволочек вынес приговор. Судья констатировал пять нарушений конституционных прав Сэма Шэппарда, допущенных Близиным во время подготовки и проведения судебного процесса в 1954 г.:

— отказ судьи изменить место рассмотрения обвинения из-за неблагоприятного освещения в местной прессе обстоятельств дела;

— неспособность судьи подобрать беспристрастное жюри, то есть неосведомлённое о деталях расследования и лишённое предвзятого отношения к обвиняемому;

— недопустимое в суде упоминание об отказе обвиняемого пройти проверку на "детекторе лжи", допущенное обвинителем и не дезавуированное судьёй (напомним, что отказ от проверки на полиграфе по законам штата Огайо не мог рассматриваться как свидетельство виновности и не подлежал оглашению в суде);

— неправомочные и недопустимые контакты между членами жюри присяжных и внешними источниками информации как во время судебного процесса 1954 г., так и в период обсуждения вердикта после его закрытия;

— наличие у судьи Эдварда Близина предвзятого мнения в отношении обвиняемого ещё до начала суда, которое он проявил во время беседы с Дороти Килгаллен.

Как заявил судья, каждое из этих пяти нарушений представляется столь серьёзным, что делает приговор в отношении Сэма Шэппарда "ничтожным".

В своём решении судья Вейнман особо указал на аморальность некоторых публикаций местных газет, а поведение журналистов газеты "Кливленд пресс", возглавляемой Луисом Зельцером, назвал "коварным".

Сэм Шэппард подлежал освобождению из-под стражи под залог 10 тыс. $. Прокуратуре штата Огайо давались 60 дней на изучение вопроса о выдвижении нового обвинения в отношении Сэма Шэппарда. В том случае, если прокуратура отказывалась от выдвижения обвинения, Сэм Шэппард должен был считаться "освобождённым окончательно и безоговорочно", а внесённый за него залог подлежал возврату.

1964 год: Сэмюэль Шэппард-старший после судебного заседания, сделавшего его снова свободным человеком.

Это была настоящая сенсация! Узник, проведший в суровом заключении без недели десять лет, выходил на свободу!

У ворот тюрьмы Сэма Шэппарда встречали братья, сын, Ли Бейли, Ариан Теббенджоханнс и 12 автомашин с репортёрами. За освобождённым репортёры катались круглые сутки, не выпуская его из поля зрения. Лишь спустя 40 часов с момента выхода из тюрьмы — 18 июля 1964 г. — Сэму Шэппарду, Ли Бейли и Ариан Теббенджоханнс удалось оторваться от их преследования. Запершись в отеле в Чикаго, Сэм и Ариан бракосочетались; свидетелями на их скромной свадьбе стали Ли Бейли и его жена.

Ариан купила в автосалоне две автомашины: одну подарила мужу, вторую оставила себе.

Сэм Шэппард-младший, Ариан Теббенджоханнс и Сэм-старший в открытой автомашине сразу после освобождения последнего.

Молодожёны в сопровождении Ли Бейли направились к Полу Холмсу, ведь строго говоря, без его книги не было бы описанного выше успеха.

В последующем Сэмюэль Шэппард занялся возобновлением своей лицензии остеопата, дабы вернуться к медицинской практике. Не желая возвращаться в Кливленд, где слишком многое напоминало ему о тяжёлых испытаниях, Шэппард открыл остеопатический кабинет в городе Янгстаун, штат Огайо, примерно в 100 км юго-восточнее Кливленда.

Министерство юстиции штата Огайо, разумеется, оспорило решение суда, ведь согласиться с ним — значило признать неправомерность многолетнего заключения Шэппарда в тюрьме. Апелляцию рассматривал суд 6-го апелляционного округа, который 8 октября 1964 г. постановил отменить решение судьи Вейнмана как выходящее за пределы его компетенции, и перенести рассмотрение «дела Сэма Шэппарда» в Верховный Суд США. Вместе с тем апелляционный суд позволил Шэппарду остаться на свободе под внесённый прежде залог вплоть до вынесения нового приговора.

Верховный Суд США не занимается рассмотрением дел по существу — он исследует правильность исполнения процедурных вопросов судами низших инстанций и точность толкования ими законов. Ожидание в очереди рассмотрения "дела Сэма Шэппарда" растянулось более чем на полтора года.

За это время в поведении Сэмюэля Шэппарда-старшего стали проявляться и всё более усиливаться несвойственные ему прежде черты. Сэм, провёдший десять лет в условиях тотального воздержания от спиртного, неожиданно для всех близких начал неумеренно пить. Сын не смог жить с отцом и, поступив в Бостонский университет, уехал от него. В Бостоне, кстати, Сэм-младший два года прожил в доме Ли Бейли, сделавшись, фактически членом его семьи.

Рассмотрение "дела Сэма Шэппарда" в Верховном Суде США произошло 6 июня 1966 г. и не заняло много времени. К началу слушаний судьи, очевидно, уже имели вполне определённое суждение об этом деле. Те нарушения, что констатировал судья Вейнман на процессе 1964 г., были признаны Верховным Судом в полном объёме. Также признавалась неправомерность заключения Сэма Шэппарда под стражу и фактическая недоказанность его вины. Такое заключение автоматически превращало Шэппарда-старшего в невиновного человека. Вместе с тем Верховный Суд США констатировал право окружного суда Кайохога вернуться к рассмотрению обвинения Сэма Шэппарда в убийстве своей жены, если "такое обвинение будет против него выдвинуто в пределах разумного времени".

Постановление Верховного Суда США имело длину более 11 тысяч слов, что довольно необычно для документов такого рода

(как правило, подобные постановления примерно в три раза короче). Длина документа указывала на хорошую проработанность вопроса судьями. Из 9 членов суда только 1 проголосовал против вынесенного решения.

Как только решение Верховного Суда было обнародовано, судья округа Кайохога, на территории которого расположен Бэй-виллидж, выступил с заявлением для прессы, в котором сообщил о немедленном возбуждении повторного процесса по делу "народ против Сэмюэля Шэппарда". Подобная реакция была предсказуема, ведь оправдание Шэппарда Верховным Судом автоматически означало, что убийство его жены признавалось нераскрытым.

Прокуратура округа вернулась к закрытому было уголовному делу и начала повторное расследование. Во многом оно носило формальный характер и опиралось на документы, собранные прежде, поскольку новых ценных свидетелей обвинение найти не смогло (или не пожелало). Место убийства к осени 1966 г. уже исчезло: Кливленд в условиях бурного экономического роста страны разрастался и богател, а Бэй-виллидж всё более благоустраивался, а потому участок Сэма Шэппарда был продан, и дом, явившийся местом преступления, пошёл под снос.

Прокуратура округа построила новое обвинение против Сэма Шэппарда-старшего не на новых фактах, а на переосмыслении старых. Или, если говорить точнее, на переносе акцентов. Обвинительное заключение, представленное в октябре 1966 г. в окружной суд прокурором округа Корриганом (это однофамилец прежнего адвоката Сэма Шэппарда, не имевший к тому никакого отношения), имело несколько существенных отличий от прежнего. Документ обходил молчание ряд моментов, представлявшихся прежнему обвинению весьма существенными, в частности:

— оставлял открытым вопрос об орудии убийства. Напомним, что с лёгкой руки коронера Гербера в 1954 г. обвинение доказывало, что орудием убийства явился некий медицинский инструмент, извлечённый убийцей из докторского саквояжа. Теперь же никто в прокуратуре не пожелал вспоминать об этом опрометчивом умозаключении. В 1966 г. обвинение считало, что содержимое саквояжа Сэма Шэппарда оказалось вывалено на пол не в целях поиска подходящего орудия убийства, а для имитации ограбления и похищения ампул с наркотиками;

— обвинительное заключение обошло полным молчанием факты адюльтера Сэма Шэппарда, доказанные в 1954 г. Может показаться невероятным, но о Сьюзен Хейс и намерении обвиняемого развестись с женою в этом документе не упомянуто

ни разу! А ведь на фактах неверности мужа прокуратура прежде выстраивала всю собственную версию событий! Разумеется, отказ от такого благодатного для фантазий материала, как супружеская неверность, произошёл вовсе не случайно. Прокуратура была в курсе того, что Ли Бейли активно собирал сведения о чете Шэппард среди жителей Бэй-виллидж и сумел-таки отыскать нечто, способное скомпрометировать погибшую. В свете этого открытия симпатии присяжных вполне могли оказаться на стороне обманутого мужа, который убил неверную жену в состоянии аффекта и, отсидев в тюрьме 10 лет, уже искупил свою вину. Что именно узнал Ли Бейли, никто толком не знал, да и сам адвокат, рассказывая об этом в своей книге, изданной в 1971 г., оказался предельно аккуратен в формулировках, но очевидно, что прокуратура весьма серьёзно отнеслась к его розыскам. Поэтому отказ от упоминаний адюльтера представлял собою своеобразный «ход конём» со стороны окружного прокурора (как станет ясно из дальнейшего — хорошо продуманный и отчасти удавшийся);

— обвинение полностью отказалось от "педалирования" темы "саморанения" обвиняемого. На суде 1954 г. из тезиса об отсутствии многочисленных ударов по голове Сэма Шэппарда представитель обвинения пытался сделать вывод об имитации им нападения на себя. Поскольку многочисленные медицинские специалисты в один голос заявили о серьёзности полученных Шэппардом травм, попытка эта оказалась неудачной. На новом судебном процессе обвинение сменило тактику: по новой версии событий ранения Шэппарду причинила… убитая им жена. Чем именно умудрилась так сильно ударить здорового мужчину хрупкая 55-килограммовая беременная женщина — да притом спросонья! да притом по затылку! — обвинение объяснить не смогло. Можно сказать, что этот вопрос окружная прокуратура обошла с ловкостью слона в посудной лавке;

— обвинение не стало утруждать себя детализацией мотивов преступления, ограничившись указанием на "спонтанно возникший семейный конфликт". Видимо, в прокуратуре сочли, что воображение судьи и членов жюри присяжных дорисует необходимые детали… Что это за конфликт? почему возникший и как протекавший? кто был его зачинщиком? не являлся ли обвиняемый защищающейся стороной? — ответы на эти вопросы прокуратура вынесла "за скобки", понимая, что ничего конкретного сказать об этом не сможет. Во всяком случае, основываясь на материалах расследования;

— фактически всё обвинение по «версии 1966 г.» строилось вокруг того факта, что на часах Сэма Шэппарда-старшего,

найденных в зелёном мешке за домом, имелась кровь, в то время как на теле самого обвиняемого крови не было. Из этого формального противоречия делался вывод, что Сэм Шэппард предпринял целенаправленные усилия по устранению следов крови убитой им жены со своего тела. Другими словами, он разделся, рефлекторно снял с руки часы, после чего принял душ. При этом он упустил из вида, что свежая кровь на часах засохла, и когда он через час-полтора опустил часы на короткое время в воду (дабы вызвать их остановку), кровь не смылась. Прокуратура считала, что наличие крови на часах однозначно указывает на тот факт, что кровь была и на теле самого Шэппарда. Но раз её не оказалось в 6 часов утра — значит, он её предусмотрительно смыл;

— по мнению прокуратуры, обвиняемый с момента убийства жены не отходил далеко от дома и не спускался к озеру. Именно поэтому полицейский Дренкхан видел мокрые следы лишь на трёх верхних ступенях лестницы, ведущей к воде;

— из новой редакции обвинительного заключения исчезло упоминание об огне в камине дома Шэппардов, следы которого якобы видела Эстер Хоук. Само по себе упоминание разожжённого камина могло бы показаться несущественным, однако в 1954 г. это обстоятельство призвано было укрепить точку зрения обвинения, согласно которой Сэм Шэппард действовал по заранее разработанному плану. Огонь в камине он развёл якобы, чтобы сжечь свою окровавленную футболку, которую, напомним, следствию так и не удалось обнаружить. Таким образом, свидетельство миссис Хоук о горячих углях в камине первого этажа дома Шэппардов оказалось тогда очень к месту. Теперь же обвинение предпочло об этом вообще не вспоминать, ибо новая мотивировка убийства («спонтанный семейный конфликт») не укладывалась в прежнюю схему;

— вообще же, обвинение полагало, что Сэм Шэппард действовал спонтанно, не имея ясного плана, по ходу дела пытаясь придумать правдоподобную версию случившегося в ночь с 3 на 4 июля 1954 г. Именно этим и объяснялась, по мнению прокуратуры, явная внутренняя нелогичность картины преступления, которому убийца безуспешно постарался придать вид ограбления. Инсценировка, однако, оказалась разоблачённой, ведь из дома Шэппардов фактически ничего не пропало: исчезновения же наркотиков из докторского портфеля и нескольких десятков долларов из портмоне Сэма-старшего проверке не поддавались. Настоящий грабитель, по мнению прокуратуры, завладев золотыми часами и перстнем хозяина дома, никогда бы не бросил их в кустах.

В целом обвинение по сравнению с 1954 г. выглядело куда более разумным и сбалансированным: прокуратура не пыталась отвечать на вопросы, ответы на которые не знала в принципе. Да только и защита выглядела намного серьёзнее: сейчас в её распоряжении оказались результаты экспертизы Пола Кирка и собранная Ли Бейли информация о подозрительных связях Мэрилин Шэппард.

Дабы усилить контраст с предыдущим процессом, судья окружного суда Френсис Талти решил избежать излишнего внимания прессы. Он допустил аккредитацию всего 12 журналистов, 8 из которых являлись сотрудниками местных газет и радиостанций. Суд решено было проводить в самом заурядном помещении размером с обычный школьный класс. В нём были предусмотрены всего 42 посадочных места для гостей, 12 из которых, как уже было сказано, оказались отданы журналистам. Впрочем, интерес публики к этому суду преуменьшать не следует: вся Америка смотрела сериал "Беглец", и во всех концах страны люди знали, что фильм снят по мотивам вполне реального "дела Шэппарда", так что судебный процесс никак не мог пройти незамеченным.

Суд открылся 24 октября 1966 г. Сторону обвинения представляли окружной прокурор Корриган и его помощник Спелласи; защиту — Ли Бейли и Рассел Шерман. Председательствовал на процессе Френсис Талти.

Как и в 1954 г., процесс начался с ходатайства адвоката (Ли Бейли) о переносе рассмотрения дела в другой округ ввиду затруднённости отбора непредвзятых присяжных заседателей. Как и 12 годами прежде, судья это прошение отклонил. В течение первой недели проводился отбор жюри; заслушивание обвинительного заключения началось 1 ноября 1966 г.

После того как обвинитель закончил его оглашение, судья традиционно поинтересовался, имеет ли сторона защиты сказать что-либо по содержанию представленного документа.

Слова Ли Бейли прозвучали как гром среди ясного неба и произвели настоящий фурор. Защитник заявил, что намерен доказать невиновность Сэма Шэппарда, и словно бы между делом добавил: «Убийство совершила неуклюжая женщина!» Во время перерыва все журналисты, присутствовавшие на процессе, передали эти слова в свои редакции.

Едва только обвинение вызвало для допроса Сэма Шэппарда-старшего, Ли Бейли заявил, что его подзащитный отказывается от дачи показаний. Все присутствовавшие в тот момент в зале сочли, что это решение вызвано страхом перед возможными острыми вопросами прокурора, но это было совсем не так. Впоследствии

адвокат в своей книге объяснил, чем мотивировалось это решение. Хотя 42-летний Шэппард выглядел на суде вполне респектабельно, всё же систематическое пьянство двух последних лет уже произвело своё разрушительное действие на его организм: у Сэма резко ухудшилась память, он сделался раздражительным и даже гневливым. Кроме того Шэппард почти каждый день являлся в суд «на кочерге» — то ли пьяный, то ли под воздействием неких веществ и производил впечатление не вполне адекватного человека. Ли Бейли признался, что просто побоялся разрешать ему раскрывать рот, дабы тот не произвёл на присяжных дурного впечатления.

Ли Бейли и Шэппард-старший направляются в зал судебных заседаний (1966 г.).

В первый же день обвинение без лишних проволочек допросило пятерых свидетелей. Эстер Хоук уже ничего не говорила о тлеющих углях в камине, а Дорис Бендер ничего не помнила о свете в доме Шэппардов. Во время перекрёстного допроса Френсисом Ли Бейли очень заволновался Спенсер Хоук: адвокат отчего-то начал расспрашивать свидетеля о неожиданных деталях, например, можно ли было пройти из дома Хоуков в дом Шэппардов вдоль озера. То есть не выходя на дорогу, которая просматривалась из окон Дорис Бендер. Хоук признал, что можно — забора между участками не было. А вот когда Ли Бейли поинтересовался: «Доводилось ли свидетелю заглядывать в супружескую спальню Шэппардов прежде?» — Спенсер Хоук даже руками всплеснул. Он поклялся, что никогда не бывал в спальне до того момента, когда увидел лежавший в кровати

окровавленный труп Мэрилин… Всем было ясно видно, что Спенсер Хоук испугался этих вопросов; он бы перепугался ещё сильнее, если бы знал то, что знал Ли Бейли — а именно то, что ударил Сэма Шэппарда-старшего по голове некий хромоногий мужчина (Спенсер Хоук хромал), который выбросил окурок своей сигареты в унитаз в туалете второго этажа (Спенсер Хоук курил сигареты). Но в тот момент, то есть во время допроса свидетеля, Ли Бейли не стал раскрывать свои карты, предпочтя сделать это несколько позже.

Надо отметить, что неожиданное ухудшение памяти (или улучшение — это как посмотреть) продемонстрировала и Нэнси Ахерн: она ничего не сказала о последнем разговоре с Мэрилин Шэппард, когда та якобы упомянула о возможном разводе с мужем. А обвинитель отчего-то забыл спросить её об этой детали, некогда признанной очень и очень важной… Такая вот интересная юридическая деликатность. Более того, память резко подвела даже такого мастера детективного расследования, как коронер Сэмюэль Гербер!

Во время его допроса помощником обвинителя Лео Спелласи начали всплывать прямо-таки удивительные вещи. Гербер, что называется, на голубом глазу стал утверждать, что никогда не говорил, будто орудием убийства Мэрилин Шэппард явился некий медицинский инструмент. Затем он заявил, что твёрдо помнит, будто одежда Сэма Шэппарда, полученная Гербером в больнице около 9 часов утра 4 июля 1954 г., была всё ещё мокрой. Вся — и трусы, и штаны, и носки с туфлями. Жаль, никто не спросил Гербера, отчего же тогда во время первого суда полицейские Дренкхан, Шоттк и Грабовский валяли дурака, заявляя, будто "одежда обвиняемого утром в день убийства не казалась мокрой"… А ведь это наблюдение истолковывалось как ещё одно убедительное свидетельство мистификации, устроенной Сэмом Шэппардом. Теперь, через 12 с лишком лет, вдруг выяснилось, что с самого начала истина была известна и коронеру, и начальнику полиции Бэй-виллидж Итону.

Ли Бейли во время перекрёстного допроса Гербера не отказал себе в удовольствии поиздеваться над свидетелем. Он задал по меньшей мере пять вопросов, посвящённых пресловутому «хирургическому инструменту», выстроив их таким образом, что коронеру приходилось отвечать на каждый из них отрицательно, как бы всё более и более признавая свою некомпетентность и бестолковость. Для такого фата, как Гербер, это было жуткое унижение. («Вы, конечно, хирург? Вы имеете такой инструмент в своём офисе? Вы видели его в больнице? В медицинском каталоге? А где вы вообще его искали?»). Хочется думать, что Ли

Бейли удалось довести Гербера до белого каления, отплатив тем самым коронеру за его предвзятость и непрофессионализм.

Гербер дошёл до того, что стал отрицать даже совсем уж очевидные вещи. Так, он стал утверждать, будто врач-невропатолог Чарльз Элкинс, направленный полицией для освидетельствования травмированного Сэма Шэппарда, не сообщил в тот же день о результате осмотра. Между тем, справка Элкинса, датированная 4 июля 1954 г., имелась в деле, и именно благодаря ей полиция не могла официально допрашивать Шэппарда на протяжении по меньшей мере четырёх дней.

В общем, Сэмюэль Гербер сплоховал, и притом очень.

Затем дошла очередь и до Мэри Коэн, криминалиста офиса шерифа. Она дала вполне удовлетворительные для обвинения показания, заявив, что кровавые следы на часах Сэма Шэппарда образовались в результате забрызгивания кровью. Этот момент был очень важен для прокурора, фактически Мэри Коэн подтвердила, что кровавые брызги попадали на часы в моменты ударов по лицу жертвы (хотя прямо этого и не сказала, поскольку подобная детализация находится вне компетенции криминалиста). Но благоприятное впечатление от выступления эксперта сильно подпортил перекрёстный допрос Ли Бейли. Во-первых, адвокат добился от Мэри Коэн признания того, что она не знает, как различаются по виду и размеру кровавые пятна, имеющие различное происхождение (то есть свободно капающая и разлетающаяся мелкими брызгами в момент удара кровь, а также кровь из раны и кровь с орудия, причинившего ранение).

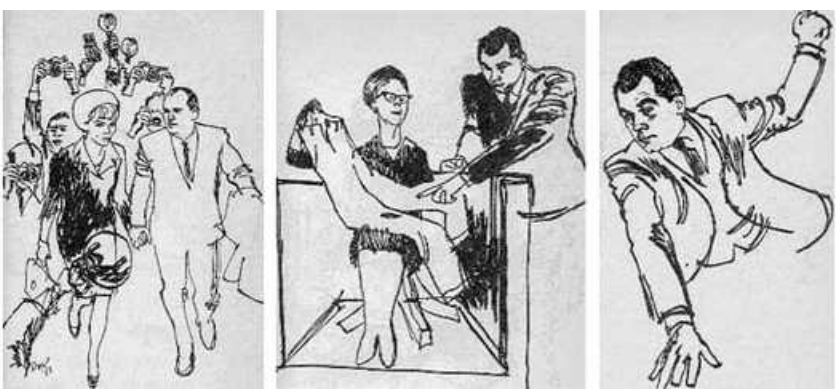
Признание это было очень важным, поскольку Пол Кирк ещё 12 лет назад весьма детально описал распределение кровавых пятен в спальне Шэппардов, объяснив природу их появления и связав наблюдаемую картину с действиями преступника. Во-вторых, адвокат получил от свидетеля признание того, что Мэри Коэн не являлась специалистом по дактилоскопической идентификации и не произвела поиск отпечатков пальцев на вещах, найденных в зелёном мешочке за домом Шэппардов. Коэн поспешила объяснить, что осмотрела вещи под увеличением в косых лучах света и не нашла на них отпечатков пальцев, но пояснение это, полученное от лица, признавшего перед тем, что оно «не квалифицированный эксперт дактилоскопии», выглядело запоздалым.

Ли Бейли не успокоился на этом и загнал свидетеля в угол, напомнив о том, что по меньшей мере двое мальчиков осматривали найденные часы, кольцо и ключи Сэма Шэппарда, прежде чем отдать их коронеру Герберу. Присяжные поняли, что на найденных предметах должны были остаться хоть какие-то

отпечатки пальцев, но некомпетентный «эксперт» ничего не смог отыскать!

В общем, Ли Бейли достаточно уверенно расправился со свидетелями обвинения. Первый раунд, если пользоваться боксёрской терминологией, явно остался за защитой — прокурорская версия выглядела очень и очень бледной.

10 ноября 1966 г. процесс вступил во вторую фазу: начался вызов и заслушивание свидетелей защиты. Первым Ли Бейли вызвал Джека Кракана, того самого продавца из булочной «Spang», который видел, как Мэрилин Шэппард отдавала связку ключей неизвестному мужчине (кстати, в некоторых источниках содержится указание на то, что ключи будто бы передавались Спенсеру Хоуку, но в действительности свидетель этого никогда не утверждал — он не знал Хоука в лицо и не опознал его). Обвинитель во время перекрёстного допроса, разумеется, постарался сбить свидетеля с толку, но ничего из этого у него не вышло: Кракан говорил очень здраво и, судя по всему, был полностью уверен в точности своей памяти. Вообще, в правдивости его сообщения сомневаться почти не приходится, описанный им эпизод, видимо, действительно имел место, вопрос сводится к тому, что же эта сцена могла означать в действительности?

Находившийся в зале судебных заседаний журналист Сэнфорд Коссин делал во время процесса 1966 г. зарисовки, которые потом размещали американские СМИ. Некоторые из них можно здесь видеть. Слева направо: Сэмюэль Шэппард с Ариан Теббенджоханнс у входа в здание суда; Ли Бейли ведёт допрос свидетеля обвинения, криминалиста службы коронера Мэри Коэн (демонстрирует ей штаны обвиняемого с кровавым пятном и просит объяснить природу его возникновения и принадлежность крови); Ли Бейли во время допроса независимого эксперта Пола Кирка наглядно демонстрирует присяжным способ убийства

Мэрилин Шэппард.

Ли Бейли явно намеревался направить процесс в новое русло, однако ничего сенсационного более не произошло. Впоследствии адвокат сообщил, что во время перерыва между заседаниями судья подозвал к себе главных обвинителя и защитника и сообщил им, что не позволит повернуть процесс в сторону обсуждения поведения Мэрилин Шэппард. Мол-де, вопрос об адюльтере не будет рассматриваться в суде; обвинение не касалось измен Сэма Шэппарда, поэтому и защита пусть не затрагивает возможных измен Мэрилин.

Адвокат был крепко раздосадован, ведь он имел свидетелей, которые могли бы сообщить о том, что видели, как погибшая целовалась со Спенсером Хоуком. Теперь же получалось, что мощное оружие компрометации судья из рук Ли Бейли выбил. Обвинитель, напротив, мог торжествовать, поскольку круг подозреваемых адвокату расширить не удалось.

Впрочем, Корриган порадовался слишком рано, поскольку Ли Бейли сумел обойти запрет судьи. Пригласив на допрос Пола Кирка, адвокат очень придирчиво, даже дотошно, принялся расспрашивать эксперта о проведённой им реконструкции убийства (о её существенных деталях рассказывалось выше). В конце концов, опираясь на умозаключения Пола Кирка, Ли Бейли сделал неожиданный, но вполне обоснованный вывод: убийство Мэрилин Шэппард совершено слабой и неловкой женщиной, находившейся в момент нападения в состоянии крайнего гнева. Убийцей явилась Эстер Хоук, жена Спенсера, явившаяся в дом Шэппардов в ночь на 4 июля 1954 г. вслед за своим мужем. Большое количество полученных жертвой ударов объясняется, по мнению Ли Бейли, именно неспособностью нападавшей нанести один или два смертельных удара. Рука, сжимавшая орудие преступления, была слишком слабой для замаха из-за головы, поэтому убийца заносил руку не вверх, а вбок от корпуса. Именно этим и может быть объяснено странное распределение кровавых капель, разлетавшихся с орудия убийства: все они оказались на стенах и предметах мебели, но при этом ни одна из них не попала на потолок. Ли Бейли не стал уточнять, почему Спенсер Хоук явился в дом Шэппардов ночью, ведь судья распорядился не углубляться в обсуждения возможного адюльтера погибшей; адвокат лишь подчеркнул, что представленная им реконструкция убийства куда более реалистична, чем та, на которой настаивает обвинение.

По версии Ли Бейли, ни Спесер Хоук, ни Эстер не видели спавшего на первом этаже Сэма Шэппарда. Эстер Хоук,

ворвавшаяся в спальню Мэрилин и застигшая мужа в интимной обстановке с чужой женой, начала бессистемно колотить свою жертву фонарём. Мэрилин не кричала, а лишь закрывала голову подушкой, рассчитывая, видимо, что избиение вот-вот прекратится. Но прежде чем Спенсер вмешался и остановил свою жену, Мэрилин получила ряд смертельных ранений. Лишь тогда она позвала мужа. Спенсер Хоук спрятался за дверью, и когда в спальне появился Сэм Шэппард, оглушил его мощным ударом по затылку. Ли Бейли допускал, что обвиняемый узнал супругов Хоук и даже в дальнейшем, придя в себя, вступил с ними в сговор: не желая представать в глазах друзей, знакомых и соседей "рогатым мужем", он предпочёл скрыть подлинную историю гибели жены, свалив случившееся на неизвестного высокого мужчину с торчавшими "ёжиком" волосами.

Можно было спорить о моральности подобного сговора с убийцами, но главный тезис адвоката строился вовсе не вокруг этого. Ли Бейли наглядно продемонстрировал, что добытые следствием улики и осуществлённая прокуратурой криминалистическая реконструкция вовсе не указывают однозначно на Сэма Шэппарда как на убийцу. Помимо него существуют и иные обвиняемые, причём такие, виновность которых выглядит куда более обоснованной!

Логический приём, использованный Ли Бейли, в адвокатской практике далеко не нов. Можно вспомнить отечественное дело об отравлении в 1888 г. Николая Максименко, в ходе которого Ф. Н. Плевако, адвокат заподозренной в убийстве мужа Александры Максименко, использовал в суде защиту, построенную подобным же образом[3]. Тогда из представленных прокуратурой материалов невозможно было понять, кто из двух обвиняемых непосредственный убийца, а кто — пособник; материалы дела были, так сказать, равнонаправлены на двух лиц. В деле Сэма Шэппарда защитник ловко и логично использовал подобную же равнонаправленность, показав присяжным, что на основе имевшейся фактологической базы можно строить обвинение против совсем других лиц.

Причём Ли Бейли в дальнейшем признавал — и в многочисленных интервью, и в изданной через четыре с половиной года книге — что не очень-то верил собственной гипотезе и всерьёз не рассматривал супругов Хоук в качестве "альтернативных обвиняемых". Тут важны были не персоналии, а сам принцип рассуждения — если обвинители упустили из вида этих подозреваемых, то, может быть, они упустили и ещё кого-то? В этом смысле Ли Бейли очень пригодился Ричард Эберлинг, выступивший на суде в качестве свидетеля защиты: показания

Эберлинга были малосущественны, но он признал, что полиция никогда не допрашивала его в связи с "делом Шэппарда". Между тем, он ждал вызова в полицию, ибо 2 июля 1954 г. своими глазами наблюдал скандал, устроенный Эстер Хоук в доме Шэппардов. Эберлинга очень удивило то, что никто из правоохранительных органов не пожелал разыскать человека, мывшего окна в доме менее чем за двое суток до случившейся в нём трагедии.

Признание это было весьма примечательно, оно означало, что полиция фактически не занималась проверкой лиц, бывавших в доме Шэппардов даже в последние дни перед убийством! Строго говоря, правоохранительные органы даже не располагали списком таких людей, о какой же проверке в таком случае вообще могла идти речь? Прокуратура схватила первого попавшегося на глаза человека — мужа погибшей — и сделала его обвиняемым. А то, что Сэмюэль Шэппард-старший неудачно защищался и солгал под присягой у коронера, лишь усугубило его положение.

В целом линия защиты выглядела намного убедительнее обвинения; Ли Бейли оказался на голову выше прокурора Корригана, разгромив того по всем пунктам. Присяжные заседатели удалились для вынесения вердикта 16 ноября 1966 г., в пятницу. Практически никто не сомневался в том, каким окажется их решение. Ожидалось, что жюри окончит свою работу к понедельнику, но всё случилось куда быстрее — уже в тот же вечер, в 21:30, старшина присяжных огласил вердикт, признававший невиновность Сэма Шэппарда.

Тем самым спустя 12 лет с момента гибели жены обвиняемый полностью очистился от всех подозрений в свой адрес. 42-летний Сэмюэль Шэппард получил, наконец-то, возможность вернуться к полноценной жизни свободного человека. Его братья были богаты и могли помочь ему "стать на крыло", Сэмюэль восстановил свою медицинскую лицензию, он был хорошо известен многим миллионам американцев и вызывал всеобщую симпатию, а потому его жизненные перспективы казались весьма неплохими. Однако психологическая и умственная деградация, вызванная развившимся в последние годы алкоголизмом, предопределила его дальнейшую судьбу.

В течение двух последующих лет во время вправления позвонков пациентам Сэм Шэппард смертельно травмировал двух человек. Оба раза он попадал под суд; после того, как было установлено, что он занимался остеопатической практикой в состоянии алкогольного опьянения, у него отозвали лицензию и пожизненно запретили работать в системе здравоохранения. В отношениях Сэма с Ариан всё более усиливалась напряжённость;

Сэм требовал от жены денег, а после того, как однажды швырнул в неё бутылку, она уехала от него. Случилось это в конце 1968 г. Развод был официально зарегистрирован 7 октября 1969 г.

Вместе с тем необходимо отметить, что Сэм Шэппард никогда не бил Ариан Теббенджоханнс и не грозил ей насилием. Вопросы на сей счёт неоднократно задавались Ариан после развода, и она всегда отрицала наличие у Сэма тенденции к бытовому насилию. Негативные элементы его поведения вторая жена связывала только со снижением самоконтроля в состоянии алкогольного опьянения; в трезвом же виде Сэм являл собою образчик идеального мужчины. Поскольку, как было хорошо известно, в пятидесятых годах он не злоупотреблял спиртным, Ариан категорически отрицала возможность каких-то садистских проявлений в его поведении в отношении первой жены. Вообще, Ариан очень хорошо отзывалась о Сэме, что довольно необычно для бывших жён; очевидно, что она искренне его любила, жалела и не сомневалась в его полной невиновности.

Сериал "Беглец" завершился показом 120-й серии 27 августа 1967 г. Благополучная развязка телеэпопеи явно перекликалась с событиями реальной жизни. Вместе с тем представители выпускающей компании отметили, что с ноября 1966 г. — то есть с момента полного оправдания Сэма Шэппарда в суде — рейтинг сериала постепенно, но неуклонно падал. Видимо, американцы теряли интерес к делу, благополучный исход которого всем уже был известен.

Летом 1969 г. Сэм переехал в Колумбус, столицу штата Огайо, крупный город, расположенный примерно в 250 км к югу от Кливленда. Там он вступил в местную команду по рестлингу, получив прозвище «Убийца Шэппард». Несмотря на систематическое пьянство и немолодой уже возраст, Сэм много тренировался и был достаточно крепок физически для того, чтобы выступать перед публикой. Кроме того, надо сделать поправку на то, что рестлинг — это не прямое силовое противоборство, а куда в большей степени шоу, так что Шэппард в роли борца смотрелся неплохо. Он изобрёл новый захват, который получил название «захвата Шэппарда».

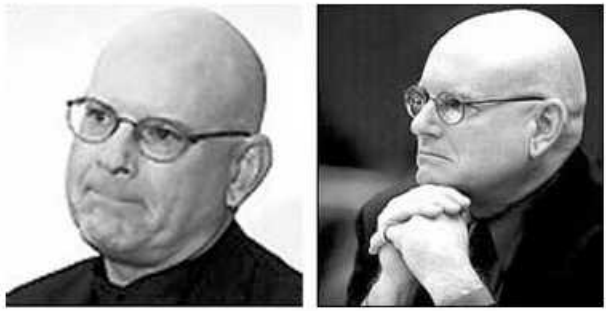
Сентябрь 1969 г.: Сэм Шэппард демонстрирует плакат предстоящих соревнований по рестлингу.

В октябре 1969 г. он прокатился на мотоцикле в Мексику; в этой поездке его сопровождала 20-летняя Коллин Стрикланд, дочь его товарища по команде Джорджа Стрикланда. Там они 21 октября зарегистрировали брак; впоследствии Коллин утверждала, что это бракосочетание было фиктивно и преследовало цель оживить интерес к фигуре Шэппарда.

6 апреля 1970 г. Сэм Шэппард скоропостижно скончался от цирроза печени. Неожиданная кончина 46-летнего мужчины, выглядевшего достаточно крепким и здоровым, вызвала разговоры о его возможном отравлении, однако патологоанатомическое исследование с очевидностью продемонстрировало естественный характер смерти.

Сэм Шэппард-младший, добавивший к своей фамилии девичью фамилию матери и превратившийся в Риз-Шэппарда, одно время учился в Бостонском университете, затем, не окончив курса, уехал в Европу, где активно участвовал в пацифистском движении. По возвращении в США стал работать зубным техником, с начала 80-х годов подключился к аболиционистам, выступавшим за отмену смертной казни. С рассказами об отце и убийстве матери выступал на различных общественных мероприятиях, давал интервью радио- и тележурналистам.

В 1975 г. был снят документальный телевизионный фильм, показавший перипетии расследования, который так и назывался "Дело Сэма Шэппарда" ("The Sam Sheppard Murder Case").

Сэм Риз-Шэппард (конец 20-го века).

Ричард Эберлинг, некогда мелкий воришка и мойщик стёкол, неожиданно пошёл в гору, в России в таких случаях говорят «попёрло человеку». Его друг Оби Хендерсон сумел стать доверенным лицом кандидата в мэры Кливленда Ральфа Перка на выборах. После того, как Перк выиграл выборы, Хендерсон представил Эберлинга мэру и его супруге. Последняя обнаружила у Ричарда несомненный художественный вкус (к немалому удивлению самого Ричарда, не подозревавшего о наличии у себя оного). В общем, Эберлинг неожиданно сделался консультантом жены мэра по вопросам дизайна и оформления: сначала он помог обустроить резиденцию Перка, затем дом*а* его родственников, после чего к нему стали обращаться за советом представители кливлендского истеблишмента. За пару лет Эберлинг разбогател, можно сказать, что его разнесло, как на дрожжах; он учредил строительную компанию, через которую прокручивал разного рода сомнительные и прямо незаконные операции. Так, например, в 1973 г. Эберлинг получил контракт на переоборудование здания муниципалитета Кливленда, в результате выполнения которого из здания исчезла масса ценных старинных вещей. Пройдёт пятнадцать лет, и антикварную картину, висевшую в кабинете мэра, найдут в особняке Ричарда Эберлинга…

Впрочем, всё это будет в будущем, а в начале 60-х годов модный оформитель по протекции жены мэра делал невероятную карьеру. Он стал близким другом Этель Мэй Дуркин, самой богатой вдовы Кливленда. 20 мая 1962 г. её младшая сестра — Драка Мирта Дуркин — была найдена мертвой возле кровати в спальне собственного дома. Её платье почему-то оказалось на пляже, на который выходил фасад здания. Лицо Драки оказалось обезображено многочисленными ранами, но это в тот момент никого не насторожило: в самом деле, закружилась у пожилой женщины голова, ну и упала она подле кровати! Из дома Драки

ничего не пропало, следов взлома жилище не имело, так что формальных оснований подозревать в произошедшем чей-то преступный умысел вроде бы не имелось. Драку Мирту похоронили без патологоанатомического исследования, и более четверти века её смерть считалась естественной.

У Этель Мэй Дуркин имелась и старшая сестрёнка, проживавшая вместе с нею в одном доме в фешенебельном районе Лэйквуд. Звали сестру Сара Белл Фароу Дуркин, и она — удивляться тут нечему! — тоже умерла при странных обстоятельствах. Произошло это в марте 1970 г. Сара упала с лестницы по пути в подвал дома, разбив при падении голову и сломав обе руки и ноги. (Невозможно удержаться от чёрного юмора и напомнить читателям старинный анекдот про «трижды импотента», упавшего с лестницы!) Общее количество переломов, полученных старушкой, никто никогда так и не сосчитал, поскольку сестрёнку похоронили без анатомирования.

Теперь сёстры Этель Мэй Дуркин не могли стоять на пути Ричарда Эберлинга к самому крупному в городе Кливленде наследству.

Впрочем, праздник жизни нувориша не мог продлиться вечно. Новый мэр Кливленда отказался работать с Ричардом Эберлингом и даже возбудил судебное преследование его компании. Ричард быстренько избавился от бизнеса, ставшего обузой, и уехал из Огайо. Он отстроил шикарный особняк в тихом местечке Лукаут Моунтайн (Lookout Mountain) в штате Теннеси, в 27 комнатах которого разместил свою богатую коллекцию антикварных вещей. Ему уже перевалило за 50, он был свеж, бодр, вёл жизнь богатого плейбоя, любил общество дорогих проституток, но при этом продолжал оставаться "сердечным другом" Этель Дуркин. 15 ноября 1983 г. "самая богатая вдова Кливленда" была найдена на чердаке собственного дома с разбитым в кровь лицом. Какая нелёгкая понесла её на чердак, сказать никто не мог — патронажная сестра Кэти Коллинз, следившая за Этель, в тот момент вышла из дома. 90-летнюю вдовицу доставили в лучшую больницу Кливленда, где та пролежала в коме 6 недель и 3 января 1984 г. скончалась. Анатомировать старушку не стали, быстренько похоронив с подобающими почестями. Затем настало самое приятное — делёж наследства; поскольку старшая и младшая сестрёнки миллионерши благополучно покинули сей "лучший из миров" много лет назад, а других близких родственников Этель не имела, никто не оспорил завещания, согласно которому Ричард Эберлинг получил 70 % вдовьих денег. В одних только ценных бумагах это составило более 1 млн. $, а ведь помимо них была ещё и недвижимость в разных штатах, и

гараж с лимузинами, и яхты. В общем, в сухом остатке получалось достаточно, чтобы Ричард Эберлинг мог достойно встретить старость…

Прошло ещё несколько лет, и жители Кливленда вроде бы накрепко позабыли и о сестрёнках Дуркин, и о Ричарде Эберлинге… Но в 1987 г. некая Патрисия Богар — в прошлом любовница Эберлинга, а ныне обиженная на весь белый свет истеричка — сделала заявление местной полиции, в котором утверждала, будто помогла Ричарду Эберлингу и Оби Хендерсону подделать завещание Этель Дуркин. Кроме того, она заявила, что бывший любовник за свою долгую жизнь совершил массу всевозможных преступлений, связанных, прежде всего, со страховыми мошенничествами. В частности, он организовал фиктивную кражу предварительно застрахованных ценных вещей из дома самой Патрисии Богар, после чего она благополучно получила значительное страховое возмещение.

Поначалу утверждения дамочки не вызвали заметного интереса детективов — брошенные любовницы часто обращаются в налоговые органы или полицию с разного рода клеветническими заявлениями о преступлениях своих прежних избранников — но выборочная проверка некоторых деталей показала, что в словах Богар есть правда. Свидетели, заверявшие завещание Этель Дуркин — богатые жители Кливленда Дэйл и Беверли Шидлер — поначалу отрицали правдивость утверждений Богар, но провалили проверку на детекторе лжи. Более того, запаниковав, они сообщили полицейским то, чего не знала или не захотела сказать Патрисия: Шидлеры считали, что смерть Этель Дуркин была… инсценирована. Фактически уместно было говорить, что имело место её убийство.

Дальше — больше. Последовали обыск дома Эберлинга и эксгумация трупа Дуркин.

При вскрытии гроба оказалось, что роскошное меховое манто и бриллиантовый гарнитур, которые были на теле во время процедуры прощания… исчезли. Другими словами, кто-то обобрал тело перед закрытием гроба. Дальше последовали ещё более интересные открытия.

Анатомическое исследование показало наличие на голове погибшей тяжёлых травм, которые никак не могли появиться в результате однократного падения. Череп трупа был повреждён по меньшей мере в четырёх местах — это могло случиться лишь в результате неоднократных ударов по голове. Кроме того, у погибшей оказалась сломана шея. Детективы тут же припомнили и схожую смерть Сары Дуркин в марте 1970 г., и аналогичную гибель Драки Дуркин в мае 1962 г., и фатальную автокатастрофу

Барбары Энн Кинзел в июле 1956 г., и, наконец, странное "отравление по ошибке" Джорджа Эберлинга десятью годами ранее. Тогда, кстати, молодой Ленардик (будущий Ричард Эберлинг) тоже получил по завещанию 70 % не принадлежавшего ему имущества…

Хотя Ричард Эберлинг ото всего отпирался и виновным себя не признал, в июле 1989 г. его осудили на пожизненное тюремное заключение. Кстати, как и его дружка Оби Хендерсона.

Ричард Эберлинг в тюрьме.

А через три месяца — в октябре 1989 г. — Ричард Эберлинг из своей камеры написал письмо Сэму Ризу-Шэппарду. Оно начиналось словами: "Да, Сэм, я знаю целую историю…".

История, которую собирался рассказать (а потом со всевозможными оговорками и рассказал) Эберлинг, действительно была необычна. И главное её достоинство заключалось в том, что изложенная им версия убийства Мэрилин Шэппард удачно и притом с неожиданной стороны объясняла нестыковки версии Френсиса Ли Бейли. Ведь адвокат, бросив тень подозрения на супругов Хоук, не стал раскрывать мотив, по которому Сэм Шэппард-старший покрыл убийц. Подобные объяснения были не очень-то важны для Ли Бейли, его интересовал вопрос убийства с технической, так сказать, стороны. Между тем неспособность объяснить мотивацию молчания Шэппарда-старшего являлась слабым звеном версии адвоката.

Рассказ Эберлинга всё расставил по своим местам. По крайней мере так казалось на первый взгляд. Согласно его версии событий, изложенной в результате возникшей с Сэмом Ризом-Шэппардом переписки, события 2–3 июля 1954 г. развивались в доме Шэппард следующим образом: Спенсер Хоук действительно привозил мясо Мэрилин из своего мясного магазина и действительно задерживался с нею в отсутствие мужа. Эстер Хоук, увидев автомашину супруга перед домом Шэппардов,

действительно ворвалась к ним со скандалом. И Спенсер Хоук на самом деле посреди ночи с 3 на 4 июля 1954 г., прокравшись вдоль пляжа, вошёл в дом Шэппардов с чёрного хода… Всё это уже озвучивалось на судебном процессе 1966 г. и являлось фрагментом версии Ли Бейли, но самого главного адвокат не знал! Спенсер прокрался в дом Шэппардов вовсе не для того, чтобы совокупиться с Мэрилин, пока её муж спал, напившись допьяна. Его любовником был… Сэм Шэппард-старший!

По версии Эберлинга, Спен и Сэм длительное время состояли в гомосексуальной связи. Последний вечером 3 июля лишь имитировал опьянение, дабы остаться спать на первом этаже и иметь возможность принять своего любовника. Эстер Хоук, ошибочно полагая, будто Спенсер идёт к Мэрилин, примерно через четверть часа вошла в дом Шэппардов и быстро поднялась на второй этаж — в спальню, не подозревая, что муж её находится внизу с Сэмом. Пребывая в чрезвычайно разгневанном состоянии духа, она набросилась на спавшую Мэрилин и принялась избивать её лампой-ночником. Мэрилин не кричала, всё происходило в полной тишине. Спенсер и Сэм, видевшие, как Эстер Хоук поднялась наверх, некоторое время выжидали, не зная, как поступить, но затем встревожились, удивлённые тем, что Эстер долгое время не спускается вниз. Любовники поднялись наверх и там стали свидетелями ужасной сцены избиения. Сэм Шэппард пригрозил Эстер Хоук расправой, но этому не суждено было случиться — его самого оглушил ударом по затылку Спенсер.

Пока Сэм находился без сознания, Спенсер успокоил свою супругу и выпроводил её из дома, после чего вернулся в спальню. После того, как Шэппард-старший пришёл в сознание, любовники обсудили, как им лучше действовать. Раскрытие подлинных обстоятельств убийства Мэрилин Шэппард грозило обоим полным жизненным крахом — в середине 50-х годов нравы в США были куда менее толерантными к педерастам. В результате родилась версия о ночном вторжении "высокого брюнета с торчащими волосами".

Сэм Риз-Шэппард был поражён рассказом Эберлинга, ведь он фактически ставил с ног на голову те стереотипы и представления, с которыми Сэм прожил всю прежнюю жизнь. Он обратился с опытному криминальному репортёру Синтии Купер с просьбой помочь ему разобраться в этой истории. В 1995 г. они совместно издали книгу, посвящённую дорасследованию «дела Сэма Шэппарда». Книга эта получила «говорящее название»: «Осмеянное правосудие» («Mockery of justice»).

Другим направлением действий Сэма Риза-Шэппарда, помимо написания книги, явилась установка "телефона доверия"

в Бэй-виллидж. Обратившись к местным жителям старшего поколения, Сэм попросил их припомнить события 1954 г. либо других лет, способные пролить свет на обстоятельства убийства его матери. Сэм заверил, что полученная информация будет использована с условием полной анонимности источника и потому позвонившие могут быть уверены в том, что на них не будут делаться ссылки в суде или средствах массовой информации.

Синтия Купер 12 раз встречалась с Ричардом Эберлингом в тюрьме (было решено, что именно она возьмёт на себя общение с заключённым; психологически такой расчёт вполне оправдан, поскольку мужчине проще и интереснее поддерживать контакт с привлекательной женщиной). Разумеется, её очень интересовал вопрос, откуда Эберлинг (по большому счёту — совершенно посторонний Шэппардам человек!) смог узнать весьма интимные подробности отношений Спенсера и Сэма-старшего? Ответ заключённого прозвучал несколько странно — он утверждал, будто осенью 1969 г. столкнулся с Сэмом Шэппардом-старшим в придорожном кафе и они вместе позавтракали. В ходе почти 40-минутного разговора, дескать, Сэм и сделал такое вот интересное признание…

Сэм Шэппард-старший и Ричард Эберлинг были знакомы — это неоспоримый факт. Во время процесса 1966 г., на котором последний выступал свидетелем защиты, они даже сидели на соседних стульях. Но допустить, чтобы спустя 3 года случайно столкнувшись с Эберлингом в кафе, Шэппард-старший до такой степени распустил язык… сие показалось Сэму Ризу-Шэппарду невероятным. Годы тюремной отсидки и многочисленные суды приучили Сэма-старшего к чрезвычайной осторожности в словах. Конечно, в конце жизни спившийся Шэппард-старший во многом изменился в худшую сторону, но изменения эти были связаны с переменой характера, а отнюдь не с глупостью. Получалось, что главную тайну своей жизни Шэппард-старший доверил не адвокату, спасшему его из тюрьмы, не сыну и не братьям, а совершенно постороннему человеку и сделал это в ходе случайно возникшего разговора. Возможно ли поверить в это?

Разумеется, Сэм Риз-Шэппард обратился за разъяснениями к Френсису Ли Бейли, благо отношения между мужчинами были не просто тёплыми, а почти родственными. Адвокат полностью разделил точку зрения Сэма и даже укрепил его уверенность в своей правоте, заявив, что во время суда 1966 г. Шэппард-старший совершенно не обращал внимания на Эберлинга. Тот лез ему на глаза, задавал малозначительные вопросы, а Шэппард отделывался формальными ответами, из которых было ясно, что

Эберлинг ему неинтересен. Ли Бейли высказался в том смысле, что он не может поверить в то, чтобы через три года Шэппард-старший стал откровенничать с таким человеком; случайно встретившись с ним в кафе, он, скорее всего, просто не узнал бы Ричарда.

Немало информации к размышлению дали звонки по "телефону доверия" в Бэй-виллидж. Сэму Ризу-Шэппарду позвонили сотни людей, некоторые звонки оказались очень любопытны.

Прежде всего — и это было важно! — никто из звонивших не подтверждал версию о скрытой гомосексуальности Шэппарда-старшего. Это был красивый и обеспеченный мужчина, нравившийся женщинам, пользовавшийся у них успехом и позволявший себе гульнуть на стороне. Общественная мораль смотрела на это снисходительно — в конце концов, судить о чужой семейной жизни дело неблагодарное, да и кто из нас не без греха? Но вот изменить жене с другим мужчиной — это выходило за пределы понимания людей того времени, это рассматривалось как преступление против человеческой природы и не могло вызвать снисхождения современников. О Спенсере Хоуке поговаривали, что он вроде бы попадался в двусмысленных ситуациях с юношами, да и сама Эстер Хоук прямо говорила о нём как о педерасте. Но о Сэме Шэппарде-старшем никогда подобных разговоров среди жителей Бэй-виллидж не велось.

Далее. После развода Спенсер и Эстер Хоук продали свой дом. Новый хозяин в начале 1982 г. затеял большую перестройку; во время земельных работ рядом с фундаментом оказались найдены… каминные щипцы, некогда золочёные, а теперь сильно повреждённые ржавчиной. Когда-то это была нарядная и симпатичная вещица, и потому трудно было понять, кто, когда и почему закопал её возле дома. Хозяин участка знал, что около четверти века назад в соседнем доме произошло зверское убийство, причём орудие преступления найдено не было. Хотя в 1982 г. никто каминными щипцами не заинтересовался, владелец дома сохранил находку и согласился передать её Сэма Ризу-Шэппарду для проведения криминалистического исследования. Забегая вперёд, можно сказать, что последний получил эту находку в своё распоряжение и провёл её исследование. Оказалось, что щипцы, по всей видимости, не имели никакого отношения к убийству Мэрилин Шэппард; если бы они пролежали в земле около трёх десятков лет (то есть с 1954 г. по 1982 г.), то следы коррозии оказались бы куда сильнее. Вещь эта попала в землю много позже — в конце 60-х гг. — и никакого отношения к Хоукам, продавшим дом в 1961 г., не имела.

Наконец, в 1990 г. по "телефону доверия" позвонил человек, назвавшийся Верном Лундом и заявивший, что это именно он мыл окна в доме Шэппардов 2 июля 1954 г. Ричард Эберлинг, по словам Лунда, никогда там не бывал.

Это сообщение с полным основанием можно было считать сенсационным. И поначалу Сэм Риз-Шэппард не очень-то поверил услышанному, ведь он прекрасно знал о том, что полицейские в 1959 г. имели подозрения в адрес Эберлинга, но отказались от выдвижения в его адрес каких-либо обвинений. И дело тут было не только в проверке на полиграфе, которую последний успешно прошёл, а ещё и в том, что проверка документации клининговой компании, направившей работника для мытья окон в доме Шэппардов, подтвердила правоту слов Эберлинга!

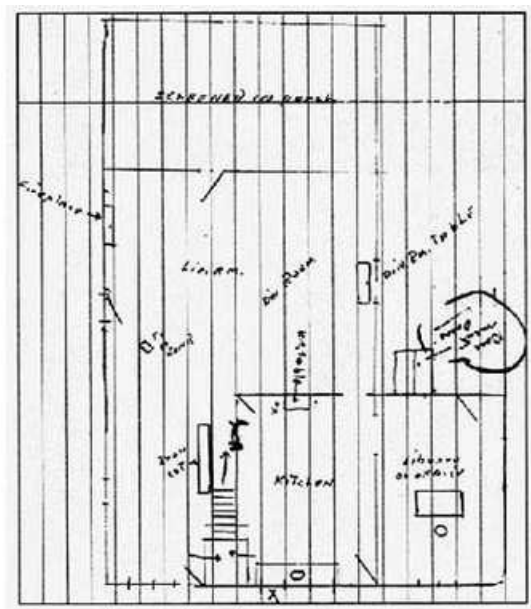
Тем не менее Сэм Риз-Шэппард постарался проверить сообщение Верна Лунда. Каково же было его изумление, когда получив в своё распоряжение регистрационную тетрадь с записью о выполнении заказов, хранившуюся в полицейском архиве, Сэм обнаружил в ней запись о мытье окон в доме по адресу Бэй-виллидж, Лейк-роад, № 28924, но… без указания фамилии исполнителя! Другими словами: компания послала кого-то выполнить заказ, но вот кого именно, спустя почти сорок лет установить уже не представлялось возможным. Получалось, что каждый из этих двоих — Эберлинг и Лунд — утверждал, что это именно он побывал в тот день в доме Шэппардов.

Данное открытие, ничего толком не проясняя, лишь запутывало ситуацию. Если Эберлинг выдумывал свои сообщения (делая это и в 1959 г., и в 1966 г., и в 1989 г.), то чем он руководствовался? Маскировал свою причастность к убийству? Мистифицировал Шэппарда-младшего просто в силу выработавшейся жизненной привычки? Пытался манипулировать Ризом-Шэппардом? Преследовал некую корыстную цель? Или им двигало нечто иное?

Тут необходимо пояснить, что вплоть до выхода книги в 1995 г., Купер и Риз-Шэппард держали в глубокой тайне сообщение Верна Лунда, а потому Эберлинг все эти годы пребывал в твёрдой уверенности, что никаких сомнений в его искренности не возникает. Он продолжал посылать Сэму Ризу-Шэппарду всё новые интригующие письма. В одном из своих посланий он признался (или выдумал?), что имел встречу с Сэмом Шэппардом-старшим в июле 1954 г. после того, как последнего выпустили из больницы, но ещё не арестовали. Эберлинг, согласно его рассказу, мыл тогда окна в доме Стива Шэппарда. При появлении Сэма Ричард выразил ему соболезнования по поводу гибели жены, на что Шэппард-старший

только засмеялся и небрежно ответил: "Я не особенно переживаю из-за произошедшего".

Разумеется, Синтия Купер попыталась проверить утверждение Ричарда Эберлинга о том, что тот мыл окна в доме Шэппардов 2 июля 1954 г. Она попросила заключённого нарисовать план дома; тот поначалу отнекивался, ссылался на плохую память и тому подобное, но потом сделал то, о чём его просили. Весной 1992 г. Купер получила письмо Ричарда Эберлинга, в которое был вложен план дома Шэппардов, выполненный им собственноручно. На рисунке можно было видеть… подвальный люк, тот самый, который полицейские при осмотре дома в июле 1954 г. не заметили! Получалось, что Эберлинг знал о его существовании!

План дома Шэппардов, выполненный Ричардом Эберлингом в 1992 г. Автор прекрасно знал взаимное расположение дверей, окон и мебели в комнатах первого этажа. Он указал на возможность прохода к лестнице, ведущей на второй этаж, как из гостиной, так и через кухню. Эберлинг не забыл нарисовать и дверь в подвал, которую в своё время не заметили полицейские. Нельзя не признать, что автор рисунка продемонстрировал своей работой наличие у него прекрасной зрительной памяти…

Чрезвычайно заинтригованная этим открытием, Синтия во время одного из посещений тюрьмы осведомилась у Эберлинга, откуда тому известно о подвале под домом Шэппардов? Тот, не почувствовав подвоха, спокойно объяснил, что по разрешению Мэрилин Шэппард проходил через подвал в дом во время её

отсутствия; мол, хозяйка специально для него оставляла подвальный люк открытым. Данная деталь выглядела очень подозрительно в контексте утверждения Верна Лунда, согласно которому Эберлинг никак не мог мыть окна в доме Шэппардов 2 июля 1954 г. А стало быть, он ничего не мог знать и о подвале под домом.

Существовала и ещё одна весьма подозрительная деталь: Эберлинг, рассказывая о событиях 2 июля, утверждал, будто хозяйка дома налила ему чаю и угостила ореховым печеньем собственного приготовления. Ричард и маленький Сэм Шэппард сидели за одним столом и ели печенье. Рассказ, конечно, выглядел трогательно и даже сентиментально, если бы не одна деталь — сам-то Риз-Шэппард ничего подобного не помнил! А ведь ему тогда было уже 7 лет, и события, предшествовавшие кровавой драме, очень ярко запечатлелись в его памяти!

Информация о том, что Синтия Купер и Шэппард-младший ведут какую-то работу с заключённым в тюрьме Эберлингом, стала расходиться всё шире. Писатель-криминолог Джеймс Нефф, узнав о том, что Синтия регулярно посещает последнего, также добился разрешения на встречу с Эберлингом. Между ними установились довольно своеобразные отношения, отчасти доверительные, отчасти с элементами симпатии, в тех пределах, конечно, в каких можно говорить о симпатии нормального человека к социопату, мошеннику и убийце (нельзя не отметить, что Эберлинг, видимо, умел располагать к себе людей и в целом представлял собою довольно необычный образчик человеческой породы). Нефф стал регулярно видеться с заключённым, в результате чего родилась весьма любопытная книга — "Неправильный человек" (James Neff: "The wrong man"). Издана она была в 2001 г., уже после появления книги Риза-Шэппарда и Купер и в каком-то смысле явилась её антиподом.

На этом явлении следует остановиться подробнее. В своей книге "Осмеянное правосудие", изданной в 1995 г., Сэмюэль Риз-Шэппард и Синтия Купер тщательно разобрали три основных версии, так или иначе связанные с Ричардом Эберлингом.

— Версия № 1 (условно назовём её «версией 1966 г.»). Согласно ей, Спенсер Хоук флиртовал с Мэрилин Шэппард и в ночь на 4 июля 1954 г. посетил женщину в её спальне. Там любовников застала Эстер Хоук, убившая в порыве гнева Мэрилин. Эберлинг на суде 1966 г. деятельно поддерживал эту версию, рассказав о сцене ревности, которую закатила мужу Эстер Хоук в его присутствии в доме Шэппардов менее чем за двое суток до убийства. Ряд косвенных соображений подтверждал подобную гипотезу, которая родилась отнюдь не на пустом месте.

Спенсер Хоук, как установил Риз-Шэппард из сообщений, полученных по «телефону доверия», имел репутацию порочного, глубоко аморального человека. Практически каждый второй житель Бэй-виллидж, позвонивший ему, заявлял, что уверен в причастности Хоука к убийству Мэрилин Шэппард. Мэр городка действительно волочился за убитой. Более того, авторы книги допустили, что Мэрилин действительно изменяла мужу со Спенсером Хоуком (напомним, что у адвоката Ли Бейли имелись официальные показания свидетеля, видевшего их целующимися, правда, это сообщение никогда так и не было опубликовано полностью, и о нём известно только по пересказам). Эстер Хоук на самом деле являлась классической психопаткой, окончившей свои дни в сумасшедшем доме, ревновавшей мужа к Мэрилин Шэппард — об этом тоже говорили люди, звонившие по «телефону доверия». Против этой версии работало то соображение, что сам Френсис Ли Бейли, впервые её публично озвучивший и деятельно защищавший, не очень-то верил в её жизнеспособность. Главное противоречие здравому смыслу заключалось в том, что в случае реализации описанного сценария Сэм Шэппард не имел ни одной веской причины выгораживать супругов Хоук, убивших его жену. И уж тем более он не согласился бы напрасно отсидеть в тюрьме 10 лет.

— **Версия № 2 («версия 1989 г.»).** Согласно этой гипотезе, Спенсер Хоук занимался сексом с Сэмом Шэппардом-старшим в гостиной первого этажа, а Эстер Хоук, не зная об этом, поднялась в спальню и напала на спавшую Мэрилин. В этом случае можно считать, что всё произошедшее в доме Шэппардов есть следствие ошибочных действий неадекватной алкоголички, убившей в припадке гнева ни в чём не повинную женщину. Версия эта своим происхождением напрямую связана с Эберлингом, поскольку никто до него не озвучивал подобных предположений. Купер и Риз-Шэппард внимательно разобрали данную гипотезу и нашли её крайне маловероятной. Во-первых, ничто не указывало на то, что Шэппард-старший когда-либо допускал гомосексуальные связи — ни в годы пребывания в тюрьме, ни до этого, ни после он не рассматривал педерастические отношения как допустимые. Никто из знавших его людей никогда не сообщал о замеченных за Сэмом Шэппардом гомосексуальных наклонностях. Во-вторых, в высшей степени недостоверным представлялось объяснение того, как именно Эберлинг узнал о существовании гомосексуальных отношений между Шэппардом-старшим и Спенсером Хоуком (об этом было сказано выше). Авторы книги, разумеется, задались вопросом, для чего Эберлинг постарался их мистифицировать? Попытка ответить на него заставила их

выдвинуть следующую гипотезу, а именно:

— версию № 3 — о личной виновности Эберлинга в убийстве Мэрилин Шэппард (назовём её условно «версией 1995 г.», дабы отличать от предыдущих). Это предположение базировалось на целом ряде косвенных соображений, каждое из которых являлось вроде бы недостаточным для выдвижения вышеназванной версии, но все вместе эти доводы выглядели весьма убедительно. Перечислим их:

а) кровь Ричарда Эберлинга соответствовала той, что обнаружил в 1955 г. в спальне Шэппардов криминалист Пол Кирк. Напомним, что ни кровь Сэма Шэппарда-старшего, ни кровь его убитой жены, ни кровь сына этой крови не соответствовала;

б) Синтии Купер и Ризу-Шэппарду удалось получить в своё распоряжение ленту самописцев полиграфа, записанную во время допроса Эберлинга с помощью "детектора лжи" в ноябре 1959 г. Тогда результат этого допроса был истолкован как подтверждающий искренность допрашиваемого, настаивавшего на своей непричастности к убийству Мэрилин Шэппард. При предъявлении копии записи самописцев четверым опытным экспертам по работе с полиграфом в 90-х гг. ни один из них не согласился с таким выводом. Все эксперты, не знавшие сути задаваемых вопросов и лишь объективно оценивавшие реакции организма Эберлинга, характеризовали результат допроса как "неоднозначный";

в) если Верн Лунд, утверждавший, что именно он мыл окна в доме Шэппардов 2 июля 1954 г., говорил правду, то кровь Эберлинга никак не могла оказаться на месте преступления. Между тем, Эберлинг допускал, что его кровь там была;

г) если Верн Лунд говорил правду, то Эберлинг не мог знать деталей внутренней планировки дома Шэппардов. Между тем, в 1992 г. он нарисовал его точный план, на котором указал даже вход в подвал, не замеченный полицейскими и работниками прокуратуры при составлении чертежа здания в 1954 г.;

д) Ричард Эберлинг своим сложением прекрасно соответствовал описанию неизвестного преступника, полученному от Сэма Шэппарда в 1954 г. Он был высок (187 см), широкоплеч и худощав. Если принять во внимание, что ввиду раннего облысения он часто пользовался париками, то станет понятно, почему Сэм Шэппард не узнал его во время судебного процесса 1966 г. Шэппард-старший видел преступника в условиях плохого освещения и голоса его не слышал, что объективно снижало шансы опознать нападавшего при встрече. Кроме того, Шэппард-старший перенёс тяжёлую травму, сопровождавшуюся шоком и потерей сознания, что ещё более затрудняло сохранение

в памяти примет преступника (известны различные формы амнезии, в том числе и так называемая антероградная, когда человек забывает события, произошедшие сразу после травмирования — этот случай мы наблюдаем как раз в "деле Сэма Шэппарда");

е) хотя Ричард Эберлинг был осуждён за убийство всего одной женщины — Этель Дуркин — некоторые другие знакомые ему женщины погибали при схожих обстоятельствах и наблюдаемой симптоматике (Драка и Сара Дуркин, Барбара Кинзел). Характер телесных повреждений, повлёкших смерть Мэрилин Шэппард, весьма напоминал те, что наблюдались во всех трёх случаях: множественные травмы, причинённые тупым предметом, сосредоточенные в лобно-височных отделах головы. Если допустить, что Эберлинг неоднократно убивал женщин, то подобный однотипный характер травмирования жертв может не без оснований считаться "почерком" этого убийцы.

Купер и Риз-Шэппард считали, что подозрения в адрес Ричарда Эберлинга выглядят весьма обоснованными, а потому это направление требовало дальнейших розысков.

13 октября 1995 г. (уже после выхода в свет книги "Осмеянное правосудие") прокурор округа Кайохога Туби Джонс объявил о возобновлении расследования убийства Мэрилин Шэппард ввиду "вновь открывшихся обстоятельств". Не прошло и недели, как Риз-Шэппард на пресс-конференции заявил, что изучает возможность подачи гражданского иска о неправомерном заключении под стражу Сэма Шэппарда-старшего в период 1954–1964 гг. Иск предусматривал выплату властями штата Огайо компенсации, которая с учётом инфляции за минувшие десятилетия могла превысить 2 млн.$. Правда, с момента этого объявления до формальной регистрации иска прошло более полугода — заявление было зарегистрировано в суде лишь 24 июля 1996 г.

В рамках возобновлённого окружной прокуратурой расследования были запланированы следующие действия:

— эксгумация трупа Мэрилин Шэппард для взятия образцов ДНК останков как самой Мэрилин, так и погибшего с нею плода в целях построения "генетического профиля" последнего;

— эксгумация трупа Сэма Шэппарда-старшего для взятия образцов ДНК и последующей проверки его отцовства в отношении плода, который вынашивала Мэрилин в момент убийства;

— осуществление забора биологических материалов Ричарда Эберлинга для сравнения его "генетического профиля" с ДНК крови, найденной на месте преступления и до сих пор

сохраняемой в материалах уголовного дела.

Эберлинг, как нетрудно догадаться, отказался добровольно предоставить биологические материалы для генетического исследования (слюну, кровь и волосы), поэтому в феврале 1996 г. они были взяты у него принудительно.

29 апреля 1996 г. в присутствии коронера и адвокатов важные признания сделала Кэти Коллинз, бывшая сестра-сиделка Этель Дуркин. Кэти являлась любовницей Ричарда Эберлинга, который позволял себе откровенничать с нею; кроме того, имелись подозрения, что в 1983 г., во время ранения Дуркин, повлекшего её смерть, Коллинз действовала в сговоре с убийцей, хотя это и не было доказано. Теперь Коллинз сделала официальное заявление, из которого следовало, что Ричард Эберлинг признавался ей в убийстве Мэрилин Шэппард, причём такие признания он делал неоднократно. Согласно утверждению свидетельницы, Эберлинг говорил, будто совершил половой акт с умиравшей женщиной, причём со смехом уточнял, что та "не выглядела беременной". Впрочем, если бы Эберлинг и знал о беременности Мэрилин, он, по его словам, всё равно бы её убил. Кроме того, Коллинз пояснила мотивацию нападения Эберлинга, который называл Мэрилин Шэппард "гордячкой" и "женщиной высшего круга", не замечавшей его, простого чернорабочего. Получалось, что Ричардом двигала банальная зависть к молодой семье, стоявшей выше него по социальной лестнице.

После получения показаний Кэти Коллинз адвокат, представлявший интересы Шэппардов, подал ходатайство о проведении микробиологического исследования образцов, полученных в 1954 г. во время анатомирования Мэрилин Шэппард и не исследовавшихся за минувшие сорок с лишком лет. Цель данного прошения заключалась в том, чтобы попытаться отыскать следы спермы человека, не являвшегося мужем погибшей. Такие исследования были проведены в частной криминалистической лаборатории в г. Индианаполис экспертом-генетиком Мохаммедом Тахиром, о чём будет сказано ниже.

Необходимо пояснить, что в США с внедрением в широкую практику метода идентификации биологического материала по "ДНК-профилю" владельца была принята программа по уточнению материалов уголовных дел, завершившихся вынесением судебных приговоров. Власти назначали экспертизы (разумеется, там, где это было возможно) по делам, связанным с расследованием особо тяжких преступлений и завершившимся осуждением к смертной казни либо пожизненному заключению. За счёт федерального бюджета осуществлялись необходимые исследования ДНК биологических материалов, изъятых 10-20-30

лет назад. К настоящему моменту изучены уже более 70 тысяч уголовных дел, считавшихся раскрытыми.

Результаты реализации этой программы оказались довольно необычны. Например, в марте 2002 г. выяснилось, что первая жертва известного сексуального маньяка Теда Банди — убитая и изнасилованная в ноябре 1973 г. 15-летняя Кэти Дивайн — погибла от рук другого преступника — Уильяма Косдена-младшего. Кстати, и сам Тед Банди, казнённый в далёком 1989 г., всегда отрицал свою причастность к убийству Кэти Дивайн.

Можно привести другой ставший широко известным случай пересмотра результата сенсационного дела: "маньяк-дестройер" Генри Ли Лукас, осуждённый на смертную казнь за убийство неизвестной женщины, фигурировавшей под условным именем "Розовые Носки", после проведения ДНК-анализа оказался непричастен к этому преступлению. По этой причине, губернатор штата Техас Джордж Буш-младший помиловал его, заменив смертную казнь пожизненным заключением. Это, кстати, было единственное помилование за всю политическую карьеру Джорджа Буша-младшего. Ли Лукаса не освободили по той причине, что к моменту помилования он уже успел сознаться более чем в 200 случаях других убийств, сделавшись "национальным рекордсменом" США в этой позорной области. Считается, что Ли Лукас мог убить до 600 человек, но точное число его жертв осталось неизвестно, поскольку после помилования маньяк перестал сознаваться в новых преступлениях.

Этих двух примеров достаточно для того, чтобы понять, сколь актуальна упомянутая федеральная программа. Разумеется, Сэм Риз-Шэппард рассчитывал, что ему удастся добиться проведения необходимых экспертиз за счёт федерального бюджета, однако этого не случилось. Поскольку осуждённый по "делу Сэма Шэппарда" обвиняемый был в 1966 г. оправдан, и тем самым угроза непоправимой судебной ошибки была устранена, власти штата Огайо посчитали, что экспертизы по этому делу не должны финансироваться за казённый счёт. Поскольку прения по этому вопросу грозили сильно затянуть прокурорское расследование, Сэм Риз-Шэппард и его родственники согласились оплачивать криминалистические исследования из своих средств. В 2002 г. один из адвокатов Риза-Шэппарда — Тэрри Гилберт — заявил, что на эти цели было потрачено более 3,4 млн.$.

17 сентября 1997 г. были эксгумированы останки Сэма Шэппарда-старшего, и осуществлён забор 50 образцов биологических материалов, содержащих ДНК. Хотя с момента захоронения трупа минули более 27 лет, сохранность тела и

качество изъятых образцов были признаны вполне удовлетворительными для проведения необходимых исследований. После выполнения всех необходимых манипуляций тело Шэппарда-старшего было кремировано.

Случившееся усилило интерес к персоне Ричарда Эберлинга: в том же месяце его дважды посещали в тюрьме репортёры. Сначала он дал радиоинтервью, в котором назвал подозрения в свой адрес "очень неприятным моментом" и высокопарно заверил слушателей: "Я никогда никого не убивал. Это противно моей природе!" Чуть позже к нему приезжала съёмочная группа телеканала NBC, которая также продолжительное время интервьюировала его. Эберлинг снова повторил свои уверения в полной невиновности. Он отказывался сознаваться даже в убийстве Этель Дуркин, хотя в его причастности к этому преступлению сомневаться не приходилось.

4 марта 1998 г. адвокат Тэрри Гилберт сделал заявление для прессы, в котором рассказал о результатах исследования ДНК Сэма Шэппарда. Согласно заключению, предоставленному генетиком Мохаммедом Тахиром из частной генетической лаборатории в г. Индианаполис, крови Шэппарда-старшего не было ни в одном из образцов крови, собранных в 1954 г. на месте преступления. Вместе с тем там присутствовала кровь некоего третьего лица (то есть не Мэрилин и не Сэма Шэппардов), которая обнаруживалась на щепе из паркетной доски, изъятой на первом этаже дома под лестницей. (Это так называемый "образец № 84", на который Пол Кирк указывал как на одно из доказательств того, что нападавший на Мэрилин был укушен ею до крови. "Образец № 84" не предоставили Полу Кирку для исследований, в результате чего он сохранился в неприкосновенности до 1998 г.) Ввиду того, что с момента попадания крови на паркет минуло более 40 лет, биологический материал подвергся сильному разложению и загрязнению, что сделало невозможным построение абсолютно точного "ДНК-профиля" его источника. Тем не менее Мохаммед Тахир провёл все возможные в этом случае исследования и получил приблизительный результат, сокративший число возможных подозреваемых до 2,38 % населения. "Генетический профиль" Ричарда Эберлинга попадал в указанную выборку.

Помимо этого, Тахир провёл исследования материалов, полученных в ходе патологоанатомического исследования тела Мэрилин Шэппард в июле 1954 г. Напомним, что они никогда не подвергались микробиологическому и химическому исследованию (и потому сохранились на складе службы коронера в ряду прочих улик). Эксперт установил, что во влагалище

Мэрилин Шэппард в момент её смерти находилась сперма двух мужчин: одна из них принадлежала мужу, другая — неизвестном улицу. Второй "ДНК-профиль" ввиду сильного разложения биоматериала не мог быть установлен с абсолютной точностью, но он полностью соответствовал "ДНК-профилю" источника крови, найденной на первом этаже под лестницей. Другими словами, сперма одного из мужчин, обнаруженная во влагалище Мэрилин Шэппард, и кровь под лестницей принадлежали одному лицу (либо двум, но попадавшим в упомянутые 2,38 % населения).

Имелось и ещё одно немаловажное наблюдение: кровь из "образца № 84" заметно не соответствовала той крови, которую Пол Кирк обнаружил на двери туалетной комнаты. Таким образом, с полным основанием можно было сказать, что генетическое исследование биологических материалов с места преступления не только не объясняло картины случившегося в спальне Мэрилин Шэппард, но напротив, лишь только её запутывало.

Главное открытие, конечно же, касалось обнаружения спермы постороннего лица во влагалище Мэрилин Шэппард. Обвинение в 1954 г. даже не рассматривало вопрос о возможном изнасиловании погибшей просто потому, что не верило в это. Кстати, именно поэтому и микробиологический анализ взятых с трупа образцов не производился — в их результатах никто не нуждался! Теперь же, 44 года спустя, выяснилось, что половой акт с посторонним лицом всё же имел место.

Сэм Шэппард ещё на предварительном следствии сообщал, что последний половой акт с женою он осуществил в ночь со 2 на 3 июля 1954 г., то есть примерно за сутки до её убийства. Следы спермы во влагалище уверенно обнаруживаются вплоть до окончания третьих суток с момента попадания, то есть показания мужа в свете сделанных доктором Тахиром открытий не противоречат судебно-медицинским данным. Но примерно тогда же — в последние 24 часа жизни — Мэрилин Шэппард имела половой акт, окончившийся семяизвержением, и с другим мужчиной. Это могло быть изнасилование до убийства, совокупление убийцы с трупом сразу после умерщвления и, наконец, добровольный половой акт с любовником. Хотя напомним ещё раз — явных следов изнасилования, вагинальных и анальных травм погибшая не имела.

Следствие 1954 г., увлёкшись разработкой версии об адюльтере мужа, отказалось изучить вопрос о возможной неверности жены. Как стало ясно теперь, именно в этом направлении и стоило бы ретивому коронеру Герберу повести

свой розыск…

Весной 1998 г. Джеймс Нефф в последний раз посетил Эберлинга. Во время этой встречи заключённый неожиданно признался в том, что был в спальне Шэппардов и видел залитую кровью кровать Мэрилин. Однако произошло ли это в момент убийства, или же Эберлинг побывал в доме Шэппардов позже, когда здание стояло не опечатанным полицией, Ричард уточнить отказался. Определённо, он рассчитывал до последней возможности тянуть время и поддерживать неопределённость, максимально используя выгоду такого двусмысленного положения. 25 июля 1998 г. Эберлинг скончался от онкологического заболевания. Не прошло и месяца, как 19 августа 1998 г. его сокамерник Роберт Ли Паркс сделал официальное (то есть в присутствии свидетелей и должным образом задокументированное) заявление адвокату Риза-Шэппарда, в котором утверждал, будто Ричард Эберлинг признавался ему в убийстве и изнасиловании Мэрилин Шэппард. Детали этих рассказов в целом соответствовали сообщённым прежде Кэти Коллинз.

Окружная прокуратура в рамках проводимого ею расследования предприняла попытку заблокировать судебное рассмотрение иска Риза-Шэппарда о неправомерности заключения под стражу его отца. Прокуратура направила в Верховный Суд штата Огайо запрос о соответствии закону подобного иска; запрос содержал предложение отклонить иск. Однако Верховный Суд встал на сторону Сэма Риза-Шэппарда, признав за ним право защищать честь и доброе имя отца. Это решение было вынесено 2 декабря 1998 г.

Поздним вечером 5 октября 1999 г. в присутствии прокурора округа Кайохога Уильяма Мейсона и Сэма Риза-Шэппарда была проведена эксгумация останков Мэрилин Шэппард. В течение ночи с 5 на 6 октября криминалистами были осуществлены все необходимые манипуляции по забору биоматериалов и обследованию состояния останков, после чего ранним утром содержимое захоронения подверглось кремации. Всего было отобрано около 100 образцов биологических материалов самой Мэрилин Шэппард и её плода. Результаты их исследования оказались, мягко говоря, неожиданными для всех.

Извлечённый из могилы гроб Мэрилин Шэппард; рисунок патологоанатома, выполненный во время обследования останков, с указанием повреждений черепа.

Во-первых, выяснилось, что телесные повреждения, полученные Мэрилин, были куда более тяжелы, нежели считалось ранее. Лицевая часть черепа была расколота так, что кости ниже глазниц полностью отделялись. "Мы знали о тяжёлых травмах головы, но мы не ожидали увидеть разломы поперёк лица", — заявил на пресс-конференции окружной прокурор. Подобные повреждения полностью разрушали версию Фрэнсиса Ли Бейли о нападении слабой женщины — теперь практически не оставалось сомнений в том, что удары по голове Мэрилин Шэппард были нанесены физически развитым мужчиной.

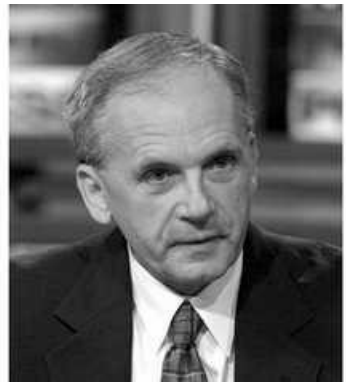
Во-вторых, полностью была отвергнута версия Пола Лиланда Кирка о прокушенном пальце убийцы. Лоуэлл Ливайн, специалист по стоматологической реконструкции из полицейского управления Нью-Йорка, приглашённый на эксгумацию в качестве эксперта, заявил, что версию о том, будто передние резцы Мэрилин Шэппард вырвал убийца, следует считать абсолютно несостоятельной. Криминалист не стал вдаваться в подробности, но, видимо, данное утверждение основывалось на осмотре скола передних зубов. По величине и направлению угла скола можно уверенно определить направление действия силы, вызвавшей травму, так что сомнений в точности сделанного Ливайном вывода быть не может. Разумеется, подобное заключение рождало вопрос: как мог ошибиться Пол Кирк, обосновывавший своё мнение аналогичными ссылками на характер скола зубов? Но ответ на этот вопрос не входил в компетенцию криминалиста, а потому распространяться на этот счёт он не стал.

В-третьих, (и это, пожалуй, главный результат проведённой эксгумации!) стало ясно, что определить отцовство плода, который вынашивала на момент смерти Мэрилин Шэппард, не

удастся. Выяснилось, что во время аутопсии 1954 г. плод был помещён в банку с формалином и захоронен в гробу матери. За прошедшие десятилетия консервант полностью пропитал ткани и разрушил хромосомы, содержавшие ДНК. Другими словами, генетического материала в законсервированных останках плода не оказалось. Таким образом, вопрос о том, забеременела ли Мэрилин Шэппард от своего мужа, на данном этапе развития техники принципиально не подлежал разрешению.

Немаловажно, что обнаружение плода в банке с формалином оказалось для всех участников эксгумации полнейшей неожиданностью. Данное открытие в значительной степени обесценивало результаты всей этой процедуры, лишало эксгумацию смысла. Акт судебно-медицинского исследования тела Мэрилин Шэппард, составленный в 1954 г., ничего не сообщал о манипуляциях подобного рода с плодом. Всё это ещё раз выпукло продемонстрировало огрехи давнего расследования — небрежность ведения документации и элементарное ротозейство должностных лиц, неоднократно проявлявшееся в самых разных формах. Последний тезис, думается, особо расшифровывать не надо: читатели настоящего очерка имели возможность неоднократно убедиться в его справедливости.

В конце 1999 г. прокуратура округа Кайохога заказала специальному агенту ФБР в отставке, а ныне консультирующему криминалисту по построению «поискового психологического портрета» Грэгу МакКрэри (Gregg McCrary) проведение так называемого «исследовательского анализа места убийства» Мэрилин Шэппард. Своё заключение, основанное на изучении официальных документов из уголовного дела (фотографий и протокола осмотра места преступления) МакКрэри представил 1 декабря 1999 г. Имеет смысл остановиться на содержании этого документа подробнее, но прежде чем сделать это, следует напомнить читателям, что Грэг МакКрэри — это «профилёр», известный своими не совсем удачными консультациями по ряду громких уголовных дел.

Грег МакКрэри (фотография сделана в июле 2001 года).

Например, в «деле Артура Шоукросса» он дал ориентировку, имевшую весьма малое сходство с настоящим убийцей. Вместо описанного экспертом неуверенного в себе одинокого молодого мужчины, неспособного познакомиться с девушкой, жалкого и социально неадаптированного, убийцей оказался матёрый рецидивист 15 годами старше, судимый за убийства детей, умеющий расположить к себе женщин и прекрасно этим пользовавшийся. Шоукросс не только имел жену, вытащившую его из тюрьмы, но и за несколько месяцев свободы обзавёлся преданной любовницей. И та и другая безгранично ему доверяли; любовница позволяла преступнику пользоваться своей машиной, разъезжая на которой, маньяк совершал убийства проституток. Кстати, среди последних он тоже пользовался популярностью. Если бы не счастливая случайность, позволившая крепко связать Шоукросса с местом сокрытия трупа, полиция по описанию МакКрэри могла бы очень долго (и безуспешно!) искать неизвестного «Рочестерского душителя». Короче говоря, в упомянутом деле штатный «профилёр» ФБР угодил, что называется, пальцем в небо. На сайте автора «Загадочные преступления прошлого» в открытом доступе размещён очерк об этом весьма известном расследовании — называется он «Рочестерский Душитель» Артур Шоукросс — отсылаем всех заинтересовавшихся деталями читателей к нему.

В другом нашумевшем деле, связанном с расследованием убийств девушек-подростков в Канаде (так называемое «дело Пола Бернардо и Карлы Хомолки»), в котором Грэг МакКрэри осуществлял консультативную помощь Королевской Канадской Конной Полиции, «профилёр» ФБР тоже показал себя не с лучшей стороны. В красочных воспоминаниях Джона Дугласа, создателя и первого руководителя Отдела вспомогательной следственной поддержки при штаб-квартире ФБР США, весьма выразительно и

даже выспренно повествуется о тонкой психологической игре, которую МакКрэри якобы повёл с криминальным дуэтом. Не станем углубляться в детали, просто порекомендуем заинтересовавшимся читателям ознакомиться с гл.3 книги Джона Дугласа и Марка Олшейкера «Погружение во мрак».

И добавим, что версия авторов книги при всей её занятности всё же грешит очевидным противоречием истине. Дуглас пытается убедить читателя в том, будто МакКрэри, выступая по канадскому телевидению, своей тонко продуманной речью спровоцировал конфликт между преступниками, в результате чего Карла Хомолка донесла на Пола Бернардо властям. Но, увы! сия волнительная версия событий весьма и весьма далека от реальности. С момента телевизионного выступления «профилёра» ФБР до момента доноса Хомолки прошло более 7 месяцев, и поступок Карлы никак не был связан с этой телепередачей. Преступники действительно слышали речь МакКрэри, но лишь от души посмеялись над пафосным тоном ФБР-овца. Донос Хомолки спровоцировала куда более веская причина — её муж, Пол Бернардо, сдал криминалистам Канадской Королевской Конной полиции слюну и волосы для анализа ДНК. Жена поняла, что разоблачение её благоверного неотвратимо, это всего лишь вопрос времени, и с присущим женщине коварством сработала, что называется, на опережение.

Хомолка своевременно донесла на мужа и, договорившись с прокуратурой, выторговала себе снисхождение суда. Завершая разговор об этом деле, заметим, что сейчас эта садистка-лесбиянка, насиловавшая и убивавшая девочек, снимавшая видеокамерой издевательства над жертвами, уже вышла на свободу. Канадские власти заменили ей документы, и ныне она проживает под другими именем и фамилией. Работодатель, у которого она отработала 4 месяца, опознал её и уволил, после чего Карла Хомолка подала на него в суд с требованием денежной компенсации.

В упомянутом "деле Пола Бернардо и Карлы Хомолки" МакКрэри пропустил весьма существенный момент, на который как "профилёр"-профессионал должен был обратить внимание. Дело в том, что до момента начала убийств девушек-подростков преступники совершали дерзкие изнасилования в элитном районе Торонто — Скарборо. Существовало чёткое свидетельство того, что так называемый "насильник из Скарборо" — это криминальный дуэт, а не маньяк-одиночка (одна из жертв сообщила, что во время нападения подружка насильника снимала происходившее на видеокамеру). МакКрэри должен был связать похищения и убийства девушек, совершённые парой

преступников, с серией изнасилований в Скарборо, происходивших ранее. Однако он этого не сделал и целых два года безрезультатно консультировал канадских полицейских до тех самых пор, пока Карла Хомолка не преподнесла полиции своего муженька, как говорится, на блюдечке с голубой каёмочкой.

Мы далеки от мысли ставить под сомнение профессиональные качества МакКрэри как специалиста по "профилированию личности" (тем более что его начальник Джон Дуглас высоко ценил Грэга), но всё, написанное выше, следует иметь в виду для правильного восприятия того, что будет написано ниже.

Итак, каков же оказался поведенческий анализ личности преступника, проведённый МакКрэри в "деле Сэма Шэппарда"?

Прежде всего "профилёр" проанализировал существенные черты личности потерпевшей с точки зрения виктимологии (то есть науки о жертвах преступления). МакКрэри констатировал, что в повседневной обстановке жертва имела низкий уровень угрозы жизни. Мэрилин Шэппард не относилась ни к наркоманам, ни к проституткам, не являлась членом преступного сообщества. Будучи учительницей в школе при христианской общине городка, она практически не имела точек соприкосновения с криминогенной средой. Таковых не имел и её муж, что определяло спокойствие, размеренность и безопасность того образа жизни, который вели супруги.

Анализ особенностей места преступления, по мнению МакКрэри, однозначно указывал на его — места преступления — низкую степень угрозы безопасности. Мэрилин Шэппард была убита в собственном доме, имевшем двери и окна с исправными замками. В доме находились муж погибшей, её сын, собака.

По мнению Грега МакКрэри, «убийца сделал слабую попытку придать месту преступления обстановку „проникновения с целью хищения“, возможно с целью хищения наркотиков» («the killer made a feeble attempt to make the crime scene appear to be a „for profit“ burglary, possibly with a drug-related motive»). «Профилёр» посчитал, что в «деле Шэппарда» имеет место лишь имитация ограбления. Ущерб собственности оказался весьма ограничен, что вступало в противоречие с чрезвычайной жестокостью убийства. Грабитель, готовый убить хозяина дома, обыкновенно ведёт себя намного грубее и куда более безразличен к вещам. МакКрэри констатировал, что фактический имущественный ущерб Шэппардов ограничился лишь двумя разбитыми спортивными кубками да исчезнувшей настольной лампой, что крайне нехарактерно для случаев ограбления жилища.

«Профилёр» обратил внимание на то, что преступник якобы сложил похищенные им вещи в зелёный полотняный мешок. Кроме того, злоумышленник прямо на месте преступления осматривал портмоне Сэма Шэппарда-старшего и его докторскую сумку. Все эти действия, по мнению МакКрэри, вступали в явное противоречие с традиционным для воров поведением на месте преступления. Как посчитал отставной «профилёр» ФБР, «настоящий вор» прихватил бы с собою и портмоне, и докторский саквояж, дабы ознакомиться с их содержимым в спокойной обстановке. Вывод этот, кстати, представляется весьма и весьма спорным: первичный осмотр похищаемого преступники всё же проводят прямо на месте совершения квартирной кражи (дабы не уносить лишний копеечный груз, который всё равно придётся вскоре выбрасывать).

Таким образом МакКрэри пришёл к выводу, что преступник не преследовал цель совершить хищение из дома Шэппардов. Точно также убийца не преследовал цель совершить сексуальное насилие над Мэрилин Шэппард. По мнению "профилёра", обстановка в спальне была намеренно организована таким образом, чтобы дать основания заподозрить сексуальное нападение, которого, однако, в действительности не было. Свою точку зрения МакКрэри обосновывал тем, что насильник, оголивший грудь своей жертвы, непременно касался бы её, мял, дёргал бы за соски, возможно, кусал. Всё это привело бы к тому, что на груди Мэрилин Шэппард остались бы кровавые следы и помарки, которых в действительности не оказалось. Кроме того, МакКрэри уверенно заявил, что насильник в силу своей садистской природы оставил бы ясные следы вагинальной и анальной травм жертвы, каковых на самом деле не было. Исходя из этого, "профилёр" заключил, что обнажение жертвы есть лишь имитация сексуального посягательства со стороны преступника.

Большое внимание в своём анализе МакКрэри уделил тому факту, что Сэм Шэппард-старший не имел следов крови на руках и одежде. По мнению «профилёра», существовали по меньшей мере две независимые причины, в силу которых Сэм должен был испачкаться в крови своей жены: во-первых, он искал пульс на её руках и шее (а в это время кровь на лице всё ещё оставалась влажной); во-вторых, Сэм Шэппард, по его словам, дважды боролся с убийцей, а тот непременно должен был быть покрыт кровью с головы до ног. Однако, поскольку к 6 часам утра Сэм Шэппард оказался без следов крови на теле — значит, он предпринял целенаправленные действия по их уничтожению.

МакКрэри особо остановился на том обстоятельстве, что следов крови не оказалось на предметах, которых преступник

неизбежно должен был касаться — на портмоне Сэма Шэппарда и зелёном мешке, в которые убийца сложил свои трофеи. Однако ни там, ни там крови обнаружено не было. По мнению МакКрэри, это могло произойти лишь в том случае, если убийца прямо на месте преступления предпринял меры по уничтожению следов крови на своих руках. Подобные действия представлялись, по мнению "профилёра", весьма маловероятными в том случае, если убийца являлся посторонним лицом, и весьма вероятными, если убийца был связан с семьёй Шэппардов (преступник, близкий жертве, комфортнее чувствует себя на месте преступления, поскольку в случае полицейского допроса ему легче обосновать своё присутствие там естественными, не вызывающими подозрения причинами).

Обстоятельства убийства Мэрилин Шэппард, по мнению МакКрэри, содержат в себе ряд принципиально важных для понимания действий преступника моментов. "Профилёр" особо выделил следующие:

— несоответствие мотива преступления обстановке на месте убийства (ни ограбление, ни изнасилование жертвы не были подлинным мотивом посягательства и являлись всего лишь имитацией, призванной замаскировать истинную его цель);

— неопределённость места проникновения убийцы в дом (двери в дом, вроде бы закрытые вечером, оказались открыты, кроме того, на подвальном люке через две недели были обнаружены следы столярного инструмента. В целом же вопрос о способе проникновения преступника в дом так и не был разрешён);

— в доме Шэппардов было совершено преступление высокого риска. Изнасилование женщины в доме, где находятся её сын и муж, "нехарактерно для насильников, обычно очень трусливых по своей природе";

— убийца причинил Мэрилин Шэппард чрезмерное травмирование, необъяснимое рационально (чтобы убить спящую женщину, вовсе не нужно было наносить ей 35 ударов по лицу);

— для первичного фиксирования факта преступления были вызваны соседи, а не полиция (полицейская практика свидетельствует, что убийца, присутствующий на месте преступления, обычно вызывает соседей или родственников, чтобы именно по их реакции проверить правдоподобность придуманной легенды).

МакКрэри пришёл к выводу, что в случае с убийством Мэрилин Шэппард полиция имеет дело с преступлением, совершённом членом семьи. По американской юридической терминологии это "Staged Domestic Homicide" (пожалуй, наиболее

корректный перевод будет звучать так: "спланированное внутрисемейное убийство"). "Профилёр" выделил следующие элементы поведения преступника, характерные для убийств этой категории:

— орудие убийства тщательно очищено от отпечатков пальцев либо вообще отсутствует (в "деле Сэма Шэппарда" орудие убийства никогда не было точно идентифицировано. Убийца предусмотрительно удалил его из дома и даже за пределы земельного участка, относившегося к дому);

— преступник не предпринимает попытки сокрытия трупа (в "деле Сэма Шэппарда" тело жертвы было оставлено на виду. Более того, оно даже было обнажено в попытке придать преступлению сексуальный характер);

— местом преступления в случае "спланированного внутрисемейного убийства" очень часто является дом, в котором проживает жертва (в "деле Сэма Шэппарда" это наблюдение полностью подтверждается);

— смерть жертвы представляется следствием некоей посторонней преступной деятельности типа грабежа или изнасилования (в "деле Сэма Шэппарда", по мнению МакКрэри, можно наблюдать имитацию обоих мотивов — и ограбления жилища, и изнасилования);

— преступник в случае "спланированного внутрисемейного убийства" обычно тяготится полным раздеванием жертвы, оставляя её полураздетой, либо даже прикрывая наготу (в "деле Сэма Шэппарда" на теле Мэрилин была оставлена пижама. Пижамная рубашка была расстёгнута таким образом, чтобы обнажить грудь, а пижамные штаны были полностью сняты с одной ноги и спущены до колена другой. Более того, Сэм Шэппард-старший во время допросов признавал, что прикрыл труп жены одеялом);

— если жертвой "спланированного внутрисемейного убийства" оказывается молодая женщина, то преступник часто предпринимает попытку придать произошедшему видимость попытки изнасилования (в "деле Сэма Шэппарда" жертва была молодая женщина, половые органы которой были обнажены, ноги раздвинуты, однако явных следов сексуального преступления обнаружено не было);

— как правило, в случае "спланированного внутрисемейного убийства" преступник, совершая с чрезмерной жестокостью убийства сравнительно слабых лиц (жены, детей), почему-то не причиняет сколь-нибудь серьёзных травм самому сильному противнику — мужу. Данное наблюдение служит ясным указанием на то, что именно муж и является убийцей (по мнению

МакКрэри, в "деле Сэма Шэппарда" это правило проявилось с неоспоримой очевидностью. Преступник дважды сталкивался с Сэмом Шэппардом-старшим, однако почему-то так и не убил его).

На основании всего вышеизложенного бывший «профилёр» ФБР сделал следующий вывод: «Вся сумма вещественных улик, судебных свидетельств и поведенческих признаков указывает только на одно логическое заключение, состоящее в том, что убийство Мэрилин Рис Шеппард 4 июля 1954 явилось „спланированным внутрисемейным убийством“, совершённым доктором Сэмюэлем Шеппардом. […] Эти доводы не только не поддерживают никакое другое логическое заключение, но прямо и красноречиво противоречит доводам и заявлениям доктора Сэмюэля Шэппарда.»

В этом месте важно отметить, что Грег МакКрэри в своём исследовании проигнорировал весьма важные факты и свидетельства. Например, обнаружение Полом Кирком на месте преступления крови постороннего человека. Никак не прокомментировал "профилёр" и утверждения эксперта по "генетической реконструкции" Мохаммеда Тахира о том, что во влагалище погибшей находилась сперма двух мужчин. Но если и первое, и второе ещё можно объяснить спецификой работы по составлению "исследовательского анализа места преступления", который должен опираться лишь на официальные документы, составленные во время осмотра, то довольно странным представляется полное игнорирование "профилёром" указания на возможное изменение самими полицейскими обстановки в спальне. Напомним, что во время суда 1954 г. Ричард Шэппард-младший, побывавший на месте убийства до приезда коронера Гербера, заявил о том, что полицейские фотографии свидетельствуют об изменении первоначального положения трупа в кровати и обстановки в спальне в целом. Фактически Ричард обвинил полицейских в том, что те произвольно, в силу каких-то своих соображений, взялись "реконструировать" сцену убийства.

МакКрэри приписал "имитацию изнасилования" Сэму Шэппарду, однако ради объективности "профилёру" следовало бы упомянуть о существовании свидетельства, указывающего на то, что совсем другие лица — полицейские и коронер — могли заняться подобным делом (и видимо, занялись, если верить Ричарду Шэппарду-младшему)! МакКрэри упомянул о достаточно протяжённых кровавых следах, указывавших на волочение трупа в кровати. Действительно, совершить половой акт с трупом в том положении, в каком он сфотографирован (то есть под поперечной перекладиной спинки кровати со спущенными на пол ногами) невозможно. Однако изначально тело находилось гораздо выше, в

изголовье, а там спинка кровати уже не мешала насильнику развести ноги жертве!

Впрочем, в оправдание Грегора МакКрэри можно сказать, что он, возможно, ничего не знал о заявлении Ричарда Шэппарда.

Остаётся добавить, что знаменитый "профилёр" проигнорировал и ещё одно важное свидетельство — о наличии в доме некурящих Шэппардов окурка, плававшего в унитазе туалета второго этажа. Причём, если достоверность утверждения Ричарда Шэппарда об изменении положения трупа можно оспаривать, то наличие окурка сомнению не подлежит — его видели разные люди, в том числе и полицейские, о чём и сообщили в суде под присягой.

Есть в работе МакКрэри и иные, мягко выражаясь, натяжки. Весьма странное впечатление оставило его рассуждение о том, что вытряхивание содержимого докторского саквояжа и осмотр портмоне — это действия нетипичные для вора. В этом отношении автор очерка может поделиться личным опытом: в конце 80-х годов прошлого столетия мне с группой товарищей довелось быть обворованным в спортивном лагере на южном курорте. Кража была совершена в интервале менее двух часов; за это время воры вытряхнули и проверили содержимое почти трёх десятков сумок и рюкзаков. Они отобрали заинтересовавшие их вещи — импортные кроссовки, футболки, джинсы, наличные деньги, не побрезговали и железнодорожными билетами на поезда дальнего следования, которые в те времена можно было вернуть в кассы без предъявления паспорта. Воры особо проверили документы и кошельки, которые, однако, похищать не стали. Деньги, предусмотрительно спрятанные, они отыскать не смогли: по этой причине автор сохранил билет на обратную дорогу и 50-рублёвую купюру, помещённые под кожаную обложку паспорта. На видном месте в паспорте я всегда закладывал банкноту небольшого достоинства — её воры, разумеется, заметили и забрали, посчитав, что в паспорте больше нечего искать. Несмотря на ограниченность времени и большой объём работы (воры обшарили вещи 20 с лишком человек!), они не отказались от детального осмотра и сортировки добычи, причём любой отечественный следователь скажет, что это — нормальная воровская практика. Поэтому многозначительный пассаж МакКрэри о том, что настоящие воры так не поступают, произвёл, мягко говоря, весьма странное впечатление. **Ведь опытные воры именно так и поступают!** Между тем, опираясь на этот посыл, «профилёр» взялся доказывать, будто Сэм Шэппард имитировал ограбление.

Обратила на себя и другая натяжка — рассуждение МакКрэри

о том, что у убийцы непременно должны были быть окровавленные руки, отпечатки которых тот непременно должен был оставить (чего на самом деле не произошло). Любой человек, которому хоть раз в жизни приходилось иметь окровавленные руки, знает, что высыхающая кровь обладает весьма неприятным свойством — она не только всё пачкает, но и противно липнет. Ощущения при этом очень напоминают ощущения от мёда или патоки: пальцы слипаются между собой так, что их приходится с усилием разделять — в общем, возникает чувство крайнего неудобства и даже раздражения. Поэтому желание поскорее вымыть руки в этой ситуации не только естественно, но в какой-то степени даже рефлекторно. Совершенно непонятно, почему МакКрэри отказал в подобном желании убийце и посчитал, что тот непременно должен начать хватать окружающие предметы окровавленными руками? Преступники очень часто моют руки на месте преступления, в том числе и убийцы, в этом нет ничего необычного или маловероятного. Более того, они нередко моют орудия убийства и даже пытаются замывать кровавые пятна на одежде… Неужели специалисты ФБР ничего этого не знают? Или американские убийцы до такой степени не похожи на уголовников-славян? В самом деле, что могло помешать преступнику, оглушившему Сэма Шэппарда, пройти в туалетную комнату, вымыть там руки, выкурить сигарету, затем вернуться в спальню и продолжить половой акт с находившейся без сознания Мэрилин? Абсолютно ничего: в распоряжении убийцы была целая ночь и власть над жизнями по меньшей мере двух людей…

В общем, нельзя не отметить, что "исследовательский анализ" получился у МакКрэри хотя и весьма информативным, но всё же несколько односторонним.

В феврале 2000 г. началось слушание гражданского иска Сэма Риза-Шэппарда в суде. Ответчиком по делу являлась прокуратура округа Кайохога, которую представляли прокурор Уильям Мейсон и его помощники Стив Девер, Кэтлин Мартин и Дин Болан. Разбирательство оказалось неожиданно острым и полемичным, в течение семи недель были заслушаны 76 свидетелей. С обеих сторон имели место эмоциональные и порой весьма спорные заявления, мало подходившие для зала судебных разбирательств.

Риз-Шэппард справедливо указывал на огрехи расследования 1954 г. и явную однобокость последовавшего суда, жертвой которой явился его отец. Он утверждал, что если бы прокуратура озаботилась розыском мойщика окон и отработкой версии возможного проникновения в дом через подвал, то убийство удалось бы раскрыть без выдвижения напрасных обвинений в адрес невиновного. Утверждение это следовало рассматривать

как удачное с точки зрения полемики, но бездоказательное по своей сути.

Прокуратура тут же вернула высказанные ей претензии обратно, напомнив Ризу-Шэппарду, как вплоть до 1980 г. тот преследовал Спенсера Хоука (до самой смерти последнего). Внуки Спенсера и Эстер Хоук, привлечённые в качестве свидетелей, рассказали, как дед и бабка уклонялись от встреч с Сэмом Ризом-Шэппардом, который с маниакальной настойчивостью добивался объяснений. Попытки спокойно поговорить оказывались безуспешными, и каждая подобная встреча с Шэппардом-младшим заканчивалась скандалом. Кроме того, свидетели рассказали, как умершая в 1982 г. Эстер Хоук завещала защитить её честное имя от клеветы Шэппарда-младшего и клялась в присутствии исповедника, что невиновна в смерти Мэрилин Шэппард.

Совершенно справедливо прокуратура вернула истцу и брошенное им обвинение в однобокости. Риз-Шэппард безоговорочно принимал на веру версию Пола Лиланда Кирка, словно это была истина в последней инстанции; между тем, результат осмотра челюстей Мэрилин Шэппард, проведённого во время эксгумации, вступал в явное противоречие с утверждениями независимого эксперта. Причём поскольку Пол Кирк не имел возможности лично исследовать труп, а опирался лишь на текст протокола вскрытия и сделанные тогда же фотографии, мнение Лоуэлла Ливайна, принимавшего непосредственное участие в эксгумации, представлялось куда более авторитетным.

В суде в качестве свидетеля защиты (то есть прокуратуры округа) давал показания Френсис Ли Бейли. Он заявил, что Сэм Шэппард-старший никогда не высказывал ни малейших подозрений в адрес Ричарда Эберлинга, с которым не раз разговаривал и долгое время сидел плечом к плечу во время суда 1966 г. Ли Бейли особо подчеркнул тот факт, что Эберлинг успешно прошёл проверку на полиграфе в ноябре 1959 г., хотя упоминание об этом "успехе" тут же было оспорено Ризом-Шэппардом, который сослался на мнения независимых экспертов, посчитавших показания полиграфа "неоднозначными". Ли Бейли несколько раз повторил, что никогда не верил и не верит ныне в причастность к гибели Мэрилин Шэппард Ричарда Эберлинга.

Риз-Шэппард представил суду показания Кэти Коллинз и Роберта Ли Паркса, сокамерника Эберлинга, из которых следовало, что последний не раз сознавался в убийстве Мэрилин Шэппард. Однако эта информация не произвела сильного впечатления на присяжных, поскольку окружная прокуратура

сумела продемонстрировать аморальность и лживость обоих свидетелей.

Важно отметить, что предметом рассмотрения этого суда являлся отнюдь не вопрос формальной виновности Сэмюэля Шэппарда-старшего (юридически он считался невиновным с 1966 г.), а вопрос о правомерности заключения его под стражу. В конце концов, прокуратура доказала, что веские основания для ареста были налицо, поскольку подозреваемый не смог дать удовлетворительные ответы на ряд существенных вопросов, позволявших усомниться в его искренности. А именно:

— Сэм Шэппард так и не смог объяснить, почему он вызвал в дом супругов Хоук, а не полицию;

— почему он это сделал с большой задержкой с момента последней схватки на берегу озера Эри;

— почему на диване в гостиной оказался аккуратно сложенный пиджак Шэппарда, хотя тот утверждал, будто спал на этом диване;

— почему в доме Шэппардов в ночь убийства не лаяла собака и т. п.

Поскольку логичных и достоверных ответов на эти и многие другие вопросы подозреваемый в 1954 г. дать не смог, превращение его в обвиняемого по делу об убийстве собственной жены представлялось логичным и даже неминуемым.

12 апреля 2000 г. жюри присяжных после непродолжительного (менее трёх часов) совещания вынесло вердикт об обоснованности обвинений и последующего ареста в 1954 г. Сэма Шэппарда-старшего. Жюри голосовало единогласно, вердикт предопределил отклонение иска Риза-Шэппарда.

На это решение последний подал апелляцию, рассмотрение которой затянулось почти на два года. Но 22 февраля 2002 г. апелляционный суд Восьмого округа США отказал Ризу-Шэппарду в удовлетворении иска, особо подчеркнув, что из духа закона следует возможность получения компенсации лишь лицом, непосредственно пострадавшим от юридической ошибки, но не членом его семьи. Другими словами, выплаты денег мог добиваться сам Сэмюэль Шэппард, но не его сын.

Это решение фактически поставило точку в затянувшемся почти на полвека "деле Сэма Шэппарда". Во всяком случае, если говорить о его юридическом аспекте.

Обывательский же интерес к тайне загадочного убийства после этого лишь разгорелся. Ныне список англоязычной литературы, посвящённой данной теме, насчитывает многие десятки книг, написанных с разной степенью детализации и достоверности.

О книге Синтии Купер и Сэма Риза-Шэппарда уже было упомянуто. Имеет смысл коснуться точки зрения другого серьёзного исследователя этой истории — писателя-криминолога Джеймса Неффа. Важно отметить, что изначально он являлся горячим сторонником версии, согласно которой, убийцей Мэрилин Шэппард был именно Ричард Эберлинг. Писатель был заворожён перспективой скорого раскрытия загадочного убийства, будоражившего воображение людей около полувека. Казалось, ещё чуть-чуть — и полученный от Эберлинга материал позволит однозначно связать его с преступлением в Бэй-виллидж! Однако со временем Нефф несколько подутратил свой оптимизм, и вышедшая в 2001 г. из-под его пера книга в изложении материала и описании личности главного героя — Ричарда Эберлинга — значительно отличалась от того, как об этом было написано Синтией Купер и Ризом-Шэппардом.

Нефф считал, что Эберлинг по своей природе являлся прирождённым манипулятором людьми. Кроме того, это был садист, которому страдания окружающих доставляли истинное удовольствие. Переписка Эбрелинга с Ризом-Шэппардом была для первого не более чем игра, так сказать, разминка для скучающего от тюремного безделья ума. Кроме того, в последний год своей жизни Эберлинг стал явно терять рассудок — он периодически начинал заговариваться, переставал узнавать людей, терял представление о том, кто он такой и где находится.

По мнению автора книги, если бы Ричард Эберлинг на самом деле убил Мэрилин Шэппард, он никогда бы в этом не признался и не навёл бы на себя подозрения перепиской с сыном убитой. Нефф совершенно справедливо заметил, что Эберлинг, хотя и оказался осуждён за умышленное убийство Этель Дуркин, но никогда и никому в нём не сознавался и всячески обходил любые упоминания об этой истории. Тот факт, что кровь Эберлинга соответствовала крови, найденной в спальне Мэрилин Шэппард, Нефф был склонен объяснять банальным совпадением. А то, что Ричард хорошо знал планировку дома, легко разъяснялось тем обстоятельством, что место преступления несколько дней простояло не опечатанным полицией и даже незапертым, благодаря чему зеваки получили возможность вполне легально посещать дом Шэппардов. Эберлинг в 1954 г. проживал в Бэй-виллидж примерно в 1 км от места трагедии, и, разумеется, вместе с прочими жителями городка ходил смотреть на дом, моментально ставший достопримечательностью; он вполне мог войти внутрь во время отсутствия полиции.

Вместе с тем Джеймс Нефф считал, что Эберлинг причастен к смертям сестёр Дуркин, поскольку он демонстрировал странную

для постороннего человека осведомлённость в деталях. В частности, он многое рассказал Неффу о том, как умерла в 1962 г. Драка Мирта. По словам Эберлинга, в последний вечер жизни в её доме шла большая игра в карты на деньги, и Драка выиграла большую сумму. Эти деньги не были найдены, их, скорее всего, похитил убийца (если только это не сделали сами полицейские, приехавшие в дом после обнаружения факта смерти). Драка собиралась лечь спать, когда на неё было совершено нападение. На пляже позади дома оказалось найдено платье Драки Мирты, но не то, которое было на ней в последний вечер. Убийца обнаружил это платье (то есть найденное позднее на пляже) в гардеробе своей жертвы и надел его, чтобы неузнанным выйти из дома через чёрный ход, который просматривался телекамерой. Преступник не знал того, что охрана не сможет его увидеть ввиду неисправности камеры. Эберлинг подчеркивал, что факт убийства был очевиден многим, в том числе и полицейским, но дело было решено не раздувать, чтобы не предавать гласности факт противозаконной карточной игры, в которой в тот вечер принимали участие «самые важные городские шишки». Эберлинг прозрачно намекал, что убийцей явился некий представитель городского истэблишмента, принимавший участие в игре.

Нефф поначалу весьма скептически воспринял этот рассказ, но дальнейший ход событий заставил его пересмотреть своё отношение к услышанному. Уже после смерти Эберлинга писатель смог ознакомиться с 30-страничной докладной запиской по этому делу, подготовленной по результатам дознания начальником отдела убийств кливлендской полиции. Документ этот был засекречен, официально его как бы не существовало. Нефф был поражён совпадением деталей, сообщённых Эберлингом, с фактически выявленными в ходе дознания обстоятельствами. Поскольку Эберлинг не имел отношения к работе полиции, оставалось предположить, что он находился на месте преступления и своими глазами видел то, о чём говорил.

Ричард несколько раз повторял Неффу, что то, как умирали сёстры Дуркин, очень напоминало смерть Мэрилин Шэппард. Однако сам Нефф не склонен был преувеличивать ценность подобных заявлений. Писатель не без оснований отмечал склонность Эберлинга рассуждать и действовать от противного: Эберлинг на протяжении ряда лет последовательно убил всех сестёр Дуркин и завладел, в конце концов, огромным наследством, но никогда не признавал этого. Другими словами, он не говорил о том, что делал, но если говорил, значит — не делал.

Вопрос "для чего так поступал Эберлинг?" может иметь множество ответов, от самых обыденных до прямо парадоксальных. Эберлинг, безусловно, был человеком умным, скрытным, трудным для расшифровки, мотивация поступков такого человека может быть порой весьма неожиданной. Сам Нефф считал, что разного рода двусмысленными намёками и разговорами о причастности к сенсационному убийству Эберлинг просто-напросто стремился повысить свой авторитет в уголовной среде. Кроме того, затеянная психологическая игра его явно забавляла: Эберлинга регулярно навещали разного рода необычные и интересные гости — всевозможные писатели, теле- и радиожурналисты. Он регулярно давал интервью, в том числе и платные, рассуждал на самые разные темы и явно получал удовольствие от интереса к собственной персоне. Даже для находящегося на свободе человека подобное внимание было бы очень лестным для самолюбия, что уж говорить об узнике, пожизненно заключённом в двухместной камере!

Завершая разговор о загадочном убийстве, произошедшем в далёком уже 1954 г. в Бэй-виллидж, следует признать, что шансов на установление истины ныне уже почти не остаётся. Испробованы все возможные криминалистические методы, проведены все мыслимые анализы; их результат уже никогда не будет улучшен или уточнён в силу того, что исходные биологические образцы разрушены. Главная загвоздка состоит в том, что самый интригующий вопрос — была ли Мэрилин беременна от мужа? — так и остался неразрешённым.

Что же мы имеем в итоге?

Следует признать, что Сэм Шэппард-старший действительно подходит на роль убийцы по формальным признакам. Исследовательский анализ места преступления, проведённый Грегом МакКрэри, представляет собой, безусловно, весьма серьёзный и мотивированный документ. Если Сэм Шэппард действительно узнал, что его жена беременна вовсе не от него, то это открытие способно было спровоцировать вспышку крайнего гнева…

И всё же… То, что обстановка в доме Шэппардов представляет собою лишь инсценировку ограбления, детективы поняли ещё в далёком 1954 г. Тут МакКрэри никакой истины не открыл. Вопрос сводится к другому: кто занимался этой мистификацией? Сэм Шэппард был очень серьёзно травмирован — это признавал даже полицейский невропатолог, человек, не склонный преувеличивать подобные обстоятельства в интересах подозреваемого. Представляется практически невероятным, чтобы Сэм травмировал сам себя. Да и как это он мог сделать? Ударился

задней частью шеи об угол? Упал на ступеньку? стукнул по шее молотком? До такого даже коронер Гербер не додумался… Важная деталь — вопрос о времени, месте и способе травмирования Сэма Шэппарда за пятьдесят с лишком лет никем из исследователей этого «дела» так и не был достоверно объяснён. Прокуратура в своих обвинительных заключениях (в 1954 г. и в 1966 г.) уклончиво написала о том, что Сэм получил телесные повреждения во время борьбы с Мэрилин. То есть лежавшая в кровати женщина весом в 1,5 раза меньше своего противника умудрилась расколоть ему 1-й позвонок (причём ударом сзади!), разбить лицо и разорвать рот. Подобное объяснение не стоит даже комментировать — оно ничего не объясняет.

Остаётся признать, что объяснения этого вопроса, сделанные самим Сэмом Шэппардом, при всей их фантастичности, нелогичности и отрывочности являются наиболее достоверными. Ибо все прочие рассуждения на сей счёт ещё более фантастичны и нелогичны. Человека действительно можно оглушить всего одним ударом по основанию черепа; последующий отёк вызывает нарушение кровоснабжения мозга, в результате чего весьма вероятно развитие амнезии. Существуют три основных вида подобного нарушения памяти: ретроградная амнезия (при которой забываются события, предшествующие травме), конградная (пострадавший не помнит промежуток времени, соответствующий всему периоду расстройства сознания) и антероградная (теряется представление о событиях, последовавших сразу после травмирования). С точки зрения судебной медицины Сэм Шэппард абсолютно достоверно описал своё состояние, которое прекрасно соответствует антероградной амнезии.

Обвинители доказывали, что Шэппард не терял сознание надолго, а значит, он умышленно скрывал то, чем занимался несколько часов. Но на самом деле Сэм Шэппард ничего не скрывал — он просто этого не помнил. Возможно, он терял сознание несколько раз, но, опять-таки, вспомнить этого не мог. Вполне возможно, что он даже разговаривал с напавшим на него человеком, но и этого он тоже вспомнить не мог. Идея подвергнуть Сэма Шэппарда допросу под гипнозом была отличной, вот только посетила она Френсиса Ли Бейли довольно поздно — к тому времени с момента амнезии минули почти 8 лет.

С большой долей уверенности можно считать, что в спальне Мэрилин Шэппард в ночь с 3 на 4 июля 1954 г. находился кто-то помимо её мужа. Был ли это Ричард Эберлинг или Спенсер Хоук,

или некто, неизвестный и поныне, мы уже, видимо, никогда не узнаем. Первый, конечно, представляется отличным кандидатом в убийцы, особенно если принимать во внимание перипетии его дальнейшей жизни. Но это всего лишь косвенное соображение! Правда состоит в том, что помимо Эберлинга, в группу подозреваемых попадает ещё более 1 млн. белых мужчин в возрасте до 60 лет. Поэтому не факт, что это был именно он.

В книгах, посвящённых "делу Сэма Шэппарда" и изданных после 1995 г., то есть после вовлечения в круг подозреваемых Ричарда Эберлинга, превалирует точка зрения, согласно которой Сэм Шэппард не являлся убийцей своей жены, но вместе с тем он не был до конца откровенен с полицией в 1954 г. Практически все исследователи сходятся в том, что существует некая семейная тайна вокруг смерти Мэрилин Шэппард. Высказываются предположения, что Сэм мог знать убийцу, но в силу ряда весомых обстоятельств не мог его назвать. В этой связи некоторые исследователи обращают внимание на любопытную и труднообъяснимую деталь: одно из самых информированных о жизни Сэма Шэппарда-старшего лиц — его любовница Сьюзен Хейс — на суд 1966 г. не вызывалась ни обвинением, ни защитой. Да и на суде 12 годами ранее обе стороны отнеслись к ней столь щадяще и даже ласково, что это невольно заставляет предположить её особую, опасную и для обвинения, и для защиты осведомлённость в деталях.

Что могла особенного рассказать Сьюзен Хейс о семейной жизни своего любовника? Это могло быть нечто крайне неудобное для некоего высокого официального лица, высокого настолько, что оно могло влиять на окружную прокуратуру и в 1954 г., и в 1966 г. Многие лица, так или иначе связанные с "делом Сэма Шэппарда", на протяжении десятилетий оставались в центре внимания, а вот Сьюзен Хейс исчезла, как-то выпала из зоны журналистского и общественного интереса. Это особенно странно, если принять во внимание активность Сьюзен осенью 1954 г., когда она дала несколько десятков интервью. А после этого — как отрезало… В 60-е годы она дала всего одно невнятное и формальное телеинтервью — подозрительно мало, если принять во внимание невероятную активность Ли Бейли в те годы. Трудно удержаться от предположения, что некто серьёзный и внушающий страх посоветовал больничной лаборантке поскорее уехать подальше и впредь говорить поменьше. Есть легенда о существовании некоей магнитофонной записи, сделанной Сьюзен Хейс, в которой якобы сообщается очень многое о закулисной стороне "дела Сэма Шэппарда". Правда ли это или всего лишь досужий вымысел — сказать пока

невозможно; будем надеяться, что время расставит всё по своим местам.

И может быть, нам ещё предстоит узнать о новом, совершенно неожиданном повороте криминального сюжета. Хотя у автора имеются смутные подозрения, что и за этим «новым поворотом» нам не суждено будет увидеть финал…

Таинственное исчезновение «самого надёжного юриста Нью-Йорка»

Что вы знаете о жизненном успехе?

Джозеф Форс Крейтер (Joseph Force Crater) к августу 1930 года знал о жизненном успехе намного больше абсолютного большинства своих современников! Ему исполнился 41 год, и он уже достиг многого, но жизнь щедро сулила ещё более захватывающие перспективы.

Джозеф [близкие обычно сокращали его имя до Джои (Joe)] родился в 1889 году в городе Истон (Easton), штат Пенсильвания, в семье, являвшейся частью большого клана Крейтеров, этнических немцев. Он был старшим из детей, кроме него в семье росли его братья Дуглас (Douglas) и Монтегю (Montague), а также сестра Маргарет. Его дед вёл большую торговлю фруктами и нажил на этом похвальном деле около полумиллиона долларов. Это была колоссальная сумма по меркам того времени. Отец Джозефа — Фрэнк Крейтер (Frank Crater) — продолжил дедовский бизнес и намеревался передать его старшему из сыновей — то есть Джозефу — но тот категорически отказался «впрягаться» в это семейное ярмо. Торговля фруктами, может, и приносила доход, но вот морального удовлетворения — ни малейшего!

После нескольких острых конфликтов с отцом Джозеф заявил, что намерен стать юристом и ни за какие деньги не будет продолжать семейный бизнес. Отец в ответ пригрозил тем, что лишит молодого человека материальной поддержки и не станет оплачивать учёбу. Юный Джои мнения не изменил. Закончив школу лучшим учеником, он поступил в «Лафайетт-колледж» («Lafayette college»), где во время обучения получал полную стипендию как блестящий ученик. Отец сдержал данное ранее слово и отказал сыну в финансировании. Чтобы сводить концы с концами, Джозеф подрабатывал в студенческие годы репетиторством.

В 1910 году Джои закончил «Лафайетт-колледж» со званием бакалавра искусств. В тот же год, взяв в банке кредит, он поступил в Колумбийский университет, где за 3 года прослушал полный курс юридических наук, и в 1913 году занялся адвокатской практикой. С этого времени Джозеф жил так, как хотел, располагая по собственному желанию временем и деньгами. На фоне его родных братьев это был несомненный успех, поскольку Дугласу и Монтегю не удалось полностью

разорвать отношения с отцом, склонным доминировать и подавлять окружающих. Нельзя сказать, что младшие братья не пытались вырваться из-под отцовской опеки — пытались! — но не очень удачно.

Когда началась Первая Мировая война, братья отправились служить добровольцами — Дуглас в военно-воздушные силы, а Монтегю — в морскую пехоту. Причём для последнего это была отнюдь не первая попытка сбежать из-под отцовской опеки. Ещё будучи в школе, Монтегю дважды сбегал из дома, рассчитывая начать самостоятельную жизнь, но каждый раз возвращался, не сумев преодолеть тяготы материальных лишений. После окончания войны Дуглас и Монтегю также вернулись в отчий дом, хотя для обоих это возвращение оказалось вынужденным. Через несколько лет Дуглас погиб в автомобильной аварии, врезавшись в дерево на спортивном автомобиле.

А вот Джои не вернулся.

Некоторое время он занимался адвокатской практикой в Пенсильвании. Там он познакомился в 1917 году со своей будущей женой Стеллой. Женщина уже была замужем и намеревалась разводиться, она обратилась к Джои с предложением представлять её интересы. Джои прекрасно справился с возложенной на него миссией и через неделю после успешного окончания бракоразводного процесса сделал предложение бывшей клиентке. Так Стелла Уилер (Stella Wheeler) сделалась Стеллой Крейтер. Другим важным событием в жизни Джои стало устройство на работу в солидную нью-йоркскую юридическую компанию «Wagner, Quillinan, and Rifkind».

Признанным лидером этой компании являлся Роберт Фердинанд Вагнер (Robert Ferdinand Wagner), крупный адвокат, лоббист и политический деятель. Вагнер был на 12 лет старше Крейтера, и он в силу неких не до конца ясных обстоятельств оказался очень расположен к Джои. Его отношение можно назвать снисходительным и даже отеческим. Возможно, так произошло в силу несомненных деловых качеств последнего, а возможно потому, что оба являлись этническими немцами, и на их отношениях сказалась общность национального характера. Как бы там ни было, Вагнер очень покровительствовал Джои и это имело для того огромное значение. Получалось так, что успешный и энергичный Вагнер тащил его за собой по жизни, подталкивая наверх и помогая протекцией.

Роберт Фердинанд Вагнер являлся одним из соучредителей юридической компании имени самого себя, много лет специализировался на предоставлении всевозможных юридических услуг в штате Нью-Йорк, а кроме того, вёл активную лоббистскую и политическую работу. До 1918 года он являлся депутатом Сената штата Нью-Йорк, затем на протяжении 6 лет был членом Верховного суда штата (в 1920–1926 гг.), затем стал членом Сената США. Вагнер был другом Франклина Рузвельта, губернатора штата, а впоследствии Президента США. Рузвельт подталкивал наверх Вагнера, а Вагнер — Крейтера. Такой вот, понимаешь ли, политический паровозик…

Сначала Крейтер выполнял функции секретаря-референта, то есть лица, занимавшегося подготовкой справок по делам. Это была работа важная, но сугубо техническая. Затем ему стали поручать представительство в судах по второстепенным делам, и поскольку Джои справлялся с этим наилучшим образом, ему постепенно передали ведение всех апелляционных дел. В юридической казуистике Крейтер был вне конкуренции. Роберт Вагнер называл его «надёжнейшим юристом» и всегда заверял клиентов в том, что если их апелляцией займётся Джозеф Крейтер, то успех будет гарантирован.

И Крейтер действительно был очень успешен! Он не проиграл ни одного дела, к которому готовился лично. На протяжении 6 лет у него было лишь несколько «осечек» в судах, но они происходили только в тех случаях, когда Крейтеру приходилось принимать на себя ведение «чужих» дел, то есть выступать в роли подменного адвоката. Он не вёл уголовные дела, а специализировался на корпоративном и наследственном праве — всевозможных слияниях и делениях компаний, их наследовании, конфликтах акционеров и тому подобном.

В 1920 году Вагнер оставил работу в юридической фирме,

поскольку избрался в Верховный суд штата Нью-Йорк. В этой должности он оставался до 1926 года, и круг обязанностей Крейтера в это время резко возрос — он не только занимался делами юридической фирмы, но и исполнял различные задания в роли порученца Вагнера. Существует выражение «работать на разрыв» — оно очень подходит к тому, как была организована жизнь Крейтера в те годы. Он крутился как белка в колесе, работал очень напряжённо, но загрузка эта со временем стала приносить полезную отдачу.

Во второй половине 1920-х годов Джои получил признание как юрист, и к нему пришёл успех в самом широком понимании этого слова. Крейтер заслуженно снискал репутацию отменного судебного оратора, у которого есть чему поучиться. Его стали приглашать для чтения лекций в Юридическую школу Фордхэма (law school of Fordham) и в Университет Нью-Йорка. Он успешно защищал в судах клиентов «Wagner, Quillinan, and Rifkind» и гонорары его росли не по дням, а по часам. Доход Крейтера колебался в диапазоне от 75 тыс.$ до 100 тыс.$ в год — это были огромные деньги даже по меркам Нью-Йорка, самого богатого города Америки. Джои приобрёл роскошные апартаменты в доме № 40 по 5-й авеню (Fifth Avenue) на Манхэттене, купил роскошный лимузин, нанял шофёра. В отдельной гардеробной комнате в его апартаментах стояли более 120 пар обуви, там же хранилось около сотни костюмов. Крейтер являлся фанатом новой одежды и заказывал новые костюмы постоянно. Достаточно сказать, что в начале августа 1930 года по его заказу шили сразу 3 (!) костюма.

Скромное обаяние буржуазии! В этом доме, имевшим тогда № 40 по 5-й авеню на Манхэттене (ныне это комплекс зданий под № 40–46 по 5-й авеню), Джозеф Крейтер прикупил 6-комнатный апартамент на 3-м этаже по цене не самого маленького замка в долине Луары.

Но это было далеко не всё! Супруги купили коттедж с пристанью и лодочным сараем в живописном районе Белгрейд-лэйкс (Belgrade Lakes), штат Мэн, на расстоянии около 530 км от Нью-Йорка. В уютном лесном краю Стелла проводила летние месяцы, а Джои, вырываясь на выходные из душного мегаполиса, с удовольствием отдыхал в её обществе. Прекрасная самодостаточная жизнь! Можно ли мечтать о чём-то ещё?

Можно!

Роберт Вагнер являлся личным другом Губернатора штата Нью-Йорк Франклина Делано Рузвельта, того самого, что станет Президентом США в марте 1933 года и будет оставаться в этой должности вплоть до своей смерти в апреле 1945 года. В апреле 1930 года в Верховном суде штата ввиду ухода на пенсию одного из судей образовалась вакансия, и Вагнер предложил Рузвельту назначить на освободившееся место Крейтора. Губернатор мог своей властью ввести в состав суда замещающего судью, дабы затем тот выставил свою кандидатуру на выборах и прошёл в

постоянный состав.

Рузвельт познакомился с Джои, и последний произвёл на него самое благоприятное впечатление. В апреле Джозеф стал членом Верховного суда штата, причём Рузвельт пообещал поддержать его кандидатуру на предстоящих осенью того же года выборах. Поддержка могущественного губернатора с вероятностью в 99 % обеспечивала победу в борьбе за освободившееся место в Верховном суде штата.

Так Джозеф Крейтер, ещё будучи сравнительно молодым мужчиной [всего-то 40 лет!], попал в узкий круг влиятельнейших лиц штата. Но и это было ещё не всё! Вагнер намекнул ему, что у Франклина Рузвельта имеются серьёзные президентские амбиции, и если он победит на выборах 1932 года, то ему понадобятся «свои» люди в Верховном суде страны. Если Крейтер хорошо себя покажет в Нью-Йорке, то кому, как не ему собирать чемодан и переезжать в Вашингтон.

Джозеф Форс Крейтер. Летом 1930 года его карьера находилась на взлёте, перед ним были открыты все пути, казалось, перед ним была одна дорога — вперёд и выше!

Однако случилось так, что самый надёжный юрист Нью-Йорка остался в истории Соединённых Штатов отнюдь не в силу особых заслуг перед страной и обществом. Если таковые и имелись, то они уже давно позабыты. Память о нём связана совсем с другим — с необычными обстоятельствами его исчезновения и теми тайнами, что стали известны в результате расследования произошедшего.

Итак, что же произошло?

В первых числах августа 1930 года Джозеф Крейтер отдыхал

вместе со своей женой Стеллой в принадлежавшем им коттедже на берегу озера Белгрейд, в штате Мэн. В воскресенье 3 августа некто позвонил Джои по телефону — звонок был междугородным, Стелла слышала, как её муж подтвердил оператору готовность оплатить его. Самого разговора женщина не слышала, поскольку вышла из комнаты, но Джои услышанным оказался явно раздосадован.

Он заявил супруге, что ему следует немедленно отправиться в Нью-Йорк, при этом Джозеф произнёс примечательную фразу, запечатлевшуюся в памяти супруги. Он раздражённо сказал: «Надо поставить этих парней на место» («statighten those fellows out»), — и слова эти прозвучали крайне необычно, поскольку Крейтер имел обыкновение говорить тихо, спокойно, очень корректно и безо всякой экспрессии. Джои сообщил жене, что ему необходимо по делам отправиться в Нью-Йорк, там он пробудет всю предстоящую неделю и возвратится к ней в следующую субботу 9 августа.

Судья мог бы отправиться в Нью-Йорк на лимузине, но он не стал этого делать, сказав, что машина в ближайшие дни может понадобиться Стелле, а он спокойно доберётся поездом.

Джои быстро собрался и уехал.

Джозеф Крейтер со своей женой Стеллой на пирсе на озере Белгрейд. Снимок сделан 3 августа 1930 года — в тот самый день, когда Стелла в последний раз видела Джои.

9 августа Джозеф не приехал. И не позвонил.

На следующий день Стелла несколько раз пыталась дозвониться по домашнему телефону в апартаменты на 5-й авеню — трубку никто не поднимал. Это было очень странно, ранее

Джои никогда подобным образом не пропадал.

В понедельник 11 августа Стелла отправила в Нью-Йорк шофёра на лимузине, ему надлежало либо отыскать Джои, либо навести справки о нём у коллег. Шофёр прекрасно справился с данным ему поручением — он объездил 8 адресов и установил, что друзья и коллеги Джои видели того в последний раз в среду 6 августа. После этой даты он на связь не выходил, но все лица, связанные с ним, были спокойны и уговаривали шум не поднимать, поскольку в ближайшие дни всё должно было разрешиться.

Дня 3 или 4 Стелла выжидала, но затем сообразила, что время работает против неё. Если с Джои произошло что-то нехорошее, то рано или поздно возникнет масса вопросов о причине её бездействия, и ответить на них будет очень сложно. Сидеть просто так нельзя, надо что-то делать. Но что? Стелла связалась с частным сыскным агентством и попросила провести очень-очень-очень конфиденциальное расследование и установить, где находится её муж. При этом она особо оговорила то условие, что детективы не станут наводить справки у лиц «их круга», дабы скрыть сам факт проведения розыскных мероприятий. Также жена отказала им в допуске в нью-йоркские апартаменты и не позволила осмотреть деловые записи мужа и его личные вещи.

Следует отдать должное детективам — они проявили чудеса изобретательности и немалый профессионализм. Они были очень ограничены поставленным условием, также как и невозможностью провести обыск [или хотя бы осмотр] апартамента в доме № 40 по 5-й авеню, однако даже в такой ситуации смогли обнаружить кое-что необычное.

Они отыскали женщин — телефонных операторов, которые осуществляли подключение телефона, установленного в апартаменте Крейтера. Опросив их, они установили, что телефонные звонки по интересующему их номеру имели место 4,5 и 6 августа. После 6 августа телефонная трубка в апартаментах судьи не поднималась. Женщины припомнили некоторые номера, которые вызывал Крейтер — большинство из них были деловыми партнёрами судьи, но вот один номер не имел никакого отношения к юридической сфере. Он принадлежал билетному агенту — человеку, который за небольшой комиссионный сбор занимался бронированием всевозможных билетов [театральных, железнодорожных, корабельных], а также организовывал сопровождение гидов в поездках.

Отыскав этого агента и побеседовав с ним, частные детективы узнали, что Джозеф Крейтер утром 6 августа забронировал

1 билет на постановку пьесы «Партнёр по танцам» («Dancing Partner») в театре «Беласко» («Belasco Theatre»). Во время разговора с билетным агентом судья упомянул, что видел эту пьесу в Атлантик-сити и она ему очень понравилась. Детективы, докладывая Стелле о проделанной работе, упомянули об этой детали и уточнили, бывала ли женщина там вместе с Джои. И Стелла была вынуждена признаться себе в том, что никогда не бывала в городе Атлантик-сити, расположенном в 170 км южнее Нью-Йорка, и ничего не знала о том, что в этом городе бывал её муж. Следует иметь в виду, что Атлантик-сити в те годы являлся своеобразной «игорной столицей» США [Лас-Вегаса в этом качестве ещё не существовало]. Все самые крутые казино функционировали именно в этом городе! Судя по всему, Стелла многого не знала о любимом муже!

Получив информацию о бронировании билета на представление, частные сыщики направили свои стопы в билетную кассу театра «Беласко». Там они узнали, что билет на имя Джозефа Крейтера был выкуплен немногим позже 21 часа 6 августа, хотя пьеса начиналась в 20 часов. Кассиру была предъявлена фотография Крейтера, и тот… покупателя по ней не опознал!

И что же всё это могло означать?

Частные детективы ещё не понимали, с чем имеют дело, но заподозрили то, что принято называть грязной игрой. То есть некий умысел по запутыванию картины… Особенно сбивало с толку то, что к концу второй декады августа — то есть по прошествии 2 недель с того дня, как Джои видели в последний раз — он не попадал ни в больницы, ни в морги.

Продолжая свои блуждания по Манхэттену и предъявляя для опознания фотографию Крейтера буквально в каждом магазине, баре, ресторане, клубе и аптеке, детективы сделали ещё одно очень важное открытие. Зайдя в немецкий ресторан под названием «Billy Haas» в доме № 332 по Западной 45-й стрит (West 45th Street), они узнали, что в этом заведении пропавшего судью видели вечером 6 августа! То есть в тот самый день, после которого Джои перестал выходить на связь. Причём ошибка опознания исключалась, поскольку в этом ресторане Крейтера хорошо знали. Более того, метрдотель сообщил частным детективам, что Крейтер, явившийся в одиночку, повстречал здесь своих друзей. Это была милая парочка — адвокат Уилльям Кляйн (William Klein) и его молодая спутница по имени Салли.

Через пару часов сыскари уже знали, что речь идёт о некоей Салли Лу Ритц (Sally Lou Ritz), танцовщице из танцевального шоу братьев Шуберт («Shubert brothers»). Уилльям Кляйн являлся

адвокатом братьев Шуберт и водил дружбу с дамочками из варьете. Салли являлась не то чтобы проституткой, а выражаясь деликатнее, женщиной, которая рассматривает все варианты общения за деньги. Салли рассказала частным сыщикам, что Крейтер появился в ресторане немногим ранее 8 часов вечера, подсел к ним за столик, и они вместе поужинали. По мнению Салли, встреча была случайной. Они все вместе — Салли, Кляйн и судья Крейтер — покинули «Billy Haas» в 20:50 и несколько минут стояли на тротуаре. Затем Крейтер увидел такси, махнул рукой, подзывая машину, быстро попрощался и уехал в западном направлении. А Салли и Кляйн пошли пешком в противоположную сторону, то есть на восток.

Частные детективы считали, что Салли Ритц и Уилльям Кляйн являлись последними людьми, кто, несомненно, видел Джозефа Крейтера живым. Кассир в театре «Беласко» видел покупателя билета после этого, но он судью не опознал, а потому не было уверенности в том, что за билетом явился именно Джои.

Уилльям Кляйн (фотография 1960 года). Человек этот являлся хорошим другом Джозефа Крейтера, и по мнению правоохранительных органов Кляйн вместе со своей любовницей Салли Лу Ритц являлись последними людьми, видевшими судью живым. До конца своей жизни Кляйн настаивал на том, что встреча с Крейтером в ресторане «Billy Haas» была случайной, и пропавший без вести друг вёл себя совершенно обычно.

По этой причине показания Салли были очень ценны. Но кроме рассказа о такси танцовщица сообщила и кое-что ещё немаловажное. По её словам, она была знакома с Крейтером вне всякой связи с тем, что Кляйн являлся его другом. Почему? Ну, потому, что судья водил короткое знакомство со многими

танцовщицами из их шоу, и «девочки» вполне откровенно обсуждали как его самого, так некоторых других мужчин из его круга, таких же ловеласов.

Это открытие, разумеется, оказалось крайне неприятным для самолюбия Стеллы. Внезапно выяснилось, что её любящий муж являлся любителем «сходить налево» и делал это, если верить словам вертлявой танцовщицы, регулярно. И как неприятно, что такого рода детали стали выясняться при столь драматических обстоятельствах!

Спустя 3 недели со времени исчезновения судьи — приблизительно 26 или 27 августа — встревоженная Стелла связалась с ближайшими товарищами мужа из юридической фирмы «Wagner, Quillinan and Rifkind». Женщина, разумеется, знала, что Вагнер во всём покровительствует Джои и, несомненно, поможет в сложной ситуации, поэтому именно к нему она и хотела обратиться за советом. Однако выяснилось, что старший из 3-х партнёров — Роберт Вагнер — находится в отъезде, и связаться с ним невозможно. В те дни уважаемый сенатор действительно заканчивал свою поездку на историческую родину — в Германию — и обсудить складывавшуюся ситуацию с ним было нельзя при всём желании. В самом деле, не телеграмму же ему посылать… Что же касается младших партнёров — Квилнана и Рифкинда — то они не хотели принимать на себя инициативу, опасаясь того, что Вагнер по возвращении из Европы не одобрит принятых решений.

Поэтому после довольно напряжённых переговоров со Стеллой Крейтер товарищи её пропавшего мужа [речь о Квилнане и Рифкинде] постановили следующее: в полицию пока обращаться не следует, ибо разглашение приватной информации может фатально повредить репутации перспективного судьи Верховного суда, а надлежит ждать возвращения Вагнера, который и рассудит, как следует поступить. Стелле беспокоиться ни о чём не следует, все формальности Рифкинд примет на себя и даже заявление в полицию, если таковое потребуется подать, напишет сам.

2 сентября Роберт Вагнер возвратился в Нью-Йорк и узнал об исчезновении своего протеже. Мы не знаем в точности, что он подумал и что сказал своим младшим партнёрам по бизнесу, но уже на следующий день Саймон Рифкинд примчался в кабинет начальника Департамента полиции Нью-Йорка Эдварда Малруни и подал лаконичное заявление — буквально в 3 строки — в котором сообщал о безвестном отсутствии Джозефа Крейтера и просил выяснить его судьбу.

Таким образом правоохранительные органы подключились к

этому делу спустя лишь 4 недели после исчезновения «самого надёжного юриста». Расследование было поручено подразделению нью-йоркской полиции под названием Бюро поиска пропавших (Missimg Persons Bureau — сокращённо MPB). Это было одно из немногих полицейских подразделений того времени, пользовавшихся доброй славой среди американцев. В конце 1920-х годов голливудские [и не только] киностудии стали активно снимать «гангстерское» кино, в котором бандиты и разного рода уголовный элемент показывались максимально положительно и позитивно, а вот представители правоохранительного сообщества непременно оказывались тупыми и злобными коррупционерами. Это был устойчивый многолетний тренд, обеспечивший появление по меньшей мере 50 кинокартин, изображавших «законников» без малейшей симпатии. Но интересно то, что нью-йоркское MPB ни в одном из «гангстерских» фильмов ни разу не было показано в уничижительной или ироничной манере. На протяжении 1920-х годов в печати регулярно появлялись публикации, посвящённые работе этого подразделения, и они в целом были очень благожелательны как по содержанию, так и своей тональностью. То есть в те годы работа Бюро рассматривалась как своего рода эталон полицейской службы, и детективы MPB воспринимались массовым сознанием как «лучшие из лучших».

Будни Бюро розыска пропавших (конец 1920-х годов). Бюро розыска пропавших (MPB) Департамента полиции Нью-Йорка в конце 1920-х — начале 1930-х годов было известно всем американцам. Пора славы ФБР ещё не пришла, а территориальные полицейские подразделения и службы окружных шерифов повсеместно имели самую дурную репутацию, поэтому нью-йоркское MPB в массовом сознании американцев являлось своего рода эталоном качественной полицейской работы.

Через несколько лет многое в Америке изменится. В 1933 году Эдгар Гувер начнёт поход против «гангстерского» кино, для чего прибегнет к помощи католических кардиналов. Последние, используя свой нравственный авторитет, поднимут кампанию по бойкоту и пикетированию кинотеатров, допускающих прокат фильмов «про бандитов», к этой кампании быстро подключатся политики региональных и федеральных уровней. С владельцами кинокомпаний, сценаристами и режиссёрами будет проведена соответствующая работа и… правильно! «гангстерское» кино закончится одномоментно. И более в США не возродится.

Всем, кто искренне верит в «свободу слова» в США, следует почаще напоминать об истории расцвета и внезапного исчезновения такого культурного феномена, как голливудское «гангстерское» кино конца 1920-х — начала 1930-х годов.

Впрочем, тут мы сильно отклонились от сюжетной канвы нашего повествования и потому возвращаемся в сентябрь 1930 года. Непосредственным розыском судьи Крейтера занялся детектив-сержант Джейкоб фон Вейзенштейн (Jacob Von Weisenstein). Автор должен признаться, что именно благодаря этому человеку история исчезновения «самого надёжного юриста Нью-Йорка» привлекла моё внимание. Дело в том, что Вейзенштейн сначала появился в моём очерке «Каюта с большим иллюминатором»[4] — там детектив сыграл роль хотя и не главную, но весьма немаловажную. Я стал собирать информацию об этом человеке и таким вот образом вышел на историю судьи Крейтера — в ней Вейзенштейн также отметился.

К своим 35 годам Джейкоб уже имел за плечами 16 лет полицейской службы и мог считаться ветераном МРВ. Он понимал, что история с исчезновением судьи Верховного суда с самого начала производила впечатление чего-то сюрреалистичного, если угодно, ненатурального. Ну, в самом деле, сначала следует заказ одного-единственного билета в театр, но ко времени начала представления судья почему оказывается в ресторане «Billy Haas» на протяжении 50-и минут, не спеша ужинает и уже после этого неторопливо беседует с Салли Лу Ритц и Уилльямом Кляйном на тротуаре… А потом быстрым взмахом руки останавливает случайного таксиста, проезжавшего мимо, и в результате исчезает в никуда… И при этом некто выкупает его билет в театральной кассе уже после 9 часов вечера. Бред!

Джейкоб фон Вейзенштейн (фотография сделана в январе 1935 года).

Вейзенштейн, руководивший группой из 6 детективов, поставил перед подчинёнными несколько задач:

— следовало проверить возможные связи пропавшего юриста с организованными преступными группами во время его работы в «Wagner, Quillinan and Rifkind»;

— надлежало выяснить, не давал ли Джозеф Крейтер в долг или не получал ли сам взаймы значительные денежные суммы от крупных преступников. С точки зрения опытного преступника, убийство кредитора или необязательного заёмщика может стать неплохим выходом из сложной финансовой ситуации. Житейский опыт учит, что вести денежные дела с профессиональными преступниками крайне не полезно для здоровья;

— необходимо было изучить возможность внезапного появления крупного долга ввиду проигрыша [на бирже, в казино, на ипподроме и тому подобное];

— следовало разобраться, соответствовало ли действительности заявление билетного агента о том, что пропавший судья якобы посмотрел постановку «Партнёр по танцам» в Атлантик-сити. Если это было действительно так, то узнать, что Джозеф Крейтер делал в этом городе, когда это было и почему его пребывание там осталось для жены тайной;

— наконец, надлежало изучить финансовое положение Джозефа Крейтера и получить представление о движении денег на его счетах в последние 3–4 месяца. Обналичивание больших сумм денег — если таковое имело место незадолго до исчезновения — могло свидетельствовать как о попытке шантажа судьи, так и подготовке им собственного бегства.

4 сентября Джейкоб фон Вейзенштейн с разрешения Стеллы Крейтер вошёл вместе с группой подчинённых детективов в апартаменты на 5-й авеню и провёл их обыск. Точнее говоря,

осмотр без ордера. Действо это преследовало сугубо прикладную задачу — полицейским следовало отыскать следы, указывавшие на совершение преступления в этом помещении, либо признаки подозрительной деятельности в широком понимании данного словосочетания [следы обыска, несанкционированного проникновения, исчезновения или перестановки предметов и тому подобное]. Стелла при обыске не присутствовала — она всё время оставалась в доме в районе Белгрейд-лэйк.

Детектив Вейзенштейн отправился в Мэн, чтобы поговорить с женой пропавшего судьи. После встречи со Стеллой Крейтер детектив-сержант получил ещё одно направление, требовавшее проверки. Жена пропавшего судьи рассказала, что в самом начале юридической карьеры Джои в Пенсильвании тот выступал адвокатом по нескольким довольно серьёзным уголовным делам. В одном из них его защита оказалась крайне неудачной и вызвала прилив бешенства клиента, который пообещал Крейтеру, что освободившись через 15 лет, он обязательно отыщет его и «рассчитается за всё». Эта угроза произвела на Джои определённое впечатление, и он отнёсся к ней серьёзно. Именно после этого инцидента он постарался не принимать на себя защиту по уголовным делам, а сосредоточился на разного рода хозяйственных и наследственных спорах. В общем, подальше от насильственных преступлений, поближе к кошелькам и недвижимости… Джейкоб фон Вейзенштейн откомандировал в Пенсильванию одного из подчинённых для того, чтобы тот «поднял» в адвокатской палате штата реестр дел, которыми занимался Джозеф Крейтер в период 1913–1919 гг., установил личность преступника, грозившего пропавшему судье и выяснил его судьбу.

Одной из важных мер по розыску пропавшего стало объявление о выплате крупной денежной суммы всякому, кто поможет правоохранительным органам прояснить судьбу Джозефа Крейтера. Размер премии изначально был заявлен весьма и весьма внушительным — 5 тыс.$ — то есть полицейское руководство в этом вопросе решило не мелочиться и сразу же зашло, что называется, «с козырей». Объявление о внушительной премии призвано было развязать языки тем, кто до того момента предпочитал молчать, и кардинально улучшить память другим, кто уже успел позабыть о подозрительных событиях минувшего августа.

В течение осенних месяцев 1930 года было выпущено 100 тыс. листовок с описанием внешности Джозефа Крейтера и оповещением о назначении премии за помощь в его обнаружении. По указанию Вейзенштейна они были направлены в самые

удалённые почтовые отделения страны, а также переданы капитанам всех пароходов, занимавшихся пассажирскими перевозками как внутри США, так и на трансграничных линиях.

DETECTIVE DIVISION
CIRCULAR No. 11
SEPTEMBER 17, 1930

POLICE DEPARTMENT
CITY OF NEW YORK

BE SURE TO FILE THIS CIRCULAR FOR REFERENCE

Police Authorities are Requested to Post this Circular for the Information of Police Officers and File a Copy of it for Future Reference.

$5,000.00 REWARD

The CITY of NEW YORK offers $5,000 reward to any person or persons furnishing this Department with information resulting in locating Joseph Force Crater

Any information should be forwarded to the Detective Division of the Police Department of the City of New York, 240 Centre Street, Phone Spring 3100.

JOSEPH FORCE CRATER
JUSTICE OF THE SUPREME COURT, STATE OF NEW YORK

DESCRIPTION—Born in the United States—Age, 41 years; height, 6 feet; weight, 185 pounds; mixed grey hair, originally dark brown, thin at top, parted in middle "slicked" down; complexion, medium dark, considerably tanned; brown eyes; false teeth, upper and lower jaw, good physical and mental condition at time of disappearance. Tip of right index finger somewhat mutilated, due to having been recently crushed.

Wore brown sack coat and trousers, narrow green stripe, no vest; either a Panama or soft brown hat worn at rakish angle, size 6⅞, unusual size for his height and weight. Clothes made by Vroom. Affected colored shirts, size 14 collar, probably bow tie. Wore tortoise-shell glasses for reading. Yellow gold Masonic ring, somewhat worn; may be wearing a yellow gold, square-shaped wrist watch with leather strap.

EDWARD P. MULROONEY,
Police Commissioner

Phone Spring 3100.

Плакат с объявлением премии в размере 5 тыс.$ за помощь в установлении судьбы Джозефа Крейтера и описанием его внешности.

И очень скоро стали поступать сообщения свидетелей, которые видели пропавшего судью в самых разных местах Соединённых Штатов. Первое сообщение о подобном опознании пришло уже 13 сентября и показалось до такой степени убедительным, что Джейкоб фон Вейзенштейн лично выехал на «отработку сигнала». Женщина из столицы страны города Вашингтона сообщила, что видела мужчину, похожего на Джозефа Крейтера, на борту корабля, совершавшего круизное плавание по портам Восточного побережья. Он занимал соседнюю каюту и во время плавания стал волочиться за молодой женщиной, с которой встречался за завтраком в корабельном ресторане. Роман их развивался столь успешно, что к концу круиза дамочка уже оставалась в каюте этого мужчины до утра.

По словам заявительницы, мужчина, похожий на Крейтера, называл себя адвокатом, а его кондиции — рост 183 см и вес около 83–84 кг — в точности соответствовали описанию судьи на плакате.

Вейзенштейн установил, кому был продан тур, и выяснил, что его действительно приобрёл адвокат из Дарэма, штат Массачусетс, и судя по реквизитам его адвокатской лицензии, он не мог быть Джозефом Крейтером. Тем не менее детектив-сержант разыскал этого человека, который действительно оказался очень похож внешне на разыскиваемого судью. Человек этот подтвердил интрижку во время круизного плавания, но поиску Крейтера ничем помочь не смог.

По мере того, как проходило время, сообщений, подобных описанному выше, становилось всё больше, а география «встреч» с пропавшим судьёй — всё шире. До Нового года группа Вейзенштейна получила не менее 50 сообщений разной степени достоверности, авторы которых утверждали, будто встречали Джозефа Крейтера после 6 августа 1930 года. Все они, разумеется, проверялись, но Вейзенштейн быстро понял, что самую ценную информацию о судьбе пропавшего юриста следует искать не в дальних буераках, а именно в Нью-Йорке.

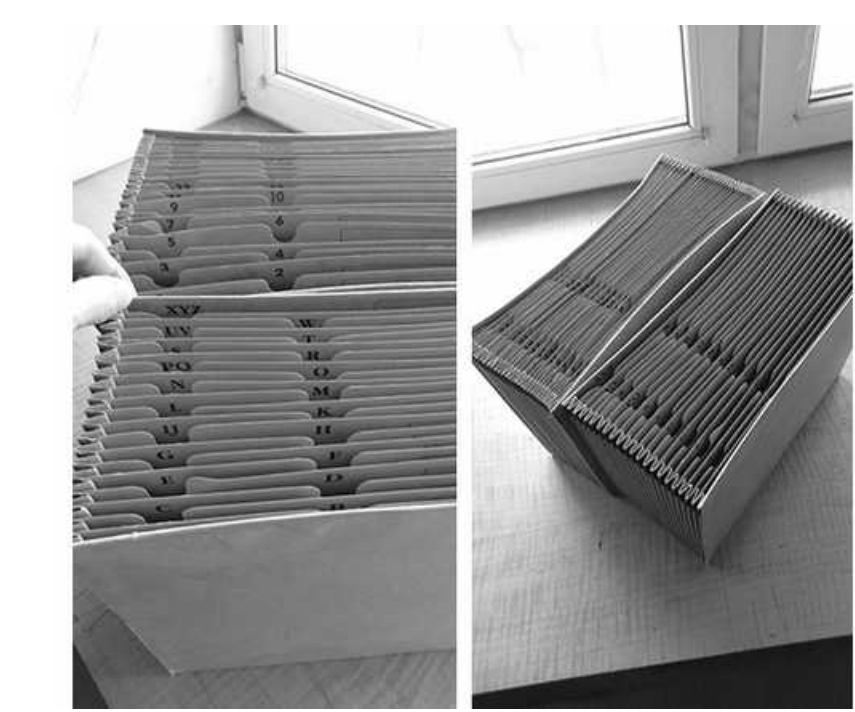
Уже первые дни и недели работы детективов МРВ принесли результаты не только интригующие, но и по-настоящему неожиданные. Первая многообещающая зацепка оказалась связана с мужской шляпой, замеченной в водах Гудзона возле многокилометровой причальной линии на западе острова Манхэттен. Шляпа была извлечена из воды и передана полиции. Не прошло и суток, как она была опознана Стеллой Крейтер как принадлежавшая её мужу. Немедленно была организована поисковая операция на воде. Трое суток водолазы с подводными фонарями осматривали мутные воды Гудзона и… ничего не нашли.

Важные показания дали полиции ближайшие помощники судьи — его секретарь и специальный помощник. В частности, Фредерик Джонсон (Frederick A. Johnson), секретарь Крейтера в бытность последнего членом Верховного суда, сообщил на допросе то, чего никому не говорил ранее. По его словам, утром 6 августа судья появился на рабочем месте и, пройдя в хранилище документов позади своего кабинета, занялся весьма необычным делом. Он принялся вынимать из металлических шкафов хранившиеся там подшивки всевозможной документации и сортировать бумаги. Основную часть документов он возвращал обратно в шкафы, но некоторые перекладывал в картонные папки «со складками». В каждую из таких папок помещалось до 1,5 тыс.

листов бумаги.

По мере того, как папка наполнялась документами и «разбухала», Крейтер перетягивал её бечёвкой и откладывал в сторону. После чего принимался наполнять следующую.

Во время этого в высшей степени увлекательного занятия появился Саймон Рифкинд, тот самый юрист, который 3 сентября подал заявление об исчезновении Крейтера. Судья принял его в кабинете, перед этим предусмотрительно закрыв дверь в хранилище, так что Рифкинд не мог видеть того, чем занимался Крейтер. После ухода визитёра судья вернулся к прежнему занятию и продолжил перебирать свои документы, откладывая те, что привлекли его внимание. Так он укомплектовал 6 (!) папок. В них должно было находиться в общей сложности около 10 тысяч листов различных документов. Судья попросил Джонсона принести самый большой портфель, который тот сможет отыскать. Секретарь поручение выполнил, и Крейтер затолкал в портфель заполненные папки, отчего тот раздулся и едва закрылся. Портфель был очень тяжёлым — может, 20 фунтов, может, 25 [~10 кг].

Это стандартные американские папки «со складками». В каждую помещается до 1,5 тыс. листов писчей бумаги. Крейтер набил документами 6 таких папок, а чтобы они не рассыпались, перетянул каждую бечёвкой. Этим увлекательным делом он занимался в середине дня 6 августа, менее чем за 9 часов до

момента своего исчезновения. Что же такое интересное и важное он отсортировал из своего огромного архива и пожелал унести с собою?

Примерно в то же самое время Джозефа Крейтера видел другой весьма ценный свидетель — специальный помощник Джозеф Мара (Joseph L Mara). Этого человека, наверное, правильнее называть порученцем, поскольку он не столько помогал шефу, сколько выполнял его всевозможные мелкие команды, типа закажи билет, цветы поставь в китайскую вазу, а шампанское — в холодильник и смотри не перепутай! По словам Мары, судья вручил ему два чека и поручил их обналичить. Один чек на сумму 3 тыс.$ был из банка «Chase National Bank», второй — на сумму 2,1 тыс.$ — из «Empire Trust Company».

Мара обналичил оба чека, сложил наличность в 2 конверта и, возвратившись в здание Верховного суда, отдал их Джои Крейтеру. Таким образом выяснилось, что немногим после полудня 6 августа пропавший судья имел при себе более 5 тыс. долларов наличными.

Далее Мара поведал, что помог шефу донести тяжеленный портфель, набитый бумагами. Это был тот самый портфель, в который Крейтер уложил 6 папок «со складками». Согласно показаниям Мары, они вышли из здания суда и сели в такси, по прибытии на 5-ю авеню Крейтер попросил помощника поднять портфель в его — Крейтера — апартамент. Что Мара и сделал. По его словам, он оставил портфель на столе в гостиной. Помощник припомнил, что во время последнего разговора с Крейтером они условились встретиться завтра утром в здании суда, а кроме того, Джои неожиданно сказал, что хочет отправиться в бассейн, чтобы немного поплавать. Слова эти показались Маре довольно странными, поскольку Крейтер плавал не очень хорошо и в бассейн не ходил. Строго говоря, это был единственный раз, когда фраза о намерении отправиться «поплавать» прозвучала из уст судьи.

Деталь эта была интересна, но дальше стало интереснее. Вейзенштейн поинтересовался у Мары, бывал ли его шеф в Атлантик-сити. Ведь если об этом ничего не знала жена, то помощник вполне вероятно мог бы что-то знать. Мара ответил утвердительно и уточнил, что после назначения в состав Верховного суда Джозеф Крейтер ездил в Атлантик-сити дважды: один раз — в мае 1930 года, а второй — незадолго до исчезновения, в самом конце июля. Он возвратился из Атлантик-сити 2 августа и сразу же отправился к супруге в дом на Беглрейд-лэйк.

Продолжая расспросы на эту тему, детектив-сержант узнал, что Джозеф Мара никогда не бывал в Атлантик-сити вместе с шефор и не знает, чем тот там занимался. При этом помощник бронировал на свою фамилию отель и покупал билеты на поезд. Чрезвычайно заинтригованный подобным рассказом, детектив-сержант лично отправился в этот замечательный город, дабы навести справки на месте.

Кое-какие предчувствия у Джейкоба фон Вейзенштейна, несомненно, имелись, поскольку репутация Атлантик-сити как гнезда всяческих пороков и разврата тайны ни для кого не составляла. Но суровая правда жизни превзошла самые разнузданные ожидания! Явившись в отель, названный Джозефом Марой во время допроса, детектив узнал, что Крейтер действительно там проживал с 30 июля по 1 августа — его без труда опознали по фотографии. При заселении он зарегистрировался как «Джозеф Мара», что выглядит логично, ведь именно на эту фамилию бронировался лучший в отеле «президентский» номер!

Вскоре после заселения Джои к нему явились гости — некий молодой мужчина и… 4 молоденьких девицы. С небольшими перерывами они гостили 40 часов и покинули постояльца незадолго до выезда последнего. Вся эта компания неоднократно делала заказы в ресторане с доставкой блюд в номер и потратила на еду и выпивку 513$. Платил за всё «мистер Мара», то есть Крейтер. Воистину президентский размах, учитывая, что рабочие на общественных работах в штате Нью-Йорк в те самые летние месяцы 1930 года получали 1 доллар в день…

Вейзенштейн, разумеется, знал, что при крупных отелях всегда есть группа «прикормленных» дамочек, оказывающих клиентам интимные услуги на возмездной основе, и работники отеля хорошо этих женщин знают. Это, кстати, полезно и с точки зрения безопасности клиентов. Но на вопрос, знают ли работники отеля женщин, с которыми отдыхал мистер «Джозеф Мара», детектив-сержант услышал отрицательный ответ.

Полицейский опыт подсказывал, что судья не искал дамочек по месту приезда — они прибыли в Атлантик-сити по предварительной договорённости, дабы скрасить своим присутствием его одиночество. И прибыли из Нью-Йорка, где у Крейтера имелись необходимые знакомства. Очевидно, дамочки остановились в разных отелях, дабы не привлекать к себе лишнего внимания, да и сам Крейтер пользовался чужой фамилией из тех же побуждений. До некоторой степени загадочной для детектива осталась личность мужчины, отдыхавшего в обществе судьи и 4 женщин. Являлся ли этот

человек другом Крейтера, или же он оказывал ему интимные услуги наряду с женщинами, выяснить полицейским так и не удалось.

Вскоре Вейзенштейн понял, что Джозеф Крейтер отдыхал от тяжких супружеских обязанностей не только в Атлантик-сити. Он это делал постоянно и в Нью-Йорке. У судьи была не одна любовница и не две, и даже не три! Он вступал в интимные отношения со многими десятками женщин, если не сотнями. Общение с некоторыми ограничивалось буквально 1-й или 2-я встречами, а с другими растягивалось на многие месяцы и годы.

В числе близких подруг пропавшего судьи оказалась некая «дама полусвета» Вивьен Гордон (Vivian Gordon), в прошлом певица, танцовщица, фотомодель в стиле «ню» и просто фотомодель, а ныне — бездельница с неопределённым источником доходов неопределённой величины. Услыхав эти имя и фамилию, все детективы, занятые розыском Крейтера, моментально напряглись — появление в деле этой женщины грозило отправить расследование в очень глубокий и тёмный омут.

Вивьен Гордон. Строго говоря, дамочка эта являлась проституткой, но если бы кто-то посмел так её назвать, то, несомненно, получил бы в ответ массу проблем самого разного свойства.

Вивьен была хорошо известна полиции Нью-Йорка. Даже очень! Дамочке исполнилось уже 36 лет, но, по словам всех,

видевших её, она выглядела очень молодо и свежо. У Вивьен была 16-летняя дочь, так вот мама рядом с ней выглядела моложе! Родилась Вивьен в городке Одюбон (Audubon), в штате Нью-Джерси, расположенном в 140 км юго-западнее Нью-Йорка. Ранее Вивьен Гордон звали Бенита Бишофф (Benita Bishoff) — это была фамилия мужчины, которого она любила в юности, за которого по ошибке вышла замуж и даже родила дочь. Брак быстро распался, ибо семейная жизнь с водителем грузовой автомашины не могла удовлетворить запросов будущей богемной дивы. Будущая Вивьен, а тогда ещё Бенита подалась в Нью-Йорк, но после того, как в 1922 году полиция едва не отправила её за решётку по обвинению в мошенничестве и вымогательстве, дамочка отказалась от скомпрометированных имени и фамилии и превратилась в «Вивьен Гордон».

Никто из детективов, знакомых с устройством криминального мира Нью-Йорка второй половины 1920-х годов, не сомневался в том, что Вивьен была прочно связана с организованными преступными группировками. Её последний любовник Джон Рэйделофф (John A. Radeloff) являлся адвокатом, специализировавшимся на защите опасных гангстеров, боссов преступного мира и всяческих моральных уродов. Это был патентованный «адвокат Дьявола», сволочь, на которой клейма негде было ставить! Судя по всему, Рэйделофф прекрасно поладил с Гордон — он поддерживал её во всех бизнес-начинаниях. Однако Рэйделофф был не единственной дрянью из коллекции гламурной дивы! Её предыдущим любовником являлся некий Сэм Коэн (Sam Cohen), известный в прошлом грабитель банков, якобы отошедший от дел в последние годы, но вряд ли ставший по этой причине менее опасным. Вообще же список интимных друзей Гордон был очень велик и включал в себя более 3-х дюжин фамилий, в результате довольно драматических обстоятельств он вскоре станет известен правоохранительным органам, о чём в своём месте ещё будет сказано. Многие из интимных друзей Гордон были очень опасными людьми, и потому знакомство судьи Крейтера с этой женщиной показалось детективам крайне подозрительным.

Летом 1930 года Вивьен Гордон вела расслабленную жизнь «светской львицы». Она арендовала огромную роскошную квартиру на Вест-Энд-авеню (West End Avenue), за которую платила тысячу долларов в месяц, принимала гостей у себя, разумеется, если не отправлялась сама к кому-нибудь в гости.

Несколькими годами ранее, если точнее, то в марте 1923 года, некая Дот Кинг (Dot King), лучшая подруга Вивьен Гордон, именовавшаяся «жёлтой прессой» не иначе как «королева

нью-йоркского гламура» или «бродвейская бабочка» («Broadway butterfly»), была жестоко убита.

—Photo by De Mirjian Studios
DOT KING

Дот Кинг считалась лучшей подругой Вивьен Гордон, но злые языки утверждали, что именно это её и погубило.

Преступление выглядело крайне необычным. Дороти — для краткости имя её сокращали до Дот или Дотти — была найдена мёртвой в своей кровати. Окно, через которое можно было попасть на чёрную лестницу, было открыто. На полу возле кровати лежала пустая бутылочка из-под хлороформа, а от мёртвого тела исходил отчётливый и хорошо узнаваемый запах снотворного. Когда врач коронерской службы приоткрыл рот умершей, он увидел следы химических ожогов. Всё выглядело так, словно Дотти просто выпила бутылку хлороформа… Умышленно это произошло или по ошибке, сказать в точности не мог уже никто. Первоначально причина смерти была определена как самоубийство, что подкреплялось отсутствием следов взлома и сохранностью многочисленных ценных предметов, находившихся на виду.

Через некоторое время оценка произошедшего изменилась — полицейские поняли, что в квартире умершей был посторонний, да и открытое окно как бы намекало на способ его проникновения. Или бегства — это как посмотреть… Поэтому уголовный розыск склонился к версии «убийства, совершённого по ошибке». Вор-«домушник» проник в апартамент Дот Кинг, думая, что жильцы отсутствуют. Обнаружив в кровати спавшую

женщину, преступник усыпил её хлороформом, но последовавшая вскоре смерть жертвы напугала его, и вор в панике бежал, так и не совершив хищения.

Последующее расследование, однако, привело к отказу от этой версии. Выяснилось, что с места совершения преступления пропали самые ценные украшения Дотти, которые та хранила в тайнике. То есть преступник шёл за конкретными вещами и умышленно пренебрёг намного менее ценными предметами, находившимися на виду.

Дороти Кинг была рождена как Анна Мария Кинан (Anna Marie Keenan), имя и фамилию она сменила, профессионально занявшись проституцией. Она наработала очень хорошую клиентскую базу, в том смысле, что круг её общения состоял из людей очень состоятельных. И, соответственно, очень опасных. Бриллиантом её «мужской коллекции», если можно так выразиться, стал мультимиллионер из Филадельфии Кёрсли Митчелл (J. Kearsley Mitchell). Полицейские не сразу узнали о его существовании, но когда это случилось, не без удивления выяснили, что этот денежный мешок после убийства «любимой кошечки» нашёл утешение в обществе… трам-пам-пам… правильно! — Вивьен Гордон.

Последняя крупно выиграла от убийства лучшей подруги и ощутимо поправила своё материальное положение, заметно пошатнувшееся после событий предшествующего года [напомним, полугодом ранее Вивьен едва не отправилась в тюрьму и крупно поиздержалась на адвокатах].

В ходе дальнейшего расследования полиция нашла человека, который мог быть убийцей Дотти. Этим парнем оказался некий Альберт Гаймарес (Albert Guimares), совершенно отвратительный типчик, который вёл себя как жиголо [то есть как мужчина на содержании женщины], но в действительности промышлявший воровством. Причём сложно было сказать, какой источник доходов для него был важнее — деньги от женщин или прибыль от краж.

Дотти Кинг с Альбертом Гаймаресом (в газете воспроизведён фрагмент фотографии, сделанной за 5 месяцев до убийства Кинг во время пребывания последней в Атлантик-сити).

Гаймарес имел ключ от квартиры Дотти и, соответственно, мог без труда в неё проникнуть. Однако он не знал место нахождения тайника с драгоценностями — Дот была вовсе не дурочка и знала цену своему любовнику! Все подруги убитой утверждали, что та ни за что на свете не выдала бы любовникам и клиентам место сокрытия своих бриллиантов.

Расследование резко продвинулось вперёд после того, как выяснилось, что буквально за неделю до убийства Дотти её лучшая подруга Вивьен Гордон крупно проигралась в покер Гаймаресу. Учитывая жадность Гордон, сложно было представить, чтобы она выпустила из рук 3 тыс. долларов. Она бы, несомненно, предприняла попытку расплатиться иным способом… Каким? Например, она могла рассказать Гаймаресу, где находится тайник с драгоценностями Дотти Кинг. Их стоимость — порядка 30 тыс. $ — на порядок превосходила проигрыш Вивьен.

Мог ли Гаймарес, получив такую информацию, решиться на убийство любовницы? Полиция посчитала, что да, и уже в начале апреля ушлый жиголо отправился в окружную тюрьму. Казалось бы, дело в шляпе, преступление почти раскрыто, и сейчас всё прояснится, но… в хорошем детективном сюжете всегда есть место для коварного «но»! Но оказалось, что у Альберта Гаймареса на время совершения убийства имеется железное alibi.

И это alibi ему организовала Вивьен Гордон. Причём

проделала это очень грамотно — чужими руками. Некая Орелия Фишер-Дрейфус (Aurelia Fisher Dreyfus), ещё одна лучшая подруга Вивьен Гордон, сообщила полиции, что в ночь на 15 марта 1923 г. — то есть в то самое время, когда была убита Дотти Кинг — Альберт Гаймарес отдыхал с нею в гостиничном номере. С ними коротал ночку ещё один мужчина — Эдмунд МакБрайен (Edmund McBrien), крупный биржевой спекулянт и риелтор, который, по уверению Орелии, подтвердит её слова. Они веселились ночь напролёт, делали заказы в ресторане с доставкой в номер, и Гаймарес оплачивал этот, с позволения сказать, праздник жизни. Отельная обслуга номеров также подтвердит alibi Гаймареса, поскольку официанты получали деньги из его рук!

Альберт Гаймарес.

Опс, вот так поворот, правда?

Детективы, занятые расследованием, сильно сомневались в правдивости этого рассказа, но опровергнуть его не смогли.

Альберт Гаймарес был отпущен на свободу и… сразу же скрылся из Нью-Йорка. Убийство Дотти Кинг осталось нераскрытым, пропавшие драгоценности найдены не были.

Тут бы истории и конец… Но проницательные читатели знают, что Ракитин не любит коротких историй, и окажутся правы. Это не только не конец истории, но даже не её середина.

Прошло несколько лет, и поздним вечером 20 октября Орелия Фишер-Дрейфус странным образом погибла на танцах в

роскошном яхт-клубе. Приключился несчастный случай, да-да, очень несчастный и очень случайный! Кто-то может спросить недоумённо, как такое может произойти на танцах? Да очень просто — достаточно выйти на балкон и упасть вниз. И всё…

Самое поразительное в этой истории заключалось в том, что вокруг находилось множество людей и потенциальных свидетелей, а потому трагедию должны были видеть многие. На воде курсировали яхты — находившиеся на них люди прекрасно видел и здание яхт-клуба, и злосчастный балкон — в самом танцевальном зале присутствовала публика, как танцевавшая, так и просто стоявшая вдоль стен и сидевшая за столиками. Кроме того, на самом балконе постоянно толпилась люди — разгорячённые зажигательными танцами мужчины и женщины выходили из зала покурить, подышать прохладным воздухом с реки и пропустить пару-другую холодных коктейлей. И тем не менее никто момента падения Орелии с балкона 2-го этажа не увидел. Все так удачно одновременно отвернулись, а музыка играла так громко, что и криков никто никаких не услышал.

Слева: Дотти Кинг, жестоко убитая в ночь на 15 марта 1923 года. Справа: Орелия Фишер-Дрейфус, странным образом упавшая с балкона поздним вечером 20 октября 1929 года во время танцевального вечера в яхт-клубе. Обе являлись «лучшими подругами» Вивьен Гордон и обе оказывали интимные услуги на возмездной основе очень богатым клиентам. Но в американских реалиях 1920-х годов понятия «богатый» и «опасный» являлись

синонимами, соответственно «очень богатый» означало одновременно и «очень опасный».

Подозрительно? Ну как сказать… полицейские — люди бывалые и хорошо знают, что совпадения случаются! И в данном случае никакого злого умысла или чьих-то злонамеренных действий они не усмотрели. Дамочка была нетрезва и вообще отличалась любовью к танцам в не всегда одетом виде, а люди такого сорта известны тем, что могут попадать в опасные и неловкие ситуации. Сегодня она танцует нагишом на рояле, завтра неудачно падает с балкона, воистину, жизнь — индейка!

В общем, в октябре 1929 года Орелию Фишер-Дрейфус тихонько предали земле да и забыли думать о ней. Коронер дело возбуждать не стал, и на этом, казалось бы, всё закончилось.

Но не прошло и пары месяцев, как история эта неожиданно забурлила. Причём сразу с выходом в местную прессу и с максимальной оглаской. Бурление эмоций до некоторой степени поразило самих «законников», поскольку обо всём происходившем они узнали из газет, как, впрочем, и остальные обыватели.

Началось всё с того, что родственники Орелии рассказали о своих подозрениях, связанных с её возможным умышленным убийством. Был сразу назван предполагаемый убийца — Эд МакБрайен, тот самый джентльмен, что на пару с Орелией в марте 1923 года обеспечивал alibi Альберту Гаймаресу. Вечером 20 октября именно МакБрайен привёл Орелию Фишер-Дрейфус в яхт-клуб и именно он обнаружил её бездыханное тело под балконом!

Родные сёстры умершей — Эльза Кнорр и Фрида Фишер — заявили журналистам, что Орелия в последние месяцы жизни очень переживала из-за того, что лжесвидетельствовала в 1923 году и помогла Гаймаресу, истинному убийце Дотти Кинг, избежать наказания за содеянное. Орелия согласилась обеспечить этому негодяю alibi под сильным давлением Вивьен Гордон, которую считала тогда лучшей подругой и которой очень доверяла. По словам сестёр, Орелия действительно провела ночь на 15 марта в обществе МакБрайена в отеле, вот только Гаймареса там не было!

История получилась забористая! Градус обвинения добавила и мать Орелии, рассказавшая о том, что в последние месяцы жизни дочь во время приездов к ней плохо спала и кричала по ночам. Мать, если верить её словам, также знала о фальшивом alibi Гаймареса и той роли, что сыграла в истории убийства Дотти Кинг её лучшая подруга Вивьен Гордон.

MRS. ELSA KNORR MISS FREDA FISCHER

В середине декабря 1929 года сёстры трагически погибшей Орелии Фишер-Дрейфус взорвали местную прессу рассказами о том, что женщина была убита с целью сокрытия совершённого несколькими годами ранее убийства Дот Кинг. Эльза Кнорр и Фрида Фишер не только назвали конкретного исполнителя убийства сестры — по их версии это был её любовник Эдмунд МакБрайен — но и заказчика преступления. Таковым являлась Вивьен Гордон, организовавшая в 1923 году ограбление и убийство своей лучшей подруги Дотти Кинг. Опасаясь, что Орелия не справится с эмоциональным напряжением и расскажет известную ей правду об убийстве Кинг, Вивьен заставила

МакБрайена позаботиться о том, чтобы тайна не вышла наружу. Тот и позаботился…

Более того, мамочка сообщила и кое-что такое, чего не сказали её дочери Эльза и Фрида. По её словам, она видела на шее умершей дочери следы, похожие на следы сдавления пальцами рук. По мнению матери, Орелия не погибла при падении с балкона, её душили после того, как она оказалась на земле, точнее, на деревянной террасе клуба. По мнению матери, сделать это мог только МакБрайен, поскольку он был первый человеком, подошедшим к телу Орелии после падения.

История звучала захватывающе, однако имелся один важный вопрос, весьма неудобный для родственников трагически погибшей женщины. А именно: почему они так долго молчали о своих подозрениях, ведь со времени смерти Орелии минули почти 2 месяца?!

Честно говоря, сложно избавиться от подозрения в том, что близкие Орелии попытались на её смерти «замутить» маленький гешефт. Если называть вещи своими именами, то попросту шантажировать Эда МакБрайена и Вивьен Гордон, угрожая разгласить неприятные и даже опасные для них детали жизни и смерти Орелии. Без подобного предположения сложно понять, почему рассказы о синяках от пальцев на шее умершей и её рассказы о фальшивом alibi не были сообщены полиции в октябре 1929 года [до похорон Орелии]. Согласитесь, своевременное сообщение подобных деталей могло бы значительно упростить и ускорить неизбежное расследование.

После того, как в последней декаде декабря 1929 года скандальные воспоминания близких Орелии Фишер-Дрейфус выплеснулись на страницы нью-йоркских газет, полиции пришлось заняться их проверкой. Подключилась и служба коронера, ведь речь шла о нераспознанном в своё время убийстве, точнее говоря, возможном убийстве.

Судмедэкспертиза в данном случае могла помочь мало. Хорошо известно, что лучший способ замаскировать смерть от побоев — это устроить жертве падение с высоты. Точнее говоря, устроить имитацию такого падения. Если с большой высоты сброшено тело недавно умершего человека либо ещё живого, но находящегося в состоянии агонии, то ни один ответственный судебно-медицинский эксперт не возьмётся определить, какие именно травмы причинены нападавшим, а какие были получены при соударении с поверхностью при падении. Не существует никаких специфических повреждений, которые человек может получить в случае избиения руками и ногами, и которые

оказались бы невозможны в случае его падения с высоты.

По этой причине служба коронера отклонила запрос об эксгумации трупа Фишер-Дрейфус и его повторном судебно-медицинском исследовании.

История тянулась довольно долго, имела множество всевозможных перипетий, которые пересказывать здесь незачем, дабы не удлинять и без того длинное отступление от главного сюжета. Поэтому сразу, без долгих затей, скажем итог всего этого напряжённого действа — оно вполне ожидаемо закончилось ничем. В марте 1930 года [то есть за несколько месяцев до исчезновения судьи Крейтера] Большое жюри рассмотрело собранный окружной прокуратурой материал и постановило, что обвинение Вивьен Гордон и Эдмунда МакБрайена в убийстве Орелии Фишер-Дрейфус судебной перспективы не имеет и расследование должно быть закрыто.

Его и закрыли.

И вот в сентябре вдруг выяснилось, что Вивьен Гордон водила короткое знакомство с уважаемым судьёй Верховного суда штата, «самым надёжным юристом Нью-Йорка» господином Крейтером. И у всякого, кто следил за криминальными новостями, рождались вполне уместные и очень неприятные для властей вопросы: не было ли в решении Большого жюри некоей коррупционной составляющей? Может быть, окружная прокуратура умышленно подобрала обвинительный материал так, чтобы он не имел шансов получить положительный вердикт? Может быть, господин Крейтер нашёл возможность повлиять определённым образом на окружного прокурора и вывести из-под удара свою близкую подругу?

—Photo by International

VIVIAN GORDON

Вивьен Гордон. По-настоящему пугающая фотография из газеты «The Washington times». Смотришь на такое лицо и понимаешь, что видишь ведьму. Без всяких карт таро и магических сфер, лишь глядя на эту фотографию и основываясь на простейшем виктимологическом анализе, обычный воспитанник старшей группы детского сада скажет, что эта женщина добром не кончит и конец её будет ужасен. И как станет ясно из дальнейшего повествования, любитель криминальной психологии из детского сада не ошибётся…

Появление в этом деле Вивьен Гордон и её подозрительных дружков чрезвычайно встревожило Джейкоба фон Вейзенштейна. На что жила Вивьен? Даже если считать её «шлюхой для богатых»,

что вряд ли было большой ошибкой, вопрос этот приемлемого ответа не находил. Проституция не объясняла ту роскошь, в которой эта женщина купалась — дорогостоящий апартамент, золото и бриллианты, меха, аренда автомобиля с шофёром… Подобное в кредит не приобреталось, да и какой кредит может быть в такое время, когда в стране в полный рост разворачивалась «Великая депрессия», банки лопались дюжинами, а их владельцы при каждом гэпе вниз на бирже стройными рядами выпрыгивали из окон своих офисов в небоскрёбах. Кто в такое время даст кредит «гламурной самке»?!

В полиции Нью-Йорка в сентябре 1930 года лежало заявление некоей дамочки Вернон Рэйпз (Vernon Rapez), владелицы танцевального шоу, отвечавшее до некоторой степени на вопрос о способе заработка Вивьен Гордон. Рэйпз сообщала, что подвергается преследованию со стороны Вивьен Гордон, которая вела себя как настоящий рэкетир. Она требовала «отстёгивать» ей деньги за выступления, гарантируя взамен некое «покровительство», предлагала организовать на базе танцевальной группы публичный дом и обещала «подгонять» девочкам очень богатых клиентов, настаивала на том, чтобы Рэйпз включила в состав труппы «мёртвые души», а также согласилась сообщать налоговому ведомству информацию о выступлениях, которых в действительности не было. Цель последнего предложения, очевидно, заключалась в отмывании доходов, полученных преступным путём. Гордон буквально преследовала Рэйпз, последняя была вынуждена уклоняться от нежелательных встреч всеми правдами и неправдами. При этом заявительница подчёркивала, что опасается за свою жизнь, поскольку Вивьен Гордон имеет репутацию очень злопамятной и мстительной особы.

Попытка детективов МРВ поговорить с Вивьен закономерно закончилась неудачей. Дамочка не то чтобы отказалась от разговора — нет! — она просто ничего не сказала по существу и не ответила ни на один из заданных ей вопросов. Фактически она переадресовала все вопросы полицейских своему адвокату, тому самому Рэйделоффу, разговор с которым был обречён на неудачу, так сказать, по определению.

К концу сентября была получена и другая информация, имевшая важное ориентирующее значение. Прежде всего, проверка в Пенсильвании подтвердила правдивость рассказа об угрозах в адрес Джозефа Крейтера со стороны одного из его подзащитных. Но последний умер в тюрьме в 1921 году и, соответственно, не мог быть причастен к событиям 1930 года.

Кроме того, с высокой точностью — буквально до минут —

были восстановлены все перемещения и времяпрепровождение исчезнувшего судьи 4, 5 и 6 августа, то есть со времени его прибытия в свои апартаменты на 5-й авеню [из дома в Белгрэйд-лэйкс] и вплоть до отъезда в такси от ресторана «Billy Haas».

Утром 4 августа, в понедельник, горничная видела, как он собирался уходить и приводил себя в порядок. Джои сделал кое-какие распоряжения, связанные с уборкой апартаментов, в частности, он попросил явиться её 7 августа, сказав, что после этого она может быть свободна до 25 числа [именно в тот день ей предстояло провести следующую уборку]. Перерыв между уборками жилого помещения в 18 дней был слишком велик и не находил рационального объяснения. Ранее апартаменты Крейтера убирались не реже раза в неделю или даже чаще в тех случаях, если судья принимал гостей.

В середине дня 4 августа Джои Крейтер в полном одиночестве пообедал в ресторане, расположенном неподалёку от здания окружного суда. Некоторое время он работал в своём кабинете в Верховном суде штата, а вечером посетил знакомого врача, которому показал опухший указательный палец правой руки, повреждённый несколькими днями ранее. Про травму пальца полицейские уже знали — на неё Крейтер жаловался персоналу гостиницы в Атлантик-сити. По словам судьи, палец он повредил, прихлопнув его дверью такси.

Повреждение пальца наводило на подозрения о травмировании в ходе драки или по причине иных насильственных действий, но врач, допрошенный полицейскими, отверг подобные предположения как несостоятельные. По его мнению, причина повреждения пальца полностью соответствовала тому, как об этом рассказывал Крейтер.

На следующий день — 5 августа, то есть накануне исчезновения — судья ещё раз увиделся с тем же врачом, но теперь уже по другому поводу. Они пообедали в доме врача по приглашению последнего, после чего распивали спиртные напитки и играли в карты. Это непринуждённое времяпрепровождение продолжалось более 7 часов и закончилось уже после полуночи.

О событиях 6 августа выше уже было сказано.

Ценную информацию полиции принесло изучение финансового положения Джозефа Крейтера. Выяснилось, что он не был азартен и не играл в карты, не делал ставок на тотализаторе, не интересовался скачками. Он не проигрывал на бирже значительных денежных сумм, и общий баланс его биржевых операций был положительным. Джои бессистемно покупал небольшие пакеты акций или корпоративных облигаций

— буквально по 5 штук — и продавал их, едва цена продажи начинала превышать стоимость покупки. Если же цена не поднималась, он просто держал ценные бумаги без какого-либо движения. Для него это была своеобразная форма развлечения или отдыха, если угодно. Он не пытался заработать много денег игрой на бирже и потому, соответственно, много не терял. Даже биржевой крах осени 1929 года на благосостоянии Крейтера особенно не отразился. На больших интервалах времени его доход от биржевых спекуляций стабильно превышал убытки.

В конце мая и начале июня — то есть примерно за 2 месяца до исчезновения — судья принялся закрывать счета и депозиты в финансовых организациях. Из «International Trust Company» он забрал векселями на предъявителя 7 тыс.$. По его указанию биржевой брокер тогда же продал акции и облигации и обналичил выручку на общую сумму 15,8 тыс.$. Также судья закрыл 3 самых крупных депозита в банках, хотя 4 других с меньшими суммами оставил. Джои «вышел в кэш» в начале лета с общей суммой собранной наличности и векселей почти на 35 тыс. $. К этой сумме следовало добавить деньги, переданные ему Джозефом Марой днём 6 августа. Получалось очень немало…

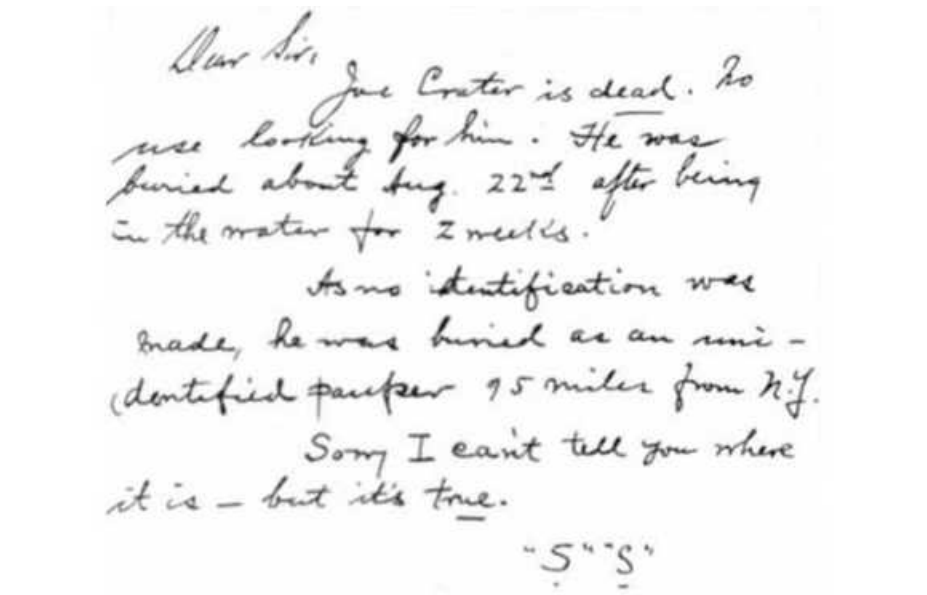
Для чего Джои накапливал наличность, и что с нею стало? Ведь после исчезновения судьи деньги эти так и не были найдены.

29 сентября 1930 года окружной прокурор Томас Крейн (Thomas C. T. Crain) получил письмо без подписи. Его текст гласил: «Джои Крейтер мёртв. Бесполезно его искать. Он был похоронен 22 августа, после двухнедельного пребывания в воде. Так как личность его не была установлена, он был предан земле как неизвестный нищий в 75 милях от Нью-Йорка. К сожалению, я не могу сказать вам, где именно это произошло, но это правда.» (Дословно: «Joe Crater is dead. No use looking for him. He was buried August 22, after being in the water two weeks. As no identification was made, he was buried as an unidentified pauper 75 miles from New York. Sorry I can't tell you where it is but it's true.»)

Кто-нибудь поверил бы такому сообщению? Шляпа, стало быть, плавает у пирса в Гудзоне, а труп почему-то всплывает через 2 недели где-то в 120 км от Нью-Йорка выше по течению… Правда? Так бывает? Мёртвые тела могут плыть против течения? Содержание письма выглядело совершенно завиральным, самое смешное заключалось в том, что автору не было никакого резона скрывать свою личность. Напротив, ему следовало назвать себя и предоставить возможность проверить сообщаемые сведения — в этом случае он получил бы 5 тыс.$, обещанных полицией Нью-

Йорка.

Строго говоря, **существовала только одна причина, по которой автор мог желать остаться неизвестным — в том случае, если он умышленно сообщал лживые сведения и опасался наказания за это**. Немалый интерес представляло то, что же именно из сообщённого в письме является ложным — время смерти судьи? обстоятельства захоронения? сам факт смерти? Что же касается авторства, то все, знакомые с почерком судьи, заявляли в один голос, что письмо написано не им. Более того, при внимательном анализе текста возникало ощущение того, что над ним поработали 2 разных человека, причём имевших большую разницу в возрасте. Но в этом месте следует сразу же оговориться, что графология как научное направление криминалистики в те годы ещё не сформировалась, фактически это была лженаука, оперировавшая в большей степени субъективными доводами, нежели объективными параметрами почерков.

Dear Sir,

Joe Crater is dead. So
use looking for him. He was
buried about Aug. 22nd after being
in the water for 2 weeks.

As no identification was
made, he was buried as an unid-
dentified pauper 95 miles from N.Y.

Sorry I can't tell you where
it is — but it's true.

"S" "S"

Анонимное письмо, полученное окружным прокурором Томасом Крейном 29 сентября 1930 года. Автор письма пытался убедить прокурора в том, что разыскиваемый судья мёртв. Но то, что послание оказалось анонимным, и его автор не пожелал получить обещанную полицией денежную премию, заставляло предполагать лживость сообщённой в письме информации.

Факт получения письма был сохранён в глубокой тайне, но лица, причастные к расследованию исчезновения Крейтера,

разумеется, всё знали. Мнение детективов было однозначным — Крейтер жив и умышленно вводит правоохранительные органы в заблуждение. Главная интрига заключалась в том, чтобы выяснить, какие именно обстоятельства явились побудительным мотивом бегства «самого надёжного юриста Нью-Йорка», и не оказалось ли его бегство следствием какого-либо криминального давления [шантажа, запугивания, требования услуги или денежной выплаты]. Если последнее имело место, то Крейтеру необходимо было предоставить полноценную защиту.

Примерно в то же время — то есть в начале или середине октября — между Стеллой Крейтер и детективом Джейкобом фон Вейзенштейном произошёл довольно напряжённый разговор, связанный с ходом проводимого МРВ расследования. Из этого разговора жена судьи узнала некоторые детали до того ей неизвестные, в частности, то, что Джои собирал наличные деньги, которые предположительно исчезли вместе с ним. Также жена узнала о многочисленных изменах любимого мужа. Стелла страшно удивилась этому сообщению или, возможно, только сделала вид, будто удивилась. Впрочем, нельзя исключать того, что женщина действительно ничего не знала о бесконечных адюльтерах своего благоверного — сплошь и рядом случается так, что партнёры по браку узнают о подобных вещах последними.

Может показаться удивительным, но Стелла возмутилась тому, что услышала от детектива. Её обескуражил сам уклон расследования в сторону изучения личной жизни пропавшего. По мнению жены, личная жизнь мужа не должна была интересовать полицию, и попытки детектива объяснить ошибочность такого суждения успеха не возымели.

После отъезда Вейзенштейна — а разговор этот произошёл в доме в Белгрэйд-лэйкс — Стелла не придумала ничего умнее, как позвонить окружному прокурору Томасу Крейну. Искренне негодуя, она пожаловалась на детектива и потребовала отстранить его от ведения дела. В этой связи примечательно то, что окружной прокурор не понял сути претензий женщины. Крейн долго уточнял, не грубил ли ей детектив, не допустил ли он неких оскорбительных оценок или неуместных шуток и, выслушивая отрицательные ответы, никак не мог взять в толк, что же именно в поведении Вейзенштейна спровоцировало гнев женщины. Наконец, уяснив, что Стелле не понравилось «вторжение в частную жизнь» её мужа, прокурор успокоился и лишь махнул рукой.

Никаких оргвыводов в отношении Вейзенштейна не последовало.

Стелла Крейтер и Саймон Рифкинд. Последний являлся младшим партнёром в юридической фирме «Wagner, Quillinan and Rifkind», и это именно он 3 сентября 1930 года подал в Департамент полиции Нью-Йорка заявление о безвестном отсутствии судьи Джозефа Крейтера.

На протяжении октября, ноября и декабря 1930 года МРВ «отработало» несколько десятков сообщений о появлении Джозефа Крейтера в различных частях Соединённых Штатов. Все они оказались ошибочны — судья нигде не появлялся, и его никто не видел. Начало 1931 года в этом отношении никаких сюрпризов не принесло. Новых зацепок не появлялось, а старые по-прежнему никуда не вели.

20 января Стелла Крейтер возвратилась из Мэна в Нью-Йорк. Впервые с момента исчезновения мужа она провела ночь в апартаменте, являвшимся прежде их любовным гнёздышком. Даже во время полицейского обыска она не присутствовала — тут находились Мара и горничная. Утром 21 числа женщина вошла в кабинет мужа, куда обычно не входила, и решила осмотреть его. В конце концов, теперь всё это принадлежало ей, и требовалось хозяйским взглядом оценить, что же именно ей досталось.

Усевшись за роскошный письменный стол, Стелла принялась проверять содержимое ящиков. Женщина вспомнила, что стол был оборудован небольшим тайником, о существовании которого ей рассказал Джои. Не ожидая увидеть что-либо необычное, Стелла открыла скрытую полость и… обнаружила в ней 4 конверта. Все они были запечатаны… Все они были адресованы

ей… И все они были надписаны рукой пропавшего без вести мужа…

Вне себя от ярости — даже не вскрыв ещё найденные конверты! — Стелла схватила телефонную трубку и потребовала соединить с окружным прокурором. Томас Крейн услышал из уст женщины много уничижительных слов о бездарной работе полиции, неспособной даже провести нормальный обыск помещения! Прокурор узнал, что если бы «бестолочь Вейзенштейн» умел нормально работать, то он бы ещё 4 сентября обнаружил в тайнике конверты и не затевал бы всю эту позорную многомесячную возню!

Стелла орала на прокурора, и её, наверное, можно было понять — она испытала стресс! Но стресс испытал и прокурор Томас Крейн. Он пообещал Стелле немедленно во всём разобраться и примерно наказать виновных.

Положив телефонную трубку, окружной прокурор потребовал немедленно отыскать сержанта-детектива Вейзенштейна и обязать его перезвонить лично ему — Томасу Крейну. Детектив перезвонил буквально через 2 минуты. Услыхав рассказ окружного прокурора о тайном отделении письменного стола и 4-х запечатанных письмах внутри, Вейзенштейн моментально всё понял и дал исчерпывающий ответ.

Он заявил, что при осмотре стола обнаружил тайник и лично его осмотрел. Никаких писем в нём не было. В тайнике лежали небольшой дамский перстень и раритетный китайский веер с тонкой резьбой по кости. Крейн тут же перезвонил Стелле и попросил посмотреть, лежат ли в тайном отделении маленький дамский перстень и костяной китайский веер.

Оказалось, что лежат.

Из этого происшествия можно было сделать единственный вывод — **некто проник в кабинет пропавшего без вести судьи и подложил в тайное отделение его письменного стола 4 запечатанных письма**. Этот человек появился после 4 сентября 1930 года — дня полицейского осмотра апартаментов — но ранее 21 января 1931 года. И этим человеком не мог быть Джозеф Крейтер — его все в доме знали, и он в случае появления [хоть днём, хоть ночью] был бы непременно опознан.

Что же находилось в запечатанных конвертах, которые Стелла Крейтер не стала открывать?

Как сказано выше, конвертов было 4. Стелла не прикасалась к ним, дожидаясь появления полиции. Со всеми возможными предосторожностями, желая сохранить на бумаге возможные отпечатки пальцев того, кто эти конверты заклеивал и приносил в квартиру, детективы их вскрыли. Содержимое оказалось довольно

неожиданным — в одном лежала толстая пачка долларов в мелких банкнотах, в другом — стопка ценных бумаг (банковских облигаций) и исписанный от руки лист бумаги с перечнем лиц, занимавших у Джои Крейтера деньги, в третьем — 2 договора страхования жизни на имя Джои Крейтера. Наличных денег оказалось 6690$, суммарная стоимость ценных бумаг и страховок превышала 25 тыс.$, таким образом, Стелла получила одномоментно более 30 тыс.$!

Но самым интересным оказалось содержимое четвёртого конверта. Там находилась короткая записка, написанная от имени пропавшего судьи. Содержание её никогда не разглашалось, поскольку послание адресовалось Стелле и являлось сугубо личным. Однако известно, что записка была подписана следующим образом: «Я очень устал. С любовью, Джои». («Am very weary. Love, Joe.»)

Что подумали бы вы, получив такое послание? Джейкоб фон Вейзенштейн решил, что с ним играют. Не с ним лично, конечно же, а с нью-йоркской полицией. Крейтер жив и здоров, он сбежал от постылой жены, чтобы жить так, как ему заблагорассудится, но, испытывая некоторые угрызения совести, он надумал подкинуть деньжат супруге, дабы та не особенно бедствовала. По этой причине поиски следовало свернуть и заняться, наконец-то, настоящим делом. И, кстати, полиции Нью-Йорка следовало воспрепятствовать тому, чтобы страховки Крейтера были обращены ко взысканию, поскольку судья жив.

Именно эту точку зрения Вейзенштейн и озвучил во время большого совещания с участием руководства полиции, высокопоставленных представителей Департамента юстиции штата и аппарата губернатора, прошедшего в середине дня 21 января, то есть через несколько часов после обнаружения писем в тайнике стола. Спешка в организации совещания была хорошо понятна — уважаемые люди из руководства штата и Департамента юстиции очень опасались неконтролируемого появления компромата. Сегодня в одном тайнике появились деньги, а что появится завтра в другом тайнике? И сколько их вообще — этих тайников?!

В ходе упомянутого совещания детективу-сержанту пришлось дать отчёт о состоянии розысков пропавшего судьи и объяснить подоплёку этой весьма странной истории. Предложение Вейзенштейна закончить розыскную операцию восторга участников мероприятия не вызвало. Оно и понятно! Власть должна была сохранить лицо, а публичное признание того факта, что член Верховного суда штата изменял жене, ходил по проституткам [причём не только женского пола!] и перед

бегством прихватил с собой некое количество неких служебных документов — интересно, с какой целью он это сделал? — было чревато страшным скандалом с непредсказуемыми последствиями. Губернатору такой скандал был не нужен! Неужели детектив-сержант противопоставляет себя губернатору штата?!

Вейзенштейн попытался зайти с другой стороны. Он обратил внимание присутствовавших на то, что объявленное вознаграждение в размере 5 тыс.$ за информацию о судьбе пропавшего судьи провоцирует разного рода мошенников и дураков на отправку полиции всевозможных сообщений, каждое из которых требует определённой реакции и проверки. Это отнимает массу времени и сил. При этом проверка такого рода сообщений лишена всякого смысла априори, поскольку судья жив и прячется добровольно. Детектив-сержант предложил отозвать обещание выплаты без объяснения причин.

По своей сути эта инициатива являлась, безусловно, правильной. Однако существовала одна неустранимая проблема, которая делала её реализацию невозможной — отзыв обязательства выплаты вознаграждения означал бы, что полиция более не ведёт розыск пропавшего судьи. Прекращение розысков потребовалось бы каким-то образом объяснить и… скандал, которого всем так хотелось избежать, всё равно бы разгорелся!

Впрочем, одно предложение детектива-сержанта участники высокого собрания всё-таки приняли. Вейзенштейн весьма здраво заметил, что с беглецом имеет смысл немного поиграть, иначе говоря, запутать. Пусть Крейтер думает, что доставлены не все 4 письма — это заставит его усомниться в честности помощника (или помощников). Всё-таки в конвертах находились деньги и ценные бумаги… пусть Крейтер заподозрит, будто его обманули! Логика этой небольшой хитрости была очевидна — она была призвана подтолкнуть беглеца к неким активным действиям с целью проверки честности помощника. Например, Крейтер мог позвонить жене, дабы уточнить, сколько и чего она получила… либо мог направить на встречу с ней некое лицо, которому надлежало бы задать соответствующие вопросы… либо придумать нечто ещё. Попытку такого контакта со Стеллой можно было отследить и тем самым выяснить, где именно прячется Джои.

New Evidence Fails to Reveal Whereabouts

NEW YORK, Jan. 22—(AP)—Evidence throwing new light on the disappearance of supreme court Justice Joseph P. Crater but revealing nothing as to his whereabouts was under scrutiny of authorities today.

It included $6,690 in cash, a bundle of securities, insurance policies and a list of creditors in the judge's handwriting, marked "confidential" and ending in these words:

"I am very weary. Love,
Joe".

Mrs. Stella Crater, his wife, told District Attorney Thomas C. T. Crain she had found the package in a bureau drawer since returning to her Fifth avenue apartment last Sunday from Portland, Maine.

Уже 22 января местная газета «Brownsville herald» сообщила читателям об обнаружении в тайнике стола судьи Крейтера денег в сумме 6690$ и личного послания жене. В последующие несколько дней аналогичные материалы появились во многих других газетах. Все эти сообщения различались в деталях, но объединяло их то, что детали эти были умышленно искажены детективами Бюро розыска пропавших без вести.

Задумка детектива понравилась участникам высокого собрания и детектив-сержант получил карт-бланш на её реализацию. Уже в тот же вечер — речь идёт о 21 января 1931 года — он передал репортёрам нескольких местных газет умышленно неточную информацию, из которой следовало, что Стелла Крейтер обнаружила в тайнике письменного стола мужа некое послание, которое состояло из пачки денег и записки. Содержание записки разглашать нельзя, но её общее содержание и тональность таковы, что её можно принять за предсмертную.

Детектив-сержант умышленно ничего не сказал о том, что 4 сентября апартамент обыскивался и тогда тайник был пуст. Ничего он не сказал и о том, что конвертов было 4 и в них находились также облигации коммерческих банков и 2 договора страхования жизни. В общем, это было сообщение из разряда «сапоги всмятку», но в умышленном искажении информации и заключалась основная идея задуманной комбинации!

Появление газетных публикаций вновь привлекло внимание общественности к судьбе пропавшего без вести судьи. В течение последующих дней полиция Нью-Йорка и окружная прокуратура получили несколько писем, содержавших указание на то, где Крейтера надлежит искать или же объяснявших причину его

исчезновения. Одна из таких записок, написанная от лица Джои и подписанная «судья Крейтер», сообщала, будто тот насильно удерживается на борту некоего корабля на реке Детройт. Автор этой мистификации не знал того, что Джои никогда не подписывался как «судья», поскольку судьёй он пробыл всего несколько месяцев.

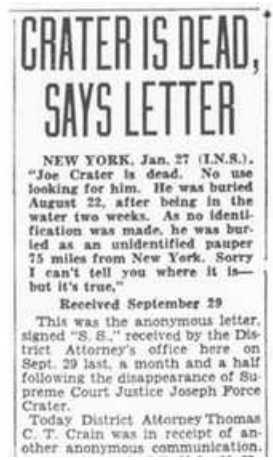
Одно из посланий, подписанное «Судья Крейтер», содержало просьбу о помощи и сообщало, что похищенный судья насильно удерживается на борту корабля на реке Детройт. Вот только человек, написавший эту записку от имени Крейтера, не знал того, что тот никогда не подписывался подобным образом.

Другое сообщение оказалось интереснее. Полученное 27 января окружным прокурором Томасом Крейном письмо без подписи гласило: «Вы более никогда не увидите Крейтера. Он упал в глубокую пропасть в Краун-Пойнт, штат Нью-Йорк. Он стоял на краю обрыва, когда почва провалилась, он упал на дно и мгновенно погиб. Компания состояла из четырёх мужчин, все они были туристы. Остальные молчат о произошедшем. Его тело было найдено и похоронено на деревенском кладбище местным гробовщиком.» («You willnever behold Crater again. He fell into a deep chasm at Crown Point, N. Y. He was standing on the edge of a bluff when the soil gave way and he fell to the bottom and was instantly killed. There were four men in the party, all tourists. The others kept their mouths shut about what happened. His body was recovered and buried in the village cemetery by the village undertaker.»)

И оформлением, и содержанием это послание очень напоминало письмо, полученное окружным прокурором 29 сентября предшествующего года. Даже начало обоих посланий

выглядело почти идентичным: «Джои Крейтер мёртв. Бесполезно его искать.» (письмо от 29 сентября 1930 года) и «Вы более никогда не увидите Крейтера» (письмо от 27 января 1931 года). Оба письма уведомляли прокурора о смерти по причине несчастного случая, предании земле и… не указывали место захоронения! Понятно, почему — из опасения эксгумации трупа, которая не подтвердит наличие тела Крейтера в могиле.

А это означало, что судья жив, и с большой вероятностью он же сам в обоих случаях и инициировал отправку писем. Хотя и написаны они были не его рукой.

CRATER IS DEAD, SAYS LETTER

NEW YORK, Jan. 27 (I.N.S.). "Joe Crater is dead. No use looking for him. He was buried August 22, after being in the water two weeks. As no identification was made, he was buried as an unidentified pauper 75 miles from New York. Sorry I can't tell you where it is—but it's true."

Received September 29

This was the anonymous letter, signed "S. S.," received by the District Attorney's office here on Sept. 29 last, a month and a half following the disappearance of Supreme Court Justice Joseph Force Crater.

Today District Attorney Thomas C. T. Crain was in receipt of another anonymous communication.

Публикация в газете «The Washington times» сообщила читателям о получении анонимного послания, рассказывавшего о смерти судьи Крейтера в каньоне в местечке Краун-Пойнт. Информация об этом не стала сенсацией, но привлекла определённый интерес и была повторена некоторыми иными газетами.

Письмо, сообщавшее о падении в каньон, было опущено в почтовый ящик 24 января, то есть уже после того, как в газетах появились сообщения о конвертах в тайнике письменного стола. Можно было сказать, что замысел детектива-сержанта Вейзенштейна сработал, и исчезнувший без вести судья отреагировал (пусь и неявно) на информационный вброс. Правда, отреагировал он не так, как хотелось детективу, но… как говорится, это был ещё не вечер. Следовало подождать, не последует ли некое продолжение?

Предполагая, что посланник Крейтера попытается ещё раз связаться с его женой — лично, либо подбросив очередное послание — полиция подготовилась зафиксировать эту попытку по всем правилам оперативно-розыскного искусства. На дверях в

апартаменты исчезнувшего судьи — как парадного входа, так и чёрного — были смонтированы миниатюрные плунжерные датчики открытия. Аналогичный датчик был также установлен на двери в кабинет [там находился письменный стол с тайным отсеком]. Стелла Крейтер ничего не знала об этих работах. Полицейские под прикрытием были устроены на места лифтёров, а также были введены состав персонала, обслуживающего дом. Телефон в апартаментах был поставлен на «прослушку». В общем, была проведена очень основательная подготовка, как будто готовился захват с поличным иностранного шпиона. Теперь оставалось только ждать.

Минула неделя… другая… третья. Зима клонилась к закономерному завершению и, казалось, уже не принесёт сюрпризов. Но в один из последних зимних дней произошло нечто такое, чего вряд ли смогла бы выдумать даже самая изощрённая фантазия писателя-детективщика.

Утром 26 февраля 1931 года в нью-йоркском парке «Van Cortland Park» было найдено тело босоногой женщины в разорванном платье. Черты тёмно-бурого лица были неузнаваемы из-за гримасы страдания и прилившей к голове крови. На шее была затянута бельевая верёвка, с туго скрученным на затылке узлом. Хотя вечернее бархатное платье было разорвано, произошло это явно не с целью обнажения женщины, а во время борьбы. Следы изнасилования, точнее, сексуального посягательства, при визуальном осмотре на месте обнаружения тела не определялись. Хотя этот вывод являлся предварительным, и последующее судебно-медицинское вскрытие могло его подкорректировать.

Осмотр местности привёл к обнаружению примерно в 10 метрах от трупа изящных женских туфель явно индивидуального пошива. А вот пальто или шуба найдены не были. Как, впрочем, и головной убор.

Даже беглый осмотр указывал на то, что женщина была очень состоятельна. Или, говоря точнее, не экономила на себе — прекрасное нижнее бельё и отличное бархатное платье, пошитое явно у дорогой модистки, говорили о любви к роскоши красноречивее всяких слов. Именно платье, обувь и нижнее бельё — всё индивидуального изготовления! — и позволило в течение нескольких часов опознать тело.

Задушенной оказалась Вивьен Гордон! Какой неожиданный кульбит судьбы, согласитесь…

Уже первые допросы позволили полиции получить чёткую привязку ко времени преступления. Лифтёр в доме, в котором проживала убитая, сообщил на допросе, что накануне вечером

25 февраля — если точнее, то в 23:30 — Вивьен спустилась на лифте в холл. На ней была шуба, стоимость которой лифтёр определил в 2 тыс.$. Надо сказать, что как показала последующая проверка, мужчина в определении стоимости шубы не ошибся — он работал лифтёром в «богатом» доме и знал толк в вещах. Помимо шубы на шее Вивьен красовалось колье, но не оно являлось главным украшением её туалета! На правой руке Вивьен находился перстень с большим бриллиантом, стоимость этой вещицы лифтёр определил «на глазок» примерно в 2,5 тыс.$. И тут он, кстати, тоже не ошибся.

Головного убора женщина не имела. С собой у неё был платок, который можно было использовать как косынку либо как кашне или палантин, набрасывая его на плечи. Отсутствие головного убора означало, что Вивьен рассчитывала сразу же сесть в автомашину. На это же указывали и изящные летние туфельки.

Дежуривший в холле администратор не запомнил таких деталей, как перстень с бриллиантом и летние туфельки, но он видел выходившую из лифта Вивьен и видел некую автомашину с погашенными огнями, стоявшую примерно в 10–15 метрах от крыльца. После того, как Вивьен Гордон вышла на улицу, автомашина сразу же отъехала. Администратор не слышал хлопка дверцы, но разрыв во времени между выходом женщины из дверей и отъездом машины был минимален — секунд 5–7, вряд ли больше. Описать автомашину свидетель не мог, всё-таки, февраль… время к полуночи… отвратительный мокрый снег… низкая облачность… уличное освещение так себе… Однако он обратил внимание на то, что на задней и передней дверцах по правому борту автомашины были установлены разные ручки. Автомобиль явно побывал в ремонте, в ходе которого мастер за неимением оригинальной ручки поставил ту, что имелась под рукой.

—Photo by International

VIVIAN GORDON

STRANGLED WITH CLOTHESLINE, the body of Vivian Gordon, also known as Mrs. Benita Bischoff, 32, was found in a New York park. She was to appear as a witness before a committee investigating vice conditions in New York.

Первое газетное сообщение об убийстве Вивьен Гордон появилось в столичной газете «The Washington times» спустя несколько часов после идентификации трупа. Вызывают удивление как оперативность информирования, так и интерес столичной газеты к тривиальному на первый взгляд уголовному преступлению. В заметке допущена ошибка — не фатальная, но досадная! — возраст Вивьен на момент смерти составлял не 32, а 36 лет. Эта мелочь свидетельствует о том, что выпускающий редактор и корректор столичной газеты весьма смутно представляли, кому именно посвящена публикуемая заметка. Тем не менее сообщение попало в номер — стало быть, в Вашингтоне имелись люди, сознававшие сенсационность этой новости.

Согласитесь, отменная наблюдательность в условиях плохой видимости! Показания лифтёра и администратора на входе в здание оказались весьма ценны.

Итак, в 23:30 25 февраля Вивьен Гордон вышла из дома и села в поджидавшую её автомашину, а в 06:45 26 числа её тело с затянутой на шее бельевой верёвкой оказалось в парке на удалении чуть более 7,5 км от дома. Драгоценности и шуба пропали — это действительно ограбление или всего лишь имитация?

Информация о преступлении сразу же попала на первые

страницы газет. Примечательно то, что одно из первых сообщений о случившемся появилось в столичной «The Washington times», что сразу же з*а*дало происходящему в Нью-Йорке определённый градус сенсационности. Всем стало ясно, что в столице страны есть люди, которые будут внимательно следить за ходом расследования.

И сенсации не заставили себя ждать!

То, что разверзлось во время заседаний коронерского жюри, можно было уподобить ящику Пандоры. Вообще же, процедура эта обычно рутинна и совершенно формальна — основная задача этого жюри, которое, как правило, собирается в течение 2–3 суток после обнаружения трупа, заключается в том, чтобы установить обстоятельства смерти и решить, имеются ли основания для возбуждения уголовного расследования. Однако в данном случае у представителей властей с самого начала имелись опасения насчёт того, что может прозвучать во время заседания, а потому коронерское жюри заседало при закрытых дверях с запретом присутствующим передавать посторонним услышанное и увиденное.

Тем не менее утечек информации избежать не удалось, и кое-что газетчики узнали. Лучшая подруга убитой — некая Хелен Дорф (Helen Dorf), дамочка тех же самых принципов и правил поведения — назвала Вивьен Гордон «женщиной без сердца». В её показаниях, данных коронерскому жюри, не нашлось ни единого доброго слова о характере и привычках убитой подруги. Самое смешное заключалось в том, что выйдя из кабинета, в котором она давала показания, Дорф решила изобразить душевные страдания и скорбь и, заливаясь слезами, буквально упала на руки стоявших рядом сотрудников полиции. Её под руки вывели к автомашине, и на всём пути дамочка заливалась слезами и причитала. Она явно не предполагала, что её высказывания в адрес «лучшей подруги» станут известны газетчикам через несколько часов и её игра на публику приобретёт вид отвратительного пошлого фарса.

Слева: Хлен Дорф. Справа: полицейский в форме выводит Хелен Дорф к автомашине, поддерживая плачущую дамочку под локоток.

В том же духе выступили и прочие «лучшие подруги» Вивьен Гордон. Например, Кэсси Клейтон (Cassie Clayton) дала показания о том, что Вивьен скупала ворованные драгоценности, прекрасно сознавая их незаконное происхождение. Другая «лучшая подруга» Лилиан Флоршайн (Lilian Florsine) не без желчной иронии рассказала членам жюри, что дружба с Вивьен Гордон заканчивалась обычно тем, что та пыталась шантажировать подругу. Причём шантаж мог преследовать разные цели — как банальное выклянчивание денег с целью обогащения, так и манипулирование поведением для принуждения к совершению желательных действий. Быть подругой Вивьен Гордон было делом опасным и неприятным во всех отношениях! Но ссориться с ней было никак нельзя — Вивьен слыла за женщину крайне злопамятную, жестокую и безудержную в гневе.

Что тут можно сказать? Перед нами необычный взгляд на настоящую женскую дружбу!

Единственным человеком, нашедшим добрые слова об убитой, стала врач-гинеколог Энн Гибсон (Ann Gibson) из Филадельфии. Эта женщина специально приехала в Нью-Йорк, чтобы свидетельствовать перед коронерским жюри. Сложно сказать, чем объяснялось её хорошее отношение к убитой, может быть, она просто плохо её знала? А может быть, её отношения с Вивьен Гордон были скорее профессиональными, нежели по-

человечески душевными? А может быть, она просто была воспитана лучше прочих знакомых Вивьен?

Подруги Вивьен Гордон. Слева: Кэсси Клейтон, ещё одна — как и Хелен Дорф — «лучшая подруга» убитой. Она рассказала коронерскому жюри о проделках Вивьен, прежде всего о милой привычке покупать краденые ювелирные изделия и специфической манере любые добрые отношения сводить в конечном итоге к шантажу и запугиваниям. В центре: Лилиан Флоршайн, давшая показания во всём соответствовавшие тому, что говорила Кэсси Клейтон. Справа: гинеколог Энн Гибсон.

Надо сказать, что газетчики и безо всякой связи с коронерским жюри сумели отыскать много любопытного в прошлом убитой. Припомнили всё, начиная с расследования 9-летней давности, после которого Бенита Бишофф поспешила изменить имя и фамилию и превратилась в Вивьен Гордон. Разумеется, началось очередное обсуждение истории убийства Дотти Кинг и странного падения с балкона Орелии Фишер-Дрейфус, на страницах газет вновь замелькали фамилии Гаймарес, МакБрайен, Рэйделофф, Коэн и прочие.

Формально расследование убийства возглавил прокурор Чарльз МакЛохлин (Charles B. McLaughlin), однако параллельное расследование по прямому указанию губернатора штата повёл судья Сэмюэл Сибари (Samuel Seabury). Поскольку момент этот может показаться до некоторой степени неожиданным, следует пояснить, что в американской правоприменительной практике

существует особая форма ведения важных расследований, при которой роль «первой скрипки» отводится уважаемому судье.

Сэмюэл Сибари являлся таким вот уважаемым судьёй. Ранее он пытался делать политическую карьеру, в 1916 году баллотировался в губернаторы штата Нью-Йорк от Демократической партии и позорно проиграл выборы, набрав всего 4 % голосов избирателей. Это был наихудший результат Демпартии на таких выборах за всю историю. Тем не менее провал на выборах ничуть не помешал Сибари продолжить карьеру судьи. К началу 1930-х годов он являлся своего рода «карманной собачкой» Франклина Рузвельта, губернатора штата. Губернатор давал ему самые деликатные юридические поручения, например, через год после описываемых событий — летом 1932 года — Сэмюэл Сибари возглавил «крестовый поход» против мэра города Нью-Йорка Джеймса Джона Уолкера, одного из сильнейших противников Рузвельта. Коррупционный скандал стоил Уолкеру кресла мэра, и устроен этот скандал был именно руками Сэмюэла Сибари.

То, что этот судья возглавил параллельное расследование убийства Вивьен Гордон, явилось чётким индикатором интереса офиса губернатора и лично Рузвельта к истории жизни и смерти «звезды гламура». По-видимому, Франклин Рузвельт знал об этой женщине и её окружении нечто такое, что побуждало его внимательно контролировать работу правоохранительных органов по расследованию преступления.

При обыске апартаментов, в которых проживала Вивьен Гордон, были сделаны кое-какие любопытные находки. В руки полицейских попала приходно-расходная книга, в которой фиксировались движения денег, имевшихся в распоряжении Вивьен. Записи были сделаны с частичным шифрованием, то есть люди и предметы купли-продажи обозначались символически либо не обозначались вообще, но вот денежные суммы записывались без каких-либо искажений.

Внимательно ознакомившись с записями в этой книге и сопоставив приходы с расходами, детективы сделали неожиданное для себя открытие. Выяснилось, что за последний год своей жизни Вивьен Гордон получила из различных источников более 100 тыс.$ и потратила немногим более. У неё не было сбережений, фактически женщина жила в кредит, все получаемые суммы уходили на выплаты долгов. Шикарная женщина, «звезда гламура» пускала пыль в глаза и изображала из себя во всём успешную даму, а по сути балансировала на грани банкротства.

Другой интересной находкой оказался дневник убитой. В те

десятилетия ведение «личного дневника» являлось модой, как, впрочем, и «личного альбома» [последний предназначался для гостей и друзей, которые делились на его страницах соком мозга — обычно это были стишата, зарисовки или шутки с претензией на оригинальность или шарм]. Дневник Вивьен Гордон оказался весьма любопытен своей откровенностью. Так, например, в записи от 6 марта 1930 года рассказывалось, как Вивьен посетила офис своего друга адвоката Джона Рэйделоффа (John A. Radeloff) в его отсутствие и устроила там небольшой обыск. В результате она отыскала записи последнего, из которых следовало, что годом ранее — весной 1929 года — Джон приударил за подругой Вивьен Гордон. Она же в то время находилась в больнице, и сердечный друг Джон никак не мог найти время, чтобы навестить её. Теперь же истинная причина его занятости стала Вивьен известна и вызвала приступ бешенства, что нашло отражение на страницах дневника.

Там же содержались записи о том, как Гордон знакомила различных джентльменов с женщинами из всевозможных клубов и театров. Фактически это было плохо замаскированное сводничество, поскольку все эти женщины брали за свои интимные услуги деньги. Мужчины платили назначенные суммы не только женщинам, с которыми их знакомили, но и Вивьен за её «посредничество».

На страницах дневника во множестве давались характеристики людям, почти всегда эмоциональные и злобные. Часто в самом разном контексте всплывала фраза: «Все люди — звери» («All men are beasts»). По-видимому, Вивьен считала такого рода сентенции яркими и оригинальными.

Свой день рождения, приходившийся на 28 сентября, Гордон считала самым несчастливым днём жизни. Рассуждения по поводу неизбежного старения и разного рода жизненных неудач постоянно мелькали даже в записях, не имевших никакого отношения к этим темам. Общую тональность дневника можно было с полным правом охарактеризовать как озлобленно-мрачную и депрессивную. Светлых, весёлых, или хотя бы ироничных записей в нём практически не имелось. Этому вряд ли следовало удивляться, принимая во внимание то, чем занималась Вивьен Гордон, с кем общалась и тот факт, что на протяжении многих лет она систематически употребляла кокаин.

Однако особый интерес Сэмюэля Сибари вызвали не эти довольно банальные рассуждения убитой, а ряд необычных записей, посвящённых некоему влиятельному мужчине, которого Вивьен Гордон ни разу не назвала ни по имени, ни по фамилии. Впервые упомянув загадочного мужчину, она так и написала: «Я

никогда не назову этого человека».

Этот персонаж появлялся в минуты, когда Вивьен в силу неких причин было особенно плохо. Он обычно приносил с собой бутылку виски, подолгу разговаривал с ней, добровольно принимая на себя функцию эдакого психотерапевта, и неизменно успокаивал. Последняя запись об этом странном тайном друге относилась к началу августа 1930 года. Тогда мужчина провёл с Вивьен почти всю ночь и ушёл только под утро, вдохнув в неё силы и зарядив оптимизмом.

Таинственный друг не был бандитом. Знакомых гангстеров Вивьен Гордон называла в дневнике либо по фамилиям, либо хорошо узнаваемыми кличками.

Этот мужчина не являлся обычным клиентом, обращавшимся к услугам Вивьен при поиске любовницы. Во всяком случае, из находившихся в дневнике записей это не следовало.

Судья Сибари не без оснований посчитал, что влиятельным другом, чьё имя и фамилию Вивьен Гордон пообещала не называть, являлся Джои Крейтер, «самый надёжный юрист» Нью-Йорка.

Довольно быстро нью-йоркские репортёры узнали о существовании дневника Вивьен Гордон, хотя его содержание оставалось некоторое время неизвестным [лишь 14 марта прокурор МакЛохлин сделал краткое сообщение о наличии в распоряжении следствия дневника и его содержании]. Тем не менее практически никто не сомневался в том, что там окажется великое множество интересных фамилий и неожиданных пикантных историй.

То, что последовало далее, застало врасплох всех, следивших за расследованием убийства Вивьен Гордон. 4 марта 1931 года стало известно о трагической смерти её дочери, которую звали Бенитой [так же, как и мать до смены имени и фамилии]. 16-летняя девушка была найдена в кухне дома отца с головой, засунутой в духовку. Плита была исправна, газовый вентиль в момент обнаружения тела оставался открыт… Трагедия произошла в Одюбоне (Audubon), штат Нью-Йорк, где проживали бывший муж и дочь «звезды гламура».

К тому времени с именем Вивьен Гордон связывалось уже столько подозрительного и негативного, что первая версия случившегося оказалась связана с замаскированным убийством. Что следует признать вполне разумным предположением. Ну, в самом деле, мать убивают в ночь на 26 февраля, а 4 марта дочь задыхается от отравления газом — кто-то поверит в случайную близость этих дат?

Одно из первых сообщений о смерти 16-летний дочери Вивьен Гордон, последовавшей в результате отравления газом в помещении собственной кухни.

К счастью, судебная медицина в начале 1930-х гг. уже научилась уверенно отличать смерть в результате отравления ядовитыми газами от имитации таковой. Судебно-химическое исследование крови не выявило присутствия алкоголя, наркотиков или снотворного — это означало, что девушка в момент смерти не была одурманена химическими или лекарственными препаратами. Никаких телесных повреждений, которые можно было бы связать с насильственными действиями в отношении умершей, вскрытие не зафиксировало. Дверь в дом была закрыта изнутри и, судя по всему, действия девушки были совершенно добровольны!

Отец умершей сообщил во время допроса, что дочь сильно переживала, читая газетные публикации о смерти Вивьен Гордон. Она оказалась по-настоящему шокирована тем потоком негативной информации, что обрушился на неё в одночасье. До этого мать казалась ей символом женской привлекательности и жизненного успеха, и вот теперь оказалось, что она была подлой и аморальной женщиной, которую ненавидели и боялись даже лучшие подруги!

В общем, правоохранительные органы довольно быстро пришли к понимаю того, что смерть дочери «бродвейской дивы» явилась самоубийством. Но это ничуть не помогало понять, что же именно приключилось с самой Вивьен Гордон.

В тот же самый день, когда было найдено тело 16-летней Бениты, детективам полиции Нью-Йорка, казалось, улыбнулась удача. Им удалось отыскать брошенный автомобиль, который, по их мнению, мог быть связан с убийством Вивьен Гордон.

Автомобиль был взят на прокат у компании, предоставлявшей такие услуги, и не возвращён. Теперь оставалось отыскать того, кто именно оформлял договор. Даже если при этом был предъявлен поддельный документ, удостоверяющий личность, тем не менее представитель компании мог запомнить клиента и сообщить ценные для следствия детали.

К концу первой недели расследования окружная прокуратура считала, что убийство Вивьен Гордон могло произойти по одной из следующих причин:

1. Поскольку её ожидал вызов на допрос в рамках расследования коррупции в рядах полиции Нью-Йорка, убийство могли совершить лица, не желавшие того, чтобы она явилась и дала соответствующие показания. По этой версии заказчиками преступления могли быть как представители преступного мира, так и высокопоставленные полицейские.

2. Ограбление Вивьен Гордон — это не имитация, а истинная цель посягательства. Стоимость похищенного имущества превышала 5 тыс.$ — это более чем весомый мотив ограбления! Некто, хорошо осведомлённый об образе жизни женщины и её привычках, дал на неё «наводку» профессиональным грабителям, зная, что женщина будет одета в дорогую одежду и при себе она будет иметь ювелирные украшения и ценные аксессуары [речь не только о кольце с бриллиантом, но и о других кольцах, золотом портсигаре, пудренице, инкрустированной платиной и украшенной бриллиантами и прочих мелких предметах].

3. Причиной расправы мог стать конфликт Вивьен Гордон со своим любовником и «деловым партнёром» по разного рода «мутным схемам» Джоном Рэйделоффом. Записи в дневнике ясно указывали на всё возраставшее напряжение в их отношениях. Гордон была женщиной злобной и опасной, но адвокат Рэйделофф, имевший большие связи в преступном мире, был во всём ей под стать. Сознавая неотвратимость разрыва и опасаясь его непредсказуемых последствий, адвокат мог решиться на превентивный удар, считая подобный выход оптимальным в сложившейся обстановке. В рамках этой версии требовалась проверка подозрений в отношении другого старого любовника Вивьен Гордон — некоего Сэма Коэна, опасного гангстера-рецидивиста. У Коэна имелись свои претензии к Вивьен, и он мог расправиться с женщиной как по собственному почину, так и по договорённости с Рэйделоффом.

4. Убийство могло не иметь никакой связи с «бэкграундом» жертвы, а явилось драматичным стечением случайных обстоятельств. Вивьен могла благополучно добраться до ночного клуба и там познакомиться с неким опасным человеком, даже не

представляя, с кем именно она имеет дело. Последующее недопонимание или вспыхнувший конфликт спровоцировал гнев нового знакомого, который убил Вивьен либо в клубе [а затем вывез труп в парк], либо после выхода из него [на пути к её или его месту проживания].

5. Учитывая, что Вивьен Гордон имела склонность шантажировать и торговать известными ей секретами, убийство было совершено с целью исключить её вмешательство в некую криминальную сделку либо пресечь попытку передать информацию о таковой сделке третьей стороне.

6. Хотя Вивьен Гордон по праву может считаться «акулой преступного мира», тем не менее даже акулу может съесть более крупная и сильная акула. Поскольку она старалась изображать из себя очень богатую и в высшей степени респектабельную женщину — даже не будучи таковой в действительности! — некие серьёзные преступники могли увидеть в ней объект шантажа или рэкета. Гордон могла отвергнуть подобные посягательства, пребывая в уверенности, что репутация и связи в криминальных кругах защитят её, но… расчёт не оправдался. Такое иногда происходит! Даже опытные и хорошо защищённые лидеры преступного мира могут стать жертвами бандитов-«беспредельшиков». Собственно, само понятие «беспредельщик» в изначальном смысле обозначало преступника, не признающего криминальную иерархию и готового посягнуть на любого, кто покажется удобной целью.

Эти версии были озвучены «законниками» и широко обсуждались в прессе. Однако существовала ещё одна — 7-я по счёту версия — никем не сформулированная и не произнесённая, но при этом самая важная как для губернатора, так и для высокопоставленных лиц из правительства штата. А именно: убийство Вивьен Гордон явилось следствием её крепкой связи с пропавшим без вести судьёй Крейтером и хорошей информированности об истинной подоплёке случившегося с Джои. В рамках этой версии были возможны самые невероятные предположения, например, то, что Гордон пыталась шантажировать скрывшегося Крейтера, и последний организовал её ликвидацию. Но в той же степени были допустимы предположения иного рода, например, помощь Гордон в организации бегства судьи. Или то, что некто, разыскивавший Крейтера, решил получить необходимую информацию от Вивьен Гордон, но допрос прошёл неудачно и завершился убийством.

Представители правоохранительных органов — окружной прокуратуры и полиции Нью-Йорка — демонстрировали бодрый настрой и близость успеха. Однако минула неделя, вторая, а

обещанных результатов так никто и не увидел — никаких фамилий подозреваемых не называлось, никаких арестов не проводилось… Ни-че-го-шень-ки!

В офисе губернатора Франклина Рузвельта нарастало раздражение и сомнение в том, что местные «законники» в силах разобраться во всей этой неприятной истории.

Прокурор Чарльз МакЛохлин в середине марта 1931 года сделал ряд громких заявлений, призванных убедить общественность в том, что правоохранительные органы способны успешно раскрыть убийство Вивьен Гордон. И уже близки к этому… Однако, как показали последующие события, отнюдь не все разделяли его натужный оптимизм.

Во второй половине марта появились сообщения о том, что в офисе губернатора штата в глубокой тайне было проведено специальное совещание, посвящённое анализу состояния расследования убийства Вивьен Гордон. На нём констатировалось общее неблагополучие оперативного сопровождения и неудовлетворительный итог предпринятых усилий. Губернатор поставил вопрос о привлечении к расследованию более эффективных организаций, как государственных, так и частных.

Рузвельт предложил пригласить для помощи полиции частное сыскное агентство Пинкертона. Разумеется, представители прокуратуры и полиции выступили категорически против, поскольку подключение к расследованию частных «сыскарей» недвусмысленно свидетельствовало о недоверии властей штата правоохранительным органам. Формальным возражением послужил довод о нехватке денежных средств в

бюджете Департамента полиции на оплату услуг частного сыскного агентства.

Этот довод, однако, Рузвельта не остановил. Губернатор заявил, что привлечение «пинкертонов» будет оплачено из специального резервного фонда и бюджет полиции не потеряет ни цента.

Этот момент, конечно же, представляется чрезвычайно любопытным. Рузвельт нам известен как человек, возглавлявший Соединённые Штаты в годы Второй Мировой войны, позиция которого способствовала созданию антигитлеровской коалиции и налаживанию поставок по «ленд-лизу». След этого политика в мировой истории, безусловно, очень велик и не подлежит пересмотру. Но при этом мы очень мало знаем о его внутренней политике — то, что обычно в этой связи говорится, ограничивается набором нескольких шаблонов [«новый курс», преодоление последствий «Великой депрессии», общественные работы для малоимущих и тому полрбное]. Но повседневные политические реалии той поры — то есть 1920-1940-х гг. — были намного богаче. И куда интереснее [по крайней мере, на взгляд автора]. В истории, связанной с расследованием убийства Вивьен Гордон, 49-летний Франклин Делано Рузвельт открылся с совершенно неожиданной и неизвестной нам стороны.

Губернатор штата Нью-Йорк Франклин Делано Рузвельт, будущий президент Соединённых Штатов Америки, внимательно следил за ходом расследования убийства Вивьен Гордон. Когда он посчитал, что поиск виновного или виновных забуксовал, то счёл

необходимым лично вмешаться в происходившее и оплатил из резервного губернаторского фонда привлечение к расследованию частного детективного агентства Алана Пинкертона. Роль Рузвельта в этом деле очень важна, но его подлинные мотивы не ясны до сих пор.

Его настойчивый интерес к успешному поиску убийцы или убийц «звезды гламура» не до конца понятен. Согласитесь, не губернаторское это дело — курировать расследование проститутки. Пусть и дорогой… Безусловно, существовало нечто, что Рузвельт считал очень важным для себя, такое, что не позволяло ему перепоручить контроль за ходом расследования подчинённым и побуждало лично вникать во все детали. Что это могло быть? Опасение компрометации? Какого рода и в чьих руках мог находиться компромат на губернатора? Какая тут связь с проституткой Вивьен Гордон?

У автора нет ответов на эти [и им подобные] вопросы. И автор подозревает, что таких ответов нет и у биографов Рузвельта, тех людей, которые изучали жизнь и деятельность этого человека системно и очень дотошно. У американского политического «истеблишмента» есть собственная теневая история, и в данном случае, как кажется автору, мы увидели её небольшой фрагмент. Заглянули за полог краешком глаза, если такая метафора в данном случае допустима.

Как бы там ни было, частные «сыскари» получили официальное приглашение офиса губернатора штата принять участие в расследовании убийства.

И «пинкертоны» сделали то, для чего их позвали! Они отыскали убийц Вивьен Гордон. Для этого они использовали свой классический приём, который современной оперативно-розыскной терминологией обозначается словосочетанием «оперативное внедрение». Это подход к проверяемому лицу оперативного сотрудника, легендированного сообразно порученному заданию, с целью установления доверительных отношений и последующего проведения контрольных (проверочных) мероприятий. При этом принадлежность оперативного сотрудника правоохранительным органам не раскрывается, и одной из задач его легендирования [хотя и не единственной!] является как раз маскировка таковой принадлежности.

Детективы Пинкертона, зная, в какой компании был взят напрокат автомобиль, в котором была увезена от дома Вивьен Гордон, начали с этой компании. Человек, оформивший аренду машины, ранее на допросе в полиции дал показания довольно

путаные и бестолковые и потому расследованию помочь не сумел. Но детективы подозревали, что в действительности он сделать этого не захотел, поскольку за свою «забывчивость» получил на руки от бандитов хорошие деньги. «Пинкертоны» тоже не поверили в искренность работника транспортной компании и решили начать поиск убийц именно с него.

Прикинувшись гангстерами, они явились в офис прокатной фирмы и, сославшись на рекомендацию некоего общего друга, арендовавшего машину в конце января, попросили о новой услуге такого же рода. И тут же вручили внушительный аванс — 500$ — пообещав вручить ещё столько же по возврату автомашины.

Огромная сумма, небрежно переданная одним из детективов, моментально убедила клерка в том, что перед ним не «сыскари», а люди благородной бандитской масти. Контакт был быстро установлен, доверие завоёвано, а самоконтроль утерян. В ходе разговора клерк неосторожно признал факт знакомства с человеком, арендовавшим машину для похищения Вивьен Гордон, и даже уточнил, что тот проживает отнюдь не в Нью-Йорке, а в городе Ньюарке (Newark), штат Нью-Джерси, на расстоянии около 15 км от острова Манхэттен.

Это был настоящий прорыв в расследовании! Далее последовал ещё один «фирменный» фокус «пинкертонов», из числа тех, которыми так славилось это агентство в XIX-м — первой половине XX-го столетий. Через пару дней другие детективы, также изображавшие из себя гангстеров, похитили клерка и провели его интенсивный допрос. Они сказали, что ищут человека, который брал напрокат машину для похищения Вивьен Гордон, и им известно, что клерк знает его настоящие имя и фамилию, а также то, где этого парня можно отыскать. Похищенный поначалу пытался «включать дурака», примерно так, как он это сделал при допросе в полиции, и принялся убежать допрашивающих, будто был крепко пьян во время оформления договора аренды и плохо запомнил обратившегося к нему человека. Однако эти объяснения на «пинкертонов» не подействовали, и они без лишних церемоний подвесили клерка вверх ногами в гараже.

При этом одни из частных сыщиков заметил мимоходом, что клерк должен быть им благодарен, ведь «парень из Ньюарка» обязательно убьёт его, поскольку тот является опасным свидетелем. Мысль эта, по-видимому, поразила клерка своей новизной, он никогда не думал, что для убийц Вивьен Гордон лучший способ обезопасить себя — это убить его! Тут уж точно все концы будут в воду…

Повисев вверх ногами минуты полторы — а может и того

меньше! — клерк развязал язык и сообщил всё, что хотели узнать частные детективы. По его словам, автомашину арендовал некий Гарри Шлиттен (Harry Schlitten), живший в Ньюарке, но периодически приезжавший в Нью-Йорк и обделывавший тут какие-то делишки, по-видимому, криминального свойства. Ранее клерк уже оказывал ему услуги такого рода и всегда всё проходило без сучка без задоринки. Кто ж знал, что в конце января тот надумает похитить и убить Вивьен Гордон?!

Получив нужные им имя и фамилию, частные детективы выдвинулись в Ньюарк. Проблема заключалась в том, что на Гарри Шлиттена не имелось никаких улик, поэтому его надо было уговорить дать признательные показания и назвать подельников. Другими словами, его следовало убедить «поднять своими руками с пола тюремный срок». Задача непростая… «Пинкертоны» поступили в присущей им манере — изображая из себя гангстеров, они похитили Шлиттена, подвесили его вверх ногами в гараже, может быть, сделали что-то ещё — но это неточно… После недолгих раздумий Шлиттен назвал убийц — это были опытные гангстеры Гарри Штейн (Harry Stein) и Сэмюэл Гринберг (Samuel Greenberg). Последний также пользовался фамилией Гринхауэр (Greenhauer). Это были бывалые рецидивисты из Бронкса, у каждого за плечами имелось по полдюжине отсидок с суммарным пребыванием за решёткой более 15 лет.

Гарри Шлиттен был передан полиции Нью-Йорка и согласился свидетельствовать против товарищей по банде в суде. По его словам, убийство произошло на заднем сиденье арендованной автомашины, петлю на шее женщины затягивал Штейн, а Гринберг фиксировал её руки и ноги. Кроме того, Шлиттен назвал ряд лиц, имевших к убийству Вивьен Гордон косвенное отношение — кто выступил в роли «наводчика» и свёл Гринберга с Вивьен Гордон, кто купил взятые у жертвы вещи и прочее.

Всего в этом деле фигурировали 6 человек.

MYSTERY MURDER OF VICE INQUIRY WITNESS DECLARED SOLVED

SMALL TIME RACKETEER AND A FORMER CONVICT FOR THE GORDON STRANGLING

NEW YORK, April 11. (AP) —The six weeks old mystery of who killed beautiful Vivian Gordon, vice inquiry witness, was declared solved by a mink coat and a diamond shaped wrist watch. As the result of the vending of these two articles the police arrested Harry Stein,' a small time racketeer, and a former convict and charged him with

CHARGED WITH GORDON MURDER

Associated Press Photo

Harry Stein (left), ex-convict, and Samuel Greenberg (right) were formally charged with the murder of Vivian Gordon of New York who was strangled to death February 26 and whose body was found in a thicket. The two were held as the slayers after Harry Schlitten of Newark, N. J., said he drove the car in which she was killed and implicated Stein and Greenberg.

В середине апреля средства массовой информации сообщили о раскрытии убийства Вивьен Гордон, назвали имена преступников и даже опубликовали их фотографии. На фотографии справа можно их видеть: Гарри Штейн слева, а Сэм Гринберг (он же Гринхауэр) — справа. Помимо них по этому делу проходил ещё ряд лиц, но все они, кроме водителя машины Гарри Шлиттена, на месте убийства не присутствовали и способствовали реализации преступного умысла в форме косвенного содействия.

Мотивом убийства явилась банальная жажда стяжания, иначе говоря, расправа над Вивьен Гордон преследовала цель ограбить женщину и исключить угрозу опознания ею нападавших. Бандиты тщательно продумали все детали запланированного преступления, по словам Шлиттена они даже приезжали к парку и гуляли по его аллеям, выбирая место, подходящее для «сброса» трупа.

Общий же замысел посягательства оказался предельно прост. Гринберг «вышел» на Вивьен Гордон через общего знакомого гангстера, выдавая себя за вора, ищущего покупателя на большую партию краденых алмазов. Якобы у него имелась целая коробка неогранённых камней на сумму 250 тыс.$ или даже больше, и он искал возможность сбыть её оптом. Вивьен Гордон проявила интерес к сделке — как отмечалось выше, она пыталась зарабатывать на скупке краденых ювелирных изделий, правда, не всегда удачно. Она условилась о встрече с Гринбергом поздним вечером 25 февраля, что выглядело крайне неосторожным с её стороны. Вивьен в золоте и мехах самонадеянно вышла для совершения противозаконной сделки к незнакомому преступнику,

зная, что он преступник! И добровольно села в автомашину к 3-м незнакомым мужчинам! Поразительно! Она всерьёз считала, что репутация защищает её лучше пистолета и телохранителей… За что и поплатилась.

Нельзя не признать того, что хитроумная и коварная Вивьен Гордон попалась в примитивную [и оттого эффективную] ловушку. Воистину, на всякого мудреца довольно простоты! Жадность и предвкушение лёгкого заработка притупили интуицию и осторожность «королевы нью-йоркского гламура». И за допущенную ошибку она заплатила самую высокую цену — собственную жизнь.

В этой связи интересной представляется следующая деталь. Гарри Шлиттен заявил, что за свои услуги шофёра получил от организаторов преступления 260$. Согласитесь, не очень много, особенно с учётом его осведомлённости о том, что похищение и убийство планировались изначально. Шлиттен с самого начала отдавал себе отчёт в том, что за активное соучастие в подобном преступлении ему в случае разоблачения будет «корячиться» «горячий стул», но подобный риск его не остановил. Данное обстоятельство наглядно показывает цену человеческой жизни в реалиях «Великой депрессии» — за несколько сотен долларов люди были готовы рисковать собственными жизнями и уж тем более были готовы лишать жизни других.

Хотя Штейн и Гринберг отрицали причастность к убийству, тем не менее правоохранительные органы к концу мая полностью восстановили картину случившегося. Стало ясно, что смерть Вивьен Гордон обусловлена образом жизни, который вела женщина, и никак не связана с исчезновением Джои Крейтера.

Но что же случилось с «самым надёжным юристом Нью-Йорка»?

Не делая громких заявлений, Департамент полиции отозвал собственную гарантию выплатить 5 тыс.$ за информацию об отсутствующем без вести судье. Кроме того, представители полиции отказались подтвердить в суде факт смерти Джои Крейтера — а это было необходимо для получения женой денег по договорам страхования жизни пропавшего мужа. Эта досадная неприятность оставила Стеллу без денег, которые, без сомнения, были ей очень нужны.

Прошло несколько лет, и летом 1936 года история пропавшего без вести судьи Верховного суда штата Нью-Йорк вновь возникла из небытия. Она оказалась связана со странноватого вида 80-летним мужчиной, называвшим самого себя «Счастливчиком» Блакье («Lucky» Blackiet). Он утверждал, что является золотоискателем и притом удачливым — отсюда и

кличка «Счастливчик»! — много лет промышлявшим намывкой золота в Калифорнии. «Золотая лихорадка», о которой в своё время было написано немало, давно закончилась, но отдельные фанатики этого промысла продолжали испытывать счастье на прежде золотоносных отмелях Американ-ривер и её притоков.

Блакье обратился в Департамент полиции Лос-Анджелеса с довольно странным рассказом. Он заявил, что в горах северной Калифорнии проживает некий человек, утверждающий, будто ранее ему довелось быть судьёй на востоке страны. У него высшее образование, он хорошо разбирается в химии и порой даёт весьма ценные советы старателям. Возрастом и ростом он хорошо соответствует Джои Крейтеру.

С самого начала история эта выглядела завиральной. Джои Крейтер не обучался химии, никакого интереса к ней не выказывал и разбирался в этой науке на уровне очень среднего школьника. Кроме того, Джои являлся ценителем комфорта, бытовых удобств и хорошей кухни, а «судья с Восточного побережья» жил натуральным хозяйством, держал 14 овец, доил их, делал сыр… Невозможно представить, чтобы такой человек, как Крейтер, занимался подобной чепухой!

Тем не менее, россказни «Счастливчика» Блакье очень хорошо «зашли» некоторой части репортёрской аудитории. Возникла идея организовать экспедицию по розыску таинственного «судьи», и редакции некоторых газет согласились профинансировать этот проект на солидарных, так сказать, началах. В этой обстановке руководство Департамента полиции Нью-Йорка сочло нецелесообразным пренебрегать возможностью провести поисковую операцию в Калифорнии.

«Счастливчик» Блакье (в центре) с детективами нью-йоркской полиции.

В августе-сентябре 1936 года поисковая операция была проведена. С самого начала было ясно, что это затея из категории «деньги на ветер», и её результат полностью это предположение подтвердил. Сначала Блакье не смог отыскать нужного человека, сославшись на изменение рельефа по причине землетрясений. По мере блуждания по горам и лесам на севере Калифорнии к поисковой группе последовательно присоединились ещё 2 местных жителя — Майк Марони (Mike Maroni) и Уилльям Марлетт (William Marlett) — а также 2 индейца-полукровки, каждый из которых знал «судью с Восточного побережья» лично. При этом все они затруднялись указать дорогу.

В конце концов, человек, выдававший себя за судью, был найден, и он вполне ожидаемо оказался не Джозефом Крейтером. Хотя он и имел овечек, делал сыр и неплохо разбирался в технологии поиска самородного золота.

В общем, эта история началась как анекдот и… как анекдот она закончилась.

О чём бы следовало упомянуть ещё в контексте истории исчезновения «самого надёжного юриста Нью-Йорка»? В 1938 году Стелла Крейтер подала в суд заявление с просьбой признать её мужа умершим. После рассмотрения всех формальных аспектов, связанных с исчезновением Джозефа Крейтера и его безрезультативными поисками, суд прошение удовлетворил.

Получив на руки искомый документ, Стелла на следующий год вышла замуж за инженера Карла Канца (Carl Kunz).

Мать Джои Крейтера умерла в 1940 году. Она не верила в смерть сына и до последнего дня пребывала в уверенности, что с ним всё в порядке и он даст о себе знать.

Отец Джои скончался через 2 года и публично своего мнения о случившемся с сыном никогда не высказывал.

Остаётся, пожалуй, добавить о ещё 2-х казусах, относящихся ко второй половине 1940-х годов и не лишённых интереса. На Бродвее был поставлен мюзикл, в котором обыгрывалась история исчезновения судьи, влюблённого в певичку из варьете. Фамилия Крейтер в нём не упоминалась, но жители Нью-Йорка, помнившие времена «Великой депрессии», аллюзию узнавали. Никакого инсайда о событиях 1930 года или хотя бы оригинального взгляда на них в этом псевдо-культурном поделии не имелось, но его автор, по-видимому, и не ставил перед собой цель всерьёз осмыслить исходный материал.

Другой казус оказался связан с Питером Хуркосом (Peter Hurkos), ясновидящим из Голландии, фамилия которого не раз

всплывала в разного рода интригующих уголовных расследованиях. Читатели Ракитина, без сомнения, припомнят деятельное участие Хуркоса в поисках серийного убийцы, терроризировавшего жителей городов Энн-Арбор и Ипсиланти в штате Мичиган в конце 1960-х годов (упомянутой истории посвящён очерк «Волк в овечьей шкуре», вошедший в настоящий сборник «Американских трагедий»). Засветился Хуркос и в другой весьма резонансной истории — поисках «Бостонского Душителя»[5]. Так вот ещё в бытность свою в Европе Хуркос принял опосредованное участие в разгадке тайны исчезновения Джои Крейтера.

В 1952 году, уже будучи хорошо известным в Европе ясновидящим, Питер получил от одного из нью-йоркских журналистов письмо, в котором находились вырезки из американских газет, посвящённые исчезновению Крейтера, и несколько игральных карт, взятых из колоды, которой пользовался судья. Хуркосу для получения ответов требовались предметы, к которым прикасался интересующий его человек, так что карты были необходимы для проведения сеанса «ясновидения».

Питер провёл сеанс, в результате которого появилась некая карта местности, которая должна была привести к могиле Джои Крейтера. Карту удалось сопоставить со сравнительно небольшой территорией в округе Вестчестер (Westchester county) к северу от города Нью-Йорка. Некоторые совпадения казались весьма многообещающими, в частности, ряд ориентиров, названных Хуркосом, соответствовали объектам на местности [расколотое молнией дерево, повороты дорог, декор ворот домовладений и тому подобные детали]. Был найден участок земли, соответствовавший «видениям» Хуркоса. Владелец участка, крайне заинтригованный всей этой историей, разрешил раскопки, в результате были перекопаны почти пол-акра — что довольно много и затратно! — но… найти так ничего и не удалось.

Питер Хуркос во время одного из своих «сеансов ясновидения».

Кстати, об этом дебюте Хуркоса на американской земле сейчас практически никому из историков не известно. В биографиях ясновидящего обычно сообщается, будто тот сделал свои первые пророчества, связанные с преступлениями на территории Америка, в 1956 году. Поскольку дебют 1952 года оказался малоуспешен, нежелание Хуркоса вспоминать о нём удивлять не должно.

На этом историю таинственного исчезновения судьи Джозефа Крейтера можно считать законченной.

Что же с ним в действительности произошло? Наверное, ничего плохого…

В какой-то момент своей жизни Джои понял, что, выражаясь метафорически, сел не в свои сани. Он действительно сделал впечатляющую карьеру, отыскал полезных друзей и ценных покровителей, достиг, казалось бы, всего, о чём только можно было мечтать… и с ужасом понял, что за этот успех придётся заплатить отказом от излюбленного образа жизни. Гулять по проституткам и устраивать оргии в отелях может частное лицо, но не член Верховного суда! Репутация судьи должна быть безупречна — образцовый брак, идеальный послужной список, безукоризненная общественная жизнь. Продолжать вести прежний образ жизни было чревато шантажом, скандалами и, в конечном счёте, разрушением семьи и карьеры.

Соглашаясь стать членом Верховного суда, Крейтер, по-

видимому, об этом не задумывался. Либо задумывался, но питал надежду каким-то образом совместить свои пороки со службой в суде. Возможно, он надеялся избавиться от прежних привычек и зажить жизнью примерного семьянина.

Но это оказалось выше его сил! Видимо, вынужденная верность постылой супруге пугала его больше радикального исхода в форме бегства. Он, безусловно, долго вынашивал план «выхода из тупика», если его бегство можно так назвать, и заблаговременно к нему готовился. Продажа облигаций, закрытие банковских вкладов и «выход в кэш» — это всё объективные свидетельства такой подготовки. И документы, взятые из хранилища в здании Верховного суда — это тоже свидетельство тщательного планирования.

Крейтер, видя, как развивается «Великая депрессия», по-видимому, допускал девальвацию доллара и обесценивание наличных денег. Чтобы обеспечить своё безбедное существование на долгие годы вперёд, ему нужен был некий канал финансовой подпитки. Взятые из суда документы, точнее, похищенные, по-видимому, были нужны ему для организации такого канала после бегства. Мы можем только гадать, как он предполагал их использовать, но сам Джои, судя по всему, знал, что делает. Он взял из хранилища огромный массив документов — порядка 10 тыс. листов — в самый последний момент, буквально за несколько часов до бегства, сделал это осмысленно, деловито, без спешки.

Особая ирония чувствуется в том, что человек, которого аккредитовали губернатору штата словами «самый надёжный юрист Нью-Йорка», оказался в действительности самым ненадёжным!

Джои Крейтер сделал блестящую карьеру и, разочаровавшись в собственном успехе, сам же её и уничтожил. Воистину, бойтесь своих желаний — они могут исполниться!

Волк в овечьей шкуре

Бывают сложные уголовные расследования, которые начинаются словно бы исподволь, тривиально, ничем не выделяясь среди прочих. В каком-то отношении это даже характерно для запутанных расследований — их кажущаяся обыденность сильно мешает с самого начала оценить сложность и продолжительность предстоящей работы.

Но иногда ситуация развивается в точности наоборот, и уже с самых первых минут следствия все причастные к нему лица понимают неординарность преступления и необычность возникшей перед ними задачи.

Именно так случилось 7 августа 1967 г., когда дежурный службы шерифа округа Уоштеноу (Washtenaw), штат Мичиган, принял телефонное сообщение, сделанное из помещения почты в небольшом городке Ипсиланти (Ypsilanti). Звонившие подростки — 15-летние Рассел Кризован (Russell Crisovan) и Марк Лукас (Mark Lucas) — сообщили, что в районе пересечения дорог Геддес-роад и ЛеФордж-роад, примерно в 50 метрах от проезжей части, на территории фермы отца Кризована они обнаружили человеческий труп. Но вопрос дежурного "мужской труп или женский?" подростки, перебивая друг друга, ответили, что не знают — тело очень сильно разложилась. Тогда офицер вполне резонно осведомился, уверены ли молодые люди в том, что тело вообще принадлежат человеку? Места эти диковаты, пересечены лесами, там встречаются и олени, и волки… Мало ли кто мог подохнуть на ферме! Кроме того, и крупных домашних животных на ферме хватает, начиная от коров и лошадей и заканчивая сторожевыми собаками. Ответ молодых людей поразил офицера службы шерифа и сразу настроил его на серьёзный лад — ребята сказали, что у того тела, которое они видели, имеется человеческое ухо.

С этого телефонного звонка началось одно из самых интересных и — без преувеличения сказать — неоднозначных по результатам расследований серийных убийств, вошедших в криминальную историю США под названием "убийства в районе Энн-Арбор". Есть у этой серии преступлений и другое название — "похищения и убийства студенток Университета Восточного Мичигана" — хотя оно, как мы увидим из дальнейшего, не вполне точно отражает суть событий — жертвами маньяка-изувера становились не только студентки.

Вернёмся, впрочем, к фабуле событий. О происшедшем на ферме Кризована 7 и 8 августа сообщили все местные

телевизионные каналы, радиостанции и газеты.

Одна из первых видеозаписей, имеющих отношение к обнаружению женского трупа севернее города Ипсиланти. Местный телевизионный канал послал к месту сенсационной находки мобильную группу, которая отсняла репортаж с места событий, чудом сохранившийся в архиве телекомпании.

Вкратце предыстория обнаружения трупа выглядела следующим образом. Рассел и Марк работали на ферме отца Рассела как обычные наёмные рабочие, за подённую плату, и в понедельник 7 августа им предстояло распахать трактором дальний участок поля, примыкавший к полуразрушенным конюшне и сараю. Вокруг остова этих построек росли деревья, кустарник, и вообще, этот уголок земельного надела выглядел довольно запустелым. Молодые люди, подъехав на тракторе, отправились посмотреть, с какого места лучше начинать борозду. Пока они двигались пешком, за стеной из кустарника послышался хлопок, похожий на звук закрываемой автомобильной двери. Удивлённые тем, что кто-то осмелился въехать на чужую территорию, молодые люди поспешили обойти кустарник, но тут вторично послышался звук захлопываемой двери автомашины и рычание запускаемого мотора. Когда Рассел и Марк, наконец, проломились через кустарник к тому месту, где, очевидно, стояла машина, её уже и след простыл. На мягком грунте отчётливо отпечатался рисунок протектора шин.

Молодые люди не сразу поняли, что послужило причиной появления здесь неизвестной машины. Лишь пройдя по следу около 10 м, они почувствовали специфический запах разложения и, оглядевшись по сторонам, увидели в кустах нечто чёрное и бесформенное, похожее на брошенную одежду, над чем кружилось облако мух. Подойдя к странной находке, подростки сообразили, что это останки живого существа, но какого именно, не смогли сразу понять — до такой степени они были неузнаваемы. Лишь по видневшейся ушной раковине они

догадались, что перед ними нагой человеческий труп. Сделать заключение о его половой принадлежности не представлялось возможным.

На ферму Кризована быстро съехалась большая группа криминалистов, судебных медиков, детективов службы шерифа и сотрудников окружной прокуратуры.

Кадры из того же репортажа, отснятого 7 августа 1967 г. Слева: шериф округа Уоштеноу (Washtenaw) Дуглас Харви даёт краткое пояснение о сути происходящего на ферме Кризована. Справа: криминалист службы коронера фиксирует гипсовым раствором следы шин автомашины, на которой скрылся таинственный незнакомец, приезжавший с неизвестной целью к неизвестному трупу.

Уже первый осмотр места обнаружения тела привёл к любопытным открытиям. Криминалисты, изучив следы на местности, уверенно заявили, что тело подвергалось как минимум двукратному перемещению. Сначала труп был помещён поверх кучи мусора, находившейся в глубине зелёного массива, под кронами клёнов. Оттуда тело перетащили волоком примерно на 1,5 м, где оно оставалось довольно долго, и уже после этого последовало ещё одно волочение примерно на 1 м в сторону. Трудно было сказать, что послужило причиной перемещения тела — действия человека или крупного животного, поскольку не вызывало сомнений то, что труп подвергся воздействию разрушителей трупов. По мнению судебного медика, осмотревшего тело на месте обнаружения, крупное животное — скорее всего, волк — оторвал и съел предплечье левой руки, также были отъедены пальцы правой руки. На внутренней стороне бёдер и в районе икроножных мышц были отмечены многочисленные следы укусов мелких животных вроде енотов или полевых мышей.

Тело было найдено абсолютно нагим, значительная часть

кожных покровов была повреждена мухами и жуками, что делало невозможной непосредственную идентификацию, но судебный медик довольно уверенно предположил, что тело принадлежит молодой женщине, смерть которой последовала примерно месяцем ранее.

Останки, обнаруженные на ферме Кризована, подверглись значительным посмертным изменениям (разрушению). Люди зачастую даже не представляют, сколь стремительно происходит разрушение человеческой плоти в условиях тёплого и влажного климата, подобного тому, что наблюдается в штате Мичиган летом. Помимо привычного обывателю гниения и аутолиза (то есть разрушения плоти при исчезновении иммунной защиты организма), к процессам посмертных изменений добавляется жизнедеятельность целых полчищ теплолюбивых насекомых — от мух и пауков до жуков-кожеедов, лесных клещей, муравьёв и ос. Не следует сбрасывать со счетов и деятельность крупных разрушителей трупов — волков, лис, енотов и тому подобных — которые, хотя и не считаются падальщиками, обычно не брезгуют даже сильно подгнившим мясом. Поэтому работа судебного медика, вынужденного обследовать «несвежий» труп, достойна настоящего уважения — этот труд действительно очень тяжёл и неприятен. Обычно в полиэтиленовом мешке вместе с трупом, пролежавшим в лесу или в поле месяц-другой, привозят несколько сотен всевозможных копошащихся гадов, которых важно не просто заморить, а отобрать по несколько экземпляров каждого вида для криминалиста-энтомолога, который впоследствии сделает заключение о времени внедрения насекомого в труп, числе циклов воспроизводства (поколений) и, соответственно, моменте появления тела в месте его обнаружения. Порой выводы энтомолога могут оказаться самыми точными при решении вопроса о времени наступления смерти и деталях постмортальных перемещений трупа, так что работу этого специалиста не следует недооценивать.

Эта ориентирующая информация имела большое значение — дело заключалось в том, что в округе Уоштеноу как раз в то время исчезла 19-летняя девушка Мэри Флезцар (Mary Fleszar), которую перво-наперво следовало проверить как возможную жертву. Мэри, студентка Университета Восточного Мичигана, ушла из общежития (кампуса) в городе Ипсиланти после 20 часов 9 июля 1967 г.; она не взяла с собой кошелёк, который остался в её комнате, но зато при себе девушка имела ключи от автомашины, припаркованной на противоположной от здания общежития стороне дороги. Данное обстоятельство ясно указывало на то, что Мэри рассчитывала сесть в собственную автомашину. Консьерж, следивший за порядком в здании, видел, как возле вышедшей на улицу Мэри притормозил микроавтобус «шевроле» синевато-серой цветовой гаммы. Девушка не стала разговаривать с водителем и попыталась обойти машину, тогда человек в «шевроле» вывернул руль и проехал немного вперёд так, что загородил ей дорогу. Мэри Флезцар явно не имела намерения общаться с ним и, повернувшись к водителю спиной, направилась вдоль улицы. К собственной машине она так и не подошла, а это означало, что она не захотела, чтобы водитель микроавтобуса знал, что она водит машину (очень интересное наблюдение!).

Консьерж оказался последним человеком, видевшим Мэри живой.

Было установлено, что девушка вышла на улицу в красном платье с белыми "яблоками" (кругами разного размера), лёгкой оранжевой кофточке, обута была в кожаные сандалии с пластиковыми вставками с символикой всемирной выставки EXPO-67 в Канаде, а в руках она держала дамскую сумочку.

Проводя осмотр территории в месте обнаружения неизвестного тела, криминалисты отыскали в кустах кожаную сандалию с узнаваемой пластиковой вставкой, что приободрило поисковиков и заставило думать, что в этом районе могут находиться и другие детали одежды. Предчувствия не обманули правоохранителей — перевернув последовательно несколько гнилых панелей, используемых для обивки стен, они обнаружили под ними очень важную находку — женское алое платье с белыми "яблоками" и гарнитур нижнего белья — трусики и лифчик одного цвета с одинаковыми кружевами. Платье было сильно разорвано спереди, также грубо разорваны были другие детали одежды. Забегая чуть вперёд, сообщим, что мать Мэри Флезцар опознала сандалию и детали одежды, найденные под клёнами на ферме Кризована, как принадлежавшие её дочери. Правда, некоторые детали одежды исчезли — например, кофточка и

вторая сандалия. Это был первый важный шаг в расследовании.

Также удалось обнаружить чёткие следы автопокрышек машины, на которой, предположительно, приезжал преступник. На протяжении примерно 4 метров машина ехала по мелкозернистой рыхлой почве, благодаря чему рисунки протекторов всех колёс отпечатались идеально. Криминалисты сделали отличные латексные слепки, которые позволили бы в случае обнаружения предполагаемой машины преступника связать её с пребыванием на месте обнаружения трупа. Это могло бы стать мощной уликой для изобличения убийцы, но дело оставалось за малым — отыскать саму автомашину.

Опознание тела по его внешнему виду было чрезвычайно затруднено ввиду далеко зашедшего разложения плоти. После осмотра и измерения трупа в морге службы коронера стало ясно, что тело принадлежит худощавой женщине возраста до 21–22 лет (возраст был определён по степени подвижности рожков подъязычной кости). Рост погибшей, по мнению судебного медика, составлял 155 см, что соответствовало росту Мэри Флезцар, а остальные данные также вполне соответствовали известным её физическим данным — весу в 44 кг и возрасту в 19 лет. Таким образом, уже к концу первых суток начавшегося расследования коронер довольно уверенно определил, что найденные останки принадлежат именно Мэри Флезцар, хотя строго с научной точки зрения установлено это было несколько позже — после сравнения одонтологических карт исчезнувшей девушки и найденного тела.

Сам по себе факт раздельного нахождения обнажённого тела и его одежды вполне определённо указывает на криминальный характер гибели человека. (Если говорить совсем уж строго, то известны случаи, когда люди перед самоубийством раздевались, причём процесс раздевания зачастую оказывался ритуализированным и не мог не обратить на себя внимание постороннего зрителя. В данном случае о добровольном раздевании перед самоубийством всерьёз говорить не приходилось в силу довольно очевидных повреждений одежды и явной попытки скрыть её). Поэтому перед службой коронера была поставлена задача не только определить вид смерти, но и сделать заключение об особенностях её наступления и сексуальных манипуляциях преступника, если таковые имели место.

Принимая во внимание степень разложения тела, задача была чрезвычайно непроста. Тем не менее, судебный медик Генри Сковилл (Henry Scovill) сумел довольно много рассказать о том, как умирала Мэри Флезцар. Девушке было нанесено по крайней мере 20 или более ударов ножом или иным заточенным

предметом, кроме того, погибшая подверглась безжалостному прижизненному избиению — её не менее 10 раз сильно ударили кулаком или ногой в грудь и живот.

MARY FLESZAR, 19
(Aug. 7, 1967)

Мэри Флезцар, согласно официальной версии событий — это первая жертва «Охотника за студентками».

Эти удары привели к переломам по меньшей мере 8 рёбер, некоторые из которых оказались сломаны в двух местах. Также судмедэксперт обратил внимание на прижизненные ссадины нижней трети обеих голеней — характер этих травм соответствовал ударам по ногам жертвы с целью подсечь её и бросить на землю. Помимо этого погибшая получила несколько тяжёлых ударов в голову, на что указывали повреждения костей черепа и хрящей носа. Не подлежало сомнению, что маленькая хрупкая девушка подверглась продолжительному и очень жестокому избиению, за которым, по всей видимости, последовало применение преступником ножа. Судмедэксперт признал, что насекомые и животные-разрушители трупов причинили телу значительные повреждения, существенно исказив первоначальную картину телесных повреждений. Из-за сильной жары, характерной для середины мичиганского лета, и обусловленных ею процессов разложения тканей сказать что-либо конкретное о совершении преступником полового акта с жертвой не представлялось возможным. Однако характер повреждений одежды погибшей девушки и тот факт, что её обнаружили совершенно обнажённой, не оставлял сомнений в сексуальной мотивировке нападавшего.

После проведения судмедэкспертом всех необходимых манипуляций и забора биологических образцов тело было передано службой коронера в похоронное бюро, выбранное родственниками погибшей, для организации и проведения

прощания и захоронения.

И тут случилось то, чего никто не мог ожидать — поздним вечером 10 августа, когда похоронная компания уже закрывалась, а персонал покидал здание, через служебный вход попытался проникнуть неизвестный молодой мужчина в сером костюме. Когда его остановили и поинтересовались, кто он и что ему здесь надо, неизвестный бодро ответил, что он родственник Мэри Флезцар и по просьбе членов семьи хотел бы сделать несколько фотографий «на память». Просьба звучала диковато — во-первых, родственники погибшей девушки уже были в похоронной конторе несколькими часами ранее, а во-вторых, состояние тела было столь удручающим, что иметь его фотографии «на память» вряд ли пожелал бы человек в здравом уме — а мать, отец и сестра погибшей вовсе не производили впечатление ненормальных. Молодого человека принялись подробнее расспрашивать, кто он и откуда, и тот, почувствовав слишком пристальный интерес к своей персоне, неожиданно стушевался, повернулся и удалился почти бегом. Перебежав дорогу, он сел в припаркованный поодаль серо-синий микроавтобус и, резко тронувшись, быстро уехал. Никто из работников похоронной компании не сумел разглядеть номер автомашины.

О странном «родственнике» немедленно сообщили как семье погибшей, так и полиции Ипсиланти. Как и следовало ожидать, Мэри Флезцар не имела родственника даже отдалённо походившего на неизвестного молодого человека, а детективы полиции вполне логично связали серо-синий микроавтобус, замеченный у кампуса в день исчезновения Мэри, с похожим микроавтобусом у похоронного бюро. Картина получалась очень интересной — похититель и потенциальный убийца, по-видимому, несколько раз возвращался к телу своей жертвы уже после её умерщвления и, узнав, куда передано тело службой коронера, дерзнул заявиться по этому адресу, чтобы ещё раз взглянуть на погибшую. Предположение это подкреплялось тем фактом, что у неизвестного «родственника» не было при себе фотоаппарата, которым он собирался сделать фотоснимки «на память» — об этом вспомнили работники похоронной компании уже на допросе в полиции. Если предположение о влечении убийцы к мёртвым телам было справедливо, то это значило, что следствие имеет дело с тяжёлым некрофилом. Как ни крути, а убийца должен был иметь очень сильное желание видеть свою жертву, чтобы набраться смелости и явиться в морг, понимая, что незамеченным такой визит не останется. И тем не менее он рискнул!

К сожалению, словесные портреты подозреваемого в

похищении и убийстве Мэри Флезцар, сообщённые консьержем студенческого общежития, наблюдавшего, как 9 июля водитель серо-синего микроавтобуса пытался познакомиться с нею, и работниками морга, разговаривавшими с неизвестным «родственником» погибшей, оказались не очень-то точны. Дело было даже не в том, что свидетели сообщали мало деталей, а в том, что почти во всём они противоречили друг другу — увы! в криминалистической практике так бывает довольно часто. Не было даже ясности относительно того, имелись ли у таинственного незнакомца усы или же длинные волосы на висках. Получившийся портрет оказался самым общим — сухощавый, поджарый мужчина белой расы в возрасте 20–25 лет с тёмно-каштановыми волосами и светло-серыми (светло-голубыми) глазами. Относительно роста разброс показаний достигал 10 см — от 175 до 185 см. Его манера ведения разговора характеризовалась свидетелями как спокойная, вежливая, убедительная, без дефектов речи. Кого можно было отыскать по такому описанию? Да таких мужчин в Мичигане в конце 60-х гг. прошлого столетия была не одна сотня тысяч, в расовом отношении это был один из самых «белых» штатов Америки!

К расследованию убийства Мэри Флезцар были привлечены значительные силы полиции городов Энн-Арбор, Ипсиланти, службы шерифа округа Уоштеноу, окружной прокуратуры, которые самым тщательным образом проверили осуждённых ранее за преступления на сексуальной почве, психически больных, а также лиц, замеченных в проявлении в той или иной форме некрофильских наклонностей. Проверялось как alibi этих лиц на 9 июля и 7 августа 1967 г., так и владение серо-синим микроавтобусом «шевроле». Особо проверялось наличие такой автомашины у кого-либо из друзей подозреваемых. Работа проводилась масштабная, но — увы! — она оказалась безрезультативной. С таким же успехом можно было попытаться вычерпать ложкой море. Ведь не существовало даже приблизительного представления о том, откуда мог приезжать в Энн-Арбор таинственный преступник. В принципе, он мог вообще не жить в Мичигане, а приехать сюда однократно (скажем, в гости к родителям) либо появляться в этих местах периодически в силу каких-то своих дел.

В общем, с самого начала расследование выглядело малоперспективным — таковым оно и оказалось на самом деле. В течение полугода никаких заметных подвижек не происходило — подозреваемые появлялись и быстро исчезали, доказав свою полную непричастность к случившемуся с Мэри Флезцар.

Достойно упоминания то обстоятельство, что уже на

начальном этапе расследования активное участие в нём приняли родственники погибшей девушки — её мать и младшая сестра Сандра.

Сандра Флезцар была на 2 года младше своей погибшей сестры Мэри. Девушка неоднократно обращалась к средствам массовой информации с просьбой помочь в организации общественного движения в поддержку жертв преступлений и членов их семей. Сандра стала своего рода лицом такого движения в штате Мичиган и благодаря своей внешней привлекательности и уму сумела заразить своей идеей многих. Появление такого общественного движения, пожалуй, первого в США, привлекало внимание к полицейскому расследованию, не позволяя правоохранителям успокоиться и расслабиться. Одновременно с этим деятельность Сандры и её добровольных помощников заставляла быть бдительными остальных жителей штата, напоминая, что где-то рядом действует убийца-сексуальный маньяк.

Сёстры Флезцар проживали вместе с матерью в городе Огуста (Augusta), отец давно оставил семью и жил во Флэт-Рок. Семья была довольно зажиточной по американским меркам 60-х годов, отец работал старшим технологом в металлургической компании и много лет выплачивал бывшей жене крупные алименты. Кроме того, он оплачивал обучение в университете обеих дочерей. Погибшая Мэри, как уже было отмечено, имела собственный автомобиль, а этим мог похвастаться далеко не каждый студент того времени. Когда родственники увидели явную «пробуксовку» расследования, то приняли в нём посильное участие — они стали печатать и распространять постеры с фотографией Мэри Флезцар, через газеты несколько раз обращались к жителям штата с просьбой сообщить информацию, способную пролить свет на

обстоятельства похищения и убийства девушки. Это был, пожалуй, первый пример подобного обращения к общественности — в последующие годы такое привлечение всеобщего внимания стало для США нормой и встретило поддержку и полное понимание со стороны властей. В разных штатах появились общественные организации, призванные помочь родственникам жертв преступлений организовать PR-кампанию с целью привлечения всеобщего внимания к случившемуся. А ФБР США теперь прямо рекомендует родным и близким жертв сексуальных преступлений плотно взаимодействовать с журналистами и использовать любой случай, чтобы напомнить окружающим о трагедии.

Дом № 10746 по Уиллоу-стрит, город Огуста, штат Мичиган, в котором проживали миссис Флезцар и её дочери. Через несколько лет после убийства Мэри дом был продан в том числе и потому, что слишком часто журналисты и обычные зеваки откровенно досаждали его обитателям.

Впрочем, вернёмся к фабуле расследования.

30 января 1968 г. немного в стороне от просёлочной дороги в районе населённого пункта Уайтфорд, в 45 км к югу от города Ипсиланти был обнаружен мешок из грубой холстины, обычно используемый для перевозки больших партий кофе или арахиса. В такие мешки их засыпают до полуцентнера — они прочны и удобны при переноске (по другим данным в качестве мешка был использован чехол из-под матраса). Подозревая, что кто-то выбросил мусор у дороги, фермер открыл мешок и… сделал, пожалуй, самое неприятное открытие в своей жизни. В мешке находилось обнажённое девичье тело, перепачканное кровью, в синяках и ссадинах. На голову трупа было накинуто одеяло, стянутое в районе шеи электрическим проводом. В полуобморочном состоянии мужчина добрался до ближайшего отдела полиции и сообщил о находке.

Может показаться невероятным, но данный случай в тот момент не привлёк особенного внимания средств массовой информации, и его стали широко обсуждать много позже. Расследованием убийства занялся отдел по борьбе с тяжкими преступлениями службы шерифа округа Монро штата Мичиган, а поскольку технические возможности (да и опыт) сельских детективов оставляли желать лучшего, полиция штата активно взаимодействовала с указанным подразделением. Уже первичный осмотр района обнаружения трупа показал, что данное место не являлось местом преступления (что, в общем-то, было вполне предсказуемо, принимая во внимание то обстоятельство, что мешок — лучшее приспособление для транспортировки тела).

Личность погибшей установили быстро благодаря хорошей сохранности тела. Эйлин Адамс на момент гибели шёл 14-й год. Девочка была похищена 18 декабря 1967 г. в городе Толедо, на севере штата Огайо, примерно в 15 км к югу от того места, где был найден её труп. Поскольку похищенного ребёнка перевезли через границу штата — из Огайо в Мичиган — это преступление было квалифицировано как федеральное, и к его расследованию подключилось ФБР. Удалось установить, что Эйлин отправилась в гости к своей старшей сестре и вышла из автобуса на авеню Сильвания в западной части Толедо. Более живой её никто не видел.

Судебно-медицинская экспертиза показала, что смерть последовала примерно за 48 часов до обнаружения тела. При этом девочка не была истощена, а это означало, что после похищения она долгое время (почти 6 недель) оставалась жива и её сносно кормили. Она неоднократно подвергалась изнасилованиям и побоям. Кроме того, специфические потёртости кожи на запястьях однозначно указывали на то, что руки Эйлин Адамс надолго связывали между собой или привязывали к чему-то. На коже, хорошо сохранившейся благодаря холодной зимней погоде, отчётливо просматривались синяки правильной круглой формы — убийца избивал свою жертву массивным фунтовым (400 г) молотком с круглой "пятой". Девочку много били молотком, явно добиваясь полной покорности, эксперт насчитал более 40 гематом, образовавшихся вследствие такого рода ударов по спине, груди и ногам жертвы. Ударов по голове преступник не наносил — это означало его желание, чтобы девочка оставалась в сознании как можно дольше. Понятно, что запугать 13-летнюю девочку взрослому мужчине не составит труда и без всякого молотка, но тот факт, что убийца активно пользовался таким инструментом устрашения, наводил на мысль, что Эйлин Адамс столкнулась с крайне жестоким

садистом.

Убийца очень изощрённо казнил свою жертву — сначала он забил ей в голову 3-дюймовый гвоздь (длиной 7,5 см), но убедившись, что девочка не умерла, решил её задушить. Для этого он набросил ей на голову одеяло, а уже поверх него надел на шею скользящую петлю из электрического провода, конец которого был обмотан вокруг лодыжек девочки. Фактически девочка медленно удушила сама себя… Это была нескорая и мучительная смерть. Хорошо, если до начала душения Эйлин успела потерять сознание.

Вокруг шеи был завязан лифчик погибшей. Лифчик не использовался как средство удушения — это было своего рода "украшение" трупа.

Преступник вместе с трупом засунул в мешок и одежду Эйлин, в которой девочка была похищена. При изучении пальто криминалисты сделали интересное открытие — на нём оказались следы жидкого мыла и стирального порошка. Это означало, что девочка содержалась в таком месте, где часто занимаются стиркой. Очевидно, что это был подвал частного дома, именно там американцы обычно оборудуют помещение для стиральной машины. Если эта догадка была верна, следовательно, убийца был одинок и жил в отдельном доме — а это был важный поисковый признак!

Преступник продемонстрировал исключительный цинизм — он привёз труп, упакованный в мешок, в автомашине и без лишних затей выгрузил его на обочине малопосещаемой дороги. Ничто не мешало убийце спрятать свою ношу получше — хотя бы отнести в лес ещё на 15–20 м, и в этом случае никто бы не обратил внимание на старый мешок ещё очень долгое время. Но нет! Преступник не стал утруждать себя этим, и нельзя было исключить того, что он умышленно разместил мешок с трупом таким образом, чтобы его не составило труда заметить с дороги. Другими словами, он хотел, чтобы содеянное им стало известно как можно скорее.

Эйлин Адамс.

Как было сказано, к расследованию убийства Эйлин Адамс были привлечены большие силы полиции штата, ФБР и службы окружного шерифа, в ходе активных оперативно-розыскных мероприятий были выдвинуты и проверены более 30 различных версий и предположений. Однако никакого продуктивного результата получено не было. Убийство Эйлин Адамс пополнило собою список нераскрытых преступлений, а уже через полгода — 6 июля 1968 г. — произошло новое чрезвычайное происшествие, переключившее на себя все силы и внимание правоохранительных органов.

В тот день в пределах городской черты Энн-Арбор, хотя и в довольно пустынном тогда районе пересечения Глейсер-вэй (Glacier way) и Эрхарт-роадс (Earhart roads) было найдено обнажённое женское тело. Труп выглядел довольно странно, что сразу обратило на себя внимание криминалистов и судебных медиков из службы коронера — если нижняя часть тела (от линии рёбер к ногам) прекрасно сохранилась и имела белую, почти нетронутую тлением кожу, то верхняя часть подверглась заметным гнилостным повреждениям и даже изменила свой цвет. Тело было сильно перепачкано кровью, так что непонятно было, какие именно ранения нанесены жертве, ясно можно было рассмотреть только порез горла. Никаких сомнений в том, что женщина стала объектом преступного посягательства, быть не могло.

Район, где оказалось обнаружено тело, нельзя было считать криминогенным или особенно опасным. Это была довольно живописная лесистая зона, но лес был не дикорастущим, а ухоженным — с тропинками, кое-где выкошенными полянами, грунтовыми дорогами для движения на автомобилях. Фактически это была парковая зона — к югу располагался парк Эрхарт, а

к северу — парк Уиндмир. В некоторых источниках сообщается, будто тело девушки 6 июля было найдено на территории строительной площадки, но это не так — никакой стройки в том районе в 1968 г. не было, и тело было просто уложено под кустами.

Эти места давно облюбовали жители Энн-Арбор для отдыха на лоне природы. Незадолго до обнаружения тела в обоих парках было очень многолюдно — 4 июля страна отмечала День Независимости, толпы гуляющих отправились на природу пускать петарды и пить пиво, так что если бы труп уже находился на том месте, где его нашли 6 числа, то, без сомнения, горожане его заметили бы. Из этого следовало вполне логичное предположение, согласно которому тело убитой женщины было привезено и оставлено на пересечении Глейсер-вэй и Эрхарт-роадс уже после вечера 4 июля.

Помощник городского прокурора Томас Ши (Thomas F.Shea) и капитан полиции Энн-Арбор Гарольд Олсон (Harold E. Olson) осматривают место обнаружения женского тела в районе пересечения Глейсер-вэй и Эрхарт-роадс. Снимок сделан 6 июля 1968 г., Томас Ши — в очках на заднем плане.

Остаётся добавить, что за истекшие четыре с лишком десятилетия этот район сильно изменился — хотя формально парковая зона не исчезла, она сделалась местом престижной индивидуальной застройки. Теперь там проложены асфальтированные дороги, выстроены двух- и трёхэтажные дома, а буквально на том самом месте, где был найден труп, теперь делает остановку школьный автобус. Но это так — к слову…

Тело находилось всего лишь в 4 метрах от грунтовой дороги.

Убийца присыпал его прошлогодней листвой и несколькими охапками сорванной руками травы, но полностью скрыть тело не смог — его довольно просто было заметить из окна автомашины, если только не двигаться на слишком большой скорости. То, как преступник скрыл труп, невольно наводило на мысль, что он желал его скорейшего обнаружения.

Погибшая, как было отмечено выше, оказалась полностью обнажена, однако короткая мини-юбка синего цвета была замотана вокруг её шеи наподобие шарфа. Юбку не использовали для душения, жертву вообще не душили, как стало ясно из судебно-медицинского исследования трупа. (Тут, кстати, сразу напрашивается аналогия со случаем Эйлин Адамс, вокруг шеи которой убийца завязал лифчик, однако для душения использовал электрический провод). Погибшей были нанесены 5 ножевых ранений в верхнюю часть торса — каждое из этих ранений потенциально было смертельным, поскольку пробивало плевральную полость и лёгкое и приводило к гемо- и пневмотораксу (заполнению плевральной полости атмосферным воздухом и кровью, что приводило к утрате лёгким способности расправляться при дыхании), но девушка не успела умереть от этих ран — убийца перерезал её горло, повредив основные вены и артерии, расположенные там. Жертва погибла от острой кровопотери, возможно, потеряв сознание уже через 10–15 секунд после упомянутого ножевого удара. Судмедэксперт уверенно определил факт анального и вагинального совокуплений, имевших место либо незадолго до убийства, либо уже после него. Таким образом, сексуальный подтекст преступления, в общем-то, довольно очевидный из общей картины на месте обнаружения трупа, получил полное подтверждение.

Полиция Энн-Арбор прочёсывает район обнаружения женского трупа возле пересечения Глейсер-вэй и Эрхарт-роадс.

Снимок сделан 6 июля 1968 г.

К сожалению, убийца не оставил на трупе, в трупе либо рядом с ним следов спермы (возможно, он использовал презерватив), что не позволило установить его группу крови. Кроме того, под ногтями погибшей не было найдено биологического материала, который можно было бы связать с нападавшим — это означало, что девушка не сопротивлялась либо почти не сопротивлялась нападению. Это, конечно, было неприятное открытие, поскольку правоохранительные органы лишались возможности узнать о преступнике хоть что-то определённое.

Идентифицировать погибшую удалось довольно просто — к 6 июля её искали уже по всему штату. Выяснилось, что тело принадлежит 20-летней Джоан Шелл, студентке Восточно-Мичиганского университета, обучавшейся живописи и дизайну.

30 июня 1968 г. около 22:30 Джоан Шелл вышла с территории одного из кампусов университета в Энн-Арбор с намерением поехать в соседний городок Ипсиланти, где арендовала квартиру. Девушка поговорила с тремя молодыми людьми, сидевшими в машине на парковке у кампуса, и эти трое молодых людей оказались последними, видевшими её живой. Что произошло с нею далее, было неясно.

Таким образом, полиция Энн-Арбор с высокой точностью определила время исчезновения погибшей, что очень могло помочь расследованию.

JOAN SCHELL, 20
(July 5, 1968)

Джоан Шелл была родом из городка Плимут, штат Мичиган, расположенного примерно в 30 км к северо-востоку от Энн-Арбор. Она вполне могла бы приезжать на занятия в Университет на своей машине, однако собственной автомашины Джоан не имела.

Поэтому на первом курсе жила в университетском кампусе в Энн-Арбор, а затем сняла отдельное жильё в Ипсиланти. Университетские кампусы и учебные корпуса разных школ (факультетов) разбросаны по всему Энн-Арбору, и часть из них находится в Ипсиланти, так что в подобном решении не было ничего странного или подозрительного.

Большой интерес криминалистов вызвал странный характер посмертных изменений тела — как было сказано, нижняя часть трупа сохранилась явно лучше верхней. Каких-то аналогий этому феномену в истории судебной медицины отыскать не удалось, поэтому специалистам пришлось в разрешении этой загадки полагаться исключительно на самих себя. Всё выглядело так, слово нижнюю часть тела поместили в холодильник, где и держали на протяжении 4 или 5 дней, а верхняя всё это время оставалась снаружи, в относительно тёплой атмосфере. (Не забываем, что речь идёт о начале июля в штате Мичиган, хоть это и север Соединённых Штатов, но климатически он примерно соответствует Крыму или Краснодару!). Понятно, что тело не может частично лежать в холодильнике, а частично — вне. При этом труп отнюдь не находился на открытом месте, а был помещён в хорошо изолированное и относительно прохладное помещение (хотя и с заметной положительной температурой), о чём свидетельствовала степень развития в трупе личинок мух. По их количеству и состоянию криминалисты уверенно заключили, что тело погибшей пробыло на воздухе всего одни сутки, очевидно, с 5 по 6 июля. И всё! А до этого оно находилось, повторим, в каком-то прохладном и хорошо изолированном от внешней среды месте. Изоляция эта была настолько хороша, что до трупа не добрались даже мухи, обычно появляющиеся у трупа уже через 1–1,5 часа после смерти.

После довольно долгих попыток реконструировать условия сохранения тела в период с 1 по 6 июля, судебные медики и криминалисты пришли к следующим выводам:

— убийца явно имел в своём распоряжении помещение (скорее всего, подвал), хорошо защищённое от прямых солнечных лучей и относительно прохладное. Помещение это должно было иметь хорошую изоляцию от внешней среды, настолько надёжную, что даже синие мухи, очень чувствительные к трупному запаху, не смогли достичь трупа вплоть до 5 июля, когда тело было извлечено наружу;

— преступник особо озаботился предотвращением разложения нижней части тела убитой им девушки. С этой целью он, скорее всего, обкладывал интересующую его часть пакетами

со льдом и для замедления таяния последнего накрывал их одеялом (возможно, несколькими одеялами). Верхняя часть тела его не интересовала, и процесс её разложения шёл своим чередом, хотя и несколько медленнее, чем на открытом воздухе при высокой дневной температуре, достигавшей в первые дни июля 30 ˚С-35 ˚С в тени;

— периодически, возможно, раз в сутки или чаще, преступник возвращался к трупу и заменял лёд, который использовал для охлаждения нижней части;

— убийца не имел в своём распоряжении холодильной установки и не замораживал труп (это легко устанавливалось при микроскопическом исследовании тканей, поскольку микрокристаллы льда разрушают клеточную структуру, и даже после разморозки эти повреждения легко определяются визуально).

Для специалистов не составляло большого труда догадаться, чем обусловлена такая забота преступника о сохранении нижней части тела своей жертвы в хорошем состоянии — убийца использовал труп для неоднократных повторных совокуплений. Половой акт с мёртвым телом его не только не отталкивал, но, возможно, притягивал даже в большей степени, чем с живым человеком. Судебные медики допускали, что преступник вообще не насиловал свою жертву, пока та была жива, а сначала убивал и лишь потом удовлетворял похоть. Другими словами, следствие столкнулось с ярко выраженным некрофилом, можно сказать, классическим.

Этот вывод был до такой степени шокирующим, что его многие годы не предавали огласке. Не надо забывать, что речь идёт о конце 60-х гг. прошлого века, когда Соединённые Штаты — особенно «одноэтажная Америка» вне мегаполисов — являлись страной довольно патриархальных нравов. Да, феномен «серийных убийств» уже был знаком американцам (хотя такого словосочетания тогда не существовало), но это явление ещё не стало общенациональным. Первым серийным убийцей, который действительно получил общенациональную известность, явился «Бостонский Душитель», случилось это благодаря тому, что историю разоблачения Альберта де Сальво активно освещали многочисленные телевизионные программы. «Бостонский Душитель» изощрённо глумился над своими жертвами — он широко раздвигал убитым женщинам ноги, подставлял им под колени стулья, стремясь придать трупу как можно более оскорбительную позу… Это было отвратительно, чудовищно, недопустимо — вся Америка скрежетала зубами и сжимала кулаки в бессильной ярости. Лишь в январе 1968 г. де Сальво

приговорили к пожизненному заключению, и казалось, никогда более подобная мерзость не потревожит покой нормальных людей. Но… пришёл июль, и какая-то новая тварь, которую и человеком-то назвать нельзя, стала вытворять в Энн-Арборе куда более отвратительные вещи!

Роберт Харрис, мэр Энн-Арбора, получив сообщение службы коронера о деталях манипуляций убийцы с телом Джоан Шелл, дал полиции карт-бланш на розыск негодяя. С одной стороны, были предприняты все меры для того, чтобы не допустить утечки информации в прессу и тем самым избежать паники среди населения, с другой — начальник городской полиции Уолтер Красный (Walter E.Krasny) получил приказ "сделать всё возможное и даже невозможное" для скорейшего обнаружения убийцы. Негодование мэра можно понять — появление в городе такого негодяя самым серьёзным образом грозило политической карьере Харриса!

Непосредственно расследование убийства Джоан Шелл возглавил помощник прокурора округа Томас Ши (Thomas F.Shea), а оперативным сопровождением следствия руководил начальник отдела расследования убийств капитан Гарольд Олсон (Harold E. Olson).

Вообще-то, история поначалу не выглядела сильно запутанной. Было известно место, откуда погибшая отправилась в своё последнее путешествие — это был один из четырёх кампусов (студенческих городков) на территории Энн-Арбора, кроме того, довольно точно было известно время, когда это случилось — около 22:30 30 июня. Наконец, была известна конечная точка маршрута погибшей — дом на Эммет-стрит в Ипсиланти. Улица эта тихая, с односторонним движением, а дом, в котором Джоан снимала комнату у пожилой добропорядочной вдовы, находился в том же самом квартале, что и отделение полиции со складом улик, камерами предварительного заключения и парковкой полицейских автомашин. Расстояние от этого дома до здания полиции не превышало 50 м, в отделе полиции ночью дежурили не менее 5 сотрудников, плюс к этому постоянно подъезжали и отъезжали служебные автомашины. Да и парковка там к тому же освещена! В этих условиях нападать на крепкую, полную сил девушку — сущее безумие…

Так что, если Джоан Шелл и похищали, то явно не возле дома.

Правда, имелась одна параллель, рождавшая очень неприятные ассоциации. Дело заключалось в том, что Шелл снимала комнату в доме, расположенном всего в 3 кварталах от студенческого общежития, в котором жила Мэри Флезцар.

Именно из этого общежития Мэри ушла гулять вечером 9 июля 1967 г., практически за год до убийства Джоан Шелл. Совпадение, заставляющее серьёзно задуматься о том, совпадение ли это?

Джоан Шелл предстояло проехать из Энн-Арбора до Ипсиланти всего-то 7,5 км — это считаные минуты при езде по вечерним пустым улицам. Оба города, расположенные буквально в прямой видимости друг от друга, соединяла широкая Уоштеноу-авеню. Как можно похитить человека на таком коротком отрезке?

Исходя из всего изложенного, работники правоохранительных органов склонились к единственно разумной версии — Джоан не похищали возле её квартиры, она изначально села в машину к человеку, ставшему её убийцей. Важно было понять, случайно ли этот человек оказался возле кампуса или он как-то связан с Университетом?

В этой связи особый интерес вызывали трое молодых людей, сидевших в автомашине на парковке перед кампусом, с которыми разговаривала Джоан. Полицейские приложили большие усилия к тому, чтобы отыскать их. Особый упор был сделан на проверку студентов университета, всё-таки логично предположить, что на парковке перед университетским общежитием могут оказаться именно университетские студенты. От охранника кампуса и случайных свидетелей удалось получить примерные описания внешности молодых людей в автомашине, к которым, по-видимому, и подходила Джоан. Один из трёх вроде бы соответствовал описанию некоего Джона Нормана Коллинза, 21-летнего студента-старшекурсника, учившегося в Университете Восточного Мичигана. Это был довольно приметный молодой мужчина — сухопарый, мускулистый, ростом чуть выше 180 см, занимавшийся греблей и игрой в американский футбол, всегда улыбающийся, коротко стриженый шатен.

Когда о Коллинзе стали наводить справки, выяснилось, что его исключили из студенческого союза (так называемого "братства Бэта-Ши") за кражу у студента. Это был интересный момент в его биографии. Но был и другой, куда интереснее — Коллинз жил в доме № 619 по Эммет-стрит, буквально напротив того дома, куда держала путь Джоан Шелл в последний вечер своей жизни. Так что можно сказать, что Коллинз был соседом Шелл… а также Мэри Флезцар.

С Джоном поговорили, и он произвёл впечатление вполне разумного и адекватного молодого человека. Прежде всего Коллинз заявил, что имеет на 30 июня и 1 июля железное alibi — он уезжал вместе с матерью в Детройт. Собственно, они родом из Детройта, там у них много родни и знакомых, более того, его мать имеет собственный дом на окраине Детройта, а в Ипсиланти

они перебрались лет 10 тому назад потому лишь, что здесь живёт последний — четвертый по счёту — муж его матери, Лоретты. Коллинз заверил, что не был знаком с погибшей девушкой, но даже если бы и был, то всё равно не смог бы отвезти её на своей автомашине по той простой причине, что у него нет своей автомашины. Он — байкер, у него в гараже стоят 4 отличных мотоцикла, и полицейские могут это легко проверить. Его стихия — двухколёсные кони, а машины — это повозки для старичья, — примерно так шутил Коллинз на допросе.

В принципе, молодой человек произвёл очень хорошее впечатление, шёл на контакт с детективами, давал на все вопросы исчерпывающие и непротиворечивые ответы, его сообщение о поездке в Детройт было подтверждено матерью, и это полностью вывело Коллинза из круга подозреваемых.

Логика расследования толкала детективов вперёд. Джоан Шелл не очень хорошо знали в Энн-Арбор, поскольку росла она в другом месте — в городке Плимут, примерно в 30 км к северо-востоку от Энн-Арбор. Когда о погибшей стали наводить справки в Плимуте, появились интересные «концы»: выяснилось, что ещё в последнем классе школы девушка подружилась с Дэйлом Шульцем, молодым человеком весьма сомнительных достоинств. Дэйл имел неприятности с законом, постоянно попадая в передряги вроде нарушений общественного порядка, мелких хищений, оскорбления общественной нравственности (а именно демонстрация обнажённого зада проезжавшей мимо патрульной машине с полицейским нарядом) и тому подобные. В общем, подросток этот был гиперактивным и не слишком умным. В какой-то момент одному из полицейских, разбиравших его выходки, надоело возиться с придурком, и он поставил Шульца перед незамысловатой дилеммой — либо тот отправится служить срочную службу в армию, либо ему придётся сесть на скамью подсудимых. Дэйл почесал во лбе (или где-то там ещё) и понял, что при всём богатстве выбора армия — это лучшее, что может у него быть в обозримом будущем. В общем, Дэйл Шульц пошёл служить, изучая на практике науку преодоления луж по-пластунски, а Джоан Шелл поступила в университет, уехала из Плимута и обзавелась в Энн-Арборе новыми друзьями и подругами.

Шульц не привлёк бы к себе особого внимания правоохранительных органов, если бы не выяснилось, что как раз накануне исчезновения Джоан он получил краткосрочный отпуск. То, что бывший бой-френд решил навестить свою бывшую подружку спустя два года, казалось логичным. Как и то, что самой Джоан такая встреча уже не могла быть интересной — за

два года она выросла интеллектуально и психологически, в значительной степени созрела, а вот Дэйл остался самим собой с той лишь только разницей, что в казарме его приучили чистить обувь и коротко стричься. Ну, и ползать по-пластунски по лужам, само собой.

В общем, за Дэйла Шульца правоохранители взялись серьёзно. Трудно сказать, как бы повернулось дело, поскольку Дэйл не имел надёжного alibi и производил впечатление сорвиголовы, способного на любую пакость, но выручили подозреваемого сами же полицейские детективы, предложившие ему пройти проверку на полиграфе. Шульц моментально ухватился за эту идею и пообещал, что докажет свою полную непричастность к гибели девушки, которой он, по его словам, очень симпатизировал. Шульц с лёгкостью прошёл проверку на "детекторе лжи" и избавился от всех подозрений в свой адрес. В конце 60-х гг. у американских правоохранителей существовала большая вера в точность и объективность полиграфа, заключение, сделанное на основании "проверки истинности утверждений" (а именно так формально называлась процедура проверки на "детекторе лжи"), перевешивало многие косвенные улики. Это позже стало известно, что даже очень точную машину и опытного оператора можно обмануть набором разнообразных приёмов, уловок и психотехник, а потому проверка на полиграфе — далеко не идеальный способ проверки правдивости подозреваемого, но для 1968 г. данная методика казалась почти универсальной и наиточнейшей.

Дэйла Шульца отпустили «тянуть армейскую лямку» дальше, а следствие вернулось к истоку. Стало ясно, что быстрого прорыва в розыске ожидать не приходится — предстоит большая и монотонная работа по проверке всех внушающих подозрение лиц. Детективы начали шерстить базу данных дорожной полиции, пытаясь определить, кто из студентов и преподавателей университета имел привычку парковать автомобиль на той самой стоянке, где в последний раз была замечена Джоан Шелл. Особое внимание обращалось на тех, кто продавал или перекрашивал автомашину после 1 июля 1968 г. Список постепенно расширялся — в число проверяемых попали соседи по кампусу, в котором Джоан Шелл проживала во время обучения на первом курсе. Особое внимание было обращено на друзей и подруг погибшей девушки. Затем следствие заинтересовалось событиями, побудившими девушку покинуть кампус и переселиться на съёмную квартиру. Явился ли этот переезд следствием какого-то конфликта или преследования со стороны назойливого ухажёра? Имелись кое-какие основания считать подобные предположения

не лишёнными оснований, и детективам пришлось всерьёз разбираться в запутанном клубке взаимоотношений внутри студенческого сообщества.

На протяжении осени 1968 г. и последующей зимы группа Харольда Олсона опросила более 200 студентов и преподавателей Восточно-Мичиганского университета по очень широкому кругу вопросов, зачастую даже не связанных напрямую с Джоан Шелл. В университете было хорошо известно, что правоохранительные органы активно работают над расследованием убийства, и это создавало в студенческой среде определённое напряжение. Обстановка способствовала распространению всевозможных слухов — как откровенно нелепых, так и весьма правдоподобных. В частности, говорилось, будто Джоан Шелл была похищена некоей сатанинской организацией с целью использования девушки в качестве суррогатной матери Антихриста, но после того, как у неё начались месячные, сектанты решили не терять времени и убили её. (У Джоан Шелл действительно в день похищения или накануне начались месячные, но следствие не считало это значимым фактором и не придавало данному обстоятельству какого-либо значения. Однако осведомлённость студенческой среды о таких деталях заслуживает быть отмеченной!) Другие сплетни касались пророчества о скором и неизбежном убийстве 50 студенток университета, которое якобы сделала известная в Энн-Арбор экстрасенс и ясновидящая Джэнни Диксон (Jeanne Dixon). Дело дошло до того, что полицейских стали открыто спрашивать, как те намереваются защищать кампусы, когда начнутся обещанные убийства.

Начальник отдела расследования убийств лично связался с экстрасенсом и попросил её прояснить ситуацию с "пророчеством". Оказалось, что Диксон никогда не говорила того, что ей приписывает молва, и чтобы успокоить университетское сообщество, экстрасенс даже дала интервью студенческой газете. В нём она дезавуировала все те слухи, что распространялись якобы от её имени, и на вопрос "как ей кажется, существует ли реальная угроза безопасности студентам университета? " бодро ответила, что все они находятся в полной безопасности. Именно такой ответ ей подсказывает её способность "видеть будущее".

Как догадается в этом месте всякий проницательный читатель, Джэнни Диксон «видела будущее» довольно скверно. Потому что менее чем через неделю после опубликования в студенческой газете интервью с нею, полиция обнаружила новый труп. И опять студентки Восточно-Мичиганского университета. Впрочем, из неудачного пророчества Джэнни Диксон можно сделать и другой вывод — убийца читал университетскую газету,

и ему не понравилась заносчивая самоуверенность экстрасенса.

20 марта 1969 г. студентка последнего курса юридической школы (факультета) университета Джейн Миксер, 23 лет, отправилась в поездку из Энн-Арбор к родителям в городок Маскигон (Muskegon) на берегу озера Мичиган примерно в 240 км в северо-западном направлении. Девушка не имела своей машины, но её вызвался подвезти некий молодой человек, которого она в телефонном разговоре с сестрой назвала "Дэвидом Джонсоном". Джейн уехала в 18 часов — и это подтверждалось многочисленными свидетелями, видевшими её выходившей из общежития в светло-бежевом плаще со спортивной сумкой в руках — а приехать в Маскигон должна была примерно в 21:30. Родители студентки, не дождавшись её появления ни в назначенное время, ни после, забили тревогу. Отец девушки после 23 часов сел за руль и отправился на собственной машине по маршруту, которым должна была двигаться дочь, рассчитывая отыскать её. В конце концов, в дороге бывает всякое — и поломки, и ДТП — так что помощь могла бы оказаться очень кстати. Отец разъезжал по дорогам до самого утра, постепенно расширяя зону поиска, однако так и не встретил дочь и её друга.

Но уже в 9 часов утра к ним в дом постучали — это явились сотрудники местной службы шерифа, которые пригласили родителей на опознание тела. К этому времени труп молодой женщины, в вещах которой оказалось студенческое удостоверение на имя Джейн Миксер, уже находился в морге службы коронера округа Уоштеноу в Энн-Арбор. Тело было найдено ранним утром 21 марта у самой ограды кладбища в глухом районе Дентон небольшого городка Ван-Бурен (Van Buren) примерно в 23 км от Энн-Арбор (не путать с городом Дентон на севере штата Мичиган — это разные места). Ван-Бурен находился на юго-востоке от Энн-Арбор, то есть в направлении прямо противоположном дороге на Маскигон.

Это был шок для всего университетского сообщества. После бодрых заявлений экстрасенса и ясновидящей Джэнн Диксон случившееся с Джейн Миксер выглядело особенно пугающе.

Уже предварительный осмотр места обнаружения трупа ясно указывал на то, что убийство было осуществлено в другом месте. Девушку привезли к кладбищу и выбросили в канаву мёртвой. Другим важным моментом было то, что расстояние от кампуса до кладбища составляло всего 23–24 км, а это значило, что нападение началось в самом начале поездки. А потому о спонтанной ссоре в долгой дороге или встрече с опасным попутчиком, скажем, в придорожном кафе, не могло быть и речи. Скорее всего, "Дэвид Джонсон", согласившийся отвезти девушку к

родителям, планировал нападение изначально, и как только Джейн села в его автомашину, немедленно перешёл к действиям.

Тело погибшей было полураздето, убийца кофту и блузку девушки не снял, не снял также и юбку, а просто поднял подол и заткнул его за пояс. Колготки были сняты и брошены возле тела, трусики исчезли (преступник, видимо, прихватил их в качестве "трофея"). Пояс с подвязками, снятый с бёдер, был обмотан вокруг шеи погибшей и завязан узлом. Между ног осталась зажата гигиеническая прокладка; возможно, именно то обстоятельство, что у девушки были месячные, остановил преступника и заставил его отказаться от изнасилования (хотя сексуальный мотив нападения казался очевидным). Таким образом, можно сказать, что Джейн Миксер, в отличие от предыдущих жертв таинственного преступника, оказалась лишь частично раздетой. Светло-бежевый плащ, принадлежавший погибшей, также был снят — его убийца использовал в качестве своеобразного одеяла, накрыв убитую им девушку с головой. В плаще осталось нетронутым то самое студенческое удостоверение, по которому удалось идентифицировать тело, а также другие мелкие вещи — связка ключей, маленькая записная книжка и тому подобное. Ручной клади, с которой Джейн выходила из общежития, найдено не было.

Тело Джейн Миксер возле ограды кладбища в районе Дентон. Снимок сделан ранним утром 21 марта 1969 г.

Ещё при осмотре тела на месте его обнаружения детектив Дональд Бенетт обратил внимание на каплю крови на кисти левой руки погибшей. Он лично снял эту каплю ватным тампоном, который передал затем криминалистам. Детектив предположил, что это может быть кровь преступника, хотя

никакой уверенности в этом не испытывал. Тем не менее по прошествии более чем трети века этот ватный тампон придаст истории убийств студенток Восточно-Мичиганского университета в высшей степени неожиданный поворот и определённым образом повлияет на общепринятую трактовку связанных с нею событий. В своём месте мы ещё коснёмся этого обстоятельства.

Даже при беглом осмотре тела становилось ясно, что девушке дважды выстрелили в голову с близкого расстояния. Волосы её оставались влажными от крови, однако на одежде и земле крови было совсем немного (именно это и послужило первым указанием на то, что убивали Джейн Миксер в другом месте). Как показала баллистическая экспертиза, убийца использовал оружие 22-го калибра (5,66 мм), однако отнюдь не выстрелы в затылок послужили причиной смерти. Судебно-медицинское исследование констатировало в качестве таковой механическую асфиксию — убийца сначала задушил свою жертву руками и лишь после этого пустил в ход пистолет.

Данный фотоснимок не имеет отношения к описываемым в очерке событиям, но он даёт довольно верное и зримое представление о том, как выглядят следы удушения руками. Очень часто такие следы почти незаметны в первые минуты и часы после смерти, однако в интервале от 6 до 12 часов после остановки сердца на шее проявляются кровоподтёки, очень точно воспроизводящие положение пальцев убийцы на шее жертвы во время душения. Опытный судебный врач, изучив эти следы, с высокой точностью определит, был ли убийца левшой или праворуким (по силе сдавления), размер рук убийцы (по расстоянию между пальцами и толщине шеи), активность сопротивления жертвы (по количеству перехватов руками). Иногда изучение захвата шеи позволяет оценить длину ногтей — эта деталь может быть особенно важной в том случае, если убийца следит за своими руками и отпускает ногти разной

длины. Остаётся добавить, что удушение руками является чисто мужским способом убийства, поскольку требует от злоумышленника большой силы в кистях рук. Если силы оказывается недостаточно, а убийца — непредусмотрителен, то очень часто «задушенные» таким образом приходят в себя после кратковременной потери сознания.

Выстрелы в голову явились своего рода страховкой — преступник явно не был уверен в том, что задушил насмерть. Кроме того, судебно-медицинская экспертиза исключила анальную и вагинальную травмы — это означало, что убийца не осуществлял с жертвой коитуса. Возможно, он ограничился орально-генитальным совокуплением, а возможно, вообще отказался от полового контакта с погибшей из-за её менструального цикла.

Всё, произошедшее с Джейн Миксер, рождало массу вопросов, на которые пока никто не мог дать ответы. Джейн была целеустремлённой, серьёзной и очень осторожной девушкой. У неё на протяжении полутора лет развивался роман с Филом Вейцманом (Phil Weitzman), и эти отношения предвещали в скором времени помолвку и свадьбу. Барбара, сестра Джейн, разговаривавшая с ней по телефону в день убийства, была крайне удивлена тем, что Джейн отправится в поездку не с Филом, а с каким-то другим молодым человеком. Барбара прямо спросила сестру, почему та не едет с Филом, на что Джейн отделалась какой-то невнятной шуткой и толком ничего не ответила. Почему девушка не поехала со своим женихом, было первым вопросом, который требовал разрешения.

Другой вопрос касался автомашины, на которой уехала из кампуса погибшая. Может показаться невероятным, но описания машины детективы отдела расследования убийств полиции Энн-Арбор так и не получили. Кто бы ни увозил Джейн Миксер — он умудрился остаться незамеченным. Зато детективы получили кое-что другое — нашёлся свидетель, который видел тёмно-зелёный «универсал» неопределённой модели в районе кладбища ранним утром. О номерном знаке автомашины и внешности водителя, разумеется, говорить не приходилось — свидетель не смог вспомнить ни того, ни другого. След этот никуда не вёл, как мы помним, предполагаемый похититель и убийца Мэри Флезцар разъезжал на синевато-сером микроавтобусе «шевроле», то есть ни цвет, ни тип автомашины не совпадали.

Интересные открытия этим, однако, не ограничивались. При осмотре комнаты погибшей в университетском общежитии выяснилось, что на внутренней стороне обложки её телефонной

книги кем-то оставлены две любопытные надписи. Всего два слова «Миксер» и «Маскегон». Первое слово, как нетрудно догадаться, соответствовало фамилии погибшей девушки, а второе — городу, в который она собиралась отправиться в день своей смерти. Но…! Название города было написано с очевидной грамматической ошибкой — вместо правильного «Muskegon» кто-то нацарапал «Muskegeon» — и очевидно это сделала не Джейн, которая прекрасно знала правильное написание названия родного города. Кроме того, почерк, которым были оставлены эти надписи, был явно мужским. В общем, всё это было очень интересно, хотя куда вели эти улики, было совершенно непонятно.

Джейн Миксер, 23 года, училась на последнем курсе юридического факультета Восточно-Мичиганского университета. В конце марта 1969 г. ей надо было съездить домой, и она обратилась за помощью в решении этой маленькой проблемы к никому не известному «Дэвиду Джонсону». Что побудило Джейн проигнорировать помощь своего жениха, который всегда выручал её в подобных случаях, так и осталось загадкой — возможно, девушка просто решила закрутить «роман» с другим парнем. А возможно, ничего подобного она вовсе и не думала… Как именно развивались события в той злосчастной поездке, так и осталось невыясненным, но ранним утром 21 марта 1969 г. тело Джейн оказалось найдено на окраине кладбища к югу-востоку от Энн-Арбора, в направлении прямо противоположном тому, в котором «Дэвид Джонсон» должен был отвезти девушку.

Телефонная книга привлекла немалое внимание криминалистов, её сфотографировали, тщательно проверили на наличие отпечатков пальцев, просмотрели каждую страницу в косых лучах света на возможность существования скрытых оттисков и следов стёртых записей и… — ничего интересного не

обнаружили. В конце концов, телефонный справочник приобщили к вещдокам, благополучно забыв о его существовании до 1975 г. А в 1975 г. книгу отправили в печь полицейского склада улик как «избыточную единицу хранения». И лишь по прошествии более чем трети столетия ценность данной улики стала очевидна уже новому поколению детективов и криминалистов. В дальнейшем нам предстоит вернуться к рукописным надписям на обложке телефонной книги, пока же просто отметим факт существования таковых.

И окружная прокуратура, и полиция Энн-Арбор, и служба шерифа округа Уоштеноу довольно бодро взялись за расследование. В принципе, особых сюрпризов как будто бы ждать не приходилось — подлеца на зелёном «универсале» по всем законам жанра следовало задержать быстро и без затей. Убийца явно бывал в кампусе, более того — он, видимо, бывал и в комнате убитой им девушки, он сумел втереться к ней в доверие, а значит, общались они довольно тесно. Наконец, Джейн назвала своей сестре имя и фамилию человека, который должен был отвезти её в Маскигон на своей машине — это был «Дэвид Джонсон». Таким образом, следовало отыскать этого Джонсона и вывести подлеца на чистую воду! Так выглядела ситуация в начале расследования.

В течение первых же суток выяснилось, что «Дэвидов Джонсонов» в Энн-Арбор насчитывается аж 16 человек — это если исключить из списка пожилых мужчин старше 60 лет и явно незрелых подростков до 15 лет. С одной стороны, вроде бы их было не так уж и много, но с другой — вполне достаточно, чтобы сбить со следа, особенно при готовности родственников или друзей обеспечить преступнику фальшивое alibi. В скором времени детективы вполне разумно предположили, что нужный им «Дэвид Джонсон» мог быть вовсе не из Энн-Арбор, а скажем, из Ипсиланти или любого другого города или района, расположенного более или менее близко к Энн-Арбор. Таким образом, география розыскных мероприятий резко расширилась. Отдел расследования убийств полиции Энн-Арбор обратился за содействием к полицейским управлениям соседних городов и к службам шерифов прилегающих округов. Затем появились новые догадки: детективы задались вопросом, насколько достоверны имя и фамилия, которые они проверяют? Иначе говоря, в какой степени можно доверять показаниям Барбары Миксер, ведь сестра слышала имя и фамилию предполагаемого преступника всего один раз и притом в телефонном разговоре?! Кто мог быть уверен в том, что она правильно расслышала, запомнила и воспроизвела имя и фамилию подозреваемого?! Да

никто!

Поэтому детективы вполне логично стали расширять список возможных подозреваемых, добавляя в него различные варианты имени "Дэвид" и фамилии "Джонсон". Направление розысков было продуктивным, а главное — почти бесконечным. Список лиц, чьё alibi требовало проверки, быстро возрос сначала до 25, а потом и 40 человек. И конца этому не предвиделось.

Однако, в скором времени события получили совершенно неожиданный поворот. 25 марта 1969 г., то есть через 4 дня с момента обнаружения трупа Джейн Миксер, строительный рабочий наткнулся на едва различимой тропе в парке Уиндмир, в северной части Энн-Арбора, на изуродованное обнажённое женское тело. Этот парк уже упоминался в настоящем очерке — неподалёку от него 6 июля 1968 г. было найдено тело 20-летней Джоан Шелл. Расстояние между местами обнаружения трупов 6 июля 1968 г. и 25 марта 1969 г. не превышало 400 м, что само по себе наводит на определённые подозрения. Сцена, обнаруженная в парке, была по-настоящему отвратительной — убийца раздвинул жертве ноги и ввёл глубоко во влагалище убитой девушки трухлявую палку. Лицо жертвы оказалось залито кровью, а тело покрыто какими-то странными «фигурными» синяками. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что синяки оставлены пряжкой широкого мужского ремня. Преступник нанёс не менее 40 ударов ремнём по разным частям тела, в основном торсу и бёдрам. Хотя лицо было залито кровью, на траве и окружающей растительности крови не было заметно — это сразу заставило предполагать, что место обнаружения трупа не являлось местом убийства.

Одежда погибшей была небрежно брошена возле тела, однако, как показал дальнейший анализ, нижнее бельё отсутствовало. Преступник оставил единственную деталь нижнего белья — пояс для чулок он небрежно завязал вокруг шеи погибшей наподобие мужского галстука. Глубоко в рот и горло замученной девушке убийца затолкал обрывок тёмно-синего хлопчатобумажного полотенца.

Буквально в считаные часы с момента поступления в морг и дактилоскопирования погибшую удалось идентифицировать. (Весьма неплохой результат, принимая во внимание, что в те времена процесс сравнения дактилоскопических карт был сугубо «ручным» и требовал больших затрат времени). Оказалось, что девушку неплохо знали в полицейском управлении города Ипсиланти — она была наркоманкой, якшалась с молодёжной компанией или бандой, правильнее сказать, промышлявшей воровством из магазинов и жилищ, страдала дромоманией (это

одна из разновидностей девиантного поведения, проявляющаяся в склонности к побегам из дома, переездам и вообще перемене места жительства). Звали погибшую Мэрилин Скелтон (Marilyn Skelton), и хотя ей было всего 16 лет, девушка имела несколько приводов в полицию за мелкие правонарушения. Вызванный в морг отец девушки — Арчи Скелтон — опознал дочь и сообщил, что в последнее время она не жила с семьёй, бросила школу и ушла жить в «коммуну» к таким же оболтусам, как и она сама. Где обреталась «коммуна» юных лоботрясов, отец не знал, но это знали в полиции Ипсиланти.

Мэрилин Скелтон была «проблемным» подростком. Она систематически убегала из дома, занималась вымогательством на улицах и мелким воровством в магазинах, «подсела» на наркотики. Как и многие безденежные наркоманы, не отказывалась от того, чтобы подзаработать, торгуя собой. В общем, можно довольно долго говорить о том, кем эта девушка была, но важнее сказать, кем она точно не являлась — Мэрилин никогда не была студенткой Восточно-Мичиганского университета.

Наведавшись по нужному адресу, детективы установили, что Мэрилин в последние дни переселилась на квартиру одного из членов молодёжной группировки, к некоему Майклу Миллэджу (Michael Millage). Последний закрутил с Мэрилин роман, и у них вроде бы всё было "серьёзно". Тем самым Майкл стал первым подозреваемым по этому делу. Обретался молодой человек в Ипсиланта, в доме № 1076 по Джанет-стрит.

По указанному адресу моментально выехали сразу несколько нарядов полиции, поскольку за молодым человеком числились кое-какие грешки и предполагалось, что он сможет оказать сопротивление аресту. Миллэдж был найден спящим в собственной кровати. Он выглядел явно напуганным визитом полицейских, завалившихся в дом с оружием наперевес. Доставленный на допрос в управление полиции Майкл не стал отрицать известных фактов, подтвердил существование интимной связи с Мэрилин Скелтон и её проживание в его доме. Рассказывая об их последней встрече, он заявил, что видел последний раз Мэрилин утром 24 марта 1969 г., то есть за сутки до обнаружения её трупа. По словам Миллэджа, девушка собиралась поехать в Энн-Арбор к своей знакомой Шэрон Сантуччи (Sharon Santucci).

Таким образом розыск из Ипсиланти переместился обратно в Энн-Арбор. Шэрон Сантуччи быстро отыскали, однако, по

словам девушки, Скелтон у неё так и не появилась, хотя она прождала её телефонного звонка весь день, вплоть до 18 часов. Полиция Энн-Арбор проявила большую настойчивость в поиске следов девушки, и удача улыбнулась детективам — им удалось отыскать свидетелей, видевших Мэрилин Скелтон в полдень 24 марта возле крупного торгового центра «Арборлэнд». С кем и куда пошла Скелтон, выяснить не удалось, но тем не менее полученные данные давали некоторую пищу для размышлений. Стало ясно, что Мэрилин уехав утром 24 марта из дома в Ипсиланти, благополучно добралась до Энн-Арбор, но свой дальнейший путь к Шэрон Сантуччи почему-то не продолжила. Кто-то или что-то побудило её изменить первоначальные планы. Мог ли Майкл Миллэдж последовать за Мэрилин в Энн-Арбор, перехватить её у торгового центра и заманить в уединённое место для расправы?

Судебно-медицинское исследование тела Мэрилин Скелтон показало, что девушка подверглась жесткому и, по-видимому, длительному избиению. Её били как руками и ногами (были обнаружены следы ударов ботинком), так и широким поясным ремнём. Многочисленность кровоподтёков и осаднений кожи свидетельствовали о растянутости во времени процесса избиения, который преступник, видимо, несколько раз прерывал. Это указывало на наличие у него уединённого и безопасного убежища, в котором он мог не торопиться с расправой и не бояться того, что крики жертвы могут быть услышаны случайными прохожими или соседями.

Эта фотография не имеет отношения к делу Мэрилин Скелтон и приведена здесь сугубо для иллюстрации того, какие следы на теле могут оставлять удары пряжкой поясного ремня.

О вагинальном половом акте судмедэксперт не мог сказать ничего определённого ввиду обширных повреждений,

обусловленных введением во влагалище палки, но об имевшем место анальном совокуплении высказался вполне уверенно. Преступник несколько раз начинал душить Мэрилин, на что указывали легко распознаваемые синяки на шее, но не асфиксия явилась причиной смерти (видимо, душение являлось своеобразным развлечением для убийцы, способом усилить страдания жертвы). Непосредственной причиной смерти Скелтон явились травмы мозга и сопутствующие им обширные кровоизлияния, обусловленные ударами молотком по голове. Кости черепа были сломаны в трёх местах. Эти удары должны были вызвать не только внутреннее, но и весьма обильное наружное кровотечения; кроме того, в момент нанесения ударов имело место разбрызгивание крови. Преступник не мог избежать попадания крови жертвы на свою одежду, если только не воспользовался прорезиненным плащом вроде тех, в которых работают забойщики скота. Вообще же, убийство Мэрилин Скелтон можно было охарактеризовать как крайне жестокое, девушка умирала долго и в последние часы жизни пережила тяжёлые страдания.

Гибель с интервалом в четыре дня двух молоденьких девушек вызвала настоящий шок в округе Уоштеноу. Больше всего жителей (да и правоохранителей тоже) смущала внезапная активность преступника после заявления экстрасенса Джэнни Диксон. Та словно спровоцировала его агрессию. Казалось несомненным и то, что злоумышленник внимательно следит за криминальными новостями — и это заставило представителей правоохранительных органов впредь проявлять максимальную осторожность в общении с журналистами.

Принятые меры предосторожности позволили скрыть от средств массовой информации важное направление розысков, которое неожиданно обнаружилось в конце марта 1969 г. Дело заключалось в том, что 30 марта в отдел расследования убийств полиции Энн-Арбор явился человек в штатском, оказавшийся сержантом аналогичного подразделения полиции города Бентон-Харбор (Benton Harbor), расположенного примерно в 230 км западнее. Этого человека звали Джозеф Мич (Joseph Mich), и он считал, что в его руках находится разгадка таинственных преступлений в округе Уоштеноу. С собой сержант принёс внушительных размеров коробку, внутри которой оказались сложены материалы трёх уголовных расследований, проведённых полицией Бентон-Харбор в 1965 г. Собственно, сам же Джозеф Мич этими расследованиями и занимался.

В 1965 г. Бентон-Харбор был спокойным и даже курортным городком (сейчас в городе более половины населения —

чернокожие, так что о былой эпохе процветания можно прочесть разве что в местной библиотеке да услышать в воспоминаниях стариков). В городке владели недвижимостью многие воротилы бизнеса из Детройта и Чикаго, место это славилось прекрасными пейзажными парками, пляжами на озере Мичиган и яхтенными стоянками; по российским меркам это был практически курортный городок с населением всего-то в 9 тыс. человек. Имелась довольно влиятельная во всех отношениях еврейская община, синагога, еврейское кладбище, в общем, местечко это в криминальном отношении было по-настоящему тихим и безопасным. Потому-то события 1965 года по-настоящему потрясли его жителей.

Неизвестный убийца сначала зверски убил Мэри Джонс, 37-летнюю мать двоих детей. Причём эпитет «зверски» надо понимать буквально — преступник не только жестоко изнасиловал свою жертву, избил её ремнём и ногами, засунул во влагалище обрезок газовой трубы, но и… отрубил женщине голову. Не с первого раза, как засвидетельствовала судебно-медицинская экспертиза, а после нескольких попыток — убийца сначала ударил по шее жертвы не менее 3 раз топором, после чего ножом разрезал нерассечённый остаток плоти. Затем последовало нападение на 60-летнюю Амелию Бойер, которую преступник также долго избивал руками, ногами и подручными предметами. Затем, добившись, видимо, полного подчинения жертвы, изнасиловал женщину, после чего добил её ударами молотка, расколовшими череп на более чем 40 осколков. (С точки зрения судебной медицины количество осколков костей черепа свидетельствует о величине прилагаемой силы, так как кости черепа являются одними из прочнейших в человеческом скелете. В данном случае не будет ошибкой сказать, что убийца был очень силён физически, и степень его агрессии можно квалифицировать как чрезмерную по отношению к жертве — её можно было убить намного проще и быстрее, а значит, эффективнее с точки зрения затрат сил и времени.). В анальное отверстие своей жертвы убийца ввёл горлышко винной бутылки, которую, возможно сам же и выпил (либо допил). И уже после убийства Амелии Бойер последовал «заключительный аккорд», потрясший жителей Бентон-Харбора — убийца напал на 7-летнюю девочку Дайан Картер, жестоко её изнасиловал, избил и в конечном итоге зарезал, нанеся более 30 ножевых ударов. Ни в одном из трёх эпизодов убийца не оставил отпечатков пальцев и следов спермы. Вернее сказать, может, таковые и были, но криминалисты обнаружить их не смогли — всё-таки опыта у них было маловато.

Сержант Джозеф Мич был тем человеком, кто вёл

расследования по всем трём делам. На основании многочисленных допросов, анализа следственных материалов и консультаций с психиатрами он считал, что во всех трёх случаях действовал один и тот же сексуально одержимый преступник, который не был знаком со своими жертвами, который их выслеживал и — самое главное! — после трёх убийств уехал из города. Серия убийств осталась в 1965 г. не раскрыта, и сержант считал, что теперь таинственный сексуальный маньяк объявился в Энн-Арбор.

Сообщение сержанта произвело громадное впечатление на всех, занятых расследованиями убийств девушек в округе Уоштеноу. Действительно, если убийца покинул Бентон-Харбор, скажем, в 1966 г. или начале 1967 г., и перебрался в окрестности Энн-Арбор или Ипсиланти, то после некоторой адаптации к новым условиям и изучения местности он вполне мог к середине 1967 г. освоиться до такой степени, чтобы в июле совершить нападение на Мэри Флезцар. Информация Джозефа Мича позволяла резко сузить круг подозреваемых — следователям надо было искать человека, проживавшего в округе Беррьен (Berrien) либо непосредственно в Бентон-Харборе в 1965 г. и чуть позже, а затем переехавшего в округ Уоштеноу. В 1967 г. этот человек мог владеть (либо пользоваться) серо-синим микроавтобусом «шевроле», а в дальнейшем у него мог появиться седан-«универсал» зелёного или коричневого цветов. Мужчина этот явно молод, может располагать к себе девушек, кажется надёжным и не внушает опасности. Возможно, он работает в охране университета или любой другой охранной фирме, а возможно — в организации, привлекаемой администрацией университета для хозяйственных или транспортных услуг. И хотя следствие не располагало словесным портретом подозреваемого, казалось, наконец-то появился серьёзный материал, с которым можно работать.

На самом деле, конечно, ценность информации, сообщённой сержантом Мичем, переоценивать не следовало. Строго говоря, вывод о том, что все три убийства в Бентон-Харбор совершены одним лицом, выглядит недостаточно обоснованно. Конечно, совпадение по времени всех трёх нападений кажется подозрительным, но это может быть именно совпадение и ничего более. Выбор объектов посягательств, манера совершения преступлений, использование оружия — всё это слишком разнится от эпизода к эпизоду и заставляет сомневаться в том, что Джозеф Мич в своих рассуждениях стоял на правильном пути.

Тем не менее первая декада апреля 1969 г. прошла в деятельной проверке возможной связи убийств девушек в округе

Уоштеноу с тремя убийствами в Бентон-Харбор. А затем следствие сделало немыслимый зигзаг, надолго направивший усилия детективов в самое неожиданное русло. А произошло следующее: к начальнику полицейского управления Энн-Арбор явился судебный психиатр Эймс Роби (Ames Robey), директор Центра судебной психиатрии в Ипсиланти, человек довольно известный в кругу специалистов в том числе и потому, что принимал непосредственное участие в "деле Бостонского Душителя", и сделал в высшей степени интригующее заявление. По словам доктора, к убийствам студенток может быть причастен некий аспирант Восточно-Мичиганского университета Дэвид Паркер. Последний был родом из Бостона, учился в Гарвардском университете, но оставил учёбу там из-за скандала и теперь вот объявился в Энн-Арбор. Причём о появлении этого человека в городе Эймс Роби узнал совершенно случайно — он увидел местную газету с репортажем о студенческой акции, направленной против владельцев жилья, неумеренно завышающих плату для студентов университета. Возглавлял инициативную группу студентов не кто иной, как Паркер, человек, который был одним из основных подозреваемых в деле "Бостонского Душителя". Эймс Роби хорошо его знал, потому что в своё время обследовал Паркера в Бриджуотере, психиатрической клинике тюремного типа, в которой содержался и Де Сальво, человек, официально признанный "Душителем".

Эймс Роби — психиатр, отметившийся в целой серии очень интересных и даже сенсационных уголовных расследований. В начале 60-х гг. Эймс работал в клинике тюремного типа Бриджуотер в штате Массачусетс, где его пациентами были Нассар и Де Сальво. С последним врач сохранил очень дружеские и даже доверительные отношения — именно Эймсу Роби накануне своего убийства в тюремной больнице в ноябре 1973 г. и позвонил Де Сальво. По утверждению психиатра, тот пребывал

в состоянии паники и растерянности. Де Сальво в ходе телефонного разговора заявил ему, что намеревается отречься от своего признания в убийствах «Бостонского Душителя». Узнав о последовавшем убийстве Альберта в тюремной больнице, Эймс Роби сделал официальное заявление, раскрыв содержание этого телефонного разговора, но его утверждения были поставлены под сомнение как Департаментом юстиции Массачусетса, так и Ли Бейли, поверенным в делах Де Сальво. В конце 60-х гг. прошлого века Эймс Роби, переехавший в Мичиган, заявил, что «убийцей студенток» является не кто иной, как сам «Бостонский Душитель». На протяжении всех 70-х гг. и начала 80-х Эймс Роби привлекался в качестве консультанта или независимого эксперта к расследованию большого количества преступлений по всей территории США.

Паркер, по словам Эймса Роби, был исключительно умён, он продемонстрировал при обследовании в Бриджуотере IQ выше 155. Это был высокоорганизованный, с развитым перспективным мышлением молодой человек. При явной незаурядности интеллекта его с полным основанием можно было отнести к настоящим женоненавистникам. Собственно, нелады Паркера с законом как раз и начались с того, что тот попытался задушить свою жену, которая, кстати, находилась на 6-ом месяце беременности. Студенту Гарварда грозил реальный тюремный срок, однако в процессе следствия стали выясняться интересные подробности — друзья сообщили, что Паркер грозился «освободить» мир от женщин, подолгу переживал состояние дисфории, сменявшееся всякий раз приступом неконтролируемого гнева. На многие даты нападений «Бостонского Душителя» Паркер не имел alibi, и это сделало его одним из шести самых перспективных подозреваемых на роль таинственного убийцы. Он появился в Бриджуотере именно как потенциальный «Душитель», и лишь тот факт, что Де Сальво принял на себя вину за убийства женщин в Бостоне, спасло Дэвида Паркера от самых неприятных для того последствий. По мнению психиатра, именно Паркер был причастен к убийствам женщин в Бостоне, а отнюдь не бедолага Де Сальво, который принял на себя вину за чужие преступления в расчёте на материальные дивиденды — издание книги и продажу авторских прав на её экранизацию. И пока Де Сальво добросовестно играл свою игру, выпущенный из лечебницы Паркер быстренько отчислился из Гарварда и скрылся из штата. Поступив в аспирантуру Восточно-Мичиганского университета и выждав пару лет с целью добиться оптимальной социальной мимикрии,

Паркер вернулся к своим прежним проделкам. Роби заявил, что убийства Джоан Шелл летом 1968 г. и Мэрилин Скелтон в конце марта 1969 г. — это типичные преступления «Бостонского Душителя». На шеях обеих жертв были завязаны детали их собственной одежды (мини-юбка и пояс для чулок), телам были приданы непристойные позы с широко разведёнными ногами, в случае с Мэрилин Скелтон убийца ввёл инородный предмет во влагалище погибшей. Всё это делал и «Бостонский Душитель» — завязывал на шеях жертв детали одежды (чулки, пояс от халата и прочие), разводил трупам ноги и даже подставлял под них стулья, постоянно «игрался» с различными предметами, которые либо извлекал, либо оставлял в полостях жертвы (однажды он оставил введённой во влагалище рукоять швабры). Эймс Роби считал, что его бывший пациент вернулся к своему любимому развлечению, и то, что сейчас происходит в округе Уоштеноу, является по сути своей продолжением серии бостонских убийств первой половины 60-х гг.

Паркер, по мнению Эймса, пребывал в уверенности, что никто не сможет провести параллель между его появлением в Мичигане и началом здесь убийств, но по иронии судьбы психиатр в точности повторил его маршрут и также переселился в Мичиган. Он уехал из Массачусетса, получив весьма выгодное предложение превратиться из рядового врача-психиатра в руководителя крупного медицинского центра. И надо же было такому случиться, чтобы по прошествии четырёх лет жизненные пути Паркера и Роби вновь пересеклись, на этот раз уже за сотни километров от Бостона!

Рассказ Эймса Роби вызвал у начальника полиции и детективов отдела расследования убийств, разумеется, массу вопросов. И самый главный из них был самым очевидным: как Дэвид Паркер может быть "Бостонским Душителем", если Альберт Де Сальво благополучно сознался во всех убийствах, приписываемых первому, и теперь отбывает свой тюремный срок? Имелся и другой вопрос, требовавший ответа: "Душитель" потому и получил своё прозвище, что душил жертвы, в то время как убийца в Мичигане жесточайшим образом их избивал и пускал в ход разнообразное оружие — нож, молоток, пистолет… О каком совпадении манеры преступных действий можно тут говорить?

И вот тогда Эймс Роби действительно ошарашил полицейских и работников прокуратуры. Уважаемый психиатр заявил, что "дело Бостонского Душителя" фальсифицировано и Де Сальво таковым не является. Напомним, что речь идёт о весне 1969 г., когда предположения такого рода никем ещё не высказывались. Фактически Роби явился родоначальником конспирологической

версии, выглядевшей поначалу очень дико, но по прошествии нескольких десятилетий ставшей очень и очень популярной в США.

Данный момент требует некоторого пояснения не только потому, что непосредственно относится к настоящему повествованию, но и потому, что действительно представляется в известной степени занимательным. Упомянутому убийце посвящено моё довольно объёмное исследование, изданное в 2019 году с использованием книгоиздательской платформы «ридеро» — имеется в виду книга: Ракитин А. И. «История Бостонского Душителя. Хроника подлинного расследования. Книги I — II». Поскольку эта работа ныне находится в продаже и доступна во всех магазинах электронной торговли, автор позволит себе предельно краткое отступление без погружения в излишние детали.

Считается, что пресловутый «Бостонский Душитель» начал свою активную преступную деятельность в июне 1962 г. и прекратил безо всякого видимого мотива в январе 1964 г. Личность его не была установлена прокурорским расследованием, которое, кстати, курировал Генеральный Прокурор штата Массачусетс. Кто был таинственным преступником, так и оставалось загадкой для всех вплоть до февраля 1965 г., когда убийца Джордж Нассар, проходивший психиатрическое обследование в специализированной клинике тюремного типа «Бриджуотер», сообщил своему адвокату Ли Бейли, что ему известны имя и фамилия «Душителя». По уверению Нассара, таковым был его сокамерник Альберт Де Сальво, который готов сделать соответствующее признание, но нуждается в юридической консультации.

Джордж Нассар — почти заурядный убийца, прославившийся тем, что сидя в одной камере с Альбертом Де Сальво во время психиатрического обследования в Бриджуотере в феврале 1965 г., уговорил последнего сознаться в том, что именно он и является "Бостонским Душителем". Тот факт, что именно Нассар оказал сильное влияние на Де Сальво и всячески способствовал сознанию последнего (в частности, свёл Де Сальво со своим адвокатом Ли Бейли), побуждает многих независимых исследователей видеть "Бостонского Душителя" в нём самом. Эймс Роби, хорошо знавший обоих заключённых, считал, что Нассар подходит на роль "Бостонского Душителя" гораздо больше, чем Де Сальво, хотя психиатр всё же не считал Нассара серийным убийцей.

Тут надо особо подчеркнуть, что и Нассар, и Де Сальво были хорошо известны Эймсу Роби — врач обследовал обоих и

установил с пациентами неплохой психологический контакт. Впоследствии, после того, как Де Сальво перевели из "Бриджуотера" в обычную тюрьму, тот продолжал звонить психиатру, рассказывая о своей жизни и консультируясь по различным медицинским вопросам. Позвонил он Эймсу и накануне своего убийства в ноябре 1973 г., сообщив в телефонном разговоре, что его жизни грозит опасность и что он желает сделать заявление о том, что никогда не совершал преступлений "Бостонского Душителя". Но это произойдёт много позже описываемых событий, так что тут мы несколько забежали вперёд.

Итак, Ли Бейли услышал от Нассара историю про его соседа по камере и, разумеется, ухватился за уникальную возможность стать тем человеком, который откроет миру имя "Бостонского Душителя". Адвокат согласился на встречу с Де Сальво, после которой стал официальным представителем последнего. И вот тут-то события приобрели по-настоящему интригующий характер.

Ли Бейли направился к руководителю Особой группы, созданной Генеральным прокурором штата Массачусетс Эдвадом Броком специально для поимки "Бостонского Душителя", и передал условия сделки с обвинением, на которых настаивал Альберт Де Сальво (разумеется, сохраняя его имя в тайне). Преступник выдвигал сравнительно умеренные требования — он хотел, чтобы его никогда не обвиняли в убийствах, в которых он сознается. Кстати, аналогичная договорённость спустя более 35 лет была достигнута с другим известнейшим серийным убийцей — Гэри Риджуэем (об этой истории можно прочесть в очерке "Охотник за головами с берегов Грин-ривер", размещённом на нашем сайте). Здесь пытливый читатель может, конечно, спросить озадаченно: а на кой ляд непойманному убийце сознаваться в преступлениях, в которых его никто не обвиняет и обвинять не собирается? И этот вопрос не только оправдан, но и закономерен, но вот ответ на него будет дан чуть позже.

В общем, начальник Особой группы Джон Боттомли немедленно ухватился за предложение Ли Бейли, сделанное от имени покуда ещё неизвестного убийцы. Для того чтобы удостовериться в том, что перед ними не сумасшедший, оговаривающий самого себя, было решено сформулировать 5 вопросов, связанных с конкретными деталями различных убийств, ответы на которые может знать только преступник.

Слева вверху: Генеральный прокурор штата Массачусетс в первой половине 60-х гг. прошлого столетия Эдвард Брок. Разоблачение «Бостонского Душителя» открыло перед Броком возможность большой политической карьеры — тот стал конгрессменом от штата. Вверху справа — Джон Боттомли, ставленник Эдварда Брока на посту начальника Особой группы, занимавшейся розыском «Бостонского Душителя». Боттомли был личным другом Брока и попал на эту должность, совершенно не имея опыта ведения уголовных расследований, тем более таких необычных преступлений, как многоэпизодные особо жестокие нападения на женщин. Формально Боттомли являлся юристом, но специализировался на имущественных отношениях в сфере недвижимости, что, согласитесь, не имеет ни малейшего отношения к уголовному праву, криминалистике и криминальной психологии. Тем не менее Боттомли сделал своему другу столь желанный подарок в виде разоблачения серийного убийцы и обеспечил феноменальную победу на выборах. Внизу: Ли Бейли в молодости. С истории его переговоров с «Бостонским Душителем» началась потрясающая профессиональная карьера Ли Бейли, основавшего собственную юридическую фирму и ставшего в

конце 90-х гг. прошлого столетия самым высокооплачиваемым адвокатом по уголовным делам в США.

Ли Бейли явился к Де Сальво и под запись на магнитофон предложил тому ответить на эти вопросы, что Де Сальво и сделал, не задумываясь. Вопросы, надо сказать, были довольно коварными, например, в одном из них предлагалось сказать, сколько было пачек сигарет в блоке "Marlboro", упавшем на пол во время одного из нападений. В блоке нашли 9 пачек, а ещё одна, десятая, отлетела под комод, где и была найдена криминалистами. О её существовании знали буквально 4 или 5 членов Особой группы, во всех же заметках и репортажах сообщалось о том, что убийца забрал одну из пачек с собою. Де Сальво совершенно верно сообщил о пачке, залетевшей под комод, которую он не стал оттуда вынимать. Другой вопрос касался исчезнувшей гигиенической прокладки одной из жертв. Криминалисты отыскали её засунутой глубоко между мягкими подушками кресла. И Де Сальво безошибочно сообщил, что именно в кресле он её и спрятал. Ещё один вопрос касался музыки, которую слушала одна из жертв во время нападения — Де Сальво верно сообщил, что хозяйка квартиры поставила пластинку с какой-то классической музыкой, хотя он и не мог сказать, с какой именно. Примечательно, что ещё одна пластинка была сфотографирована лежащей на подлокотнике кресла, из-за чего можно было решить, что женщина закончила прослушивание музыки и отправилась в ванную комнату. На самом же деле музыка продолжала звучать, и это помогло убийце замаскировать шум борьбы. В общем, Де Сальво убедил Особую группу в том, что именно он и является "Бостонским Душителем". Его лично допрашивал руководитель группы, и стенограмма этого допроса заняла 78 машинописных страниц. После этого Джон Боттомли официально сообщил Генеральному Прокурору штата Эдварду Броку о том, что личность преступника установлена и тот даёт признательные показания. Генеральный Прокурор Массачусетса, в свою очередь, тут же транслировал эту новость общественности, поставив успех в заслугу возглавляемому им ведомству.

Поспешность этого "рапорта об успехе" поразила даже сотрудников Особой группы, большинство которых вообще не знали о существовании Де Сальво и сути сделанных им признательных показаний. Не знал некоторое время о признании своего пациента и Эймс Роби. Когда же ему стало известно о том, что Де Сальво принял на себя "роль Бостонского Душителя", то это известие сразу вызвало скепсис психиатра. Роби ставил под сомнение истинность "признания" Де Сальво в силу следующих

обстоятельств:

— Де Сальво был арестован за серийные изнасилования, не сопряжённые с применением грубой физической силы. Он обманывал женщин, представляясь им сотрудником модельного агентства, занятого поиском моделей для рекламы. Он измерял женщин сантиметровой лентой, просил раздеться, чтобы оценить фигуру и тому подобное, поэтому детективы, разыскивавшие его, присвоили ему прозвище "Измеритель". Были у него и другие условные клички: "Насильник в Зелёных штанах" и "Зеленщик". Прозвища эти говорят сами за себя — Де Сальво любил зелёные хлопчатобумажные брюки и иногда ходил по домам потенциальных жертв, предлагая столовую зелень. Строго говоря, Де Сальво действовал не как грубый насильник, а хитроумный обольститель. Он признавался Эймсу Роби, что вступал в половую связь более чем с 300-ми женщинами, но никогда не применял физическую силу, а действовал обманом. Роби имел возможность лично убедиться в том, что Де Сальво хорошо воспитан, имеет отлично подвешенный язык и вовсе не является женоненавистником;

— жена Де Сальво, с которой Эймс Роби встречался в рамках проводимой психиатрической экспертизы её мужа, показала, что тот никогда не бил её и не грозил избиением. Де Сальво очень любил свою маленькую дочь, с большим трепетом и состраданием относился к её физическому недостатку (она имела врождённый анатомический дефект), что совершенно противоречит образу классического женоненавистника;

— Де Сальво сделал свои «признания» в расчёте на то, что сумеет хорошо на этом заработать. Он предполагал написать от имени «Бостонского Душителя» книгу и продать права на её экранизацию. При этом Альберт понимал, что вряд ли выйдет скоро на свободу, поскольку за преступления в роли «Измерителя» он мог получить срок в 20 и более лет содержания под стражей. Он желал обеспечить безбедное существование своей жене и дочери, и подобная озабоченность их судьбой, по мнению Эймса Роби, совершенно не соответствовала психотипу «Бостонского Душителя»;

— Де Сальво был отличным спортсменом, много лет занимался боксом и во время службы в армии стал чемпионом по этому виду спорта среди спортсменов группы американских войск в ФРГ. Для того чтобы подавить сопротивление женщины, если бы он вдруг пожелал это сделать, ему вовсе не требовалось пускать в ход молоток или нож — он бы обошёлся всего одним-двумя ударами в голову. Между тем, «Бостонский Душитель» действовал порой с чрезвычайной кровожадностью. Так, например, самой

первой своей жертве — Анне Слесерс, убитой 14 июня 1962 г. — преступник проломил череп многочисленными ударами тяжёлого предмета, принесённого с собою, чем-то вроде молотка, гантели или газового ключа. В другом случае — при убийстве Беверли Саманс в мае 1963 г. — «Душитель» пустил в ход нож, нанеся 16 ударов в верхнюю часть торса и шею жертвы. Это означает, что преступник сомневался в своей способности быстро подавить сопротивление женщины, что совершенно не соответствует образу Де Сальво, который даже в тюрьме чувствовал себя довольно спокойно и уверенно и быстро попал в сравнительно узкий круг «авторитетов»;

«Бостонский Душитель» был «душителем» весьма условным. Он не раз использовал при нападениях холодное оружие, которым и наносил смертельные ранения жертвам. Снимок слева: потёки крови под головой Анны Слесерс, которой были нанесены удары тяжёлым тупогранным предметом наподобие газового ключа. Справа: окровавленный нож, который «Бостонский Душитель» использовал при нападении на Беверли Саманс. Этим ножом убийца нанёс 16 ранений, повлёкших скорую смерть жертвы. Преступник зачастую не душил женщин, либо это душение имело скорее символический характер, нежели на самом деле являлось способом умерщвления. Эймс Роби знал об этих деталях и считал, что они являются серьёзным свидетельством непричастности Альберта Де Сальво к нападениям «Бостонского Душителя».

— не имелось никаких улик, указывающих на то, что Де Сальво мог быть «Бостонским Душителем». Более того, даже внешне он не очень-то соответствовал имевшемуся описанию преступника как рыжеволосого субъекта, о чём есть свидетельства людей, видевших его. Но Де Сальво был жгучим брюнетом и никогда не красил волосы в рыжий цвет. Особая следственная группа располагала прекрасным описанием преступника,

полученным от человека, наблюдавшего за ним во время совершения последнего преступления из дома напротив. Свидетель определённо утверждал, что убийца рыжеволосый. Эта деталь ему особенно хорошо запомнилась потому, что свидетель видел, как убийца намочил волосы водой из-под крана и расчесал их перед зеркалом.

Портрет «Бостонского Душителя», нарисованный полицейским художникам на основании описаний свидетелей, видевших преступника. Можно подумать, что портрет похож на Альберта Де Сальво, однако доктор Эймс Роби не без оснований считал, что на самом деле этот рисунок куда больше напоминает Нассара, сокамерника Де Сальво в клинике «Бриджуотер». Кроме того, имелись сведения о том, что «Бостонский Душитель» рыжеволос, в то время как Де Сальво был брюнетом. Зато рыжие волосы имел Дэвид Паркер, ещё один психопат из «Бриджуотера», уехавший из Бостона в Энн-Арбор после того, как в преступлениях «Бостонского Душителя» сознался бедолага Де Сальво.

— Де Сальво сыграл роль "Бостонского Душителя" вовсе не являясь таковым, но Прокуратура штата умышленно подыграла ему потому, что Генеральный Прокурор Эдвард Брок баллотировался в Конгресс США и дал в самом начале избирательной компании клятву найти "Душителя". Руководитель Особой группы Джон Боттомли был личным другом Брока и попал на эту должность только в силу личной преданности последнему. Боттомли был юристом, но специализировался на сделках с недвижимостью и до этого назначения не участвовал ни в одном уголовном расследовании. Более того, до допроса Де Сальво он вообще ни разу не допрашивал подозреваемых в

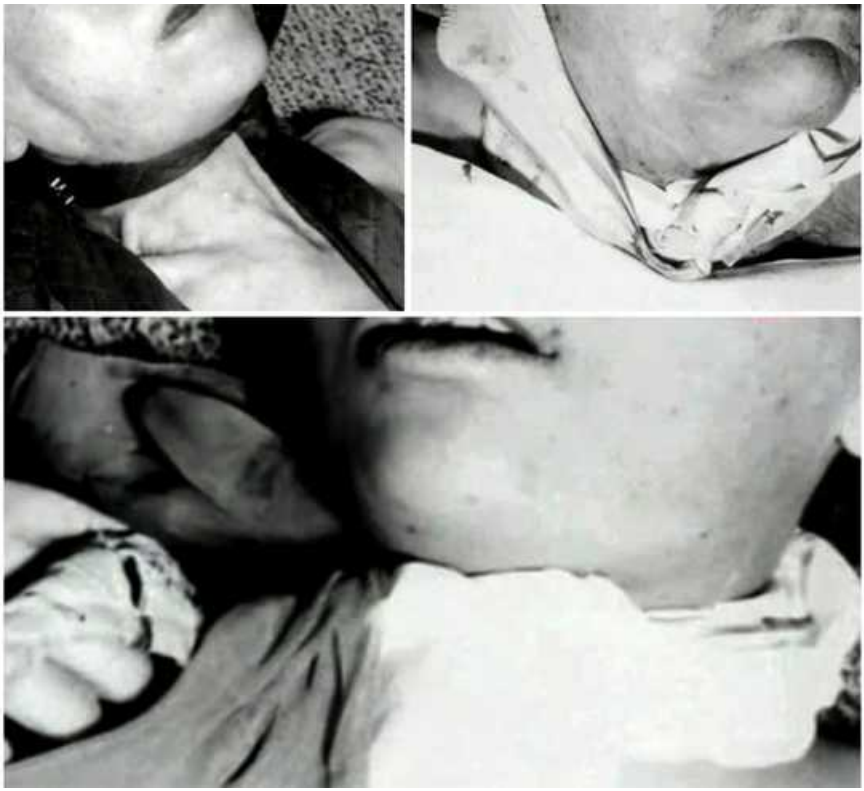
совершении тяжкого насильственного преступления. Понятно, что о его компетентности в этом вопросе можно говорить весьма условно!

— Де Сальво, скорее всего, в своих развёрнутых «признательных показаниях» допустил большое количество ошибок и противоречий. Именно по этой причине аудиозаписи его допросов суммарной продолжительностью более 50 часов не преданы огласке, несмотря на многочисленные обращения журналистов. Журналистам переданы лишь несколько небольших фрагментов, имеющих низкое качество звука, и это заставляет подозревать «грязную игру» со стороны представителей Прокуратуры штата. (То же самое можно сказать и по состоянию на 2023 г. Официально аудиозаписи допросов Де Сальво переданы на ответственное хранение в ФБР, и их содержание остаётся секретным по сей день.).

Понятно, что подобное заявление Эймса Роби произвело на детективов полиции Энн-Арбор сильное, хотя и неоднозначное впечатление. Фактически психиатр обвинил конгрессмена Эдварда Брока в фальсификации расследования (пусть не напрямую, а руками начальника Особой группы Джона Боттомли, но это сути высказанных обвинений не меняло). Кроме того, Эймс Роби привёл доводы в пользу того, что "Бостонский Душитель" прекратил свои нападения в Бостоне и перебрался в Мичиган, где теперь убивает студенток Восточно-Мичиганского университета. Основные из этих доводов сводились к следующим аналогиям:

— «Бостонский Душитель» использовал при нападениях разнообразное оружие. То же самое демонстрировал и убийца из Мичигана;

— «Бостонский Душитель» повязывал на шеи убитых им женщин разнообразные детали их туалета — поясок халата, чулки, пояс для чулок и прочие. Убийца из Мичигана как минимум дважды проделал то же самое (в случаях Джоан Шелл и Мэрилин Скелтон);

Различные виды повязок, оставленных «Бостонским Душителем» на шеях своих жертв. Преступник использовал для их изготовления детали женского туалета — чулки, бюстгальтеры, даже поясок халата и тому подобное. В большинстве случаев это не были удавки, то есть эти предметы не использовались для душения жертв, а представляли собой именно повязки. Другими словами, «Бостонский Душитель» демонстрировал устойчивую постмортальную манипуляцию, не имевшую практического значения и являвшуюся по сути привычкой или, скорее, своеобразным ритуалом.

— "Бостонский Душитель" стремился максимально обнажать свои жертвы. Аналогично поступал и убийца студенток. Единственной из пяти его жертв более или менее одетой оказалась Джейн Миксер;

— "Бостонский Душитель" вводил в полости убитых им женщин инородные предметы — рукояти швабр, электрические лампочки и прочие — иногда извлекая их, а иногда и оставляя до появления полиции. Как минимум один раз также поступил и мичиганский убийца, когда ввёл во влагалище жертвы подобранную с земли палку. Возможно, что-то подобное он проделывал и в других случаях, но детективы и криминалисты

при осмотре мест обнаружения тел просто не обратили должного внимания на окружающие предметы. В Бостоне же подобные осмотры всегда проводились очень тщательно и притом высококлассными специалистами, поэтому предметы, с которыми "играл" убийца, они определяли даже в тех случаях, когда тот извлекал их из тел.

Остаётся добавить, что Эймс Роби к 1969 г. уже считался большим знатоком судебной психиатрии. В 1965 г. он опубликовал первый перечень критериев, которые позволили бы диагностировать психические отклонения преступников по характерным элементам их поведения во время совершения преступного деяния. Методика, предложенная Роби, показалась настолько ценной и перспективной с точки зрения её использования на практике, что Гарвардская медицинская школа (то есть медицинский факультет Гарвардского университета в нашем понимании) вплоть до 1973 г. выделяла гранты на её апробацию и развитие.

Поэтому понятно, что мичиганские правоохранители не могли просто так отмахнуться от заявления Эймса Роби. Они и не отмахнулись, хотя результат оказался не таким, на какой рассчитывал сам психиатр.

Дэвида Паркера, которого Роби подозревал в убийствах в Бостоне и Мичигане, взяли в плотную оперативную разработку. Но вместе с ним под подозрение попал и бедолага Эймс. **В конце концов, почему бы ему самому не быть «Бостонским Душителем», который явился в полицию, чтобы бросить тень подозрения на невиновного?**

В общем, правоохранительные органы Энн-Арбор, округа Уоштеноу и штата Мичиган получили в начале апреля 1969 г. массу информации для осмысления. Стал всерьёз обсуждаться вопрос о назначении денежного вознаграждения за информацию, способствующую поимке преступника. Обычно вопрос о денежной выплате ставится в тех случаях, когда есть вероятность того, что убийца сменил место жительства — тогда обычно люди, испытывавшие в его присутствии страх или опаску, смелеют и решаются сообщить о своих подозрениях. Если предположение Эймса Роби о появлении в Энн-Арбор "Бостонского Душителя" было справедливо, то знакомые преступника по Бостону вполне могли бы вступить в контакт с полицией, если будут уверены, что останутся в безопасности и получат за свою смелость деньги. Важно было не прогадать с величиной выплаты — ясно, что незначительная сумма вряд ли прельстила бы осведомлённого человека.

Вообще же, вопрос о денежном стимулировании информатора

уже не впервой ставился на повестку дня. Ещё 11 июля 1968 г. один из студенческих союзов Восточно-Мичиганского университета объявил о выплате премии в 300 $ любому, кто даст полезную информацию об убийствах студенток университета. Об этом сообщила местная газета, так что акция получила некоторую известность. Понятно, что студенты действовали от чистого сердца, но малая величина заявленного "бонуса" выглядела просто смехотворно для дела, связанного с жестокими убийствами, в конце концов, ведь не угонщика велосипедов они собирались помочь поймать! Убийца, узнав, что за "его голову" назначили выплату всего-то в 300 $, мог впасть в ярость и решиться на новое убийство исключительно ради того, чтобы доказать свою "серьёзность". Кроме того, рисковали и сами авторы идеи выплаты денег — убийца вполне мог "вычислить" кого-то из них и отомстить персонально.

В общем, детективам дивизиона расследования убийств полиции штата пришлось тогда встречаться с предприимчивыми руководителями студенческого союза ("братства") и убедительно просить их в дальнейшем не предпринимать никаких публичных акций, связанных с проводимым расследованием, не согласовав их предварительно с органами охраны правопорядка. Своей неуместной активностью студенты могли навредить не только следствию, но и самим себе.

В апреле 1969 г. вопрос о назначении денежной выплаты рассматривался уже на куда более серьёзном уровне. Да и сумма выплаты никак не могла быть менее 10 тыс.$, а желательно куда более. Но такие деньги невозможно было произвольно и одномоментно "вытащить" из бюджета города Энн-Арбор или округа Уоштеноу — там просто не существовало резервных фондов или нераспределённых денег такой величины. Возникли предложения об обращении за помощью к попечительскому совету Университета, объединявшему в своих рядах весьма состоятельных и влиятельных лиц, а также крупным спонсорам, прежде всего к компании "Дженерал моторс", имевшей в Мичигане головные производства и всегда поддерживавшей с властями штата самый близкий контакт. Первая половина апреля оказалась напряжённой не только для детективов и криминалистов, непосредственно занятых расследованием убийств последнего времени, но и политиков самого разного калибра, поскольку проблема преступлений в округе Уоштеноу всё более перерастала из чисто уголовной в политическую.

Вечером 15 апреля 1969 г. «служба спасения» приняла сообщение об исчезновении 13-летней Дон Бэйзом (Dawn Basom), ученицы 8 класса «Вэст-Джуниор хай скул» (West-Junior high

school), довольно престижного учебного заведения, расположенного в Ипсиланти по адресу: Северная Мансфилд стрит, дом 105. Это был спокойный и безопасный район города. Ситуация с исчезновением девочки выглядела несколько необычно, поскольку обращений по телефону «службы спасения» было два.

Сначала забили тревогу представители школьной администрации, узнав, что Дон Бэйзом не села в автобус, занятый развозкой учеников по домам после занятий. Девочка жила за городом по адресу ЛеФордж-роад (LeForge-road), участок № 1312, там её мать владела большим земельным наделом и домом. Понятно, что добраться туда самостоятельно 13-летней девочке было непросто. Представитель «службы спасения» отзвонился матери девочки и поинтересовался, известно ли ей о том, что Дон не села в автобус и требуется ли сообщить о происшедшем службе шерифа? Мать — Клео Бэйзом (Cleo Basom) — отнеслась первоначально к сообщению довольно спокойно, ответив, что не видит в этом большой проблемы, поскольку такое уже случалось.

Однако примерно через 2 часа — около 18:00 — мать вместе с сыном, старшим братом Дон, явилась в дом своей родной сестры и сводного брата, проживавших в соседнем доме по адресу ЛеФордж-роад, 1314, и попросила их вызвать службу шерифа. Клео Бэйзом была на грани истерики, она твердила, что ей было видение, из которого следовало, что её дочь пытают и хотят убить. Сводный брат Клео Бэйзом — Роберт Хесс (Robert Hess) — позвонил в «службу спасения» и попросил сообщить в офис шерифа, что 13-летняя девочка без вести отсутствует уже несколько часов. Также он позвонил знакомому врачу и попросил приехать, чтобы сделать успокаивающий укол Клео. У Роберта были все основания отнестись к услышанному серьёзно — сводная сестра некоторое время назад перенесла трагическую гибель мужа и с тех пор страдала расстройством психики, вынуждавшем беспокоиться о её судьбе и безопасности.

Сообщение, как и просил Роберт Хесс, немедленно передали в службу шерифа округа Уоштеноу, и с ним сразу же ознакомился сам шериф Дуглас Харви. По понятным причинам все сообщения о происшествиях с девочками и девушками были в те дни на особом контроле. Бросив всего лишь один взгляд на карту, шериф моментально понял, с чем имеет дело — дом семьи Бэйзом находился всего лишь в 800 метрах от… фермы Кризована, той самой, где в августе 1967 г. было найдено тело Мэри Флезцар. Аналогия напрашивалась недвусмысленная.

DAWN BASOM, 13
(April 16, 1969)

Исчезновение Дон Бэйзом первоначально не выглядело как похищение. Мать девочки даже отказалась сообщать службе шерифа о том, что Дон не села в школьный автобус. Впоследствии выяснилось, что девочка самостоятельно приехала на попутной машине в окрестности дома и на последнем отрезке пути даже встретилась со знакомыми подростками. Дон Бэйзом была похищена менее чем в 1 км от дома. На руку преступнику сыграло то, что это был пустынный и малонаселённый сельский район к северу от Ипсиланти, полный заброшенных построек и заросших бурьяном участков земли.

Шериф тут же ориентировал всех патрульных на осмотр пути, которым пропавшая девочка должна была возвращаться из школы домой. Для активизации поисковой операции были вызваны сотрудники, закончившие смены, также, несмотря на поздний час, последовало обращение в службу коронера с просьбой подготовить бригаду для незамедлительного выезда на место обнаружения трупа, если таковое состоится. Была собрана группа криминалистов, которой предстояло работать в том числе и ночью, дабы не терять времени. Шериф особо предупредил подчинённых о необходимости сохранить в секрете проводимые мероприятия — поскольку преступник имеет привычку возвращаться к местам «сброса трупов», то надо попытаться поймать его с поличным во время такого возвращения. Для этого требовалось скрыть факт обнаружения трупа и провести осмотр прилегающей местности максимально быстро. Но не в ущерб качеству, разумеется!

Всю ночь с 15 на 16 апреля патрули службы шерифа с фонарями в руках осматривали кусты, придорожные канавы и дренажные стоки на пути от участка семьи Бэйзом к Ипсиланти. Ночью пошёл дождь, заметно похолодало, но это не сказалось на интенсивности проводимых работ. Именно благодаря активности и добросовестности патрулей ранним утром 16 апреля 1969 г.

труп Дон Бэйзом был обнаружен вне городской черты Ипсиланти неподалёку от пересечения дорог Гейл-роад (Gale-road) и Врилэнд-роад (Vreeland-road). Шериф Харви правильно «просчитал» ситуацию, хотя его проницательность никак не могла облегчить боль близких погибшей девочки. Шериф поручил расследование убийства сержанту Харольду Керру. (Любопытная деталь, заслуживающая упоминания: Дон Бэйзом дружила с дочерью помощника шерифа округа Уоштеноу лейтенанта Уилльяма Миллхоланда и была в его доме накануне гибели. Лейтенант участвовал в поисках пропавшей девочки, а затем вместе с дочерью проходил по делу как свидетель.)

Тело Дон оказалось частично одето — на ней осталась грубо разорванная белая блузка. Лифчик был завязан вокруг шеи наподобие мужской «бабочки». Лифчик, однако, не являлся инструментом душения — девочку задушили электрическим проводом в чёрной пластиковой изоляции. Этот провод так и остался на шее жертвы. Во рту погибшей оказался носовой платок. Грудь Дон была иссечена большим количеством неглубоких ножевых порезов — их было более десятка. Аналогичным образом убийца изрезал ягодицы погибшей — направленность агрессии убийцы именно на эти части тела свидетельствовала о его зацикленности на них и склонности к фетишизму. Порезы не были смертельны, но должны были дать обильное кровотечение, чего, однако, не отмечалось на предметах окружающей обстановки. Это сразу наводило на мысль о посмертном перемещении тела, другими словами, место обнаружения трупа Дон Бэйзом не являлось местом её убийства.

Как показало последующее судебно-медицинское исследование, проведённое в морге университетского госпиталя, девочка подверглась грубому анальному и вагинальному изнасилованию, возможно, умышленно грубому. Преступник не оставил следов спермы, видимо, используя презерватив — это, вообще-то, весьма удивительная для того времени предусмотрительность, когда не существовало технологии построения ДНК-профиля, да и технология установления группы крови по сперме (так называемое "выделительство") только-только прошла этап научной апробации и ещё не получила широкого внедрения на практике. Видимо, преступник имел привычку пользоваться презервативом сугубо из соображений гигиены и удобства. Смерть Дон Бэйзом последовала в результате механической асфиксии, орудием убийства явился обрезок электрического провода длиной около 60 см, дважды обмотанный и затянутый убийцей вокруг шеи девочки. Ножевые ранения груди и ягодиц были прижизненны, но наносились на

завершающем этапе издевательств и пыток, которым подвергалась жертва нападения. Время наступления смерти было отнесено экспертами к 20–22 часам 15 апреля. Это означало, что преступник довольно долго глумился над жертвой, около 2 часов или даже более, видимо, не беспокоясь по поводу того, что ему могут помешать.

Детективы, осматривавшие территорию, прилегавшую к месту обнаружения тела Доны Бэйзом, обнаружили в кустах на другой стороне дороги одну из туфель, в которые была обута погибшая.

Туфелька Дон Бэйзом, заброшенная убийцей в кусты на противоположной стороне дороги.

Местоположение находки наводило на мысль, что преступник, выбросив тело убитой им девушки, вернулся к машине и обнаружил в салоне свалившуюся с ноги туфлю. Недолго думая, он просто забросил её в кусты, в сторону противоположную той, в которую отнёс тело. После этого уселся в машину и поехал. Но если преступник так просто выбрасывал вещи из салона, то, может быть, он выбросил что-то ещё?

Предположение оказалось продуктивным — прочёсывая с обеих сторон придорожную территорию, сотрудники службы шерифа вскоре отыскали вторую туфлю, парную первой. Расстояние между находками не превышало 50 м. Логика действий убийцы читалась, как говорится, «на раз». Выбросив первую туфлю, он тронул машину с места, но, не разогнав её до большой скорости, принялся осматривать салон в поисках второй туфли. Довольно скоро он её обнаружил и, не останавливаясь, выбросил в окно. Нахождение обуви погибшей оказалось очень важным — оно однозначно указало направление движения

машины преступника. А поскольку он не разворачивался на дороге (на грунтовке с невысокой активностью движения следы разворота были бы хорошо различимы), то, зная направление движения, можно было сказать, откуда убийца прибыл. Подъезжал он с противоположной стороны.

Эти фотоснимки сделаны ранним утром 16 апреля 1969 г. на месте обнаружения трупа Дон Бэйзом. Шериф Дуглас Харви — а на фотографии слева это именно он рассматривает следы на грунте — принял личное участие в осмотре района обнаружения тела Дон Бэйзом.

Поэтому пока одна часть патрульных прочёсывала местность в «направлении отхода» преступника, другая по приказу шерифа двинулась в обратную сторону — в «направлении подхода». Расчёт следователя оказалась верен — буквально в 350–400 м несколько в стороне от дороги была обнаружена пустая ферма, а на её территории — заброшенный сенной сарай, который сразу привлёк внимание детективов и криминалистов. Место выглядело идеальным для совершения преступления — находящийся внутри мог слышать звук мотора задолго до появления подъезжающего автомобиля, кроме того, появление случайного бродяги в вечернее время казалось здесь крайне маловероятным. Другими словами, преступник мог в этом месте уединиться со своей жертвой и не опасаться, что ему помешают. По иронии судьбы сарай этот находился менее чем в 2 км до конечной точки маршрута Дон Бэйзом.

Заброшенная ферма, расположенная примерно в 400 м от места обнаружения трупа Дон Бэйзом, явилась местом расправы над девочкой. Сарай, в котором были обнаружены её вещи, расположен на дальнем плане, он закрывает собою вышку «ветряка».

При осмотре строения криминалисты обратили внимание на электрическую проводку, которая имела чёрную пластиковую изоляцию, напоминавшую ту, что имел провод, использованный для душения девочки. После этого внимание детективов привлекла куча щебня, насыпанная в сарае — было видно, что её ворошили, причём, судя по следам на полу, делали это ногами, а не лопатой. Детективы принялись аккуратно разгребать щебень, и их догадка получила блестящее подтверждение — сначала детектив Томас Келли нашёл оранжевый свитер, а затем жакет, являвшийся частью школьной формы. Обе детали одежды принадлежали Дон Бэйзом. Это позволило предположить, что детективам удалось отыскать место убийства.

Впервые за всё время розысков по делу «Убийцы студенток университета» правоохранительным органам удалось добиться серьёзного прогресса. Место совершения убийства потенциально могло многое сообщить о преступнике — если только он не был исключительно осторожен, то вполне мог оставить отпечатки своих рук, обуви, какие-то личные вещи и тому подобное.

Заброшенный сенной сарай, ставший местом расправы таинственного убийцы над Дон Бэйзом. Фотография сделана 16 апреля 1969 года.

Напомним, что все описанные выше события — обнаружение туфель погибшей девочки и сарая, в котором её, по-видимому, пытали — имели место утром 16 апреля. Вся эта поисковая операция проводилась службой шерифа с максимальной скрытностью — без оцепления места поисков и без информирования средств массовой информации о происходящем. Близкие погибшей девочки были особо проинструктированы на счёт возможных телефонных звонков как журналистов, так и преступника, маскирующегося под журналиста. Все правоохранительные органы, действовавшие в штате, были ориентированы на то, чтобы скрывать факт обнаружения тела и признавать только проведение операции по поиску пропавшей девочки. Был подготовлен манекен, который шериф предполагал подложить на место трупа Дон Бэйзом. По распоряжению Дуга Харви поблизости от места обнаружения трупа девочки была оборудована засада. После этого сотрудники службы шерифа покинули район Гейл-роад.

Замысел с засадой был прекрасен. И он имел все шансы на

успешную реализацию.

Однако случилось самое неприятное — кто-то из журналистов что-то разузнал о прочёсывании ранним утром 16 апреля местности к северу от Ипсиланти силами службы шерифа, и соответствующее сообщение прозвучало около полудня в программе новостей одной из местных радиостанций. С руководством радиостанции тут же связались представители окружного прокурора и предложили «попридержать информацию» (и в дальнейшем она уже не повторялась), но осталось неясным, слышал ли эти новости преступник.

Чрезмерная оперативность радиожурналистов грозила свести на нет весь замысел шерифа Харви. Тем не менее операцию было решено продолжить в надежде на то, что убийца не имеет привычки слушать местные новости. Двое суток опытнейшие работники службы шерифа, облачившись в камуфляж национальной гвардии, по 12 часов лежали вдоль дороги, по которой должен был проехать преступник, но в конечном итоге всё оказалось безрезультатно — 18 апреля газета «Ann-Arbor news» поместила сообщение об обнаружении трупа Дон Бэйзом и даже представила фотографию сарая, в котором предположительно убийца пытал девочку.

Дугласу Харви и его коллегам оставалось только проскрежетать зубами — затея с засадой в одночасье полетела коту под хвост. Убийца так и не появился на том месте, где оставил тело девочки, и теперь уже было ясно, что не появится. Особенно неприятные переживания достались офицерам, заступавшим в ночные смены — апрель в тот год оказался довольно прохладным, с обильными дождями в ночное время, и сидевших в засаде не спасали от сырости ни прорезиненные плащи, ни теплое бельё. В общем, офицеры натерпелись неудобств немало, и всё без толку.

Теперь можно было провести полноценное криминалистическое исследование сарая, явившегося предположительно местом расправы над Дон Бэйзом. Напомним, что утром 16 апреля криминалисты и детективы только бегло его осмотрели и быстро покинули постройку, дабы не привлечь к себе внимания.

Когда группа криминалистов явилась в сарай, то **поверх той самой кучи щебня, которую они проверили несколькими днями ранее, лежал кусок белого полотна, оторванный от блузки Дон Бэйзом и… золотая серьга, принадлежавшая, как выяснилось позже, Мэрилин Скелтон. Появление этих предметов могло означать только одно — убийца побывал здесь уже после того, как утром 16 апреля сотрудники**

службы шерифа осмотрели сарай. И в насмешку над тщетными усилиями правоохранителей оставил на виду свои «трофеи» от разных эпизодов. Убийца, видимо, слышал передачу новостей по радио, в которой сообщалось о прочёсывании местности к северу от Ипсиланти, и понял, что труп Бэйзом найден либо будет найден в ближайшее время. Поэтому он не пошёл к телу и не попал в поставленную на него засаду, а вместо этого явился в сарай и оставил здесь знак своего повторного посещения.

Это, конечно, была пощёчина всем занятым поисками "Убийцы студенток". Преступник показал не только свой ум и способность "просчитывать" наперёд ходы следователей, но и присущий ему азарт. Он явно расценивал погоню за самим собой как игру и получал огромное удовольствие от этой игры.

В последующие дни журналистам были сообщены детали операции по розыску пропавшей девочки, а также подробнее рассказано об обнаружении сарая, явившегося местом её пыток и умерщвления, но об организации засады возле тела по понятным причинам ничего не сообщалось — этот трюк было решено повторить в дальнейшем. Кроме того, средствам массовой информации было заявлено, что в Энн-Арбор приглашён известный кинолог из Филадельфии Герман Шеферд со своими питомцами. На него возлагались большие надежды в обследовании местности. В нескольких сложных уголовных расследованиях собаки-ищейки Шеферда показали необыкновенную результативность.

23 апреля 1969 г. Герман с полудюжиной собачек приступил к работе… И в тот же день её закончил, заявив, что ничего сделать уже не может — дожди смыли все запахи. Это было крайне неприятное открытие, однако ничего уже нельзя было изменить.

Служба шерифа округа Уоштеноу объявила о премии в 1 тыс. $ за информацию, способную привести к аресту подозреваемого.

Поскольку недостаточность этой суммы была очевидна всем, 28 апреля 1969 г. начальник полиции Энн-Арбор Уолтер Красный заявил, что руководством правоохранительных органов на уровне города и штата достигнуто решение о выплате 30 тыс.$ любому лицу, оказавшему реальное содействие в раскрытии убийств девушек и женщин, тревожащих жителей округа Уоштеноу на протяжении последних 22 месяцев. Заявление начальника полиции было нарочито составлено в довольно неопределённых выражениях — думается, это было сделано потому, что никто толком не знал, какие же именно убийства следует объединить в "серию". (Да и само это слово тогда не употреблялось для обозначения однотипных убийств, совершённых одним

человеком. Впервые словосочетания "серия убийств" и "серийные убийства" стали широко использоваться средствами массовой информации спустя почти 20 лет при описании убийств студенток университета Флориды в Гейнсвилле). Неопределённость формулировки позволяла отклонять требования о выплате обещанной премии в тех случаях, когда сообщённая информация хотя и была связана с каким-либо убийством женщины за этот период, но не касалась напрямую преступлений "Убийцы студенток".

Опросив школьных работников и проверив календарь посещений погибшей девочкой занятий, детективы пришли к довольно неожиданному выводу — Дон Бэйзом не похищали от школы. Версия похищения в первые часы расследования казалась самой очевидной, но от неё пришлось вскоре отказаться.

Детективам удалось «разговорить» 17-летнего Эрла Кидда, «дружка» Дон Бэйзом. Вообще-то, «дружба» 17-летнего оболтуса и 13-летней примерной школьницы выглядела несколько странной, и сам Кидд это прекрасно понимал, так что на контакт со следователями он вряд ли бы пошёл добровольно, но имелись свидетели его последней встречи с Дон, так что отпираться было бессмысленно. Оказалось, что в день своего исчезновения — тот есть 15 апреля — девочка действительно ушла из школы раньше времени и по этой причине не стала дожидаться школьного автобуса. Но она вполне благополучно добралась до района, в котором жила. Там она повстречала Эрла Кидда с группой дружков и некоторое время поболтала с ними, если верить свидетелям, вполне дружелюбно. Они договорились встретиться тем же вечером в местечке, известном среди местной молодёжи под названием «Хранилище». Это было разрушенное строение, громадный сенной сарай, где молодые люди разжигали костерок и, попивая пивко, слушали музыку. Расстояние от дома Дон до «Хранилища» было лишь немногим менее 2 км — довольно далеко для пешей прогулки, так что логично было предположить, что девочку кто-то должен был подвезти в упомянутое место на машине (правда, никто из дружков сознаваться в этом не спешил).

После этого разговора Дон рассталась с Эрлом Киддом и его друзьями и направилась домой. Ей предстояло пройти примерно километр по пересечённой и неровной сельской местности. Хотя зелени ещё не было, прямую видимость сильно ограничивали деревья и кустарники. Возникал логичный вопрос: на каком этапе произошла встреча Дон Бэйзом с убийцей — на пути к дому или уже из дома к «Хранилищу»? Разбитые очки Дон Бэйзом были найдены спустя несколько дней после обнаружения её тела на

участке, который школьнице предстояло пройти после расставания с Эрлом Киддом в одиночку. Но эту улику мог подкинуть позже сам убийца, достаточно вспомнить, как он умудрился подложить в осмотренный сарай золотую серьгу Мэрилин Скелтон. Поэтому нельзя было полностью исключать того, что девочка всё-таки заскочила на минутку домой и незамеченной отправилась далее. Кроме того, если совсем уж детально разбирать ситуацию, то нельзя было исключать и того, что убийство Дон произошло на ферме, и к этому как-то причастна её мать. Предположение может показаться на первый взгляд диким, но, принимая во внимание странности поведения Клео Бейзом вечером 15 апреля, отвергать его напрочь не следовало. Уж больно подозрительны казались перемены настроения матери — поначалу она совершенно спокойно отреагировала на то, что её дочь не села в школьный автобус, а затем, через пару часов закатила настоящую истерику со ссылкой на какое-то безмотивное «видение». И самое подозрительное заключалось в том, что «видение» это оказалось пророческим и в точности совпало с последующими событиями.

Наконец, в порядке отработки всех версий следствию требовалось проверить и такой вариант развития событий — Дон Бэйзом благополучно добирается до дома, затем, не замеченная старшим братом и матерью, уходит на встречу в «Хранилище», и… убивают её либо в ходе этой встречи, либо уже после, на обратном пути к дому. Примечательно, что Эрл Кидд, договорившийся с девочкой о встрече, сам в тот вечер в «Хранилище» не явился. По крайней мере, это если верить ему… Может быть, молодой человек неспроста пытался дистанцироваться от вечернего посещения «Хранилища»? Может быть, там произошло нечто такое, что могло вызвать серьёзные подозрения в его адрес, и он спешил эти подозрения упредить?

В общем, Эрл Кидд оказался довольно "мутным" типом и особой симпатии к себе не вызывал. Следствие плотно взялось за этого человека, однако к концу апреля появился новый подозреваемый. Женщина, работавшая на ферме неподалёку от города Салина, сообщила детективу, сержанту службы шерифа Роберту Бриттону, что её знакомый, также работавший на этой ферме, как-то признался в убийстве пяти женщин. Этот человек имел повреждения рук, похожие на те, которые можно получить во время борьбы, причём о причине травмирования он ничего не мог толком рассказать. Проанализировав поездки своего дружка и сопоставив их с его рассказами, женщина поняла, что тот вполне может быть причастен к убийству Дон Бэйзом.

Это заявление вызвало большой интерес следствия, и

мужчина надолго пополнил собою список подозреваемых.

30 апреля неожиданно сгорел сарай, явившийся местом пыток и смерти Дон Бэйзом. В службе шерифа сразу же заподозрили поджог, поскольку естественное возгорание казалось совсем уж невероятным. Быстро удалось выявить поджигателя — благодаря тому, что неподалёку находилась патрульная машина, а движение по просёлочным дорогам к северу от Ипсиланти было не слишком активным. Патрульный смог припомнить все встреченные машины, и последующая проверка вывела следствие на поджигателя. Надежды на то, что сарай сжёг сам преступник, не оправдались, поджигателем оказался пожилой мужчина, не имевший никакого отношения к похищениям студенток. Он сознался в поджоге и объяснил свой поступок стремлением избавить округ Уоштеноу от символа мрачного преступления, каковым являлась, по его мнению, сожжённая постройка.

Через пару дней один из журналистов, приехавший на место пожара, с удивлением обнаружил неподалёку 5 небольших букетов. Напрашивалась явная аллегория с числом погибших девушек. Кто и когда положил цветы рядом с пепелищем, так и осталось невыясненным, многие склонялись к мысли, что это очередная выходка убийцы, хотя объективных оснований для такого рода утверждений не существовало.

В начале мая произошёл крайне неприятный инцидент, вызвавший много кривотолков и усиливший всеобщую обеспокоенность безопасностью женской части общества. В районе города Йония, примерно в 150 км к северо-западу от Ипсиланти, 10-летняя девочка, возвращавшаяся из магазина домой, подверглась приставаниям трёх молодых людей, разъезжавших по округе на автомашине. Юнцы сначала пытались флиртовать с девочкой, а когда увидели, что их приглашения на свидание не вызывают той реакции, на которую они рассчитывали, перешли к угрозам. Один из трёх молодых придурков поинтересовался у девочки, как она желает, чтобы они её убили — задушили или зарезали? Перепуганная девочка рассказала о происшедшем родителям, те немедленно обратились в полицию, но отыскать разнузданных молодых людей не удалось.

История эта получила широкую огласку — о ней написали в местной прессе, её обсуждали местные радиостанции. Несмотря на кажущуюся незначительность эпизода, случившееся заставило многих посмотреть на историю «Убийцы студенток» под новым углом зрения: общественность начала понимать, что ловкий и неуловимый преступник может стать предметом обожания определённой части молодёжи, а его зверские убийства — темой шуток и (что куда опаснее!) примером для подражания.

Случившееся вызвало и волну критики в адрес правоохранительных органов, неспособных гарантировать безопасность людей в местах их проживания.

На протяжении мая 1969 г. поступало несколько сигналов, которые, как казалось, будут способны резко продвинуть расследование.

Сначала родные Дон Бэйзом обратили внимание на то, что в вечернее время в окрестностях их фермы появляется одинокий молодой человек, который как будто бы ведёт за их домом наблюдение. Появления неизвестного «наблюдателя» (и в особенности его стремление остаться незамеченным) казались непонятными и тревожными. Служба шерифа была предупреждена, и Дуг Харви дал приказ задержать подозрительного бродягу при очередном его появлении. 13 мая возле дома в очередной раз появилась странная фигура, а затем ещё две, и мать убитой девочки немедленно позвонила в офис шерифа. К дому Бэйзом сразу же были направлены несколько патрулей, появление которых вспугнуло «наблюдателей». Двоим из них удалось скрыться от погони, но вот одного люди шерифа всё-таки задержали.

Им оказался некий Ральф Красс (Ralf R.Krass), уроженец небольшого мичиганского городка Харпер-Вудс, а ныне — студент Восточно-Мичиганского университета, заканчивавший 4 курс медицинского факультета. Своё поведение Ральф внятно объяснить не смог, он бормотал что-то несуразное о «желании прикоснуться к трагической истории» и тому подобное. Никто не мешал ему сделать это вполне приемлемым способом — приехать к дому Бэйзом, возложить цветы, выразить соболезнования родным убитой девочки. Так в апрельские и майские дни 1969 г. поступали многие жители Энн-Арбора и Ипсиланти. Красс почему-то повёл себя иначе. Невольно напрашивалась аналогия со странным происшествием, имевшим место после убийства Мэри Флезцар в июле 1967 г. — тогда оставшийся неизвестным молодой человек явился в морг, чтобы сделать посмертные фотографии первой жертвы «убийцы студенток». Тот инцидент, как мы помним, так и не был расследован, и личность таинственного «фотографа» установить не удалось.

Мог ли Ральф Красс быть разыскиваемым преступником? В принципе, мог. Следствие уже располагало информацией о склонности убийцы возвращаться на место "сброса трупа" и подозревало его в некрофилии. Красс был студентом университета, имел пропуск в его кампусы, легко завязывал знакомства с девушками. Всё это были, конечно, косвенные доводы, но ими нельзя было пренебрегать. Объяснения

собственному поведению из уст Ральфа звучали неубедительно, и недоверие к нему ещё более усилилось после того, как он заявил о том, что незнаком с двумя другими молодыми людьми, убежавшими от шерифских патрулей. После ночного допроса окружной прокурор санкционировал официальное выдвижение обвинения в отношении Ральфа Красса в нарушении неприкосновенности частной жизни и вторжении на частную территорию. На следующий день судья отпустил задержанного под залог в 5 тыс.$.

История на этом, однако, не закончилась. Буквально через пару суток — 16 мая — полиция Энн-Арбора тайно задержала студента 2-го курса Восточно-Мичиганского университета Клайда Саррелла (Clyde Surrell). Не совсем ясно, находилось ли его задержание в какой-то связи с делом Ральфа Красса или это было полностью самостоятельное расследование, но после первого допроса задержанного прокурор санкционировал выдвижение обвинения в убийстве Дон Бэйзом. Клайд Саррелл возбудил подозрения в свой адрес тем, что обнаружил хорошее знание ориентиров на местности и допустил циничные высказывания в адрес убитой. Кроме того, Клайд демонстрировал чрезмерный интерес к малолетним девочкам, и его не без оснований можно было подозревать в склонности к педофилии. Очевидно, Служба безопасности Университета располагала неплохой осведомительской сетью в студенческой среде и довольно хорошо понимала, что представляет из себя тот или иной студент или преподаватель.

Клайда Саррелла плотно допрашивали на протяжении 5 суток. Он не вызывал адвоката, рассчитывая, что это ему зачтётся как "сотрудничество со следствием". Однако, в конце концов, нервы у него сдали, и он заявил, что ему нужен защитник. 21 мая он встретился с адвокатом, и тот потребовал от прокуратуры судебного подтверждения ареста. Судья принял во внимание тот факт, что обвиняемый уже пробыл под стражей 5 суток, никаких же прямых улик обвинение предъявить так и не смогло, а потому постановил выпустить Клайда до суда под залог в 2 тыс.$. Обвиняемый вернулся в кампус, но расследование в отношении него продолжалось вплоть до августа 1969 г.

Примерно тогда же — в мае 1969 г. — получила начало и довольно нетривиальная история с приглашением в помощь следствию известного в США экстрасенса Питера Хуркоса. Первопричиной этого довольно необычного шага послужила упомянутая выше неудовлетворённость работой полиции и прокуратуры, их бессилие укрепляло надежду на то, что с проблемой по плечу справиться лишь такому неординарному

человеку, как Хуркос. Для того чтобы понять, что это была за личность и как Питер Хуркос добился такого отношения к себе, необходимо сделать небольшое отступление.

Родился будущий экстрасенс 21 мая 1911 г. в Голландии, и звали его Питер ван дер Хурк (Pieter van der Hurk). «Питер Хуркос» — это американизированный вариант его имени и фамилии, который Хурк принял уже в возрасте 50 лет. Вплоть до 1943 г. это был совершенно заурядный человек, не получивший даже сколько-нибудь приличного образования. Он работал маляром, и, казалось, ему суждено прожить самую обычную, ничем не примечательную жизнь. Всё изменилось в июне 1943 г., когда Хурк упал с высоты 30 метров и получил тяжёлую травму головы. Из комы он вышел уже совершенно иным человеком, обретя невероятную способность узнавать детали жизни окружающих его людей либо события, связанные каким-то образом с предметами, которые он брал в руки.

Первые его слова были адресованы медсестре, которой он посоветовал быть осторожнее с чемоданом подруги, поскольку она рискует забыть его в поезде. Потрясённая медсестра призналась, что действительно этим утром забыла в поезде чемодан, который попросила взять подруга. А соседу по палате Хурк сказал, что тот поступил очень некрасиво, продав часы недавно умершего отца, потому что часы эти являлись семейной реликвией и передавались от отца сыну на протяжении уже нескольких поколений. Удивлённый сосед признался, что и вправду продал незадолго до того часы и стыдился своего поступка, но никому о нём не рассказывал. Находясь в больнице, Питер ван дер Хурк сделал ещё несколько провидческих замечаний и привлёк к себе внимание медицинского персонала. Его пытались проверять, предлагали различные тесты, но Хурк успешно доказал, что его странный дар отнюдь не является мошенничеством или фокусом.

Довольно скоро о странном «читателе мыслей» узнали оккупационные власти (напомним, дело происходило во время Второй Мировой войны). Немцы взяли Хурка под стражу и поместили в Бухенвальд, но отнюдь не потому, что маляр был как-то связан с Сопротивлением — эта легенда была придумана много позже для придания образу экстрасенса большего романтизма. На самом деле в Бухенвальде базировалось медицинское подразделение СС, которое попыталось изучить феномен ясновидящего. После окончания войны Питер забросил работу маляра и стал зарабатывать разного рода «провидческими сеансами». Но в депрессивной Европе магов, колдунов и гадателей хватало и без него, поэтому сделать состояние на этом

поприще было решительно невозможно. Когда в 1956 г. Питера ван дер Хурка пригласили в США для проведения экспериментов и проверки паранормальных способностей, тот согласился без раздумий.

Хурк участвовал в медицинских опытах более двух с половиной лет, показав не только высокую сходимость своих прогнозов с истинным результатом, но и устойчивость этого результата на больших интервалах времени. Другими словами, фазы Луны, солнечная активность и даже бессонница мало влияли на его удивительный дар. Способность «узнавать скрытое», как признавал сам Хурк, имела лишь одно слабое место — экстрасенс не мог фокусировать собственное внимание и произвольно переключать его с одного предмета на другой. Питер сравнивал самого себя с неисправным радиоприёмником, который ловит радиоволны сразу всех диапазонов. Это доставляло ему массу неудобств в быту и мешало полноценно отдыхать. Тем не менее Питер демонстрировал исключительно высокую сходимость своих прогнозов с реальностью — точность его предсказаний колебалась в районе 90 %. (Это очень высокая величина. У всем известной ясновидящей Ванги точность прогнозов составляла 65–70 %. Из примерно 1 тыс. зафиксированных прогнозов по общественно-значимой тематике Ванга ошиблась в более чем 300 случаях. Среди ошибочных её «пророчеств» можно назвать, например, предсказание, согласно которому Брежнев направит советскую морскую пехоту в Чили, чтобы отомстить за убийство Президента Альенде. Также Ванга обещала, что к 2000 году из рациона человечества исчезнут мёд и молоко. Как видно, Ванге было далеко до Питера Хуркоса.)

В 1958 г. Питеру ван дер Хурку было предложено принять участие в полицейском расследовании убийства. Полиция Майами попросила его использовать свой дар для того, чтобы прояснить картину убийства таксиста. Это был "висяк" чистой воды — некий пассажир на пустынной улице убил водителя такси с целью ограбления. Свидетелей происшествия не было, как не было следов, которые можно было бы связать с преступником. Хурк попросил разрешения посидеть в машине, явившейся местом преступления, после чего заявил, что убийца имел на правой руке татуировку в виде якоря, откликался на прозвище "Смитти" (то есть имел фамилию Смит), имел высокий рост и, по-видимому, был либо моряком в прошлом, либо являлся им поныне. И самое главное — Хурк сообщил, что "Смитти" убивал прежде, и даже дал описание предыдущего убийства, совершённого этим человеком. Полиция Майами располагала информацией об этом убийстве, но никто не связывал его с убийством таксиста. В скором времени

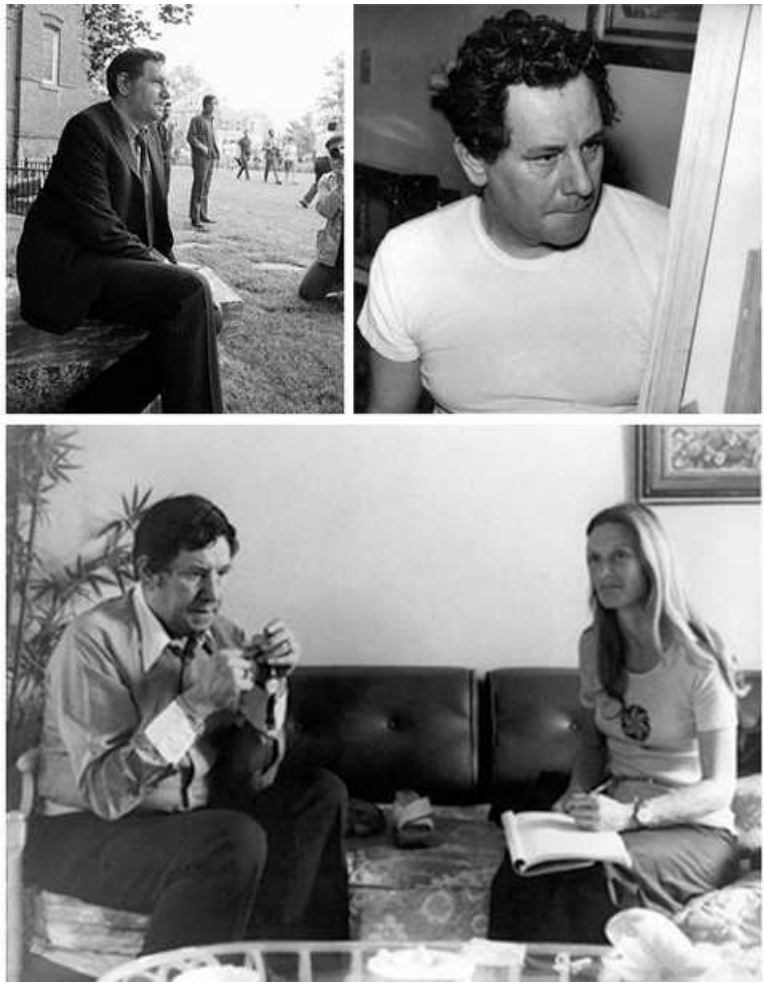
таинственный "Смитти" был идентифицирован как Чарльз Смит, моряк торгового флота, и арестован в Новом Орлеане. Преступник сознался в убийстве таксиста и был осуждён на пожизненное заключение.

Эта история принесла Питеру ван дер Хурку известность. Он принял участие в нескольких телешоу, получил вид на жительство в США, стал работать конферансье. Его начали приглашать принять участие в различных высокобюджетных концертных программах, постепенно он стал появляться на лучших концертных площадках страны, в том числе и в Лас-Вегасе. Ван дер Хурк превратился в американца Питера Хуркоса. Поскольку сосредоточенное чтение больших объёмов текста вызывало сильнейшую мигрень, Хуркос не мог ни читать, ни писать. Зато он открыл в себе "дар" художника. Мазня его была довольно безвкусной и аляповатой, но у художественного творчества экстрасенса нашлись поклонники, и многие именитые люди с удовольствием покупали его картины. Среди почитателей художественного дарования Хуркоса оказались Сантана и Рейган, будущий Президент США. Благодаря Рональду Рейгану, который считал Хуркоса личным другом, экстрасенс уже в начале 60-х гг. прошлого столетия попал в круги политической и финансовой элиты.

К тому моменту, когда среди жителей Энн-Арбор и Ипсиланти стало всё более укрепляться мнение о необходимости пригласить для расследования убийств Хуркоса, экстрасенс уже не раз успешно участвовал в разного рода уголовных расследованиях. Согласно официальной статистике, Хуркос дал консультации, благодаря которым были пойманы по крайней мере 27 преступников из двух десятков стран. Кстати, консультировал Питер и следственную группу прокуратуры штата Массачусетс, занимавшуюся поимкой «Бостонского Душителя». (Будь он неладен! Уже вторично автор вынужден возвращаться к этой истории). Поскольку посторонних нельзя было допускать к подозреваемым, Хуркосу разрешили облачаться в форму полицейского, и он на некоторое время отправлялся «охранять» камеру, в которую помещали задержанного. Ему было строго-настрого запрещено разговаривать с ним, но экстрасенс в этом и не нуждался. Кроме того, ему давали для ознакомления (разумеется, в полиэтиленовых пакетах) улики, изъятые с мест совершения преступлений. Питер пришёл к неутешительным для следствия выводам — по его мнению, Альберт де Сальво, сознавшийся в преступлениях «Бостонского Душителя», таковым вовсе не являлся. Хуркос дал описание настоящего преступника — это был, по его мнению, человек профессионально занятый

изготовлением или починкой обуви. Кроме того, экстрасенс указал некоторые особые приметы, которые можно найти у этого человека. То обстоятельство, что Хуркос не согласился с официальной точкой зрения, рассорило его с бывшими друзьями из прокуратуры штата — экстрасенсу запретили рассказывать о своём опыте взаимодействия со следствием и пригрозили судебным преследованием, если он когда-либо начнёт комментировать официальную точку зрения.

Уже после описываемых в данном очерке событий Питер Хуркос принимал участие и в других нашумевших уголовных расследованиях. Среди таковых можно назвать, например, групповое убийство Шэрон Тэйт и её друзей на вилле в Лос-Анджелесе в августе 1969 г. А ещё через несколько лет Хуркос был приглашён для того, чтобы применить свои экстрасенсорные способности для описания похитителей голландского миллионера Мориса Карансы.

Несколько фотографий Питера Хуркоса 60-х гг. прошлого столетия. Слева вверху: забегая несколько вперёд, отметим, что Хуркос приехал-таки в Энн-Арбор, чтобы принять участие в расследовании преступлений «Убийцы студенток». Фотография сделана в июле 1969 г. перед зданием управления шерифа округа Уоштеноу в г. Ипсиланти. Вверху справа: Питер перед мольбертом. Из-за странных изменений в мышлении Хуркос практически не мог сфокусировать внимание на чтении и письме. Рисование и живопись стали для него формой активного отдыха. Картины Хуркоса пользовались определённым спросом, но не из-за своих художественных достоинств, а в силу неординарности личности создателя. Внизу: экстрасенс за работой, стенограф дословно записывает всё, что Хуркос говорит во время сеанса.

Завершая разговор о судьбе Хуркоса и его необыкновенном даровании, остаётся добавить, что умер великий провидец

в 1988 г., став под конец жизни очень богатым и влиятельным человеком. Он сделался владельцем недвижимости по всей Америке, и среди его имущества значились не только особняки и доходные дома, но и большие земельные наделы, а также паи в крупных фирмах, занятых разведением племенного скота и коневодством. К концу жизни Хуркоса его фамилия стала в каком-то смысле одиозной, и отношение к экстрасенсу отчасти поменялось. Нашлись люди, которые посчитали, что «феномен Хуркоса» — это всего лишь секретный эксперимент американских властей по скрытому манипулированию общественным сознанием. Мол, никаким «даром ясновидения» этот голландец никогда не обладал, все его «откровения» — это полнейшая чушь и отсебятина, а доктор Андрия Пухарич (Andrija Puharich), прославивший Хуркоса во второй половине 50-х гг., сам является мошенником и полнейшим дилетантом в медицине. Многие журналисты и писатели стали специализироваться на разного рода «разоблачительных комментариях» тех или иных действий Хуркоса. Сейчас на Западе довольно много литературы, критически и даже иронически разбирающей все аспекты жизни и деятельности Питера Хуркоса. «Опровергателей» веселит даже то обстоятельство, что Хуркос ошибочно назвал дату собственной смерти (он заявил на одном из концертов в начале своей карьеры, что погибнет в 1961 г., но на самом деле умер, как было сказано выше, через 27 лет). Тотальная критика того, что говорил и делал Питер Хуркос, вряд ли оправданна. Нельзя отрицать того, что это был выдающийся человек и его паранормальные способности существовали и проявлялись объективно. Требовать же от экстрасенса полной сходимости всех предсказаний и абсолютной точности сообщаемых сведений просто глупо хотя бы потому, что само будущее имеет вероятностный характер и не является безусловно (100 %-но) определённым. Думается, что многими «разоблачителями» Хуркоса движет банальная зависть и нетерпимость к чужому успеху. Увы, с этими человеческими чертами приходится сталкиваться много чаще, чем хотелось бы.

Инициаторами приглашения в Энн-Арбор Питера Хуркоса стали члены небольшой неформальной группы, скрывавшейся за звучным названием «Психоделические рейнджеры» («Psychedelic rangers»). Это была дюжина городских сумасшедших, по преимуществу женщин климактерического возраста, которые решили посвятить свои жизни «изучению астрала». «Изучение» это в основном сводилось к обсуждению сновидений, разного рода гаданиям и безуспешным попыткам овладеть психотехниками дзен-буддизма и йоги. «Психоделические рейнджеры» резко активизировались весной 1969 г., когда к

группе примкнула мать одной из жертв, погибшей от руки «Убийцы студенток». Смерть дочери, видимо, сподвигла мать на поиски глубинного смысла произошедшего и повлияла на адекватность её мировосприятия. «Рейнджеры» устраивали пикеты в общественных местах, раздавали листовки, посвящённые преступлениям таинственного убийцы, и для его обезвреживания предлагали устроить на него «охоту в астрале». В мае 1969 г. представители «Психоделических рейнджеров» вступили в переговоры с продюсером Питера Хуркоса, дабы согласовать приезд экстрасенса для участия в расследовании. Однако быстро выяснилось, что приглашение экстрасенса является затеей довольно дорогостоящей. Его консультация стоила 2500 $, а кроме неё следовало оплатить проезд Хуркоса и сопровождающих его лиц, проживание их в отеле с определённым набором услуг и автомобиль с шофёром. Ведь не мог же знаменитый экстрасенс ходить по городу пешком, верно? В общем, «Психоделическим рейнджерам», если только они хотели видеть Хуркоса в Энн-Арборе, следовало где-то срочно раздобыть 4–5 тыс.$. Весьма немалая сумма по тем временам.

Энергичные дамочки принялись собирать деньги «на Хуркоса». В течение мая разговоры о возможном приезде экстрасенса постепенно стали главной новостью в округе Уоштеноу. Принимая во внимание безуспешность работы правоохранительных органов, идея вызвать ясновидящего, чтобы тот ткнул пальцем в убийцу, всё более овладевала умами обывателей. Идея эта была не так глупа, как может показаться на первый взгляд. В этом очерке уже упоминалась экстрасенс Джэнни Диксон, которая в начале марта 1969 г. сделала глубоко ошибочный прогноз относительно того, что угроза студенткам университета миновала. Убийца после этого отреагировал быстро и крайне жестоко, убив с интервалом в несколько дней Джейн Миксер и Мэрилин Скелтон. Его реакция однозначно свидетельствовала о том, что преступник внимательно следит за тем, что говорят о нём люди и пишут газеты.

Сейчас бы криминальные психологи сказали, что убийца — эмоционально нестабилен, уязвим и зависим от чужого мнения. Этим можно и нужно было бы воспользоваться. Правоохранительным органам следовало бы самим пригласить Хуркоса в округ Уоштеноу и организовать сопровождение его поездки с максимальной шумихой в прессе. Толковая оперативная комбинация позволила бы довольно быстро "вычислить" убийцу, поскольку тот проявил бы немалый интерес к визиту экстрасенса. Можно не сомневаться в том, что он постарался бы посетить мероприятия, в которых принимал бы

участие знаменитый ясновидящий, возможно, предпринял бы попытку получить его автограф или даже как-то пообщаться, изображая из себя его поклонника. Преступник пошёл бы на этот риск, стремясь потешить свою гордыню и доказать себе и всему миру, что Хуркос недостаточно прозорлив, чтобы разоблачить его. Кстати, спустя некоторое время после описываемых событий при проверке архива Хуркоса было установлено, что "Убийца студенток" действительно проявил огромный интерес к персоне экстрасенса — он посещал публичные выступления последнего и во время одного из выступлений даже задал вопрос из зала, на который Хуркос ответил.

Но в те времена криминальные психологи ещё не умели делать столь далеко идущих прогнозов и до такой степени точно моделировать предполагаемое поведение серийного убийцы. Поэтому приглашение знаменитого экстрасенса оставалось делом личной инициативы отдельных людей.

Так прошёл май 1969 г., и с приходом лета расследование преступлений "Убийцы студенток Восточно-Мичиганского университета" сделало в высшей степени интригующий кульбит (строго говоря, даже несколько кульбитов).

В ночь со 2 на 3 июня в городе Эгг-Харбор, штат Нью-Джерси (это более 800 км от Энн-Арбор), были зверски убиты две девушки, 19-летние подруги, путешествовавшие в одной автомашине. Они направлялись в частный женский колледж «Монтичелло» («Monticello»), расположенный в городке Годфри, штат Иллинойс, после нескольких выходных дней, проведённых в совместной поездке по северо-восточным штатам страны. Одна из погибших — Сьюзан Дэвис (Susan Davis) — была родом из Пенсильвании, другая — Элизабет Перри (Elizabeth Perry) — из Миннесоты, обе были выходцами из зажиточных семей, которые можно отнести к «верхушке среднего класса». Примерно в 4:30 ночи Дэвис загнала свою машину на парковочную стоянку в мотеле, расположенном в лесной местности. Домик, который заняли девушки, находился примерно в полусотне метров от автомашины. Девушки благополучно перенесли вещи из машины в домик и принялись готовиться ко сну. Они успели облачиться в пижамы, но спать ещё не легли — это стало ясно из осмотра места преступления. Нападение на них началось около 5 часов утра.

Тревогу подняли через несколько часов владельцы автомашины, припаркованной рядом с машиной Сьюзан Дэвис. Они увидели на земле очки, и это показалось им очень подозрительным. Обратившись к администратору мотеля, они сообщили о находке, и тот, взяв запасные ключи, отправился

проверить домик, занятый девушками. Домик оказался пуст, однако его обстановка носила следы борьбы или, правильнее сказать, побоища. Причём самих девушек нигде не было видно, и изучение следов на земле не позволяло сделать предположение о возможном направлении их перемещений.

Дальнейшее предположить нетрудно — последовал вызов полиции, которая приступила к прочёсыванию местности, благодаря чему обнажённые тела Сьюзан Дэвис и Элизабет Перри были найдены примерно в 120 м от арендованного девушками домика в глубине леса, прикопанными в мелких могилах. Строго говоря, это не были специально отрытые в земле ямы — убийца просто поместил тела в неглубокие ложбинки и забросал их листвой, ветками и дёрном. Изучение мест сокрытия тел показало, что убийца относил в лес уже мёртвые тела, то есть местом убийства явился домик в мотеле.

Поскольку несколько мелких предметов были найдены на пути от домика к автомашине и от домика к могилам в лесу, было решено обследовать местность с использованием миноискателя. После анализа вещей погибших, найденных в машине и в домике, стало понятно, что убийца похитил одежду своих жертв. Окровавленные пижамы его не заинтересовали, а вот одежду он прихватил в качестве "трофея". Обе девушки были избиты, изнасилованы и задушены. Изучение следов на месте преступления показало, что убийца действовал в одиночку, для контроля своих жертв он связывал им руки и затыкал рты кляпами. Нападавший, явно стремившийся усилить страдания девушек, исколол их тела каким-то небольшим острым предметом вроде лезвия маленького перочинного ножа или заточенного карандаша. Каждой из жертв было нанесено до ста таких уколов. Поразительно, но убийца умудрился не разбудить постояльцев мотеля — это означало, что он производил минимум шума, а его жертвы были лишены возможности закричать или позвать на помощь уже в самом начале преступного посягательства.

Удивительны были не только жестокость нападавшего и его дикий сексуальный аппетит, но и полная "безбашенность" убийцы. Элизабет Перри сумела вырваться из домика и добежать до машины, но её бегство не остановило преступника. Он преследовал жертву, догнал её на парковке, оглушил там (потому-то очки Элизабет и остались лежать возле автомашины!) и отнёс обратно в дом, чтобы продолжить расправу. Подобные бесстрашие и неудержимая кровожадность могут показаться свидетельством неуправляемой дикости и самонадеянности преступника, но они куда в большей степени свидетельствуют о

его опыте и уверенности в своих силах. Преступник был очень силён — тела своих жертв он переносил на руках, а не тащил волоком, причём действовал очень быстро, не теряя времени на отдых. Если считать, что он действительно напал около 5 часов утра, то для совершения столь сложного преступления у убийцы было не так уж и много времени — немногим более 2 часов, поскольку тревога поднялась примерно в половине восьмого утра. Преступник, несомненно, находился в отличной физической форме, и это обстоятельство служило косвенным указанием на его молодость.

Как повстречались убийца и его жертвы? На первый взгляд, можно было решить, что преступник сидел в засаде возле мотеля и, увидев подъехавший автомобиль с двумя девушками, вломился к ним в домик. Но ряд косвенных соображений заставлял думать, что истинная картина преступления была куда сложнее. Посторонний человек, выскочивший из темноты, напугал бы девушек, и они бы подняли крик в самом начале нападения. Гораздо более вероятным казался иной вариант развития событий — преступник приехал в мотель вместе с девушками и разместился с ними в одном домике. Он помог им перенести багаж из машины и перешёл к действиям только тогда, когда его спутницы заперлись в доме, тем самым лишив самих себя путей отступления.

Узнав, что Дэвис и Перри во время своей поездки побывали в Мичигане, полиция штата Нью-Джерси немедленно связалась с шерифом округа Уоштеноу. Предположение, что "Убийца студенток" каким-то образом познакомился с Сьюзан Дэвис и Элизабет Перри и отправился с ними в поездку, казалось очень перспективным.

Но в те же самые дни, когда правоохранительные органы штата Мичиган совместно с коллегами из Нью-Джерси предпринимали усилия по проверке маршрута погибших девушек и их возможных контактов в пути, череда новых невероятных (и даже мистических) совпадений потребовала отработки совершенно иной версии.

Началось всё с очередного убийства молодой женщины, чей обнажённый труп со следами многочисленных побоев был обнаружен 3 июня 1969 г. возле лесной дороги севернее г. Мидлэнд, штат Мичиган. Город этот является административным центром одноимённого округа и находится примерно в 180 км от Энн-Арбор. Округ Мидлэнд считался очень спокойным, тихим и даже провинциальным; всё, происходившее в Энн-Арбор и Ипсиланти, казалось совершенно невозможным в этом месте. Поэтому обнаружение обнажённого женского тела вызвало шок

местной общины, ведь здесь не было убийств на сексуальной почве уже 6 лет! Шериф округа запретил сообщать журналистам имя и фамилию погибшей, что, согласитесь, довольно выразительно характеризует отношение местных жителей к произошедшему.

Ряд деталей рождал прямые аналогии с теми преступлениями, который совершал "Убийца студенток" в округе Уоштеноу. Во-первых, жертва была полностью раздета, и её одежда оказалась небрежно брошена несколько поодаль от тела, во-вторых, погибшая подверглась грубому изнасилованию, в-третьих, её избивали кулаками и пинали ногами, а затем задушили точно так же, как это обычно делал "Убийца студенток". Но самое специфическое совпадение заключалось даже не в этом — погибшую перед смертью пороли плетью, и это обстоятельство заставляло провести аналогию с тем, как была избита ремнём Мэрилин Скелтон, которой убийца нанёс около 40 ударов поясным ремнём.

Дальше — больше… Выяснилось, что погибшая незадолго до исчезновения была замечена в обществе Фрэнка Джеймса Андерсона, жителя городка Бэй-сити, расположенного примерно в 20 км от Мидлэнда. Этот 31-летний экспедитор был слишком хорошо знаком правоохранительным органам штата Мичиган. В 1957 г. Андерсон изнасиловал и задушил проститутку, за что был приговорён к 11-летнему тюремному заключению. Не сносить бы ему головы, убей он обычную женщину, но ряд обстоятельств помогли ему отделаться сравнительно мягким приговором. Он убедил присяжных, что убитая пыталась его обворовать (за ней действительно водились такого рода грешки), а после того, как он схватил воровку за руку, та пригрозила, что пожалуется сутенёру, и тот расправится с Андерсоном. Это было сочтено смягчающим обстоятельством, и потому убийца получил за очень жестокое преступление сравнительно мягкий приговор. В тюрьме Андерсон вёл себя примерно и был отпущен условно-досрочно годом ранее окончания срока, то есть в 1967 г.

Помощник прокурора Мидлэнда уже вечером 3 июня официально сообщил, что Андерсон задержан, и назвал журналистам его фамилию. Обвиняемый не имел alibi на время смерти жертвы, которая последовала, по мнению судмедэксперта, примерно в 3–4 часа ночи со 2 на 3 июня.

И вот тут-то начались интересные совпадения. Оказалось, что выйдя из тюрьмы «Саузерн», Фрэнк Андерсон поселился в… Энн-Арборе. И случилось это в апреле 1967 г., то есть за 3 месяца до похищения и убийства Мэри Флезцар. В январе 1968 г., спустя всего пару недель после убийства Эйлин Адамс, он переехал

в Бэй-сити. Но связи с округом Уоштеноу не потерял — работая экспедитором в транспортной компании, Андерсон регулярно бывал и в Энн-Арборе, и в Ипсиланти. Проверив его путевые листы, детективы не без удивления увидели, что обвиняемый бывал буквально в тех же самых кварталах, где жили или учились погибшие от рук «Убийцы студенток» Мэрилин Скелтон, Джейн Миксер и Дон Бэйзом! Это было просто попадание в «десятку»! Андерсон во время своих служебных поездок вполне мог познакомиться с каждой из этих жертв (или по крайней мере обратить на них внимание). Это была настоящая сенсация! Прокуратура Мидлэнда связалась с полицией штата и сообщила, что таинственный «Убийца студенток», по-видимому, найден.

Из округа Уоштеноу в Мидлэнд срочно выехала целая группа работников различных подразделений полиции, прокуратуры и службы шерифа с целью допросить Андерсона.

Сержант Роберт Бриттон из службы шерифа округа Уоштеноу был тем человеком, кто в начале июня 1969 г. проверял Фрэнка Андерсона на возможную причастность к убийствам студенток Восточно-Мичиганского университета.

Уверенность в том, что это именно тот человек, которого они искали последние два года, была так велика, что о поездке даже сообщили журналистам, и вечером 4 июня в телевизионных новостях прошли репортажи об этом событии. Тогда же в местной прессе появились и статьи соответствующего содержания.

Общее настроение было если и не ликующим, то по крайней мере лучезарным. Кошмар закончился.

По крайней мере, так казалось вплоть до 8 июня 1969 г.

Потому что в этот день история поисков таинственного "Убийцы студенток" вновь встала с ног на голову. 8 июня трое подростков 14–15 лет, гуляя к северу от Ипсиланти в районе пересечения дорог North territorial road и федеральной трассы № 23, примерно в 7,5–8 км строго на север от Энн-Арбор на территории заброшенной фермы наткнулись на изуродованное женское тело. Вид погибшей, брошенной возле полуразвалившегося сарая, был ужасен, её одежда и лицо были залиты кровью до такой степени, что невозможно было определить места и количество ранений, а черты лица не поддавались опознанию. Судебному медику пришлось специально отмывать от крови волосы, уши, лицо в целом, чтобы придать погибшей вид более или менее соответствующий прижизненному.

Как показало судебно-медицинское исследование тела, девушке были нанесены тяжёлые побои как посредством рук и ног, так и различными посторонними предметами — её били палкой, доской, брючным ремнём. Примерно с десяток рассечений кожи были причинены именно в ходе побоев, а отнюдь не за счёт использования ножа. Хотя нож убийца в ход всё же пустил — им он разрезал шею погибшей у самого основания.

Длина раны достигала 17 см, а глубина — 4–5 см. Именно повреждение проходивших в этом месте вен и артерий, имевших сильное кровенаполнение при жизни, и послужило причиной сильного кровотечения. Кроме того, не полагаясь, видимо, на разрез шеи, убийца воспользовался и пистолетом 22-го калибра, прострелив голову жертве. В ходе вскрытия тела пуля была извлечена, но из-за соударений с костями черепа она сильно деформировалась, что делало невозможным её использование в экспертизе для идентификации оружия. Погибшая подверглась жестокому изнасилованию, преступник явно умышленно причинил своей жертве чрезмерные анальную и вагинальную травмы. Возраст погибшей судебный медик определил в 20 лет или чуть старше. По общему состоянию трупа и с учётом специфических признаков давность наступления смерти была определена примерно в 12 часа до обнаружения тела. То есть преступление произошло сравнительно недавно — в районе полуночи или даже позже — и большой удачей явилось то обстоятельство, что тело удалось так быстро отыскать. В крови погибшей были обнаружены следы алкоголя, соответствовавшие двум пинтам пива, что с учётом её веса соответствовало средней степени опьянения.

Преступник вёл себя с жертвой как дикий зверь. Место обнаружения трупа носило следы его необузданной ярости — практически все детали одежды оказались грубо порваны и либо частично остались на теле жертвы, либо были разбросаны хаотично вокруг него. От жакета погибшей были оторваны оба рукава, на лёгком плаще-"пыльнике" не хватало пуговиц, фиолетовая блузка оказалась разорвана и спереди, и сзади, и даже снизу — там убийца оторвал полосу ткани шириной около 8 см и завязал её наподобие "банданы" вокруг лба замученной им девушки. Юбка была сорвана и разорвана в клочья — на четыре фрагмента. Колготки убийца срывать не стал, но разрезал их в промежности. То же он проделал с трусиками погибшей.

Однако внимательный осмотр места обнаружения тела наводил на мысль, что преступление происходило отнюдь не здесь. Прежде всего, на предметах окружающей обстановки почти не было крови, что представлялось совершенно невероятным, если бы разрез шеи и выстрел в голову убийца произвёл на этом месте. На ноге погибшей находилась фиолетовая туфелька, а вторая — парная ей — оказалась найдена примерно в 12 метрах от тела. Это явственно указывало на перемещение тела, и даже можно было примерно определить направление, откуда преступник нёс тело убитой им девушки. Дальнейшее представлялось уже делом полицейской техники, тем более что

служба шерифа прежде сталкивалась с проделками этого преступника. Началось прочёсывание участков вдоль дорог, и в тот же день на расстоянии около 8 км была найдена поляна, явившаяся непосредственным местом преступления.

На этой полянке, буквально в 15 м от дороги, удалось обнаружить многочисленные следы крови, коричневые туфли-лодочки без каблуков (также сильно испачканные кровью) и две пуговицы с плаща жертвы. Нельзя не отдать должное профессиональной наблюдательности и дотошности обычного патрульного Эрла Льюиса, обратившего внимание на все эти детали, ведь, в принципе, их можно было легко не заметить. Находки оказались несколько неожиданны, прежде всего, разумеется, речь идёт о коричневых туфельках, ведь погибшая, как было указано выше, была обута в фиолетовые туфли (точнее, с одной туфелькой на ноге!). Неужели преступник убил двух женщин? Или же он переобул жертву после убийства?! Это не лезло ни в какие ворота…

Разумеется, одной из первоочередных задач, стоявших перед следствием, явилась идентификация погибшей. С этим делом, как и ожидалось, особых проблем не возникло, поскольку убитая девушка оказалась связана с Восточно-Мичиганским университетом, и её без труда опознали как преподаватели, так и соученики. Звали погибшую Элис Кэлом (Alice Kalom), ей исполнилось 23 года, и она только-только окончила Университет по факультету искусствоведения (диплом ей был вручён 3 мая). Впрочем, уезжать из Энн-Арбора она не собиралась, а планировала заняться научной работой при университете (буквально за несколько дней до убийства она подала пакет документов на соискание гранта и записалась на цикл лекций дополнительного "летнего семестра").

Идя по следу, детективы сумели довольно полно восстановить картину последнего дня жизни Элис Кэлом. Удалось выяснить, с кем она встречалась и в какие магазины заходила. Движение по следу девушки привело детективов в местный студенческий бар под названием "Склад" ("Depot house"), где она выпивала и танцевала в обществе высокого длинноволосого молодого мужчины, похожего на студента. После этого Элис вроде бы отправилась домой самостоятельно. В последний раз её видели одиноко шагавшей мимо дома № 311 по Томпсон-стрит (Thompson street) около 1 часа ночи 8 июня, что прекрасно согласовывалось с заключением судмедэкспертизы о давности наступления момента смерти.

Дом № 311 по Томпсон-стрит в Энн-Арборе. Рядом с этим домом в ночь с 7 на 8 июня 1969 г. Элис Кэлом в последний раз видели живой.

При обыске жилья погибшей детективы сделали несколько интересных открытий. Прежде всего, разъяснилась "непонятка", связанная с двумя парами туфель. Оказалась, что фиолетовые туфли Элис купила незадолго до убийства и до дня смерти ни разу не надевала — обувная коробка была найдена раскрытой и стоящей прямо посреди комнаты. Видимо, в новых туфельках она отправилась в бар. Но, помимо обувной коробки, в квартире Элис оказались найдены её сумочка и шитый бисером кошелёк с деньгами. Между тем, было известно, что Элис покидала бар с сумочкой. А это значило, что она заезжала домой уже после ухода из бара. Убийца, видимо, сопровождал её, она переобулась в коричневые туфли — ведь именно в них она и была в момент нападения — а вот фиолетовые, скорее всего, прихватил с собою убийца. Манипуляции с обувью, очевидно, являлись значимыми для него элементами поведения, хотя, конечно, никто не мог сказать (и даже предположить), что именно скрывалось за этой странностью.

Поскольку всем стало уже окончательно ясно, что «Убийца студенток» действует на стыке нескольких юрисдикций (округа Уоштеноу, городов Энн-Арбор, Ипсиланти), а также поскольку в расследовании де-факто активно участвует полиция штата Мичиган, то для упрощения взаимодействия между правоохранительными структурами различной подчинённости и исключения параллелизма в работе было решено, наконец-таки, создать межведомственный штаб, основной задачей которого должна была стать поимка таинственного маньяка.

Идея формирования такого штаба давно уже витала в воздухе, но в силу разного рода субъективных причин реализовать её никак не удавалось. После убийства Элис Кэлом

терпение руководства штата иссякло — вопрос пресечения преступной деятельности «Убийцы студенток» всё более превращался из проблемы чисто криминальной в политическую — а потому губернатор штата потребовал убрать все административные препоны на пути следствия. Моментально нашлись необходимые ресурсы — городской совет Ипсиланти выделил для работы Межведомственного штаба целое здание по адресу: дом № 4133 по Уоштеноу-авеню. В прошлом там помещался протестантский колледж. Законсервированное здание быстро привели в порядок и передали правоохранителям. Полицейский департамент штата, управление полиции Энн-Арбор и служба окружного шерифа передали в распоряжении штаба по три автомашины — такого автопарка должно было хватить с избытком для обслуживания потребностей группы примерно из 30 человек. В состав Межведомственного Штаба вошли руководители основных правоохранительных структур штата и района Энн-Арбор-Ипсиланти — начальник полиции штата полковник Фредрик Дэвидс (Fredrick Davids), шериф округа Уоштеноу Дуглас Харви, начальник полиции города Энн-Арбор Уолтер Красный, начальник службы безопасности Восточно-Мичиганского университета Джон Хэйс (John Hayes), окружной прокурор Уилльям Делхи (William Delhey) и его помощник Букер Уилльямс (Booker T. Williams).

Прокурор округа Уоштеноу Уилльям Делхи (слева) и его помощник Букер Уилльямс (снимок справа).

Кроме высокопоставленных чиновников в составе группы имелась многочисленная — до двух десятков человек — команда детективов и группа технического обеспечения (секретари, бухгалтер). Все криминалистические подразделения на территории штата получили распоряжение обслуживать заявки Межведомственного штаба вне очереди как наиболее

приоритетные.

В общем, теперь-то дело должно было стронуться с "мёртвой точки". Расследования всех убийств, описанных в настоящем очерке, были объединены в общее производство, налажен обмен информацией между различными прокуратурами, проводившими расследования, сформирована единая база данных по подозреваемым и уликам, лучшие детективы разных ведомств привлечены к оперативному обеспечению розыска. У убийцы просто не осталось шанса избежать правосудия.

Однако, следствие, так хорошо продвинувшееся в первые сутки с момента обнаружения тела Элис Кэлом, очень скоро забуксовало. Детективы сбивались с ног в поисках таинственного светловолосого ухажёра, с которым девушка провела последний в своей жизни вечер, но отыскать его не удавалось. Америка, формально преодолевшая расовую сегрегацию, оставалась всё ещё во власти расовых предубеждений, а потому Восточно-Мичиганский университет продолжал оставаться преимущественно «белым», в силу чего счёт высоким блондинам с длинными вьющимися волосами там шёл на сотни. Продолжалась проверка лиц, навлёкших подозрения ранее, но и она не давала однозначных результатов.

В безрезультативной возне прошло более месяца, как вдруг Мичиган поразила сенсационная весть: экстрасенс Питер Хуркос решил-таки приехать в Энн-Арбор, чтобы принять участие в расследовании преступлений "Убийцы студенток", и сделает это известный ясновидящий бесплатно! Замечательный PR-ход, что тут сказать! Убедившись, что заработать на приглашении не удастся, менеджеры Хуркоса решили извлечь косвенную выгоду в виде бесплатной рекламы и непосредственного участия в сенсационном расследовании.

Ещё до приезда экстрасенса стали известны условия его сотрудничества со следствием, которые сам же Хуркос и предложил. Он попросил подготовить к его приезду запечатанные конверты, в которых должны были находиться фотографии мест совершения преступлений и некоторые из улик, обнаруженных там. Для каждого эпизода надлежало приготовить свой конверт. Экстрасенс обещал рассказать детали каждого из эпизодов по содержимому конвертов. Таким образом он предполагал доказать следователям объективность своего провидческого дара. После этого он предполагал сообщить детальную информацию о преступнике, хотя заранее не мог сказать, что ему потребуется для этого. Экстрасенс особо подчеркнул, что хотел бы побывать в местах, связанных с учёбой и отдыхом погибших девушек, и пообщаться с местными жителями в неформальной обстановке.

Звучало всё это чрезвычайно интригующе, и понятно, что появления Хуркоса все ждали с бо́льшим нетерпением, чем любой поп-звезды или голливудского кумира.

Приехал Питер Хуркос в Энн-Арбор 21 июля 1969 г. Он был объявлен гостем мэра города, получил в своё распоряжение "кадиллак" с шофёром и полицейский эскорт. В состав группы сопровождения были включены несколько детективов из числа сотрудников Межведомственного штаба, которым надлежало фиксировать всё, относящееся к расследованию, что только может сказать экстрасенс. Было известно, что Хуркос весьма рассеян и многие свои провидческие заключения делает мимоходом, как бы между прочим, и при этом не может их повторить в дальнейшем. В силу этого важно было записать всё, что Питер сумеет рассказать об убийце.

В день приезда Хуркос ненадолго встретился с руководителями правоохранительных органов округа Уоштеноу и штата Мичиган. Он сказал, что устал с дороги и не может сейчас работать с конвертами, попросив перенести этот тест на следующий день. После этого добавил, что убийца находится где-то совсем рядом и не собирается от него (то есть Хуркоса) бежать. Следующее преступление убийца совершит в самое ближайшее время, не пройдёт и недели. Понятно, что такой прогноз вызвал у всех присутствовавших на встрече весьма пессимистические эмоции (кстати, даже не будучи экстрасенсом, можно было предположить с большой долей вероятности, что появление такого человека, как Хуркос, спровоцирует активность убийцы).

На следующий день экстрасенс вроде бы был готов работать. Остались диаметрально противоположные воспоминания о том, как вёл себя и что говорил Хуркос, поэтому сделать какое-то однозначное заключение довольно трудно. Тем не менее вроде бы всеми признаётся, что экстрасенс работал с запечатанными конвертами и сообщил довольно полные и даже исчерпывающие сведения об эпизодах, информация о которых содержалась внутри конвертов.

22 июля 1969 г.: Питер Хуркос (в центре) прибыл в Энн-Арбор и даёт одно из своих многочисленных интервью. Крайний слева — Начальник полиции Энн-Арбора Уолтер Красный.

Результат был сочтён присутствовавшими представителями правоохранительного сообщества вполне удовлетворительным. Хуркос не ошибся, описывая травмы и места нахождения жертв, а после того, как из конверта извлекалось содержимое, становилось ясно, что ясновидящий довольно точно описывал детали, порой даже выходя за рамки тех сведений, что содержались в следственных протоколах. Тогда же Хуркос сделал несколько сообщений, так сказать, личного характера, имевших отношение к отдельным лицам, находившимся в зале. Например, одному из детективов он сообщил о том, что газовая плита в его прицепном трейлере, с которым тот ездил на рыбалку, неисправна и её надлежит проверить из-за угрозы пожара или взрыва. Детектив в тот же вечер проверил это сообщение и на следующий день подтвердил точность слов Хуркоса — одна из двух конфорок его плиты действительно оказалась забита и не пропускала газ, что могло привести к взрыву. Эта история чрезвычайно подняла авторитет экстрасенса в глазах местных правоохранителей.

Но «чтение» улик и фотографий из конвертов, рассказы о тайных болезнях родственников присутствовавших полицейских и прокурорских чинов, а также неполадках бытовой техники в их домах являлись лишь прелюдией для предметного разговора о личности «Убийцы студенток». Межведомственный штаб ждал ответа на главный вопрос: кого надлежит искать? В течение 22 июля Хуркос несколько раз приступал к описанию личности таинственного преступника — сначала это произошло на встрече с представителями правоохранительных органов, а затем, во время вечера, организованного в одном из баров Энн-Арбора, где Хуркос дал своего рода театрализованное представление. Там Питер отвечал на вопросы из зала и, само собой, вопрос об

убийце был задан. Если суммировать всё, сказанное Хуркосом на эту тему в тот день, то получался примерно такой портрет «Убийцы студенток» — это мужчина в возрасте 25–26 лет, с моложавым, незрелым лицом, почти лишённым естественной растительности. Мужчина принадлежал к белой расе и являлся естественным блондином. Рост преступника был, по мнению экстрасенса, невелик — всего 170 см, а вес — примерно 58 кг. Прямо скажем, далеко не атлант! Хуркос сначала назвал убийцу «гомосексуалистом», затем уточнил и заявил, что убийца — «трансвестит». Характеризуя мотив, которым руководствовался преступник, экстрасенс выразился довольно неопределённо — он сказал, что «Убийца студенток» является последователем некоего сатанинского культа, требовавшего кровавых жертвоприношений.

Межведомственный штаб принялся за розыск лица, удовлетворявшего описанию Хуркоса, а сам экстрасенс на следующий день повторил своё выступление в другом баре Энн-Арбора. Владельцы злачных мест стояли в очередь, чтобы пригласить Питера к себе, о перемещениях экстрасенса сообщали радио- и телевизионные новости, так что вояж Хуркоса в Мичиган оказался для него в любом случае весьма доходным мероприятием. Он находился в самом центре криминальной интриги, волновавшей весь штат, а о лучшей рекламе невозможно было и подумать! Тем более, рекламе бесплатной…

Однако утром 24 июля Хуркос получил письмо без подписи, в котором в довольно резкой и даже оскорбительной форме сообщалось, что ясновидящему либо надлежит уехать из Энн-Арбора как разоблачённому мошеннику, либо раскрыть преступление, о котором никто не знает. И тем подтвердить свой статус экстрасенса… Письмо тут же было представлено в Межведомственный штаб, и правоохранители резко разошлись в его оценке — одни считали, что анонимка написана «Убийцей студенток», совершившим новое преступление, а другие придерживались прямо противоположного мнения — письмо состряпал некий мифоман, надумавший дискредитировать Хуркоса. Разумеется, детективам хотелось знать мнение и самого экстрасенса — что, дескать, он сам думает о подобном обращении?

Питер считал, что анонимка написана убийцей и является своего рода вызовом. Преступник действительно совершил новое убийство (просто тело жертвы пока не найдено) и ждёт, что Хуркос покажет свой класс "детектива-экстрасенса". Это была жестокая игра, но Питер заявил, что принимает вызов негодяя. Он попросил предоставить ему телевизионный эфир 27 июля 1969 г. и обратился к местным полицейским с просьбой провезти его на

автомашине по местам, где убийца прежде оставлял тела жертв. Хуркос надеялся, что ему удастся предсказать место обнаружения тела новой — ещё неизвестной — жертвы.

Такая поездка состоялась в тот же день. По её результатам Питер сделал некоторые уточнения высказанным прежде умозаключениям. Он сообщил детективам, что убита ещё одна девушка и её тело надлежит искать в районе, в названии которого присутствуют слова "Ривервью" ("Riverview") или "Ривердрайв" ("Riverdrive"). Тело помещено убийцей в канаву, но воды там нет. Местность лесистая, сильно пересечённая, рядом находится глубокий овраг. О телесных повреждениях погибшей Хуркос не мог сказать ничего определённого, но, как ему казалось, женщина подверглась сильному прижизненному избиению. Экстрасенс уточнил, что лицо погибшей полностью разбито и неузнаваемо. Убийца — молодой мужчина белой расы ростом 180 см, имеющий тёмно-каштановые волосы, это атлет, находящийся в прекрасной спортивной форме. То есть, как видим, Хуркос довольно сильно изменил описание разыскиваемого.

Служба шерифа приступила к немедленному осмотру территорий, соответствовавших описанию Хуркоса. Прежде всего, это были участки, прилегающие к дорогам "Гурон-ривер драйв" ("Huron river drive") и её западной оконечности "Вест Гурон-ривер драйв", а также многочисленные объекты, содержащие в своём названии слово "ривер" ("river" — река), как-то: кладбище "Риверсайд" и прочие (более дюжины на территории округа Уоштеноу).

Около 16 часов 26 июля 1969 г. изуродованный женский труп был найден примерно в 1800 метрах от того места, которое указал Питер Хуркос на карте, неподалёку от пересечения дорог «Риверсайд драйв» («Riverside drive») и «Гурон-ривер драйв» («Huron river drive»). **Этот район уже осматривался службой шерифа в числе первоочередных во второй половине дня 24 июля, но тогда трупа в этом месте не было. Это означало, что преступник оставил там тело уже после проведения осмотра.**

Тело обнаружил Конрад Мэйсон (Conrad Mason), доктор физики, руководитель крупного подразделения корпорации «Боинг», вышедший на прогулку вместе с женой. Они едва отошли от своего почтового ящика на 30 м, как Конрад увидел в кустах нечто светлое, похожее на манекен из магазина одежды. Мужчина сошёл с дороги и обнаружил обнажённое женское тело, лежавшее ничком (лицом вниз). Руки погибшей были связаны за спиной электрическим проводом в чёрной изоляции, на одной ноге трупа осталась сандалия, тело было полностью обнажено и перепачкано

кровью — более Мэйсон ничего существенного не отметил.

Труп находился на удалении 4–5 метров от дороги в неглубокой дренажной канаве, отрытой когда-то для осушения этого участка земли. Не вызывало сомнений, что убийца подъехал к этому месту по грунтовой дороге, пересекавшей «Гурон-ривер драйв». Буквально в нескольких метрах за кустами начинался большой овраг с крутыми склонами. Местность эта находилась внутри городской черты Энн-Арбор, но была малонаселённой и лесистой, с густым кустарником. Кстати, таковой она остаётся и поныне. Это был район одиночно стоящих дорогих вилл, тихий, спокойный с незначительной транспортной активностью.

Кусты, в которых был найден труп Карен Сью Бейнемен.

Супруги тут же вернулись домой и по телефону вызвали полицию. В течение часа в доме Мэйсона собралось всё руководство Межведомственного штаба.

Поскольку тихий и малонаселённый район представлялся идеальным местом с точки зрения организации засады, было решено провести осмотр местности максимально скрытно и в предельно сжатые сроки. Тело следовало заменить манекеном и, само собой, ничего не сообщать средствам массовой информации. Вдоль дороги были скрытно выставлены патрули, призванные засечь преступника, если только тот осмелится возвратиться к телу. Что и было проделано в последующие часы.

Труп, доставленный в морг службой коронера, казалось, опознать будет очень сложно — лицо было до такой степени деформировано кровоподтёками и рассечениями кожи, что восстановить истинные черты казалось невозможно. Но опознанию помогла одежда погибшей, вернее её остатки. Большой кусок ткани, оторванный от белой блузки, был засунут

глубоко в пищевод погибшей, а полоса синей джинсовой ткани, оказавшейся частью шорт — помещена в её влагалище. В списке без вести отсутствующих женщин и девушек только одна была одета в джинсовые шорты и белую блузку — это была 18-летняя Карен Сью Бэйнемен (Karen Sue Beineman), исчезнувшая 23 июля 1969 г. Последующее опознание, проведённое подругами погибшей — Шерри Грин (Sherrie Green) и Кей Энн Ноувлез (Kay Ann Knowles) — подтвердило это предположение.

Карен Сью Бейнемен.

Судебно-медицинское исследование тела проводилось на следующий день Крейгом Барлоу (Craig Barlow), руководителем отдела медицинской экспертизы при полиции штата, и Робертом Хендриксом (Robert Hendrix), доктором патологической анатомии медицинского центра Мичиганского университета. Эти специалисты работали вместе и ранее, проводя судебно-медицинское исследование жертв "Убийцы студенток", однако, как станет ясно из дальнейшего, именно эта экспертиза привлекла к себе особое внимание и стала объектом разного рода инсинуаций. Поэтому о работе Барлоу и Хендрикса 27 июля 1969 г. имеет смысл рассказать подробнее.

Итак, вскрытие тела убитой девушки показало, что Карен подверглась сильным побоям, повлёкшим переломы трёх рёбер, правой ключицы, хрящей носа. Основное количество ударов пришлось по правой стороне лица, которая выглядела особенно сильно деформированной ввиду прижизненного отёка. По мнению специалистов, удары наносились не только голой рукой, но и с использованием некоего орудия, которое, впрочем, они назвать затруднились — это было нечто тяжёлое вроде кувалды, но более крупное, не оставлявшее узнаваемых следов. (В качестве возможного орудия напрашивается весовой «блин» для штанги или наборной гантели, хотя эксперты такого предположения не

высказали. Однако, запомним пока это предположение). Почти половина зубов погибшей оказалась либо выбита, либо частично обломана, либо шаталась, на лице насчитывалось до десятка рассечений кожи в районе бровей, скул и губ. Несмотря на крайнюю болезненность всех этих травм, всё же не они послужили причиной смерти. В качестве таковой судмедэксперты определили механическую асфиксию, причём предположили, что душение могло повторяться неоднократно, то есть убийца возвращал придушенную жертву к жизни и снова начинал душить её. Преступник осуществил половой акт с девушкой, но случилось это уже после её смерти — специалисты пришли к такому заключению исходя из того, что повреждения слизистых оболочек почти не дали кровотечения, а значит, коитус имел место после прекращения работы сердца. Возможно, совокупление с трупом было неоднократным. Сильное травмирование предплечий обеих рук и обломанные ногти явственно указывали на активное сопротивление девушки. Исходя из общего состояния половых органов, судмедэксперт предположил, что погибшая на момент нападения являлась девственницей. Возможно, именно это обстоятельство повлияло на чрезвычайное упорство её самообороны и тем самым спровоцировало особую ожесточённость нападавшего. Касаясь вопроса о давности смерти, эксперты согласились с тем, что девушка мертва около 72 часов, то есть время убийства они отнесли на день похищения. Однако, как было сказано выше, тело было оставлено возле дороги примерно полутора сутками позже. **Это означало, что убийца примерно 30–36 часов держал труп в неизвестном месте**, очевидно, таком, в котором убитую не могли найти посторонние лица. Скорее всего, этот промежуток времени был нужен ему для осуществления половых актов с трупом, что хорошо согласуется с предположением о некрофильских наклонностях маньяка.

Внимательный осмотр фрагментов джинсовых шорт и блузки позволил обнаружить на них небольшие — длиной около 1 см- светлые волокна непонятного происхождения. При микроскопическом исследовании стало ясно, что это волосы человека, причём волосы то ли сбритые, то ли остриженные (об этом с уверенностью можно судить по форме кончиков волос), но явно не вырванные и не выпавшие. Это не были ресницы, брови или лобковые волосы. Волоски явно не принадлежали погибшей, и было неясно, связано ли их появление на одежде Карен Сью Бейнемен с фактом преступления. Другими словами, находились ли эти обрезанные волоски на месте преступления или на одежде убийцы? Странных волосков оказалось довольно много — эксперты их насчитали аж 509 штук — что явно исключало

случайность их попадания на одежду жертвы.

Впрочем, сейчас мы несколько забежали вперёд, поскольку результаты экспертизы поступили в распоряжение Межведомственного штаба несколькими днями позже. Между тем, события после обнаружения тела Карен Сью Бейнемен развивались с феерической быстротой.

Как было отмечено, идентифицировали личность погибшей довольно быстро, исходя из описания одежды исчезнувшей Карен Сью Бейнемен. По иронии судьбы девушка совсем недавно приехала в Энн-Арбор из родного города Грэнд-Рэпидс и ходила на подготовительные курсы для поступления в Университет. Как и все жители Мичигана, она была наслышана о нападениях "Убийцы студенток" и в своём последним письме заверила родителей, что будет очень осторожна и им не о чем беспокоиться. Даже если делать поправку на провинциальность и наивность Карен Сью, всё равно нельзя не признать, что похититель продемонстрировал прямо-таки чудеса ловкости, сумев усыпить бдительность девушки, которая явно оставалась всё время настороже. Эта удачливость преступника казалась воистину мистической и даже невероятной.

Исчезнувшая девушка проживала в Ипсиланти, в общежитии для абитуриентов, известном под названием «Даунинг холл» («Dawning hall»), и именно туда детективы направились вечером 26 июля. Соседки Карен Сью по общежитию, уже упоминавшиеся Шерри Грин и Кей Энн Ноувлез, опознали её по фотографиям из морга.

Впоследствии, кстати, это опознание пытались оспорить некоторые юристы как некорректное и фактически нарушающее принятую процедуру идентификации неизвестного трупа, но детективов в тот момент интересовали не процессуальные детали, а продвижение вперёд следственного процесса. Так что опознание по фотографиям их вполне устраивало, тем более что оно оказалось фактически точным.

Детективы, кстати, поинтересовались, где и как девушки стирают свои вещи — оказалось, что стиральная машина стоит прямо в их комнате, и они регулярно ею пользуются. Карен Сью Бейнемен также регулярно стирала свою одежду, так что связать происхождение странных волосков на её шортах и блузке с местом проживания никак не получалось. Из разговора с девушками детективы выяснили, что в последний раз Карен Сью была в «Даунинг холле» утром 23 июля — она позавтракала с соседками и сообщила им о намерении отправиться в магазин париков на улице Северная-Вашингтон (North Washington street). Ушла она из общежития примерно в 12:30. Впрочем, Шерри Грин

и Кей Энн Ноувлез уже сообщали об этом во время подачи заявления об исчезновении Карен Сью, так что ничего принципиально нового детективы не услышали.

Магазин париков «Wigs by Joan», в который направилась Карен Сью Бейнемен в интервале 12:30–13:00 23 июля 1969 г. Именно отсюда неизвестный мотоциклист увёз девушку на смерть.

Более того, выяснилось, что персонал магазина уже опрашивали, правда в тот момент ещё никто не знал, что Бейнемен погибла. Поскольку девушка была иногородней, то вполне вероятным представлялось предположение, что она попросту уехала домой на несколько дней. Теперь же, в свете последних открытий, имело смысл передопросить работников как самого магазина париков, так и прилегающих к нему торговых точек.

Карен Сью Бейнемен, как и планировала, посетила магазин «Wigs by Joan», торговавший париками и различными аксессуарами по уходу за волосами. Там девушку хорошо запомнили работницы магазина Патрисия Сполдинг (Patricia Spaulding) и Джоан Гош (Joan Goshe).

По их уверению, Карен Сью появилась в магазине примерно в 12:20–12:30 23 июля, то есть тут мы видим некоторое противоречие с показаниями соседок убитой девушки по общежитию (по их словам, в это время она только-только рассталась с ними). Но на самом деле противоречие это совершенно непринципиально и даже в каком-то смысле нормально. Добросовестный (то есть непредвзятый) свидетель не может быть абсолютно точен; как раз таки отсутствие ошибок и точность в мелочах заставляют усомниться в его правдивости. Магазин париков находился в пешеходной доступности от общежития, так что отсутствие «зазора времени» в показаниях

лиц, находившихся в разных местах, в этом случае вполне допустимо.

Джоан Гош (слева) и Патрисия Сполдинг (справа) оказались важнейшими свидетелями, наблюдавшими, как Карен Сью Бейнемен уезжала с неизвестным мотоциклистом. Показания этих женщин оказались чрезвычайно ценны для разоблачения преступника. Снимок сделан в июле 1970 г.

Итак, Карен Сью пришла в магазин и пробыла там сравнительно недолго — порядка 10 минут. В это время к тротуару напротив витрины подъехал мотоциклист и заглушил мотор, но руль не оставил. Видимо, он кого-то дожидался. Карен Сью, увидев мотоциклиста, заторопилась и сказала продавцам, что это приехали за ней. Патрисия и Джоан поглядели через витрину на "ухажёра", похвалили вкус покупательницы и быстро рассчитали её. Забрав пакет с покупкой, девушка вышла на улицу, перекинулась с молодым человеком парой фраз и уселась позади него, после чего он увёз её на своём мотоцикле.

Обе свидетельницы заявили детективам, что могут опознать молодого мужчину, управлявшего мотоциклом. День был жаркий и неудивительно, что тот снял с головы шлем. Сполдинг дала прекрасное описание одежды таинственного мотоциклиста — рубашка «поло» оранжевого цвета с жёлтыми и зелёными горизонтальными полосами, шорты и тёмные однотонные носки. Таинственный незнакомец имел короткую аккуратную стрижку и выглядел «как студент». Описывая его мотоцикл, обе свидетельницы сошлись на том, что тот был тёмного цвета, блестящий и ухоженный. Детективы предъявили свидетельницам портреты предполагаемого «Убийцы студенток», нарисованные в разное время полицейским художником, но ни в одном из них женщины не признали мотоциклиста. В конце беседы Сполдинг и Гош сообщили о том, что они уже давали соответствующие

показания сотруднику службы безопасности Университета Ларри Мэтьюсону. В этом не было ничего необычного, Мэтьюсон работал в составе Межведомственного штаба и был одним из тех, кто проводил первоначальную проверку сообщений о без вести отсутствующих студентах.

Полицейские детективы не ограничились одним только разговором с работницами магазина «Wigs by Joan». Они решили пройти несколько кварталов по улице, расспрашивая местных жителей и работников других торговых точек в надежде отыскать новых свидетелей. И надо же было такому случиться, что они нашли нужного им человека!

Причём буквально за стеной магазина париков. Там находилась кондитерская «Шоколадный домик» («Shocolate house») — излюбленное место семейного досуга окрестных жителей. Около полудня 23 июля основной вал посетителей ещё не пошёл — обычно мамаши с детьми начинали подтягиваться после 15 часов — так что работница кондитерской Кэрол Вазерка (Carol Wazerka или Wieczerca, в разных источниках фамилия приводится в различной записи) имела достаточно времени, чтобы наблюдать за происходившим на улице. Около часа дня её внимание привлёк мотоциклист, остановившийся неподалёку от витрины. Точнее, не мотоциклист даже, а его мотоцикл. Кэрол в дни своей первой молодости любила байкеров и знала толк в мотоциклах. Она видела, как к мотоциклисту подошла блондинка, уселась позади него и надела шлем. Затем парочка уехала.

Where a Witness Saw Karen, and Where Collins Says He Was

CHOCOLATE HOUSE

BOY'S SQUEEZE INN HAMBURGERS

Sprite

After Karen Sue Left the Wig Shop...

Информация о том, что Карен Сью Бейнемен посетила магазин париков и уехала от него вместе с неким мотоциклистом, быстро стала известна прессе и привела к появлению ряда публикаций. На представленной газетной странице можно видеть визуальную реконструкцию этого события и комментарии, связанные с добровольным отъездом девушки в обществе предполагаемого убийцы.

Описать людей на мотоцикле свидетельница не могла — они располагались спиной к ней, и их лиц Кэрол банально не видела. Зато она уверенно заявила, что мужчина был в рубашке поло с зелёными горизонтальными полосами (отличное соответствие сообщению Сполдинг!), но самое ценное в её показаниях заключалось в детальном описании мотоцикла. Кэрол заверила детективов, что мотоцикл являлся голубым "триумфом" с… переставленным зеркалом на левой рукояти руля. Полицейские не поняли поначалу, что девушка имела в виду, и Кэрол пришлось пояснить: у "триумфа" "родные" зеркала круглые, а на этом мотоцикле левое зеркало было прямоугольным, явно переставленным с другого мотоцикла. Это было прекрасное описание, поскольку оно содержало указание на особый отличительный признак, присущий именно этому мотоциклу.

Так развивались события вечером 26 июля 1969 г.

Ночь подарила очередную порцию новостей. В начале третьего часа ночи с 26 на 27 июля полицейский, наблюдавший за манекеном, оставленным на месте обнаружения трупа Карен Сью Бейнемен, увидел фигуру человека в тёмном "дождевике", что-то искавшем в кустах.

Шёл сильный дождь, и лицо неизвестного скрывала тень глубоко надвинутого капюшона. Для того чтобы исключить возможные отговорки преступника типа того, что он "зашёл в кусты, чтобы помочиться", полицейская засада не должна была проявлять себя вплоть до того момента, когда преступник отыщет манекен. Человек в дождевике некоторое время шарился по кустам и, наконец, отыскал манекен, имитировавший труп Карен Сью Бейнемен. Сообразив, что именно он нашёл и, видимо, моментально сообразив, что его ждёт засада, неизвестный бросился наутёк. Полицейский помчался следом, пытаясь по радиостанции предупредить другие посты о появлении преступника. Однако — вот ведь незадача! — радиостанция оказалась залита водой и не работала. Полицейский, однако, продолжил преследование, рассчитывая, что "загонит" преступника на один из патрулей, размещённых выше или ниже по дороге. Однако и тут удача оказалась на стороне таинственного беглеца. Ему на руку сыграла особенность района, в котором был оставлен труп. Дело в том, что дорога "Риверсайд драйв" в том месте описывала полупетлю, напоминавшую букву "П" и полицейские засады располагались на вертикальных "ножках" этого знака. Засады перекрывали подходы по дороге, но преступник пришёл не по дороге, а через лесной массив со стороны незамкнутой нижней части "П". И этим же путём он убежал. А потому и при подходе, и при отходе таинственный визитёр не наткнулся ни на одну из засад. Преследование беглеца вёл только полицейский, оставленный в непосредственной близости от манекена.

Преступник сумел оторваться от погнавшегося за ним полицейского на несколько десятков метров, и этот отрыв оказался решающим. Выскочив на дорогу "Гурон-ривер драйв", он уселся в оставленную там автомашину и умчался. Полицейский, выбежав на дорогу через 5–7 секунд, увидел через пелену дождя только габаритные огни стремительно удалявшегося автомобиля.

Отлично задуманная операция провалилась прямо-таки бездарно! Никто из службы шерифа не подумал о том, что убийца может оставить автомашину в стороне и подойти к нужному ему месту пешком. Никто не подумал, что преступник может пойти не по дороге, а через лес. Никто не подумал, что преступник может быстро бегать. Наконец, никто не догадался проинструктировать

патрульных, что на случай выхода из строя полицейской радиостанции для привлечения внимания можно и нужно использовать пистолет, стрельба из которого будет услышана всеми участниками засады.

Преступнику просто поразительно повезло! Сотрудник службы шерифа видел его менее чем в 10 метрах от себя, но не смог описать ни преступника, ни его машину. Идея с засадой, лелеемая шерифом, как «джокер в рукаве», вторично провалилась… а ведь успех был так близок!

Утром 27 июля в Межведомственном штабе начался "разбор полётов". Общее настроение руководителей розыска было самым пессимистичным — теперь преступник знал, что возле оставленных им тел устраиваются засады, а значит, снова заманить его в эту ловушку не получится. Следствие получило свидетелей — Патрисию Сполдинг и Джоан Гош — которые могли опознать убийцу, но…! Но эти свидетели не опознали его ни на одном из полицейских портретов, которыми оперировало следствие последний год. Это означало, что портреты никуда не годятся. Либо что появился новый убийца. И то, и другое было одинаково плохо. Следствие фактически возвращалось к истокам, когда о преступнике в точности ничего не было известно, и каждая деталь нуждалась в проверке. Было от чего впасть в уныние!

По иронии судьбы именно в то самое время, когда розыск казался безнадёжно загубленным, "Убийце студенток" оставалось наслаждаться свободой последние 100 часов своей жизни. Тогда ещё никто не знал этой маленькой детали, за исключением разве что Питера Хуркоса. Убийца пребывал в прекрасном настроении, он "подчистил все хвосты", уничтожил все улики, продумал ответы на все мыслимые и немыслимые вопросы. Он был готов опровергнуть все подозрения в свой адрес. Но убийца не знал того, что его погибель кроется в его же сверхпредусмотрительности и сверхосторожности. Воистину, лучшее — враг хорошему, и преступнику предстояло очень скоро познать справедливость этой истины на собственной шкуре.

На 27 июля было намечено выступление Питера Хуркоса по местному телевидению. Незадолго до эфира экстрасенсу рассказали в общих словах о неудачной ночной засаде. Услышанное, видимо, придало Хуркосу энергии и агрессии, во всяком случае, его интервью, по воспоминаниям очевидцев, прозвучало очень весомо и даже зло. Экстрасенс сказал, обращаясь прямо к "Убийце студенток", что гулять на свободе тому остаётся совсем немного — его поймают гораздо скорее, нежели тот думает. Убийца обречён, и ему, Хуркосу, ничуть его

не жаль. Далее экстрасенс заявил, что преступник совершил 19 убийств, и добавил, что преступник имеет некую тайну, связанную с трейлером. Это была новая информация, прежде Питер Хуркос такого не говорил. Наконец, экстрасенс дал уточнённый портрет убийцы — в целом он повторял озвученный ранее (тёмно-русые волосы, рост — 180 см и так далее), но на этот раз Хуркос несколько изменил возраст убийцы. Если раньше он говорил, что преступнику 25–26 лет, то теперь — "немного за 20". Завершил экстрасенс своё выступление как всегда эффектно, обратившись к жителям округа Уоштеноу: "Убийца всё время находится рядом с вами, вам надо только оглянуться вокруг".

Так закончился день 27 июля, затем миновало 28 число, а 29-го в Ипсиланти вернулась семья сержанта полиции Дэвида Лэйка — сам сержант, его супруга и трое детей. Все они проживали в двухэтажном доме под № 1307 по Рузвельт-авеню и на две недели уезжали из города для отдыха на Атлантическом побережье. В доме оставался огромный мраморный дог. С просьбой кормить и выгуливать собаку жена сержанта обратилась к племяннику — сыну старшей сестры, заканчивавшему обучение в Восточно-Мичиганском университете. Звали племянника Джон Норман Коллинз.

Трудно сказать, что именно произошло между супругами на отдыхе, но жена с самого момента приезда пребывала в дурном расположении духа. Её раздражение только усилилось, когда она увидела, что племянник израсходовал целую бутылку моющего средства, взятую на кухне. Муж пытался успокоить злонравную женщину, указывая ей на то, что в доме чистота и расход одной бутылки жидкого мыла за две недели — это сущий пустяк. Но аргумент не подействовал. Дамочка взялась проверять хозяйственные товары и увидела, что племянник умудрился израсходовать и целую бутылку аммиака! На что можно было потратить целую бутылку аммиака?! Раздражение жены передалось и сержанту — он отправился проверять свои запасы в гараже и обнаружил, что исчезла целая банка масляной краски.

Пытаясь понять, на что же племянник извёл краску, Дэвид отправился в обход по дому. Спустившись в подвал, он увидел, что часть пола — примерно треть общей площади — закрашена свежей чёрной краской. Жена, столкнувшись с такой самодеятельностью племянника, буквально впала в истерику, Дэвиду потребовалось немало усилий, чтобы успокоить её. Конечно, действия Джона Коллинза выглядели немного непонятно, но на самом деле ведь ничего страшного не случилось!

На следующий день — 30 июля — сержант вышел на службу,

оставив супругу с детьми дома. Он уже и забыл думать о банке краски и бутылке жидкого мыла, но вот его супруга думать об этом не переставала. Вооружившись ножом, она спустилась в подвал и… принялась скрести чёрную краску. Трудно сказать, что она ожидала под ней увидеть, но увидела — красную краску. Взяв телефон, она позвонила мужу и сообщила о своём открытии. Уж на что флегматичен был Дэвид Лэйк, но тут встревожился и он. Ведь даже дураку ясно, что если чёрной краской закрашивают красную, то красная, скорее всего, кровь. Тем более, что в его доме красной краски не было вообще.

Сержант Дэвид Лэйк.

Сдерживая волнение, сержант Дэвид Лэйк позвонил в Межведомственный штаб, представился и рассказал об открытиях в собственном доме. После этого осторожно поинтересовался, возникали ли в ходе расследования убийств студенток подозрения в адрес племянника его жены? Ответ был обескураживающим — подозрения возникали, имелись сообщения, будто Джон Норман Коллинз был одним из трёх студентов, год назад видевших последними Джоан Шелл. Его даже допрашивали по этому поводу, но он доказал ошибочность опознания…

Что последовало дальше, представить несложно. В дом на Рузвельт-авеню выехала бригада криминалистов. Осмотр подвала привёл к неожиданным результатам.

Прежде всего, сделав экспресс-тесты красной краски, специалисты выяснили, что это действительно краска, точнее грунтовка, которой Джон Коллинз для чего-то прокрасил пол. Видимо, результат его не удовлетворил, и он закрасил грунтовку чёрной масляной краской. Какую цель преследовал Коллинз, покрывая цементный пол грунтовкой? Очевидно, он пытался скрыть следы чего-то, пролитого на пол… И это что-то до такой степени разоблачало его, что он не поленился специально купить

краску, которой не было в гараже Дэвида Лэйка, а затем замаскировать её вторичным закрашиванием.

Вооружившись увеличительными стёклами, специалисты криминалистической лаборатории полиции штата принялись осматривать буквально каждый сантиметр пола и стен подвала. Их настойчивость оказалась не напрасной — на стене около стиральной машины им удалось отыскать едва заметные глазу красно-бурые брызги. Последующий химический анализ показал, что это следы человеческой крови и её групповая принадлежность соответствует группе крови Карен Сью Бейнемен.

Дом № 1307 по Рузвельт-авеню в Ипсиланти, принадлежавший в 1969 г. сержанту Дэвиду Лэйку. Именно в подвале этого дома, согласно официальной версии, и была убита Карен Сью Бейнемен. Впоследствии дом был снесён как хранивший недобрую память о жестоком преступлении.

После того, как криминалисты отсоединили от шлангов и отодвинули в сторону стиральную машину, их ждало новое и воистину неожиданное открытие. Под машиной находились кусочки волос во всём идентичные тем 509 волоскам, что были сняты с фрагментов ткани, обнаруженных в трупе Карен Сью. На вопрос "что это такое и как здесь оказалось?" последовал ответ, который сразу разъяснил загадку. Жена сержанта рассказала, что стригла младшего сынишку перед самым отъездом, усадив его на стул возле стиральной машины. Поскольку времени было в обрез, она не успела толком пропылесосить пол и лишь небрежно смела щёткой остриженные волосы.

Это было поистине «попадание в десятку»! **Если остриженные волосы Лэйка-младшего оказались на одежде Карен Сью Бэйнемен, значит, девушка побывала в подвале дома на Рузвельт-авеню!**

Но помимо остриженных волос, под стиральной машиной

было найдено кое-что ещё. Там оказался высохший ручеёк крови, затёкшей под машину почти на 40 см.

Продолжая своё исследование, криминалисты решили отыскать отпечатки пальцев Джона Нормана Коллинза в доме. Это позволило бы составить точное представление о его перемещениях по комнатам. Однако быстро выяснилось, что отпечатков пальцев рук в доме очень мало, а те, что есть, появились совсем недавно, по-видимому, уже после возвращения семьи домой. Все обнаруженные отпечатки принадлежали членам семьи сержанта Лэйка. Это означало, что незадолго до их приезда некто весьма предусмотрительный и осторожный не поленился протереть все поверхности, на которых обычно остаются отпечатки рук — дверные ручки, кухонную утварь, столешницы… Тогда криминалисты принялись за холодильник, в котором хранилось замороженное мясо для дога — уж в него Джон Коллинз неизбежно должен был залезать. Иначе чем бы он кормил собаку?!

Удивительно, но на холодильнике вообще не обнаружилось отпечатков пальцев и ладоней. Он был весь вымыт, да притом очень старательно!

Уже прекрасно понимая, с чем столкнулись, криминалисты попросили Дэвида Лэйка объяснить, как Джон Коллинз попадал в его дом. Сержант ответил, что оставил последнему ключи от гаража, и именно через гараж Джон должен был входить внутрь. Кстати, холодильник с мясом для собаки тоже стоял в гараже (это важный момент, обратим сейчас на него внимание!). Поэтому Коллинз с неизбежностью должен был оставить отпечатки своих пальцев и ладоней на гаражных дверях. Как догадается проницательный читатель, гаражные двери оказались тоже тщательнейшим образом вымыты и протёрты.

Дотошное уничтожение отпечатков пальцев свидетельствовало о виновности Джона Коллинза не хуже их наличия. Понятно, что Коллинз боялся оставить отнюдь не свои отпечатки — их-то он как раз мог объяснить! — а отпечатки Карен Сью Бейнемен. Не зная в точности, каких предметов касалась девушка, Коллинз был вынужден протереть все возможные предметы и поверхности и сделал это в высшей степени дотошно.

Что ж, молодой человек был очень мотивирован!

Обследование дома сержанта Дэвида Лэйка продолжалось всю ночь с 30 на 31 июля, утро последующего дня и закончилось только к полудню. В здании пресвитерианского колледжа, ставшего резиденцией Межведомственной группы, начались жаркие дебаты по поводу того, какую тактику избрать в

отношении подозреваемого. В процессе анализа ситуации выяснилась одна любопытная, но не очень приятная для правоохранителей деталь. Детективы, допрашивавшие работниц магазина париков, вспомнили, что те упоминали о даче показаний сотруднику Службы безопасности университета Ларри Мэтьюсону. Однако, когда стали искать его рапорт о проведённых им мероприятиях, оказалось, что такового документа в распоряжении Штаба нет. Обратились за разъяснениями к самому Ларри, благо тот был прикомандирован к Межведомственному штабу и ходить за ним далеко не пришлось.

Выяснилось следующее. Ещё до обнаружения тела Карен Сью Бейнемен, едва только поступило сообщение об её исчезновении, Ларри Мэтьюсон (Larry Mathewson) приступил к "отработке" этого сигнала. Понятно, что он быстро вышел на магазин париков и отправился туда для опроса персонала. Там он узнал о мотоциклисте, поджидавшем Карен Сью на выходе из магазина. Мэтьюсон не догадался пойти в соседнюю кондитерскую и не разговаривал с Кэрол Вазерка, поэтому он так и не узнал марку мотоцикла, на котором передвигался похититель Карен Сью, но… Мэтьюсон придумал кое-что другое. Он внимательно знакомился с оперативными материалами, накопленными в ходе расследования, и помнил, что сыщики уже выходили год назад на молодого байкера, уверявшего, что у него нет автомобиля, зато есть четыре мотоцикла. Вернувшись в Штаб и "подняв" оперативные материалы, Ларри быстро отыскал нужную ему фамилию — Коллинз. В деле оперативной разработки лежала фотография молодого человека, но Ларри решил не полагаться на неё, а отправился на поиски более "свежего" снимка, сделанного в непринуждённой обстановке. Он отыскал студентку, за которой Коллинз пытался ухаживать, попросил у неё фотографию последнего (и, разумеется, получил её), после чего отправился в магазин париков. Там он предъявил её Сполдинг и Гош — обе свидетельницы опознали таинственного мотоциклиста! — после чего направился по месту проживания Коллинза.

Видимо, ожидание скорого успеха "вынесло" все мозги Мэтьюсону. Тот чувствовал, что находится на верном пути, и вместо того, чтобы сверить свои действия с руководством Межведомственного штаба, решил изловить маньяка в одиночку. В этом месте можно было бы посмеяться, но Ларри, отправившись по месту проживания Коллинза в одиночку, здорово рисковал. Фактически он проводил расследование на свой страх и риск, не поставив коллег в известность о своих действиях, а вести себя так в "командной игре", конечно же, нельзя. Мэтьюсон очень хотел получить лавры "разоблачителя Убийцы студенток", но вместо

этого провалил всю игру.

Итак, он явился по адресу Эммет-стрит, дом № 619, который снимали друзья — студенты Восточно-Мичиганского университета Джон Норман Коллинз, Арнольд Дэвис (Arnold Davis) и Эндрю Мануэль (Andrew Manuel), не застал Коллинза дома, но зато поговорил с Арнольдом Дэвисом. Последний обеспечил Коллинзу alibi на интервал времени с 11 до 15 часов 23 июля, то есть на то время, когда Карен Сью Бейнемен была увезена от магазина париков. По словам Дэвиса, он в компании Коллинза катался на велосипедах по Ипсиланти и ближайшим окрестностям, так что произошедшее с Карен Сью не может иметь ни малейшего отношения к Коллинзу. Мэтьюсон удовлетворился этим ответом, но попросил открыть гараж и переписал номерные знаки находившихся там мотоциклов и автомашины. С тем и убыл. Поскольку проверка, по его мнению, результатов не дала, он не стал сообщать о ней в Межведомственный штаб и рапорт о своих действиях не составил.

Действия Мэтьюсона были не очень удачны — фактически он предупредил Коллинза о существовании подозрений в его адрес, но во всём произошедшем имелся и позитивный момент. Преступник мог подумать, что безрезультатная проверка Ларри Мэтьюсона сняла все вопросы к нему, и эта мысль должна была его успокоить.

В любом случае Межведомственному штабу надлежало принять решение о том, какого алгоритма действий придерживаться в отношении Коллинза. В конце концов, возобладала та точка зрения, что подозреваемого надо брать под арест ближе к ночи, чтобы иметь возможность допрашивать до утра. Даже если бы он решил воспользоваться правом телефонного звонка и обратился бы за помощью к матери, последней пришлось бы столкнуться с немалыми проблемами при поиске адвоката в поздний час (адвокаты ведь тоже люди — они встречаются с женщинами, пьют виски и уезжают из города). Кроме того, было решено подвергнуть дотошному допросу дружков Коллинза, с которыми тот арендовал дом — тем самым исключалась возможность их влияния на ход событий (они ведь тоже могли позвонить матери Коллинза и предупредить её об аресте сына). Главная задача сводилась к тому, чтобы сподвигнуть Коллинза на свободное общение без присутствия адвокатов и под давлением улик побудить сделать юридически корректное признание в похищении и убийстве Карен Сью Бейнемен.

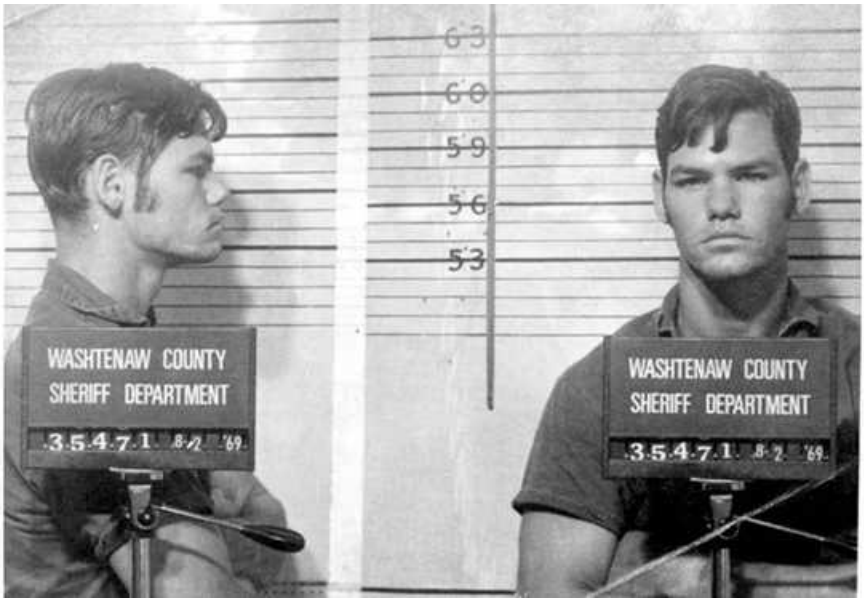
В 20:40 31 июля 1969 г. несколько полицейских автомашин остановились перед домом № 619 по Эммет-стрит в Ипсиланти.

Дом № 619 по Эммет-стрит в Ипсиланти, который в июне 1968 г. арендовали Джон Коллинз и Эндрю Мануэль. Чуть позже к двум друзьям присоединился третий, Арнольд Дэвис. К дому примыкал гараж, на снимке видны его открытые ворота.

Большая группа работников правоохранительных органов прошла в дом. Арест Коллинза произвела группа в составе лейтенанта службы шерифа Уилльяма Малхолланда (того самого, чья дочь училась вместе с Дон Бэйзом), капитана полиции штата Мичиган Уолтера Стевенса и сотрудника Службы безопасности Университета Мелвина Фуллера. Сразу после ареста Коллинз был выведен из дома и увезён в город Плимут, в центральную криминалистическую лабораторию полиции штата, за 20 км от места ареста. Цель этого перемещения заключалась в том, что лаборатория в Плимуте занималась обработкой материалов, доставленных из дома сержанта Лэйка, и обвиняемому можно было предъявлять новые улики без задержки, связанной с их перевозкой и полным оформлением сопроводительных документов. Кроме того, криминалисты могли лично осмотреть Коллинза, взять образцы его крови и дактилоскопировать.

Коллинз отнёсся к аресту с демонстративным равнодушием, но затем взял себя в руки и принялся бодриться. Он несколько раз попытался шутить, иронично и даже снисходительно улыбался. Ещё бы, он-то чувствовал, что тылы прикрыты и никаких прямых улик, изобличающих его, найти невозможно.

Джон Норман Коллинз (фотография сделана во время оформления ареста 2 августа 1969 года).

По прибытии в криминалистическую лабораторию в Плимуте его раздели донага и осмотрели. Никаких телесных повреждений, указывающих на недавнюю борьбу, как-то — царапин, следов укусов, ссадин, синяков, осаднений кожи на кулаках и прочего — найдено не было. Рост Джона Нормана Коллинза был зафиксирован равным 180 см, вес — 68 кг. Несмотря на кажущийся недостаток веса, арестованный отнюдь не был субтильным, напротив, он был очень мускулист, без грамма жира. Спортсмены называют такой тип телосложения «сухим», а врачи — мезоморфным.

Сейчас известны несколько фотографий, сделанных Джоном Коллинзом в качестве мужской модели для журнала «Tomorrow's man» за несколько недель до ареста. (Коллинз воспользовался псевдонимом «Билл Кенион», поэтому о существовании этих фотографий долгое время ничего не было известно, лишь спустя более 30 лет он рассказал о фотосессии, и снимки удалось отыскать в архивах издания). На них мы видим поджарого мускулистого мужчину, сравнительно небольшой вес которого не должен вводить в заблуждение. Такому, как он, не составило бы больших проблем справиться с девушками на 15–20 кг легче весом.

Джон Норман Коллинз за несколько недель до ареста попробовал себя в качестве фотомодели для журнала «Tomorrow's man».

Для первого допроса Коллинза собралось всё руководство Межведомственного штаба, однако с переходом к "острой фазе" никто не спешил. Все ждали результатов допроса Арнольда Дэвиса, который, напомним, несколькими днями ранее обеспечил Коллинзу alibi на время похищения Карен Сью Бейнемен. Дэвиса допрашивали по месту жительства, и тот, выражаясь русским арго, моментально начал "колоться". Видимо, потрясение от вида детективов и полицейских в форме оказалось столь велико, что всю дурь из парня моментально выбило. Дэвис сразу вспомнил, что 23 июля он не катался с Коллинзом на велосипедах, а когда у него спросили, зачем же он соврал Ларри Мэтьюсону, Дэвис не придумал ничего умнее, как откровенно признаться: "Но ведь Мэтьюсон не сотрудник полиции!" Мол, сотруднику Службы безопасности Университета можно и соврать!

Воистину, иногда лучше жевать, чем говорить…

Дэвис сумел с большой точностью восстановить события 23 июля 1969 г. и фактически потопил этим всю защиту Коллинза. По утверждению Дэвиса, он вообще не имел понятия, чем занимался Коллинз всю первую половину дня. В первый раз они встретились в 15:45, около получаса пили кофе и обсуждали планы на вечер. В 16:15 они расстались, потому что Коллинз уехал в магазин для покупки запчастей для одного из своих мотоциклов (в гараже, напомним, этих мотоциклов стояло аж 4 штуки). Вечером того же дня — после 20 часов — Дэвис, Мануэль и Коллинз встретились в одном из торговых комплексов, поужинали в ресторане и после 21 часа вернулись в дом № 619 по Эммет-стрит. Некоторое время они смотрели телевизор

и пили пиво, но в 23:30 Джон вспомнил, что не выгуливал собаку своей тётушки. Он живо собрался и уехал на машине в дом Лэйка. Вернулся обратно он около 00:30 24 июля. Разумеется, у Дэвиса поинтересовались, бывал ли он в доме сержанта Лэйка, и Арнольд клятвенно заверил, что ни разу не переступал порог этого дома. Он дважды ходил с Коллинзом выгуливать дога — один раз 22 июля, второй — 28 июля — и оба раза он ждал Джона с собакой перед домом.

Начав говорить, Арнольд Дэвис уже не мог остановиться и стал рассказывать детали, о которых его даже и не спрашивали. Так, он поспешил сообщить детективам, что Коллинз, узнав от него о визите Ларри Мэтьюсона, принялся убирать в своей комнате, собрал целую коробку каких-то вещей, которые сжёг на заднем дворе. После этого он принялся мыть легковую автомашину, в которой вместе с Эндрю Мануэлем ездил в июне-июле этого года в Калифорнию. Это была очень интересная информация, и она сразу заставила криминалистов сосредоточить внимание на тщательном осмотре автомашины.

Гараж, примыкавший к дому № 619 по Эммет-стрит, и стоявшая там техника, разумеется, были внимательно изучены детективами и криминалистами. Среди четырёх мотоциклов, стоявших там, оказался и тёмно-голубой «триумф» с прямоугольным зеркалом на левой стороне руля. Мотоцикл в точности соответствовал тому, который описала в своих показаниях Кэрол Вазерка. У Дэвиса, разумеется, спросили о том, как часто Коллинз ездил на мотоциклах, и свидетель поспешил ответить, что Коллинз делал это постоянно. Кроме того, он любил разного рода байкерские «фишечки» и постоянно «улучшал» свою мототехнику. В том, что он переставил на свой «триумф» зеркало с «хонды», не было ничего необычного, напротив — это была типичная для Коллинза переделка. Кроме того, как заметил Дэвис, Джон постоянно баловался с номерными знаками своих мотоциклов, переставляя их с одного на другой. Хобби такое…

Детективы насчёт этого хобби имели свою особую точку зрения, но в любом случае рассказ Арнольда Дэвиса нельзя было не признать крайне информативным и полезным. По мере того, как свидетель выдавал очередную порцию откровений, допрашивавшие его полицейские звонили в Плимут и сообщали новости, ведь они могли оказаться весьма важны при допросе Коллинза.

Заслуживает особого упоминания тот факт, что арестованный не отказывался от допроса, а напротив, демонстрировал полную готовность "сотрудничать" со следствием. Джон Коллинз, безусловно, знал, что по подозрению в убийствах девушек в

районе Энн-Арбора и Ипсиланти уже арестовывались студенты университета (об этом сообщалось в газетах) и, более того, с них до сих пор не сняты подозрения. Это придавало Коллинзу, конечно, определённую уверенность в собственной неуязвимости. Кроме того, он, по-видимому, считал, что хорошо за собой "подчистил", а потому ничего серьёзного ему в качестве улик не предъявят.

В начале допроса Коллинз завёл "старую песню о главном", рассказав о велосипедной прогулке 23 июля в компании с Арнольдом Дэвисом. Очевидно, он рассчитывал на то, что сговор с Дэвисом позволит ему запутать следователей. Но после того, как Коллинза поправили, сообщив, что Дэвис изменил свои показания, Джон задумался и… изменил показания. Он заявил, что, подумав получше, вспомнил, где был на самом деле около полудня того дня — он "тягал железо" в тренажёрном зале университетского спорткомплекса. Следователи пообещали проверить это утверждение и действительно очень быстро это сделали — как догадается вдумчивый читатель, Коллинз в спортзале не появлялся.

Дальше стало интереснее. Неспешно допрос перешёл к теме посещений Коллинзом дома его тётушки. Поначалу Джон попытался "затупить", энергично утверждая, что во время отъезда семьи Лэйков он в их дом не проникал и проникать не мог — ему не оставили ключей! Однако, вскоре выяснилось, что допрашивавшие в курсе того пустяка, что Коллинз имел ключи от гаража и заходил в дом через гараж. Арестант тут же перестроился и уточнил, что ключи от гаража он действительно имел, но далее гаража не ходил! Коллинз ничего не знал об обыске в доме сержанта Лэйка и всерьёз надеялся запутать полицейских. Но их осведомлённость его, должно быть, неприятно поразила. Ему сообщили, что дверь из гаража в дом не запиралась, а потому проблемы с проходом в дом не было никакой. Кроме того, собака всё время находилась в доме, а не в гараже, как же он выводил огромного дога на выгул? Тут настроение Коллинза резко ухудшилось, он помрачнел, но на вопрос "нужен ли ему адвокат?" ответил отрицательно. Чтобы как-то объяснить свои прежние утверждения и при этом не признаваться в очевидном вранье, он промямлил что-то вроде: "Я приоткрывал дверь, подзывал собаку, но в дом не входил! Ведь это чужой дом!"

На этом обсуждение вопроса о посещении дома закончилось, и допрашивавшие перешли к другой теме, которую можно условно назвать "подвал и всё, что с ним связано". У Коллинза спросили, зачем он закрасил часть пола в подвале дома Лэйка

чёрной краской? Как нетрудно догадаться, Коллинз на голубом глазу заявил, что ничего не красил и в подвал вообще не спускался. На это ему возразили, процитировав ту часть заявления сержанта Лэйка, в которой сообщалось об исчезновении банки чёрной масляной краски. Тут Коллинз глубоко задумался, тот факт, что его свойственник уже успел дать официальные показания, его, по-видимому, сильно поразил. Видимо, только в эту минуту арестованный начал подозревать, что произошли некие важные события, которые он упустил из вида. Тем не менее, считая, что серьёзных улик против него просто не существует, Коллинз после паузы категорично заявил, что сержант Лэйк ошибается и он, Джон Коллинз, никогда не спускался в подвал его дома.

То, как болезненно отреагировал допрашиваемый на вопросы о подвале, ясно показало следователям, что их предположения о произошедших там событиях очень близки к истине. Собственно, в этот момент виновность Коллинза в похищении и убийстве Карен Сью Бейнемен стала очевидна всем, кто следил за допросом. Однако допрос на этом, разумеется, не остановился. У Коллинза спросили, на что он израсходовал бутылки аммиака и жидкого мыла, а когда тот ожидаемо заявил, что не понимает, о чём речь, ему предъявили показания его тётушки, в которых говорилось о том, что после возвращения домой она обнаружила пропажу бутылок. Коллинз отрицал свою причастность к исчезновению моющих средств, логично рассуждая, что всякое голословное утверждение можно так же голословно опровергать. Но тут пошли вопросы про отсутствие его отпечатков пальцев, в том числе и на дверце холодильника, из которого он вынимал мясо для собаки. Коллинз опять повторил свою фразу про то, что "не понимает вопросов". Но… тут последовал "ход конём", заранее подготовленный следствием.

После того, как Коллинз категорично заявил и затем повторил несколько раз, что не входил в дом сержанта Лэйка, не спускался в подвал, не красил там пол и не смывал моющим средством отпечатки пальцев, ему предложили пройти проверку на полиграфе. Причём было обещано, что вне зависимости от исхода проверки допрос будет окончен. Коллинз бодро хмыкнул и, закинув ногу на ногу, заверил, что готов к любым проверкам. Он не знал, что «детектор лжи» с оператором ждут его в соседней комнате. Куда ему и предложили немедленно пройти.

Увидев перед собой включённый прибор, Коллинз спасовал. Он понял, что слишком далеко зашёл в демонстрации собственного самообладания и "сотрудничестве со следствием". Можно не сомневаться, что проверка на полиграфе была бы им

однозначно провалена — нервную систему арестованного до того "раскачали" во время допроса, что ему не удалось бы сохранить должную степень самоконтроля во время процедуры. Это сообразил и сам Коллинз. Остановившись перед столом, за которым сидел оператор "детектора лжи", он заявил, что желает воспользоваться правом на телефонный звонок и хочет вызвать адвоката.

Шёл третий час ночи. Комедия закончилась.

1 августа Начальник полиции штата полковник Фредрик Дэвидс (Fredrick Davids) собрал пресс-конференцию в здании Межведомственного штаба в доме № 4133 по Уоштеноу-авеню в Ипсиланти, на которой сделал заявление о разоблачении "Убийцы студенток". Он назвал его имя и сообщил некоторые детали, связанные с раскрытием убийства Карен Сью Бейнемен. Полковник особо остановился на роли сержанта Лэйка в успехе правоохранительных органов, высоко оценив его бдительность и профессионализм. Журналисты получили возможность сфотографировать Джона Коллинза во время его перевозки из здания криминалистической лаборатории в Плимуте в окружную тюрьму. Коллинза забрасывали вопросами, но тот упорно молчал. Вообще же, тактики полного молчания он с той поры придерживался почти 7 лет.

Эти фотоснимки Джона Коллинза сделаны в первой половине дня 1 августа 1969 г. На фотографии справа можно видеть Начальника Службы безопасности Восточно-Мичиганского университета Джона Хэйса (крайний слева, он держит Коллинза за локоть) и Начальника полиции Энн-Арбора Уолтера Красного (справа, в очках).

Родился Джон Норман Коллинз 17 июня 1947 г. в городке Виндзор в провинции Онтарио, Канада (по другим данным, он

появился на свет в больнице в городке Сентер-лайн, в штате Мичиган). Отец его был канадским подданным, и семья некоторое время проживала в этой стране. Впрочем, мать довольно скоро развелась с ним и вышла замуж во второй раз, тоже за гражданина Канады. Оба избранника Лоретты были алкоголиками и склонны к насилию в семье. Известно, что второй муж Лоретты однажды выбросил маленького Джона из автомашины, как куклу. В другой раз, он прикрылся ребёнком, как щитом, во время конфликта с соседом, направившим на него ружьё. Выстрела не последовало, и маленький Джон отделался испугом. В апреле 1951 г. мамаша развелась со вторым мужем и вернулась в США с тремя детьми. Очень скоро она вышла замуж в третий раз — теперь уже за гражданина США. "Коллинз" — это фамилия её третьего мужа, которую Джон принял в 1956 г.

Несмотря на неудачи в выборе мужей, Лоретта с каждым браком становилась всё богаче. Хотя она и выходила замуж за алкоголиков и придурков, это были богатые алкоголики и придурки. Мамаша Джона сумела обеспечить себе и своим детям безбедное и даже весьма комфортное существование. Дурачок Уилльям Коллинз, усыновивший трёх детей Лоретты, после развода оказался вынужден выплачивать алименты не только бывшей супруге, но и её детям. Джон не работал в своей жизни ни единого дня, но уже с 1965 г. снимал на мамашины деньги отдельное жильё, покупал мотоциклы, автомашины, ходил по клубам и ресторанам, вёл праздную жизнь плейбоя. К 18 годам он вырос в крепкого, спортивного парня, демонстрировавшего хорошие успехи в американском футболе, гребле, плавании. После поступления в Восточно-Мичиганский университет Джон занялся и лыжами, он выступал в университетской сборной и в этом виде спорта.

Первый курс Джон Коллинз отучился очень хорошо. Все преподаватели отмечали его способность к анализу, находчивость, ассоциативность мышления, умение вести полемику, отыскивая неожиданные логические ходы и возражения. Джон демонстрировал задатки, которые позволили бы ему стать отличным журналистом или педагогом. Но уже к концу первого курса его обвинили в краже денег у преподавателя. На втором курсе он вызвал подозрения в хищении денег у товарищей по кампусу. Хотя подозрения эти остались недоказанными, Джона исключили из студенческого братства.

Примерно в то же время Коллинз совершил и насильственное преступление, едва не стоившее ему свободы — он обнаружил свою беременную младшую сестру в объятиях молодого человека и избил обоих. Матери Джона стоило больших усилий замять это

дело и добиться закрытия расследования.

Успеваемость Коллинза падала год от года. Он мог бы прекрасно учиться, но явно не хотел растрачивать молодость на такие пустяки. Начиная с 1965 г. он был очень активен в поисках развлечений и новых подружек, количество девушек, побывавших в его постели, не поддавалось точному подсчёту. К лету 1969 г. Джон имел академические задолженности по 22 дисциплинам, и с такими результатами он не мог не только получить диплом университета, но и продолжить обучение. Ему надо было срочно решать свои проблемы с образованием, но вместо этого Джон сибаритствовал, как никогда ранее. Со своим дружком Эндрю Мануэлем в июне-июле 1969 г. он отправился на автомашине в Калифорнию, чтобы отдохнуть на тихоокеанских пляжах. Коллинз, видимо, руководствовался тем золотым правилом, что от студенческого отдыха тоже нужно отдыхать (и печень скажет "спасибо!"). В общем, Джон производил впечатление одарённого молодого человека, но ленивого и склонного к антисоциальному поведению.

Все средства массовой информации Мичигана посвятили свои репортажи и статьи сенсационному аресту Джона Нормана Коллинза. Хотя детали доказательной базы по понятным причинам оставались неизвестны общественности, по общему настроению руководства правоохранительных органов стало ясно, что теперь-то они "взяли" кого надо.

В Ипсиланти из Детройта примчалась мамаша Джона — Лоретта — и развернула активную работу по вызволению сынка из заключения. Сначала она пригласила для его защиты известного в Энн-Арборе адвоката Ричарда Райана, затем наняла самых дорогих адвокатов из Детройта — Джозефа Луизелла (Joseph Louisell) и Нейла Финка (Neil Fink).

Адвокаты Джона Коллинза. Слева — Нейл Финк, справа — Джозеф Луизелл. Снимок сделан в июле 1970 г.

Чуть позже, когда стало известно о том, что обвинение в значительной степени строится на сравнении остриженных волос, Лоретта Коллинз оплатила приглашение двух независимых экспертов — докторов Роберта Джервиса и Озеклиса Перконса — которые должны были доказать невозможность доказательства идентичности волос. Помимо этого, Лоретта предприняла несколько попыток привлечь журналистов на свою сторону, но из этого ничего не вышло — писательская братия очень внимательно следила за ходом расследования и не спешила "разоблачать" следствие. По тому, как Межведомственный штаб принялся за "раскрутку" Коллинза, видимо, всем стало ясно, что в отношении этого молодого человека имеется серьёзный обвинительный материал.

Надо сказать, что и работа адвокатской «тройки» тоже не задалась. Ричарда Райана, видимо, насторожило поведение подзащитного, который был не полностью откровенен даже с адвокатами (на «неполную» откровенность Джона Коллинза спустя много лет жаловался и Нейл Финк). Райан не хотел быть тем, кого клиент использует «втёмную», и он потребовал проверки подзащитного на «детекторе лжи». Разумеется, речь не шла о полицейской проверке, а о сугубо неофициальном мероприятии, для которого Райан привлёк специалиста из частной службы безопасности. Коллинзу пришлось пройти проверку под угрозой того, что Райан прекратит его защиту в случае отказа. Можно только догадываться, какие вопросы были заданы Коллинзу и как он на них ответил, но результат проверки вызвал у Ричарда Райана приступ ярости. Он отказался от дальнейшего сотрудничества с Коллинзом и расторг договор с его мамашей.

Видимо, основания для такого решения были весьма и весьма серьёзны, хотя адвокат, соблюдая требования профессиональной этики, никогда не говорил о мотивах этого поступка. Тем не менее следует признать, что решение адвоката прервать сотрудничество с Коллинзом выглядело весьма нетривиально. Понятно, что случившееся самым негативным образом сказалось на общем восприятии образа Джона Коллинза.

Вернёмся, впрочем, к хронологии. 1 августа окружной прокурор Уилльям Делхи (William F.Delhey) представил в суд прошение санкционировать арест Джона Коллинза на неделю. Судья удовлетворил прошение, обязав прокуратуру в 7:00 7 августа 1969 г. представить обвинительный материал на

арестованного. В случае не предоставления такового Коллинз подлежал безусловному и беззалоговому освобождению из-под стражи.

В окружной тюрьме Джон Коллинз был помещён в отдельную камеру, расположенную в коридоре, изолированном от других арестантских помещений. Офицер службы шерифа Дуэйн Трольц (Duane Trolz) был назначен ответственным за обеспечение безопасности заключённого на всё время его пребывания под стражей. Для выполнения этой задачи Трольцу была подчинена группа из трёх человек, которые не сводили глаз с арестанта 24 часа в сутки. Исключения делались только для встреч Коллинза с адвокатами, на которых охрана, по понятным причинам, присутствовать не могла.

Для физической охраны Джона Коллинза на время его содержания под стражей до суда служба окружного шерифа выделила группу сотрудников под командованием Дуэйна Трольца. На протяжении года они не спускали глаз с арестованного, обеспечивая его безопасность от любых посягательств.

Тут самое время сказать несколько слов о результатах обыска дома, арендованного Коллинзом, Дэвисом и Мануэлем. Как нетрудно догадаться, никаких вещей и следов, хоть как-то связанных с серией убийств девушек в округе Уоштеноу, найдено не было. Ещё бы, подозреваемый, предупреждённый своим другом о визите Ларри Мэтьюсона, принял все мыслимые меры к уничтожению всего, что так или иначе могло указать на его связь с преступлениями. Исчезла даже рубашка "поло" с зелёными горизонтальными полосами, хотя такую рубашку у Коллинза видели многие его друзья и подруги! Джон явно не поленился сжечь её, прекрасно понимая, что описание рубашки может стать известным полиции. Однако всех следов он уничтожить не смог,

как ни старался.

В его серебристом "олдсмобиле", прекрасно отмытом и ещё пахнущем дорогой автокосметикой, было найдено кое-что, что заставило следователей о многом задуматься. На направляющих под передним правым сиденьем оказались потёки крови, совпадающие по групповой принадлежности с кровью Карен Сью Бейнемен. Нет, Коллинз не забыл помыть под сиденьем, просто во время этой процедуры он не сдвигал кресло из одного крайнего положения в другое. Благодаря этому на направляющих осталось крови достаточно для проведения анализа. Но, помимо этого, в автомашине нашли некую тряпицу, используемую в качестве ветоши для протирки, которая явно не могла происходить из мужского гардероба. Это был кусок мягкой трикотажной ткани с красно-белыми горизонтальными полосами, который ранее был то ли куском какого-то кашне, то ли женского платья. По яркой цветовой гамме этого обрывка можно было уверенно сказать, что он никак не происходит от мужской вещи. На этом куске ветоши были обнаружены бурые пятна, которые, как показало криминалистическое исследование, являлись человеческой кровью. Но, судя по групповой принадлежности, эта кровь не могла быть кровью Коллинза, Дэвиса или Мануэля. Теоретически, эта кровь могла принадлежать одной из жертв "Убийцы студенток", но — и тут начиналось самое интересное! — быстро выяснилось, что ни одна из жертв преступника не имела вещи подобной расцветки. А это означало, что существуют ещё неизвестные прокуратуре жертвы маньяка.

Умозаключение представлялось весьма логичным. Поэтому с первых чисел августа в округе Уоштеноу развернулась очередная поисковая операция — правоохранительные органы бросили все свободные силы на поиск ещё одной, покуда не найденной жертвы Коллинза. Однако операция закончилась безрезультатно — новых тел отыскать не удалось. Если они и были, то не в округе Уоштеноу…

Ситуация некоторое время оставалась неопределённой, пока не выяснилось, что Эндрю Мануэль — третий из студентов университета, снимавший коттедж на Эммет-стрит — исчез в неизвестном направлении. Мануэль в тот самый вечер, когда был арестован Джон Коллинз, был допрошен, но допрос этот во многом носил формальный характер — молодой человек был нетрезв, и с ним следователи из прокуратуры решили обстоятельно поговорить позднее. Прошло несколько дней, и выяснилось, что Эндрю, собрав минимум вещей, исчез в неизвестном направлении. Выглядело это очень странно, особенно, если принять во внимание, что к Мануэлю прокуратура

никаких претензий в тот момент не имела. Однако поспешный отъезд дружка главного подозреваемого лишь усугубил подозрения в адрес последнего. Сработал существующий в англо-американском уголовном праве принцип: "бегство от правосудия есть признание своей вины".

Эндрю Мануэля стали искать — сначала у друзей по университету, затем у родственников, затем пошли широким бреднем по всему штату и — ничего! Потребовалось много месяцев, прежде чем ушлого студента отыскали в Аризоне. Произошло это, впрочем, лишь весной 1970 г., о чем подробнее будет сказано ниже.

Ввиду бегства от правосудия Эндрю Мануэля и полного молчания Джона Коллинза интерес следствия оказался сосредоточен на Арнольде Дэвисе. Тот, будучи другом обоих, невольно навлёк подозрения и на себя, хотя никто не мог толком сказать, что же именно можно вменить в вину Дэвису. Арнольду надо отдать должное — как следует испугавшись, он стал выкладывать о дружках всю «чернуху», какую только знал.

Так, например, он рассказал, что Коллинз не брезговал мелким воровством в округе, причём «тырил» в основном разного рода механику — велосипеды, мотоциклы, разного рода автомобильную мелочёвку. Любил человек железяки, что тут поделаешь? Дэвис сообщил следствию, что велосипед, стоявший в гараже подле дома, был украден Коллинзом буквально за неделю до ареста. Велосипед казался не очень серьёзной поживой, поэтому прокуратура довольно равнодушно отнеслась к данному сообщению, и вот тогда Арнольд Дэвис поспешил сообщить кое-что поинтереснее, а именно о краже Коллинзом револьвера из дома в городке Ливония, совершённой за четыре месяца до ареста. Револьвер был 22-го калибра, именно из такого оружия была убита Элис Кэлом. Револьвер, правда, отыскать не удалось, Коллинз явно позаботился о его сокрытии, но само по себе свидетельство было очень ценным. Помимо этого, Арнольд припомнил и кое-что ещё — по его мнению, он видел Элис Кэлом вместе с Джоном Коллинзом днём 7 июня 1969 г., то есть за несколько часов до гибели девушки! Он встретил парочку в доме на Эммет-стрит. Джон, по-видимому, пригласил Элис в гости к себе домой, но после появления Дэвиса парочка собралась и живо ушла.

Продолжая цепочку своих воспоминаний, разговорчивый свидетель показал, что Эндрю Мануэль и Джон Коллинз во второй половине июня — начале июля 1969 г. отправились на машине в поездку в Калифорнию через всю страну. И с целью обеспечить в поездке удобство и независимость от мотелей, решили

обзавестись прицепным трейлером. Нет, они не купили его, как поступили бы на их месте нормальные люди — они мошеннически приобрели его, всучив владельцу поддельный чек, выписанный от имени ничего не подозревавшего студента. Чтобы усыпить бдительность продавца, Мануэль предъявил тому студенческую карточку и пропуск на территорию кампуса, которые неделей ранее Коллинз украл на пляже. В этой истории самое интригующее заключалось в том, что нигде следов украденного трейлера отыскать не удалось. Можно было подумать, что Дэвис выдумал всю эту историю, но прокурор Делхи так не считал, и следственная группа затратила много сил и времени на то, чтобы разобраться во всех перипетиях, связанных с ворованным трейлером. Кстати, в этой связи внимательные читатели могут вспомнить и телевизионное выступление Питера Хуркоса 27 июля 1969 г., в котором ясновидящий сказал, что одна из кровавых тайн «Убийцы студенток» связана с трейлером.

Чуть позже мы вернёмся к истории украденного трейлера и кровавой тайне поездки в Калифорнию, а пока, следуя хронологии событий, коснёмся вкратце вопроса о полноте доказательной базы, опираясь на которую, прокуратура собиралась построить обвинение против Джона Нормана Коллинза. Понятно, что тех данных, которые удалось собрать к моменту ареста подозреваемого, явно не хватало для представления дела в суде. Обвинение требовалось радикально усилить, и в течение последующих девяти месяцев окружная прокуратура затратила много сил на то, чтобы сделать это.

В целом после проверки большого количества разного рода свидетельских материалов, заявлений и сопоставления аналитических материалов улики обвинения свелись к нижеследующим доводам.

— Прокуратура по минутам восстановила перемещения Коллинза 23 июля 1969 г. и подготовила детальную карту города Ипсиланти с указанием мест, которые Коллинз посетил в тот день. Благодаря этой карте очень наглядно доказывался главный посыл обвинения: Джон Коллинз имел запас времени вполне достаточный для встречи с Карен Сью Бейнемен у магазина париков в 12:30 (или чуть позже), поездки с нею в дом сержанта Лэйка, убийства девушки в подвале этого дома и последующего возвращения к 15:45 в дом на Эммет-стрит.

— Прокуратуре удалось отыскать семерых (!) девушек, с которыми Джон Коллинз пытался познакомиться 23 июля 1969 г. на разных улицах Ипсиланти. Из этого делался вывод, что Коллинз в тот день находился в состоянии сильного сексуального

возбуждения и искал потенциальную жертву. Места и время встреч с этими девушками находились в полном соответствии с маршрутом перемещения Коллинза по городу. Сам по себе факт подобных знакомств ни в чём Коллинза не уличал — ибо никто и ничто не запрещает знакомиться с девушками на улице — но по мнению обвинения сам факт подобных многочисленных знакомств являлся указанием на "косвенный умысел" обвиняемого совершить сексуальное посягательство на удобную жертву.

— Обвинению удалось отыскать и представить суду в качестве свидетелей трёх студенток Восточно-Мичиганского университета — Сандру Херреру (Sandra Herrera), Эйлин Гейл (Eileen Gale) и Мэри Томпсон (Mary Thompson) — которые независимо друг от друга дали довольно интересные показания, связанные с манерой поведения Джона Нормана Коллинза. Эти студентки хорошо знали последнего, и за каждой из них Коллинз в разное время пытался ухаживать. Свидетельницы характеризовали Джона как общительного и приятного молодого человека, но в определённый момент, когда тот считал, что ситуация допускает интимное сближение, Джон вдруг начинал настойчиво интересоваться, наступили ли у девушек месячные и есть ли сейчас кровотечение? Такой вопрос, заданный в лоб и в совершенно неподобающей манере, шокировал каждую из свидетельниц. Все трое признавали, что назойливое любопытство Коллинза производило очень отталкивающее впечатление и послужило причиной разрыва отношений. Сверившись с данными судебно-медицинских экспертиз, работники прокуратуры обнаружили интересное совпадение, ранее ускользавшее от внимания следствия — по крайней мере у пятерых жертв "Убийцы студенток" в момент убийства шли месячные, и у всех погибших отмечались в той или иной степени повреждения половых органов с сопутствующим кровотечением. По мнению обвинения, кровавые выделения из половых органов служили неким "маркером" или "спусковым крючком", каким-то образом возбуждавшим фантазию преступника и выводившим его из равновесия. Озабоченность Джона Коллинза менструальным циклом своих знакомых служила, по мнению обвинения, косвенным указанием на то, что именно он и являлся "Убийцей студенток".

— Марджори Барнс (Marjorie Barnes), соседка семьи Лэйк, заявила, что 24 и 25 июля 1969 г. Коллинз приезжал в дом сержанта на мотоцикле, который она видела стоящим либо на газоне, либо в гараже. Это означало, что обвиняемый располагал возможностью осуществить тщательную уборку дома и подвала, а

также двукратную покраску пола в подвале с целью сокрытия следов преступления.

— Для экспертизы остриженных фрагментов детских волос, найденных в подвале дома Лэйка и на обрывках одежды Карен Сью Бейнемен, был приглашён доктор Винсент Гуинн (Vincent Guinn), перед которым была поставлена задача проведения исчерпывающе полного исследования, способного доказать происхождение волос из одного источника (либо дать противоположное заключение). Поскольку стриженые волосы являлись одним из краеугольных камней обвинительного материала, требовалось намного более полное исследование, нежели сравнение цвета и толщины волос, которым обычно ограничиваются криминалисты. Винсент Гуинн осуществил комплексное сравнение физико-химических характеристик человеческих волос, происходящих от лиц разного пола, возраста, рас, а также с различных участков человеческого тела. Сравнение проводилось по восьми параметрам, как-то: прочность на разрыв, способность к скручиванию, пластической деформации и тому подобное. Кроме того, Гуинн особое внимание уделил химическому составу волос, для чего использовал новый для того времени метод "активации нейтронами", основанный на облучении волос нейтронами и сравнении полученного в образцах набора изотопов. Эксперт выделил 30 основных типов волос, случайное совпадение которых в случае их происхождения от разных лиц являлось даже менее вероятным, чем случайное совпадение групп крови. Другими словами, совпадение групповой принадлежности волос имело даже бОльшую доказательную ценность, нежели совпадение групп крови. Винсент Гуинн пришёл к заключению, что остриженные волосы в подвале дома Лэйка происходят из того же источника, что и 509 волосков, найденных на фрагментах одежды Карен Сью Бейнемен. Каким бы ни был этот источник (в рамках экспертизы это было неважно), подобное совпадение указывало на то, что похищенная девушка побывала в подвале дома сержанта Лэйка.

— Не полагаясь на результаты работы Винсента Гуинна, Криминалистическое управление Департамента здравоохранения штата Мичиган провело стандартное криминалистическое исследование фрагментов волос с кусков одежды Карен Сью Бейнемен и найденных в подвале дома сержанта Лэйка. Для придания исследованию большей доказательной силы для сравнения использовались около 1000 волос, происходивших от контрольной группы лиц разного возраста и расовой принадлежности. С ними сравнивался 61 фрагмент волос из 509, снятых с одежды Карен Сью Бейнемен. Исследование показало,

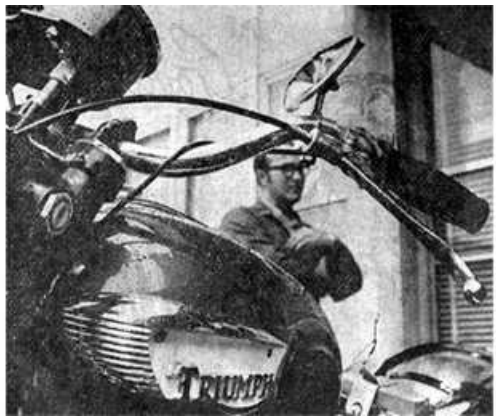
что в наибольшей степени фрагментам волос с одежды убитой девушки соответствуют именно кусочки волос, найденные в подвале дома Лэйка. В обоих случаях волосы происходили из волосяного покрова головы человека европеоидного типа, и их толщины оказались одного диапазона (толщина фрагментов волос с одежды колебалась в диапазоне 36–95 микрон, а фрагментов волос из подвала — в диапазоне 39-115 микрон).

— При тщательном изучении дома сержанта Лейка криминалистам удалось отыскать моток электрического провода в чёрной пластиковой изоляции, во всём соответствовавший тому проводу, что был использован убийцей для связывания рук Карен Сью Бейнемен. Кроме того, с одной из водопроводных труб, смонтированных под потолком в подвале дома Лейка, оказалась сбита пыль. Этот участок трубы выглядел так, словно через него была переброшена верёвка или электрический провод. Обвинение считало, что в этом месте ещё живая Карен была привязана к трубе и таким образом обездвижена.

— Поскольку одной из важнейших улик против Коллинза явилось наличие в подвале следов крови, совпадавшей по групповой принадлежности с кровью Карен Сью Бейнемен, обвинение уделило большое внимание безукоризненности оформления данной экспертизы. Для её независимого подтверждения образцы крови из подвала и образцы, взятые из трупа девушки, были переданы в лаборатории судебной медицины в Онтарио (Канада), в Фениксе (штат Аризона) и Сан-Диего (штат Калифорния). В каждой из упомянутых лабораторий проводилось до 20 сравнительных тестов, которые показали высокую сходимость результатов. Кровь из подвала принадлежала 2 группе и содержала 0,03 промилле этилового спирта, что соответствовало крови из тела Карен Сью Бейнемен. Также в крови были обнаружены следы кофеина. Помимо этого, образцы крови проверялись на содержание никотина, атропина, морфина и барбитуратов (во всех случаях получен отрицательный результат). Такое исследование крови по стандартам конца 1960-х гг. следует признать полным, а его результат — вполне убедительным.

— Понимая, что защита Коллинза будет стремиться доказать, будто голубой «триумф» (либо необычное зеркало на нём) появились в распоряжении обвиняемого уже после 23 июля 1969 г. и, следовательно, он никак не мог на таком мотоцикле осуществить похищение Карен Сью Бейнемен, обвинение озаботилось розыском свидетелей, способных подтвердить факт владения Коллинзом таким мотоциклом до указанной даты. Сделать это удалось с исчерпывающей надёжностью. Так, одна из

подруг обвиняемого — Линда Кэмпбелл (Linda Campbell) — дала показания, согласно которым тот владел указанным мотоциклом около года или более, а другая — Карен Нэйлок (Karen Naylok) — заявила, что голубой «триумф» долгое время имел необычное вытянутое зеркало на левой стороне руля.

Тёмно-голубой мотоцикл «триумф» с зеркалом от «хонды», принадлежавший Коллинзу, явился одной из важнейших улик обвинения. Во время судебного процесса мотоцикл был выставлен на охраняемой парковке перед зданием суда, и его могли осмотреть все желающие. Забавно, что спустя много лет Коллинз стал утверждать, будто никогда не владел таким мотоциклом. Непонятно, правда, почему он не говорил об этом во время процесса?

Показания Карен оказались даже вдвойне ценны ещё и потому, что девушка точно назвала тип мотоцикла, с которого Коллинз снял это прямоугольное зеркало (это была "хонда"). По словам девушки, ей рассказал об этой детали сам Коллинз.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что Джон Коллинз с большим интересом (и даже ревниво) следил за всеми июльскими выступлениями Питера Хуркоса в Ипсиланти и Энн-Арборе. Он не только внимательно слушал все репортажи на эту тему по местным телевидению и радио, но даже не поленился отправиться на одно из выступлений Хуркоса, где задал вопрос из зала, на который экстрасенс ответил (вопрос не касался преступлений «Убийцы студенток»). За несколько дней до ареста Коллинз в кругу друзей весьма пренебрежительно отозвался о дарованиях Хуркоса, назвав того «мошенником, не знающим истины». Это высказывание можно было интерпретировать таким образом, что истину знал сам Коллинз. Обвинение хотело использовать данную информацию в суде как изобличающую Коллинза, но в дальнейшем отказалось от данного намерения по

вполне очевидной причине — Хуркос во время своих выступлений в Мичигане в июле 1969 г. ответил на вопросы более чем ста человек и, понятное дело, выводы прокуратуры можно было произвольно распространить на всех этих людей.

Большое внимание обвинение уделило изучению фактов, способных вскрыть причастность Коллинза к убийству не только Карен Сью Бейнемен, но и других жертв «Убийцы студенток». В этом направлении удалось кое-что обнаружить. Так, например, Арнольд Дэвис сообщил, что Джон Коллинз мог быть причастен к похищению Джоан Шелл 30 июня 1968 г… (Напомним, что девушку видели в последний раз выходящей на парковку перед общежитием, где как раз находилась автомашина с тремя молодыми людьми. Правоохранительным органам сообщили, что в машине сидел Джон Коллинз, и тот даже был допрошен в связи с этим, но Коллинз утверждал, что имеет alibi на это время, что и подтвердила его мать. После этого полиция решила, что имеет место ошибка опознания, и более не рассматривала Коллинза в качестве подозреваемого.) Согласно заявлению Дэвиса, Коллинз действительно сидел в автомашине на парковке, и более того, он даже остался с Джоан Шелл наедине после того, как остальные два студента вышли из машины, но Коллинзу удалось обмануть полицейских во время допроса и представить фальшивое alibi, подтверждённое его матерью Лореттой.

Изучение географии проживания и перемещения погибших девушек позволило обвинению сделать кое-какие интересные выводы. Так, например, было известно, что Мэри Флезцар, похищенная и убитая в июле 1967 г., и Джоан Шелл, погибшая практически через год, арендовали жильё в домах, расположенных совсем близко друг от друга. От дома, в котором тогда проживал Джон Коллинз, их отделяло буквально 150–200 м! Учитывая любовь Коллинза к уличным знакомствам, трудно было отрицать высокую вероятность того, что он общался с обеими жертвами. На встречу Коллинза с Мэри Флезцар указывала и просверленная канадская монета с эмблемой Всемирной выставки ЭКСПО-67 [той самой, на которой Мэри побывала вместе с матерью и сестрой]. Такую монетку Мэри Флезцар сохранила в память о поездке и носила на шнурке в качестве самодельного медальона.

Канадская монета исчезла с трупа Мэри Флезцар, и теперь похожая монета была найдена в вещах Коллинза. Обвинение считало, что в обоих случаях фигурирует один и тот же сувенир, похищенный убийцей в момент совершения преступления. Более того, обнаружилась интересная возможность связи Коллинза и с Мэрилин Скелтон, похищенной и убитой в марте 1969 г.

Напомним, что Скелтон была «трудным подростком»; её выгнали из школы, она слонялась по друзьям и знакомым, жила с кем придётся. Когда прокуратура стала проверять связи Коллинза, выяснилось, что товарищ по университету, которого Джон частенько навещал, проживал по соседству с квартирой, в которой Скелтон ночевала последние недели своей жизни. Таким образом, представлялось очень вероятным возможное знакомство убитой девушки и обвиняемого.

Наконец, прослеживались кое-какие интересные совпадения, указывающие на причастность Коллинза к убийству Джейн Миксер. Джейн за несколько часов до смерти сообщила младшей сестре в телефонном разговоре, что поедет домой с неким «Дэвидом Джонсоном», так вот, студент с такими именем и фамилией был соседом Коллинза по кампусу на первых курсах! Представлялось вполне логичным предположение, что убийца представился потенциальной жертве чужим именем, но не вымышленным, а именем реально существующего студента. Кроме того, у Коллинза имелся пистолет 22-го калибра. В общем, совпадения выглядели очень интригующе, и чем внимательнее детективы изучали прошлое Коллинза, тем больше подозрительных совпадений находили.

Все эти моменты, конечно, были очень интересны и заслуживали внимания, однако прокуратура решила не углубляться в данном направлении, а сосредоточить всю силу обвинения только на одном эпизоде — похищении и убийстве Карен Сью Бейнемен. Соображений в пользу такого сознательного сужения обвинительной базы было несколько: во-первых, приведённая выше аргументация являлась лишь косвенным доводом в пользу возможного знакомства обвиняемого с жертвами и напрямую не уличала Джона Коллинза в совершении убийств Мэри Флезцар, Джоан Шелл и Мэрилин Скелтон; во-вторых, даже если и признать факт знакомства Коллинза с некоторыми из жертв, то из этого, опять-таки, отнюдь не следовал вывод о его виновности в их похищении и умерщвлении; в-третьих, дом № 619 по Эммет-стрит действительно располагался неподалёку от мест проживания Мэри Флезцар и Джоан Шелл, но на момент гибели первой Джон Коллинз в нём ещё не жил (он переехал в указанный дом лишь в начале июня 1968 г.). Озвучивание в суде такого рода доводов, не добавив весомых улик против Коллинза, лишь предоставило бы защите последнего прекрасную возможность опровергнуть аргументацию обвинения и указать присяжным на предвзятость последнего.

Тем не менее информация о том, что прокуратура располагает данными о связи Джона Нормана Коллинза с

другими жертвами "Убийцы студенток", постепенно просачивалась в журналистскую среду и уже к лету 1970 г. перестала быть тайной. О Коллинзе говорили и писали именно как о том самом маньяке, что на протяжении ряда лет преследовал жителей Энн-Арбора и Ипсиланти. Защитники обвиняемого утверждали, что распространением этих сведений занимается сама же прокуратура с целью настроить общественное мнение против их подзащитного. Впоследствии и сам Коллинз неоднократно высказывался в том же духе. Тем не менее официально Коллинза обвиняли только в убийстве Карен Сью Бейнемен, и остальные эпизоды ему в вину не вменялись.

Слабым местом обвинения являлось то, что никто не видел Джона Коллинза в тот момент, когда он привёз Карен Сью Бейнемен в дом сержанта Лэйка. И точно также никто не видел, как и когда именно он вывозил её труп. Обвинение считало, что Коллинз избавился от тела в ночь с 24 на 25 июля, однако никто из соседей не запомнил его серебристый «олдсмобиль» в этот отрезок времени поблизости от дома сержанта. Между тем, Коллинзу следовало приехать именно на автомашине, ведь понятно же было, что он не мог увезти труп на мотоцикле. Несмотря на все старания обвинения отыскать нужного свидетеля, сделать это так и не удалось.

Ещё одним моментом, до некоторой степени подрывающим версию обвинения, явилось сообщение одного из соседей Лэйка, якобы слышавшего крики, доносившиеся из подвала в ночь с 23 на 24 июля 1969 г. Это заявление ни в коей степени не соответствовало тому сценарию развития событий, к которому склонялось обвинение. Исходя из данных судебно-медицинской экспертизы, смерть Карен Сью Бейнемен последовала в ближайшие часы с момента похищения, то есть в интервале 12:30–15:45 23 июля, и девушка никак не могла оставаться в живых до ночи. Было сочтено, что свидетель ошибается в своих утверждениях, и его показания были исключены из дела и не упоминались в суде. Впоследствии эта деталь стала известна, и в адрес прокуратуры и лично Делхи высказывались претензии в дезинформировании судьи и присяжных. (Претензии эти вряд ли можно считать оправданными, поскольку данное свидетельство на самом деле противоречит всем материалам уголовного расследования и вряд ли соответствует действительности. Рассказ свидетеля о криках из подвала, скорее всего, родился уже после того, как было широко объявлено о том, что дом сержанта Лэйка явился местом преступления. «Воспоминания» не были истинными воспоминаниями, а продуцировались размышлениями и эмоциями впечатлительного рассказчика).

В апреле 1970 г. Эндрю Мануэль, друг Джона Коллинза, скрывшийся от полиции после первого допроса, был найден в Аризоне и арестован местным шерифом. На Мануэля имелся "открытый" ордер на арест, позволявший взять его под стражу в любой точке страны. Процедура выдачи подозреваемого властям Мичигана потребовала некоторого времени, но 23 июня 1970 г. Мануэль был доставлен в Мичиган и тут же помещён в тюрьму сроком на 60 суток по обвинению в "препятствии правосудию".

Семья 26-летнего Эндрю проживала в доме № 785 по Норт-Харрис роад (North Harris road) в Ипсиланти, но молодой человек последние годы с семьёй не жил, предпочитая снимать жильё вместе с друзьями. Осенью 1966 г. он особенно сдружился с Коллинзом, участвовал во многих его воровских проделках, и когда последний предложил ему поселиться вместе в доме на Эммет-стрит, принял это предложение, не раздумывая. Житуха молодых людей была весёлой — они вместе пили, гуляли, ходили на танцы, знакомились с девушками. Хотя Коллинз был младше Мануэля, он оказался явно доминирующим в их дружной компании, и Эндрю стремился во всём подражать ему. Теперь он глубоко раскаивался в собственной неразборчивости и не хотел расплачиваться за чужие грехи.

Своё бегство из Мичигана Мануэль объяснил паникой, овладевшей им после ареста Коллинза. Он без запирательств признал факт мошеннического приобретения прицепного трейлера и рассказал о совместной с Джоном поездке в Калифорнию в июне-июле 1969 г. Сам Коллинз об этой поездке ничего не говорил — он по рекомендации адвокатов вообще ничего не говорил следователям. Поэтому показания Эндрю Мануэля о маршруте их проезда по стране были чрезвычайно интересны. Как только эти детали стали известны, прокуратура предприняла необходимые меры по проверке возможной причастности Коллинза к убийствам девушек вне пределов Мичигана. (Напомним, что среди улик, имевшихся в распоряжении прокуратуры, оставалась часть трикотажного платья неизвестной принадлежности, найденная в автомашине Коллинза. Это заставляло думать, что тот причастен к ещё неизвестным убийствам.).

Вскоре поступила интересная информация — оказалось, что во время пребывания Коллинза и Мануэля в Калифорнии неподалёку от мест их проезда или проживания исчезли две девушки. Последовавшая проверка показала, что один из этих двух эпизодов никак не связан с гостями из Мичигана, а вот по поводу второго в их адрес возникли серьёзные подозрения. Дело заключалось в том, что друзья останавливались на обратном пути

в городе Салинас, в котором проживал с семьёй дед Эндрю Мануэля (кстати, возле его дома они оставили ворованный трейлер, так сказать, приберегли до лучших времён). В те самые дни, когда Коллинз и Мануэль жили в Салинасе (у деда последнего), в соседнем городе Кармель, расположенном менее чем в 20 км к юго-западу от Салинаса, пропала 17-летняя Рокси Филлипс (Roxie Phillips). Одета она была в красно-белое трикотажное платье, раскраска которого соответствовала тряпице, найденной криминалистами в автомашине Джона Коллинза после его ареста.

В общем, это была серьёзная зацепка, и прокуратура калифорнийского округа Монтерей, занимавшаяся расследованием этого дела, немедленно ухватилась за предположение о возможной причастности к преступлению Коллинза и Мануэля.

В деталях случившееся с Рокси выглядело так. 29 июня 1969 г. неизвестный молодой мужчина — сухопарый, темно-русый, ростом около 180 см — приезжал на серебристой автомашине в Кармель и пытался познакомиться с местными девушками. Он предпринял несколько таких попыток, и описание его внешности впоследствии сообщили независимо друг от друга пять девушек. Неизвестный представлялся "Джоном" и рассказывал, что коллекционирует мотоциклы. Калифорнийские детективы предполагали, что в тот день таинственный "Джон" познакомился с Рокси Филлипс, которая в тот же вечер рассказала о нём своему другу. Она не только назвала его имя, но и описала серебристый "олдсмобиль", хорошо соответствовавший тому, на котором Коллинз и Мануэль отправились в Калифорнию. На следующий день — 30 июня 1969 г. — Рокси около полудня вышла из дома, чтобы отправить письмо и зайти в соседний магазин за мелкими покупками. Ей надо было пройти не более 200 м, однако девушка исчезла без следа.

Служба шерифа провела поисковые мероприятия, но девушку отыскать не удалось ни в день исчезновения, ни после. Совершенно случайно труп Рокси нашли 13 июля 1969 г. двое мальчишек, отправившиеся на поиск древних окаменелостей в каньон Пескадеро южнее Кармеля. Кстати, то, что преступник сбросил тело именно в каньон, косвенно свидетельствовало о том, что убийство совершил не местный житель. Каньон Пескадеро на протяжении последнего полувека был известен как место, в котором можно найти крупные окаменелые кости динозавров, и в их поисках там постоянно ходили группы палеонтологов, разного рода коллекционеров-любителей и местных жителей, приторговывавших зубами и челюстями

экзотического вида. Так что сбрасывание трупа в каньон представлялось отнюдь не оптимальным способом его сокрытия, и местный житель вряд ли поступил бы так. Тот, кто знал окрестности, скорее всего, вывез бы тело подальше в пустыню и просто-напросто оставил бы его в нескольких десятках метров от дороги — этого было бы достаточно для того, чтобы тело вообще никогда не нашли.

Как бы там ни было, труп Рокси Филлипс оказался найден всего через две недели с момента исчезновения девушки. Тело подверглось сильному посмертному изменению, что неудивительно, учитывая жаркую калифорнийскую погоду. Была очевидна криминальная причина смерти, поскольку тело было найдено практически нагим — на нём остались только туфли и бело-красный шарфик, некогда бывший в комплекте с платьем той же расцветки. Само платье исчезло, и найти его не удалось. Шарфик был использован для душения — убийца оставил его на шее жертвы туго затянутым.

Судебно-медицинская экспертиза сумела установить (несмотря на сильное разложение тканей), что погибшая до наступления смерти некоторое время находилась в месте, где произрастал ядовитый дуб (токсикодендрон, который, строго говоря, дубом не является). Это растение выделяет урушиоловое масло, дающее сильную аллергическую реакцию при контакте с незащищённым кожным покровом. Считается, что более 90 % людей чувствительны к этому токсину, о чём местные жители, разумеется, знали. По доброй воли девушка вряд ли убежала бы в заросли дикого дуба, скорее всего, её туда насильно затащил преступник. Это сразу навело следствие на предположение о том, что убийца — приезжий, причём приезжий издалека (дикий дуб широко распространён на западе США, но не растёт в центральных районах страны и на востоке). Также в качестве допустимой рассматривалась версия, согласно которой преступник обладал индивидуальной переносимостью урушиолового масла, другими словами, этот токсин не вызывал у него аллергии. Если это было действительно так, то подобная отличительная черта имела бы значительную доказательную ценность.

Казалось, следствие имеет неплохие шансы раскрыть убийство Рокси, однако отыскать таинственного «Джона» на серебристом автомобиле так и не удалось. Розыск вскоре застопорился, и хотя несколько местных жителей вызвали подозрения, до их обвинения дело так и не дошло. Расследование не продвигалось до тех самых пор, пока весной 1970 г. из Мичигана не пришла информация об аресте Джона Коллинза и

вместе с нею запрос о возможных убийствах девушек в районе Салинаса в последних числах июня 1969 г. После передачи Мануэля властям Мичигана из Калифорнии прибыла группа детективов и юристов, чтобы допросить его о возможной причастности Коллинза к убийству Рокси Филлипс.

Мануэль, узнав, что ему грозит обвинение не только в краже и последующем сокрытии автомобильного трейлера, но и в соучастии в убийстве, по-настоящему запаниковал и сдал своего дружка, как говорится, "с потрохами". По словам Эндрю, 29 и 30 июня 1969 г. он никуда с Коллинзом не ездил, и потому ничего не знает о его попытках познакомиться с девушками в Кармеле. В эти дни Эндрю был занят тем, что помогал деду в домашнем ремонте. Коллинз же был предоставлен самому себе и надолго уезжал к океану якобы позагорать. Мануэль точно помнил, что 30 июня Коллинз вернулся из поездки с сильной аллергической реакцией на яд дикого дуба. Он чувствовал себя настолько плохо, что его пришлось отвезти в больницу, где он провёл несколько часов. Мануэль настаивал на том, что ничего не знает о похищении и убийстве Рокси Филлипс, и согласился свидетельствовать против Коллинза в суде Калифорнии в обмен на невыдвижение обвинения в соучастии.

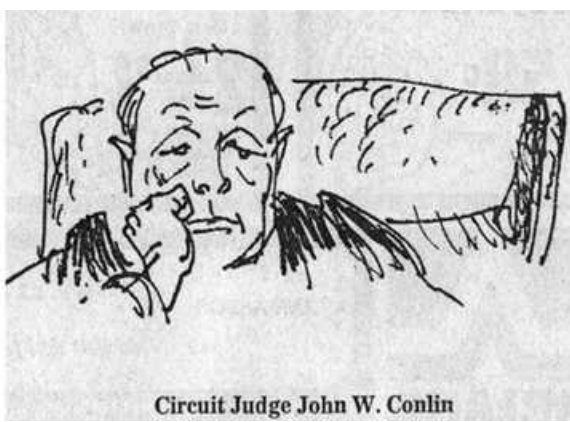
При изучении куска ткани, найденного в автомашине Коллинза, было установлено, что он своим рисунком и фактурой соответствует шарфику погибшей. А групповая принадлежность следов крови на нём совпадала с группой крови Рокси. Данное открытие являлось серьёзной уликой против Коллинза.

Наконец, детективы из Калифорнии задумались над проведением опознания предполагаемого убийцы. Напомним, что по версии следствия преступник первый раз приезжал в Кармель накануне похищения Рокси Филлипс, там несколько девушек его видели и разговаривали с ним. Если бы они смогли опознать в "Джоне" на серебристом автомобиле Джона Коллинза, то это был бы, выражаясь языком шахматистов, мат в два хода. Такое опознание, с одной стороны, не уличало прямо подозреваемого в совершении преступления, но доказывало его знакомство с районом похищения жертвы и последующего сокрытия её трупа. Кроме того, факт заигрывания с девушками недвусмысленно указывал на мотивацию подозреваемого. В общем, успешное опознание могло бы хорошо помочь на судебном процессе. С целью проведения этой процедуры детективы из Калифорнии попросили своих мичиганских коллег предоставить фотографии Коллинза и киноматериал, дающий представление о его манере двигаться, жестикулировать, разговаривать и тому подобное. Такой небольшой киноролик был отснят во время прогулок

Коллинза и предоставлен калифорнийским правоохранителям.

Забегая немного вперёд, можно сказать, что опознание Коллинза прошло успешно. Кроме того, проверка показала точность сведений, сообщённых Эндрю Мануэлем — был найден ворованный трейлер, удалось получить документальное подтверждение факта обращения Коллинза в больницу из-за аллергического приступа, вызванного отравлением маслом ядовитого дуба, и прочих деталей. Благодаря этому Департамент юстиции Калифорнии приступил к подготовке судебного процесса над Коллинзом по обвинению его в похищении и убийстве Рокси Филлипс. Суд должен был пройти в Калифорнии после завершения процесса в Мичигане.

Судебный процесс над Джоном Норманом Коллинзом начался 30 июня 1970 г. Вёл слушания судья Джон Конлин (John W. Conlin), сторону обвинения представлял окружной прокурор Делхи и его помощник Букер, защиту поддерживали уже упоминавшиеся Луизелл и Финк.

Circuit Judge John W. Conlin

В судах многих американских штатов, в том числе и Мичигана, фотографирование запрещено, поэтому газеты направляют на судебные процессы художников, дабы те делали зарисовки во время заседаний. На этом рисунке из газеты «Энн-Арбор ньюс» изображён судья Конлин во время процесса по обвинению Джона Коллинза в убийстве Карен Сью Бейнемен.

Довольно долго — более двух недель — тянулась процедура отбора жюри присяжных (жюри из 12 человек и 2 запасных присяжных составили 7 женщин и 7 мужчин), затем последовало оглашение обвинительного акта. После его заслушивания судья осведомился у Коллинза, понимает ли тот суть предъявленных обвинений и, получив утвердительный ответ, спросил, признаёт ли тот себя виновным. На что был тут же дан категорически отрицательный ответ, а адвокат Луизелл заявил, что с этого

момента его подзащитный желает воспользоваться конституционным правом не свидетельствовать против себя.

Средства массовой информации задолго до процесса начали обсуждать возможную тактику защиты Коллинза. Оптимальными считались досудебная сделка с признанием вины либо активная защита с непосредственным участием самого Коллинза. Тактика отказа от дачи показаний, к которой прибегли адвокаты, по общему мнению юристов, признавалось самой невыгодной из всех возможных. Она давала обвиняемому определённые тактические плюсы, снижала его психологическое напряжение во время процесса, но при этом ставила изначально в очень невыгодное положение, заставляя думать судью и присяжных, что обвиняемому есть что скрывать. Кроме того, тактика молчания лишала обвиняемого такого серьёзного козыря, как возможность лично участвовать в допросе свидетелей. Обвиняемый с крепкими нервами, хорошим самообладанием и сообразительностью зачастую способен сбить с толку опасного свидетеля и снизить ценность сообщённой им информации. (Допрос свидетеля обвиняемым в значительной степени напоминает очную ставку с той только разницей, что проводится не под контролем офицеров полиции, и потому требует от свидетеля сильного психоэмоционального напряжения. Не все люди могут его вынести, и потому находчивый и остроумный обвиняемый может неплохо помочь самому себе, воспользовавшись правом задавать вопросы свидетелю.) То, что адвокаты обвиняемого пошли по пути наименьшего сопротивления и фактически «вывели его за рамки процесса», оказалось медвежьей услугой, что впоследствии осознал и сам Коллинз.

Заслушивание свидетелей обвинения началось 23 июля 1970 г. Луизелл и Финк в перерывах между заседаниями вели себя весьма самонадеянно, много улыбались репортёрам, охотно комментировали ход процесса, давая понять, что у них в рукавах припасено немало "джокеров". Однако в итоге вся эта игра окончилась пшиком. Для того чтобы дать представление о манере действий защиты в суде, можно привести несколько показательных примеров.

Как уже отмечалось выше, одним из краеугольных камней обвинения являлась экспертиза следов крови, обнаруженных в подвале дома сержанта Лэйка. Эту экспертизу представлял в суде Уолтер Хольц (Walter L. Holz), руководитель Отдела криминалистики Департамента здравоохранения штата Мичиган. Понятно, что защите Коллинза было очень важно посеять сомнения в точности её результатов. Причём упор надо было сделать не на точности анализов и методов исследования, а

именно на их неоднозначности, так как совпадение групповой принадлежности различных образцов крови отнюдь не означает происхождения крови от одного источника. Это аксиома, которую не смог бы опровергнуть ни один эксперт, и именно на это и следовало напирать адвокатам. Что же сделал Луизелл, когда подошла его очередь допрашивать Хольца?

Сначала самый высокооплачиваемый адвокат Детройта долго ходил вокруг да около, задавая эксперту малозначительные вопросы: где проводилась экспертиза? сколько было сделано анализов? и тому подобные (как будто он не читал представленных актов экспертиз и не знал этих деталей). Наконец, решив, видимо, что бдительность эксперта уже достаточно притупилась, адвокат задал «обезоруживающий» вопрос: а разве неизвестно эксперту, что некоторые члены семьи сержанта Лэйка имеют ту же группу крови, что и кровь, найденная в подвале дома? На что Хольц спокойно ответил, что ему, разумеется, известно о том, что двое сыновей Лэйков имеют кровь той же группы, что и Карен Сью Бейнемен. На что Луизелл тут же радостно отреагировал, спросив, можно ли допустить, что кровь, найденная в подвале дома сержанта Лэйка, принадлежит кому-то из его детей? скажем, принесли родители окровавленную рубашку мальчика стирать, бросили на пол — вот вам и кровавая помарка на цементе! Услыхав такую глупость, Хольц невозмутимо заметил в ответ, что следы крови найдены на полу под стиральной машиной на удалении около 15 дюймов от её фронтальной поверхности (то есть 35–40 см).

Зачем Луизелл спросил то, что спросил, совершенно непонятно. О том, что кровь найдена под стиральной машиной, местные газеты писали ещё летом 1969 г.! Трудно отделаться от ощущения, что адвокат не только не прочёл акт судебно-медицинского исследования следов крови, но даже не читал местных газет. Тут сам собой рождается вопрос: а как вообще самый высокооплачиваемый адвокат Детройта готовился допрашивать эксперта? Примечательно, что задав глупейший вопрос, Луизелл не остановился на достигнутом и продолжал напирать, цепляясь к тому, что группы крови двух мальчиков совпадали с группой крови Карен Сью Бейнемен. Это, видимо, надоело Хольцу, и он, что называется, ткнул адвоката носом в грязь, обронив мимоходом, что в крови найден алкоголь, а потому трудно представить, что это кровь детей. Вот тут бы безмозглому адвокату замолчать, но он явно не мог «сойти с темы», и потому из его уст последовал ещё один редкостный по наивности «обезоруживающий» вопрос: а разве сахар в крови не превращается в алкоголь под действием ферментов? Трудно

сказать, чего больше в этом вопросе — глупости или невежества, — но понятно, что однозначный ответ эксперта был запрограммирован. Хольц невозмутимо ответил, что ему ничего не известно о таких превращениях, и… на этом разговор об экспертизе следов крови оказался исчерпан.

Как адвокат по уголовным делам, который должен быть хорошо сведущ в тонкостях судебной медицины, мог додуматься до превращения сахара в человеческой крови в этиловый спирт известно, наверное, одному Богу. Если следовать логике Луизелла, то кружка сладкого чая должна быть равноценна рюмке водки, а человеческий организм во всём аналогичен спиртовому заводу. Адвокат порол откровенную чепуху, которая никак не могла помочь его подзащитному.

Это, кстати, был далеко не единственный случай, когда адвокаты начинали опровергать совершенно не то, что действительно следовало опровергнуть. В этом отношении интересными и даже забавными оказались допросы Патрисии Сполдинг и Джоан Гош. И та, и другая являлись важнейшими свидетельницами обвинения, и защита просто обязана была каким-то образом дезавуировать их опознание в Коллинзе того самого молодого человека, с которым Карен Сью Бейнемен уехала из магазина париков. Какой же выход нашёл могучий интеллект Джозефа Луизелла?

Адвокат оказался тривиален и очень предсказуем. У Патрисии Сполдинг он спросил, показывали ли ей полицейские фотографии Джона Коллинза до официального опознания последнего (так сказать, "вживую")? Сполдинг ответила утвердительно. Тут Джозеф Луизелл буквально воспарил над залом и патетически воскликнул: "О каком же опознании может идти речь?" Пафос адвоката понять трудно, поскольку сторона обвинения вовсе не делала тайны из этих деталей. Капитан службы шерифа Уилльям Малхолланд, уже упоминавшийся не раз в настоящем очерке, в ходе своих трёхчасовых показаний в суде подробно рассказал о беседе с Гош и Сполдинг и о том, как предъявил им для опознания фотографии 8 молодых мужчин. Обе свидетельницы выбрали без колебаний фотографию Коллинза. То есть адвокат в данном случае ломился, что называется, в открытую дверь. Более того, в подобном предъявлении фотографий предполагаемого подозреваемого нет ничего противозаконного, и подобные действия работников оперативно-розыскных подразделений отнюдь не отменяют последующего опознания обвиняемого в ходе следственных действий.

В ещё более глупое положение адвокат поставил самого себя, когда принялся допрашивать Джоан Гош. В этом случае Луизелл

почему-то решил сделать упор на то обстоятельство, что свидетельница не опознала водителя мотоцикла в предъявленных ей рисунках "Убийцы студенток". К июлю 1969 г. в распоряжении Межведомственного штаба имелись уже не менее четырёх эскизов, изображавших предполагаемого преступника. Все они были в разное время нарисованы полицейскими художниками по описаниям, полученным от свидетелей, которые, как считалось, видели "Убийцу студенток".

Джоан Гош даёт показания в суде (зарисовка художника газеты «Энн-Арбор ньюс», сделанная в ходе процесса).

Капитан Малхолланд предъявил эти рисунки Джоан Гош, но, как было сказано, та не опознала в них водителя голубого «триумфа». Адвокат с упоением ухватился за эту мелочь, но его восторг понять и разделить очень сложно, поскольку данный случай вообще не имел отношения к процессу. Ведь Коллинза официально не обвиняли в преступлениях, приписываемых «Убийце студенток», и прокурор Делхи во время своих выступлений в суде вообще не касался этих преступлений. Другими словами, Луизелл опровергал то, чего обвинение не утверждало.

Нельзя не упомянуть о довольно забавной попытке защиты Коллинза скомпрометировать Джоан Гош как свидетеля. Дело заключалось в том, что в 1958 г. Джоан уехала на неделю вместе со своим любовником Дэйлом Виттингом в Сент-Луис, а по возвращении рассказала подругам, что в этой поездке бракосочеталась с ним. Более того, она даже говорила, будто сменила фамилию на Виттинг. На самом деле никакого бракосочетания не было и в помине — Джоан и Дэйл оставались любовниками вплоть до 1968 г. без юридического оформления своих отношений. От этой связи у Джоан родился сын, но для нашей истории эта деталь несущественна. В 1968 г. любовники

расстались, и Джоан рассказала подругам, будто развелась и вернула девичью фамилию.

Адвокаты Коллинза вытащили эту историю на свет и при допросе Джоан Гош в суде заставили женщину во всём признаться. Та и призналась — а что ей оставалось делать после принесения присяги? Разумеется, самолюбию Джоан был нанесён неприятный укол, однако защите Коллинза это вытряхивание грязного белья не давало решительно никаких бонусов.

Помощник обвинителя Букер Уилльямс допрашивает свидетельницу обвинения Патрисию Сполдинг (зарисовка художника газеты «Энн-Арбор ньюс», сделанная в ходе процесса).

Если бы адвокаты сумели получить данные о лжесвидетельстве Джоан под присягой или имевшем место нарушении ею закона (например, сокрытии доходов от налоговой службы), то такая информация, безусловно, могла бы повлиять на её компрометацию как свидетеля. Логика тут проста — маленькая ложь рождает большое недоверие, и если человек прежде уже был пойман на попытке обмана правоохранительных органов, то вряд ли его можно считать честным. Однако обман подруг никак не может быть поставлен в один ряд с клятвопреступлением. Свидетеля и приводят к присяге, и предупреждают об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, дабы подчеркнуть совершенно особый вес всего, что он может сказать в суде. Очевидно, что дамский трёп за рюмкой ликёра не имеет ничего общего с выступлением в судебном заседании. Если встать на точку зрения Луизелла, то всех рыбаков можно смело зачислять в ненадёжные свидетели, поскольку склонность рыбаков преувеличивать улов давно уже стала притчей во языцех и служит поводом для самоиронии. То, что женщины, не состоящие в браке, выдают себя за замужних, а женатые мужчины, напротив, скрывают свой семейный статус — давно известный социологам факт. (Все переписи населения европейских стран и государств

Северной Америки фиксируют превышение числа замужних женщин над количеством женатых мужчин, чего, понятное дело, быть не может в принципе!) А потому из того факта, что Джоан Гош прихвастнула перед подругами насчёт собственного замужества, никак не следовала её готовность солгать под присягой и оклеветать невиновного.

В общем, адвокаты Коллинза "стреляли по воробьям" и опровергали то, что опровергать было незачем. При этом они не сделали того, что просто обязаны были сделать, если только действительно хотели серьёзно повлиять на вердикт присяжных. Им надо было решить как минимум две важнейшие задачи: а) убедить присяжных в том, что свидетели обвинения видели похитителя Карен Сью Бейнемен сбоку или со спины, а это определённым образом влияло на их возможность составить правильное впечатление о его внешности; и б) представить суду непротиворечивую версию того, как Джон Коллинз провёл 23 июля 1969 г. Ничего этого ни Луизелл, ни Финк не только не сделали, но даже и не попытались сделать. Хотя следует признать, что у них были неплохие шансы оспорить опознание их подзащитного свидетелями обвинения. Ведь свидетели видели молодого мужчину в полосатой рубашке "поло", а среди вещей Коллинза такой рубашки найти не удалось. Кроме того, Кэрол Вазерка, работница "Chocolate house", хорошо рассмотрев мотоцикл и рубашку похитителя, довольно неуверенно говорила о его стрижке и лице. То есть при грамотной работе адвокатов можно было в значительной степени дезавуировать однозначность опознания Коллинза. Но, повторим, ничего этого сделано не было.

Любопытным моментом судебных слушаний явилось посещение присяжными дома сержанта Дэвида Лэйка с целью ознакомления с предполагаемым местом убийства Карен Сью Бейнемен. Эта довольно необычная экскурсия состоялась 3 августа 1970 г.

Жюри присяжных отправляется на осмотр дома сержанта Дэвида Лэйка.

Представители прокуратуры дали прямо на месте необходимые пояснения относительно предполагаемой последовательности действий преступника: первоначальное нападение на кухне, последующее перемещение Коллинза и Бейнемен в подвал, подвешивание девушки к трубе под потолком с целью её истязания, изнасилование на полу возле стиральной машины (что привело к затеканию крови под неё). Здесь же, в подвале, находился спортивный инвентарь сержанта Лэйка — боксёрская груша, гантели, штанга. Присяжным показали весовые "блины", которые использовались для набора нужного утяжеления штанги. Ударом одного из таких "блинов", по мнению обвинения, Карен и была убита (хотя само орудие умерщвления не было найдено, его, по мнению обвинения, Коллинз либо заменил на идентичный "блин", либо столь тщательно отмыл, что следов крови отыскать не удалось).

Поход членов жюри в дом Лэйка имел огромное влияние на настроение присяжных. Если какие-то сомнения в виновности Коллинза у них и оставались, то посещение предполагаемого места преступления их рассеяло. Рассказы обвинителей были не только убедительны, но и наглядны, присяжные словно увидели убийство девушки собственными глазами.

Приглашённые защитой эксперты мало помогли Коллинзу. Яркого опровержения выводов криминалистов, работавших на сторону обвинения, не получилось. Один из приглашённых независимых экспертов, например, заявил, что людей, имеющих волосы того же химического состава, что и найденные в подвале дома Лэйка, проживает в Мичигане от 4 до 8 человек. Подобное утверждение, конечно, на опровержение походило очень мало, скорее, оно звучало как подтверждение официальной экспертизы. Другой эксперт задался вопросом: почему криминалисты не

обнаружили среди волокон одежды Карен Сью Бейнемен следов цемента, которые должны были там оказаться в том случае, если девушка действительно лежала на подвальном полу? Чтобы усилить "разоблачительность" своего заявления, эксперт даже заявил, что побрил волоски на бедре своей секретарши и, изучив их под микроскопом, не обнаружил отличия от тех волосков, что были найдены в подвале Лэйка. Но это был, конечно, довод сугубо голословный — если разницы не заметил один эксперт, то это вовсе не означает, что её не заметил бы другой.

Фотографии Джона Коллинза, сделанные во время его эскортирования на заседание суда в июле-августе 1970 г.

В конечном итоге все эти демагогические рассуждения померкли перед главным вопросом, остро вставшим ближе к окончанию судебного процесса: будет ли Коллинз всё же свидетельствовать в собственную защиту или нет? По закону обвиняемый, отказавшийся в начале процесса от дачи показаний, может изменить свою точку зрения в любой момент. В этой части уголовное право не ограничивает никак возможности его защиты. Поэтому очень часто такие "молчуны" в конце процесса заявляют о своём желании дать показания по сути выдвинутых обвинений. Логика такого поведения очевидна: обвиняемый сначала выслушивает все свидетельства против него, а потом уже принимает решение, как ему лучше действовать — молчать ли до вынесения приговора или начать говорить.

К концу судебного процесса над Коллинзом, когда защите стало ясно, что дело неминуемо движется к проигрышу, показания обвиняемого в собственную защиту стали последним шансом на спасение. И тут произошёл очень интересный инцидент, можно сказать, знаковый. Мнения адвокатов разделились — Финк предлагал вызвать к допросу обвиняемого, а

Луизелл оставался категорически против этого. Спор между адвокатами произошёл прямо в ходе заседания, Финк настаивал на том, что Коллинз должен отказаться от выбранной тактики молчания и дать показания, а Луизелл в ответ заявил, что если Коллинз переменит своё решение молчать и согласится свидетельствовать, то он — Луизелл — снимет с себя полномочия по его защите и откажется от дальнейшего участия в процессе.

Ситуация сложилась несколько необычная, причём трудно было понять — то ли адвокаты разыгрывают заранее спланированный сценарий, то ли они на самом деле не могут прийти к взаимопониманию. Обвиняемый выглядел растерявшимся и явно не знал, кого же ему слушать.

Поскольку обсуждаемый вопрос имел принципиальный характер, в полемику вмешался судья Конлин. Он принял воистину соломоново решение, хотя и несколько необычное с процессуальной точки зрения. Он предложил обвиняемому поговорить с матерью наедине и принять решение согласно материнскому совету. Судья, видимо, исходил из тех соображений, что мать Коллинза была безоговорочно на стороне сына и сделает всё для его защиты, а значит, её совет будет в его интересах.

Судья объявил 30-минутный перерыв, Джон и Лоретта Коллинз прошли в судейскую комнату позади зала заседаний. О чём говорили мать с сыном, неизвестно, но сцена их общения, судя по всему, была душераздирающей. Лоретта Коллинз вышла из судейской комнаты почти в истеричном припадке, она ещё какое-то время не могла остановить плач и, дабы не сорвать заседание, покинула зал. Джон Коллинз пытался держать себя в руках, но по его опухшему лицу было видно, что он тоже плакал.

На вопрос судьи, будет ли обвиняемый свидетельствовать в собственную защиту, Джон ответил отрицательно. Таким образом возобладала тактика поведения, выбранная Луизеллом.

При таком раскладе обвинительный вердикт присяжных выглядел практически предрешённым. 16 августа 1970 г. жюри удалилось для обсуждения и вынесения вердикта. Вопросы, поставленные судьёй перед присяжными, касались только обстоятельств похищения и убийства Карен Сью Бейнемен, все прочие преступления "Убийцы студенток" так и не стали предметом судебного рассмотрения, хотя никто не сомневался в том, что Бейнемен, как и других девушек в Энн-Арборе и Ипсиланти, убил один и тот же изверг.

Жюри обсуждало вердикт три дня. В течение этого времени члены жюри попросили пригласить в совещательную комнату стенографисток, проводивших запись судебного процесса, вместе

с подготовленной ими стенограммой общим объёмом 1600 страниц. У членов жюри, по-видимому, возникли разногласия в толковании каких-то моментов судебных прений, и появилась необходимость уточнить сказанное во время процесса дословно. Вердикт был оглашён 19 августа. Джон Норман Коллинз вполне ожидаемо признавался виновным по всем пунктам и не заслуживал снисхождения.

Судья Конлин, получив вердикт, обратился к обвиняемому с вопросом: имеет ли тот что-либо сказать до вынесения приговора? Смысл такого "последнего слова" заключается в том, что уже обвинённому преступнику предоставляется возможность сознаться в содеянном и заявить о раскаянии — это позволяет судье смягчить приговор. Можно сказать, что это негласное приглашение к договору по схеме: судья будет гуманен, если преступник сознается.

Коллинз от последнего слова не отказался. Он встал и очень косноязычно произнёс всего четыре фразы, смысл которых сводился к тому, что он никогда не был знаком с Карен Сью Бейнемен, не подвозил её от магазина париков и, вообще, ни в чём не виновен. Это заявление, безусловно, явилось самым глупым, что можно было сказать в такой ситуации (учитывая, что Коллинза уже признали виновным, сказанное автоматически превращало его в нераскаявшегося преступника). Данный пример хорошо демонстрирует наличие у Коллинза проблем с эмпатией, вернее, её полным отсутствием. Джон явно не понимал, как выглядит со стороны его поведение и каких слов от него ждут присутствующие, в том числе и судья. Выражаясь метафорически, можно сказать, что обвиняемый методично копал яму самому себе на протяжении всего судебного процесса, а сказав столь бездарно последнее слово, просто-напросто столкнул себя же в эту яму. Коллинз даже не должен ни на кого обижаться, всё, что случилось с ним, он запрограммировал собственным же поведением.

Коллинз был приговорён к пожизненному заключению без права подачи прошения о помиловании в течение первых 20 лет пребывания в тюрьме.

В 1971 г. Департамент юстиции Калифорнии обратился к правительству штата Мичиган с просьбой экстрадировать Коллинза для предания его суду по обвинению в убийстве Рокси Филлипс. Материал, собранный правоохранителями Калифорнии в ходе расследования, выглядел весьма весомо, и шансы добиться обвинительного приговора Коллинзу расценивались как высокие. Однако из-за разницы уголовного законодательства в разных штатах возникла казуистическая преграда, которую никто не

ожидал встретить. Дело заключалось в том, что уголовное право Калифорнии допускало вынесение смертного приговора, а экстрадиция преступника в те страны или штаты США, где ему грозит вынесение смертного приговора, считается негуманной. На это обстоятельство можно было бы закрыть глаза, но в США конец 60-х и начало 70-х гг. были отмечены вспышкой антивоенных, анархистских и левацких настроений в обществе. Движение аболиционистов (сторонников запрета смертной казни) набирало силу, а основные институты государственной власти и управления были в значительной степени скомпрометированы в глазах подавляющей части американцев. В таких условиях выдача Коллинза в Калифорнию, где ему грозила смертная казнь, могла спровоцировать массовые акции протеста, что было совершенно не нужно мичиганским политикам. Вопрос экстрадиции, таким образом, перешёл из области уголовного права в плоскость политической целесообразности и… выдача преступника была отложена до лучших времён. Которые так никогда и не наступили.

Первоначально Джон Коллинз содержался в тюрьме "Southern Michigan prizon", но после участия в неудачной попытке побега заключённых его перевели в тюрьму "Marquette branch prizon", отличавшуюся более строгим режимом.

Первые годы после вынесения приговора Коллинз хранил полное молчание, хотя к нему регулярно обращались журналисты с просьбами взять интервью. Поступали и предложения издать книгу о жизни осуждённого, но Коллинз таковые отклонял. Своё первое интервью он дал только в 1976 г., незадолго до очередной годовщины вынесения ему обвинительного приговора. В нём он почти слово в слово повторил сказанное в зале суда — по его уверению, он никогда не был знаком с Карен Сью Бейнемен, не увозил её, не убивал и не знает, кто убил. Странности своего поведения во время следствия и суда объяснить не пожелал. Не будет преувеличением сказать, что это было интервью ни о чём — чтобы услышать набор пустых фраз, совсем необязательно было ехать в тюрьму, Коллинз мог бы сказать всё это за полминуты по телефону.

Со стороны могло бы показаться, что Джон Коллинз пребывает в апатии и глубоко деморализован, но это было совсем не так. В 1977 г. он разыскал своего папашу, проживавшего в Канаде, и взял его фамилию, превратившись одномоментно в Джона Нормана Чапмена. Далее последовал интересный финт — новоиспечённый Чапмен, он же Коллинз, обратился в МИД Канады с просьбой о признании его гражданином по факту рождения. Его ходатайство было удовлетворено, и Чапмен стал

обладателем двойного гражданства. То, что последовало далее, оказалось вполне предсказуемо — в 1982 г. Чапмен обратился в Верховный суд Мичигана с прошением экстрадировать его в Канаду, поскольку там его Родина и там проживает его папаша, которого он нежно полюбил на 35-м году жизни. Как нетрудно понять, внезапная любовь к папаше и новой "старой Родине" диктовались соображениями весьма прозаическими — уголовное законодательство Канады той поры допускало помилование после отбытия заключёнными 15-летнего тюремного заключения. Коллинз вполне мог рассчитывать на милосердие канадского правосудия, поскольку он не совершал преступлений на территории этой страны.

Все эти хитроумные проделки привлекли угасшее было внимание к персоне Коллинза. В средствах массовой информации Мичигана появились сообщения соответствующего содержания, а родители Карен Сью Бейнемен обратились в Верховный суд штата с прошением об отклонении экстрадиции преступника в Канаду. В общем, Чапмен, он же Коллинз, никуда не поехал.

20-летний юбилей своего пребывания под стражей Коллинз встречал в числе лучших тюремных сидельцев. За многие годы заключения он получил всего одно взыскание — за хранение принадлежностей для азартных игр, но по тюремным меркам это было не очень сильное нарушение режима. Коллинз выделялся из серой уголовной массы интеллектом и общей эрудированностью, он был общителен, дружелюбен, умел наладить отношения с представителями самых разных преступных кланов. Его тюремная характеристика была до такой степени безупречна, что администрация тюрьмы в октябре 1988 г. чуть было не выпустила его для съёмок в телевизионном шоу "Kelly and company", но вмешательство прокуратуры вовремя остановило эту затею. Телевизионная программа благополучно состоялась, и Коллинз даже принял в ней участие, но не "живьём", а в записи. Журналисты отсняли интервью с ним в тюрьме.

Кадры из телевизионного интервью Джона Чапмена (Коллинза), которое он дал при подготовке телепрограммы «Kelly and company» в октябре 1988 г.

Надо сказать, что к этому времени Чапмен, он же Коллинз, уже набрался наглости и научился врать, что называется, не моргнув глазом. Он более не молчал и не бормотал бессвязные фразы, а довольно энергично преподносил свою версию событий, имевшую весьма и весьма отдалённое сходство с тем, что происходило на самом деле в 1969 г. Начиная с интервью 1988 г. (и в последующие годы) он неизменно повторял тезис о своей полной непричастности к гибели Карен Сью Бейнемен, но каждый раз дополнял его новыми умозаключениями. Так, Коллинз стал прямо утверждать, что никогда не владел мотоциклом «триумф» с прямоугольным зеркалом. О том, что его «триумф» с прямоугольным зеркалом от «хонды» был конфискован прокуратурой в качестве вещдока и стоял перед зданием суда, дабы любой желающий мог подойти и лично осмотреть его, Коллинз стыдливо умалчивал. Он, по-видимому, рассчитывал на то, что уже мало кто помнит подлинные детали судебного процесса и расследования, а потому можно смело говорить всё, что заблагорассудится.

Другой «фишкой», выдуманной Коллинзом в своё оправдание, явилось утверждение, согласно которому свидетельницы из магазина париков якобы так и не смогли его однозначно опознать, поскольку, мол-де, они по-разному описывали волосы и причёску «похитителя Карен». Такого рода рассуждения тоже имели весьма малое отношение к реальности, поскольку частичное несовпадение свидетельских показаний является совершенно нормальным и не отменяет их истинности в той части, где они совпадают. А Сполдинг и Гош опознали Коллинза без колебаний.

Досталось от Коллинза и его адвокатам, которые плохо защищали и давали дурные советы… Бичевал заключённый и бывшего губернатора штата, который в 1969 году, по мнению Коллинза, вмешивался в ход расследования. Разил Джон и ФБР, которое тоже плело против него заговор, хотя Бюро мало касалось розыска «Убийцы студенток» ввиду того, что следствие не имело федеральной юрисдикции. В общем, осуждённый преступник, свалив всё в кучу, принялся кроить прошлое по своему лекалу, но всерьёз обсуждать его демагогию здесь вряд ли стоит.

Кадры из телевизионного шоу «Kelly and company», отснятого в октябре 1988 г. Слева: адвокат Нейл Финк и бывший шериф Дуг Харви. Справа: Дуг Харви.

Начиная с 1989 г. Коллинз неизменно пользуется своим правом прошения об освобождении (такие прошения можно подавать раз в два года). Всякий раз ему в этом отказывают.

В конце 90-х гг. прошлого столетия по мере всё более широкого внедрения в криминалистическую практику технологии выделения из биологических следов «ДНК-профиля» преступника и его сопоставления с имеющейся базой данных, Министерство юстиции США выступило инициатором масштабной программы повторного изучения улик старых уголовных дел. В программу, финансируемую федеральным бюджетом, попадали уголовные расследования 30-35-летней давности, в ходе которых удалось получить биологические материалы, происходившие от преступника. При этом сами уголовные расследования могли быть как законченными (то есть виновный изобличён и получил наказание по суду), так и незаконченными (то есть преступник не найден либо отпущен за недоказанностью вины). Приоритет, конечно, отдавался последним, но и формально раскрытые преступления также при определённых условиях могли быть включены в программу повторного изучения улик. С 1999 г. по 2008 г. было проведено исследование биоматериалов, связанных с ведением в разные годы примерно 150 тысяч уголовных дел во всех штатах страны. Результаты оказались довольно интересны. Выяснилось, что примерно по 240 делам были осуждены на сметную казнь или получили пожизненные тюремные сроки невиновные. Выяснилось, что не все жертвы Теда Банди действительно убиты им, а вот таинственный Зодиак так и остался не опознан — его ДНК не оказалось среди примерно 6 млн. образцов, находившихся в базах данных различных правоохранительных органов США и использовавшихся для сопоставления.

Благодаря этой программе был изобличён «Убийца с Грин-ривер» Гэри Риджуэй, почти два десятилетия остававшийся недосягаемым для американского правосудия. А вот кровожадный Генри Ли Лукас, считавшийся рекордсменом среди серийных убийц (ему приписывались чуть ли не 600 жертв), оказался почти невинным, и губернатору Техаса Джорджу Бушу-младшему пришлось даже заменить смертный приговор Лукасу пожизненным заключением.

Вполне ожидаемо в упомянутую программу повторного изучения улик попали и эпизоды, связанные с убийствами студенток Восточно-Мичиганского университета. В некоторых из них вроде бы имелись материалы, пригодные для извлечения ДНК преступника.

Первым был проверен образец крови с руки Джейн Миксер, убитой вечером 20 марта 1969 г. Его лично снял ватным тампоном детектив Дональд Беннет, заподозривший, что перед ним кровь убийцы, а не жертвы. В течение 35 лет вата, пропитанная кровью, хранилась на складе улик, и вот, наконец, осенью 2004 г. она поступила на генетическое исследование. Результат оказался не просто удивительным, а по-настоящему потрясающим — из образца выделили "ДНК-профили" двух разных мужчин. Один принадлежал 62-летнему Гэри Эрлу Лейтерману (Gary Earl Leiterman), а другой — Джону Руэласу (John Ruelas), 39 лет. Оба жили в Мичигане, оба попали в базы данных правоохранительных органов за совершённые ранее преступления, но последний никак не мог быть причастным к убийству Миксер, поскольку ему в момент совершения этого преступления едва исполнилось 4 года.

Было очевидно, что в работе криминалистов произошёл какой-то сбой, и сложившуюся ситуацию требовалось квалифицированно разрешить. После проверки лаборатории компетентной комиссией стало ясно, что во время проведения исследования произошло загрязнение образца в результате неполной стерилизации оборудования. Грязь содержала ДНК Руэласа, с биологическим материалом которого также проводилась работа в той же лаборатории в то же самое время. Но "ДНК-профиль" Лейтермана действительно находился в исходном образце, причём он определялся с высокой точностью — вероятность случайного совпадения оценивалась как отношение 1 к 170 000 000 000 000 (то есть была ускользающе малой величиной). После изучения специалистами возникшего казуса было констатировано, что полученный результат должен расцениваться как высоконадёжный. Чтобы проверить этот результат, было назначено исследование пяти кровавых помарок,

обнаруженных на колготках Джейн Миксер. В них также оказалась ДНК Лейтермана. После некоторых колебаний прокурор штата санкционировал его арест по обвинению в убийстве Джейн Миксер.

Гэри взяли под стражу 25 ноября 2004 г., и это событие стало сенсацией в масштабах всего штата. Ещё бы! В убийстве, которое на протяжении десятилетий по умолчанию приписывалось Коллинзу, оказался виноват совсем другой человек! Гэри никогда не учился в Восточно-Мичиганском университете, но он работал в технической службе, занятой обслуживанием университетских кампусов (впоследствии он получил диплом специалиста по настройке медицинского оборудования). Он был знаком с некоторыми из жертв "Убийцы студенток" и, как доказало расследование, выполнял заявку на ремонт водопровода в квартире Джейн Миксер за несколько дней до гибели девушки. Не совсем было ясно, как именно он предложил ей совместную поездку, но обвинение считало, что Лейтерман увидел записку Джейн Миксер на доске объявлений кампуса. В этой записке девушка сообщала, что собирается поехать в Маскигон и будет благодарна тому, кто возьмётся её подвезти.

Убийца умудрился прожить тихую и незаметную жизнь, не привлекая к себе внимания правоохранительных органов. Первый раз он прокололся уже в 60 лет на обналичивании пенсионных чеков умерших людей. Это федеральное преступление, и ФБР при аресте Лейтермана в 2002 г. изъяло у него биологические образцы. Так ДНК Гэри попала в базу данных Бюро. Если бы этого не случилось, то ему бы удалось избежать разоблачения через два года. Воистину, жадность фраера сгубила! Было известно, что Лейтерман заядлый охотник, он владел пистолетом 22-го калибра и несколькими ружьями. Наличие у него в 1969 г. пистолета являлось серьёзной уликой, которую обвиняемый вряд ли сумел бы отбить. Дело в том, что этот пистолет у Лейтермана в 1987 г. украли, о чём он заявил в полицию и в своём заявлении указал срок владения оружием. В общем, теперь при всём желании он не мог бы сказать, что не имел пистолета в 1969 г. Более того, полиции удалось отыскать владельца оружейного магазина, у которого Лейтерман регулярно покупал патроны. Владелец бережно хранил свои бухгалтерские книги, в том числе и за 1969 г.! Он нашёл запись, подтверждавшую продажу Лейтерману патронов 22-го калибра 14 февраля того года…

Суд над Лейтерманом проходил в Энн-Арборе с 11 по 22 июля 2005 г. Он был признан виновным в умышленном убийстве и приговорён к пожизненному тюремному заключению.

Затем внимание криминалистов привлёк эпизод, связанный с

убийством Эйлин Адамс. Напрямую гибель девочки не относили к списку преступлений "Убийцы студенток", поскольку Эйлин не была студенткой и её не убили сразу после похищения, а довольно долго держали "в плену". Отличались и некоторые другие важные с криминалистической точки зрения детали, например, та, что Эйлин Адамс была помещена преступником в мешок, чего "Убийца студенток" не делал с другими своими жертвами. Тем не менее в силу общности территории, времени действий, мотива, а также совпадения некоторых деталей это убийство по умолчанию считалось совершённым тем же самым человеком, который похищал и убивал студенток Восточно-Мичиганского университета.

Криминалисты считали, что существует хорошая вероятность выделить чистый "ДНК-профиль" убийцы с сохранившихся улик. Помимо биологических образцов, взятых с трупа девочки, в распоряжении исследователей имелся мешок, в котором было оставлено тело. Преступник, вне всякого сомнения, неоднократно касался его верхней части, а значит, оттуда можно было получить следы его потожировых выделений, из которых к 2005 г. криминалисты уже научились выделять ДНК. Эти образцы могли бы оказаться своего рода "проверочным материалом" в том случае, если бы другие образцы за давностью лет не обеспечили бы получения результата должной точности.

На протяжении пяти месяцев 2006 г. проводились необходимые исследования и оперативно-розыскные мероприятия. 27 ноября 2006 г. Департамент юстиции Мичигана сделал официальное заявление, в котором сообщил о том, что убийство Эйлин Адамс раскрыто. Было названо и лицо, совершившее этот чудовищный акт насилия — им оказался некий Роберт Бакстер Бауман (Robert Baxter Bowman), родившийся в 1936 г. Этот человек не имел криминального прошлого, и его ДНК следователям удалось получить довольно нетривиальным способом.

Дело заключалось в том, что ещё осенью 1981 г. бывшая жена Баумана Маргарет обратилась в полицию с заявлением, в котором обвинила прежнего супруга в совершении убийства на сексуальной почве. Она утверждала, что в декабре 1967 г. в подвале их дома в Уайтфорде (Whiteford), штат Мичиган, появилась девочка, которую Роберт держал на положении пленницы. Жена некоторое время не догадывалась о присутствии в доме постороннего человека, но спустившись однажды в январе 1968 г. в подвал, с ужасом обнаружила там девочку, привязанную к самодельному кресту в позе распятой. По словам супруги, она предприняла попытку освободить ребёнка, однако не успела этого

сделать — муж возвратился домой и жестоко её избил. Роберт пригрозил убить жену, если только Маргарет расскажет кому-либо об увиденном в подвале. Вскоре после этого девочка исчезла. А через несколько дней появились сообщения об обнаружении трупа в районе Уайтфорда, к югу от Ипсиланти.

Тогда же — в 1981 г. — проверявшие это заявление детективы связали упомянутый эпизод с обнаружением трупа Эйлин Адамс. Роберт Бауман подвергся двухдневному допросу, но сумел представить alibi и убедил полицейских в том, что они столкнулись с банальным оговором брошенной жёнушки. Мол, следует ли принимать всерьёз трёп больной раздражённой тётки? Как бы там ни было, Бауман в 1981 г. снял с себя все подозрения и… внезапно уехал в неизвестном направлении. В 1984 г. его, однако, разыскал криминальный репортёр Пит Наварр (Pete Navarre), который взял у Баумана интервью о событиях 1968 г. Последний жил во Флориде и был очень удивлён тем, что журналист сумел его отыскать. После интервью Роберт Бауман вновь исчез. Да так исчез, что за прошедшие десятилетия след его более нигде не всплывал.

В 2006 г., когда криминалисты выделили неизвестный «ДНК-профиль» из улик, связанных с убийством Эйлин Адамс, кто-то из ветеранов правоохранительных органов вспомнил о заявлении бывшей супруги Баумана. Её отыскали, к счастью женщина была жива! Отыскали и дочь, рождённую от Роберта Баумана — это была ещё одна крупная удача. Получив «ДНК-профили» матери и дочери, специалисты сумели восстановить ДНК отца (поскольку в формировании ДНК ребёнка участвует и отцовский, и материнский генетический материал). Не имея в своём распоряжении биологических образцов самого Роберта Баумана, генетики тем не менее узнали его «ДНК-профиль». Сопоставив получившийся результат с тем, что был вычленен из улик, связанных с убийством Эйлин Адамс, криминалисты получили полное совпадение. Вероятность ошибки была оценена в одну десятимиллиардную — это вполне удовлетворительная точность для формального выдвижения обвинения.

В 2007 г. ФБР оформило "открытый" ордер на арест Баумана, позволявший любой правоохранительной структуре заключить его под стражу в любом штате США. Более года преступник находился в розыске, и найти его след никак не удавалось. Он не имел банковских карт, не получал пенсию (по крайней мере на своё имя), не владел какой-либо значительной собственностью. Весьма вероятным казалось предположение, что его давно нет в живых, но даже и в этом случае требовалось выяснить место захоронения преступника и, проведя эксгумацию, убедиться в

том, что похоронен именно он. В конце концов, Роберт Бауман попал в список десяти самых разыскиваемых ФБР преступников, а за каждого из них Бюро готово выплатить вознаграждение в 50 тыс.$ и выше. В 2008 г. один из выпусков знаменитой телепередачи "Самые разыскиваемые в Америке" был посвящён убийству Эйлин Адамс и таинственной судьбе её убийцы.

Как показывает практика, упомянутая передача является одним из самых эффективных инструментов поиска преступников. Практически все правонарушители, о которых снимались выпуски этой передачи, оказывались найдены в течение 90 суток. Это правило сработало и в случае с Робертом Бауманом — очень скоро после выхода программы в эфир его опознал один из соседей, мимо окон которого тот проезжал каждое утро на велосипеде. Оказалось, что Роберт Бауман перебрался в Сан-Диего, штат Калифорния, где вёл уединённый образ жизни под вымышленными именем и фамилией в доме, унаследованном от своей последней жены. После ареста и медицинского освидетельствования выяснилось, что 76-летний преступник сохранил прекрасную физическую форму, бодрость и остроту ума. Это может показаться удивительным, но любитель ЛСД и кокаина, наркоман с 50-летним стажем во время допросов оживлённо рассуждал на всевозможные отвлечённые темы, начиная с загадок древнеегипетских пирамид и Атлантиды до контактов с инопланетянами и масонских заговоров. Своей причастности к убийству Эйлин Адамс он, разумеется, не признавал, но подобное запирательство мало могло ему помочь — результаты генетической идентификации были неопровержимы и говорили сами за себя. В 2010 г. Роберт Бакстер Бауман был осуждён на пожизненное заключение в тюрьме без права подачи прошения о помиловании.

Завершая разговор о расследовании убийств студенток Восточно-Мичиганского университета в конце 60-х гг. прошлого столетия, остаётся сказать несколько слов о Питере Хуркосе. Его участие в этом весьма неординарном деле, как видим, было довольно активным и поныне служит источником всевозможных споров. Кто-то усматривает в противоречивых «пророчествах» ясновидящего лишь довольно грубую психологическую игру, другие, напротив, усматривают поразительное совпадение его «видений» с фактическими обстоятельствами расследования. Одни и те же факты трактуются сторонниками и противниками Хуркоса диаметрально противоположно. («Второе описание внешности убийцы очень хорошо соответствовало внешности Коллинза», — «Но ведь первое совершенно не соответствовало!», — «Экстрасенс с высокой точностью назвал

место обнаружения последней жертвы преступника», — «Но он всё равно ошибся более чем на 1,5 км!», — «Хуркос 27 июля сообщил в телевизионной передаче о том, что преступник будет разоблачён очень скоро, а этого никто не мог знать в тот момент», — «Это слишком неконкретное заявление, которое можно толковать сколь угодно расширительно» …и так далее, и тому подобное…) Разумеется, оценка «успехов» или «неуспехов» знаменитого ясновидящего во многом условна и субъективна. Но нельзя не признавать того, что многое из сказанного Хуркосом в рамках этого расследования действительно получило весьма впечатляющее подтверждение. Многие детективы знали о проводимом расследовании куда больше, чем экстрасенс, но ведь никто из них не сделал ни одного предположения, сравнимого по точности с тем, что утверждал Хуркос. Вместе с тем многие провидческие заявления Питера не получили подтверждения. Например, он говорил, что «Убийца студенток» лишил жизни 19 человек. Следствие же связывало Коллинза с убийством 6 или 7 девушек… Но при этом сам Коллинз не признался ни в одном из этих преступлений! Так прав или неправ был Хуркос? Читатель вправе решать сам.

Джон Норман Чапмен, он же Коллинз, продолжает отбывать пожизненное заключение, не переставая при всяком удобном случае заявлять о своей полной невиновности.

Джон Норман Чапмен (Коллинз), 2010 г.

Узнав о том, что установлены убийцы Джейн Миксер и Эйлин Адамс, он стал требовать проведения генетических экспертиз по всем эпизодам, связанным с расследованием 1967-69 гг. Он продолжает откровенно перевирать историю собственного разоблачения и ход судебного процесса, обвиняет в своих бедах адвокатов, губернатора, прокуроров, детективов полиции и службы шерифа, но при этом забывает дать оценку собственному поведению. Вряд ли кто-то всерьёз может сомневаться в его

виновности — Коллинз действительно убил Карен Сью Бейнемен, доказательный материал по этому эпизоду исчерпывающе полон и убедителен. Но к убийце так приросла шкура ягнёнка, в которую он рядится уже четвёртое десятилетие, что, даже попав на Суд Божий, этот волк, по-видимому, станет утверждать, что он — невинный агнец. Пусть грехи и мрачные тайны Коллинза остаются с ним — на Том Суде не будет присяжных заседателей. Обманывать будет некого.

notes

Примечания

1

Имеется в виду обширное исследование, вышедшее в 2019 году на платформе «ридеро»: Ракитин А. И. «История Бостонского Душителя. Хроника подлинного расследования. Книги I — II». Ныне эта работа находится в продаже во всех магазинах электронной книжной торговли.

2

Документальный очерк, посвященный этому серийному убийце, под названием «1968 год. Зодиак: история убийцы — графомана» включён в сборник «Американские трагедии. Хроники подлинных уголовных расследований XIX — XX столетий. Книга II». Сборник опубликован с использованием книгоиздательского сервиса «ридеро» в июне 2021 года и ныне доступен во всех магазинах электронной книжной торговли.

3

Этой истории посвящён очерк Алексея Ракитина «Дело Максименко», находящийся в открытом доступе на сайте автора «Загадочные преступления прошлого». Существует и художественная обработка данного сюжета — ему посвящён роман роман Ольги и Алексея Ракитина «Лекарство от долгой жизни». Первое издание этого романа вышло в издательстве «Крылов» в 2006 году, второе (под названием «Лекарство от долгой жизни») — в сентябре 2017 года на платформе книгоиздательского сервиса «ридеро». Ныне эта книга находится в продаже во всех магазинах электронной торговли.

4

Этот новый большой очерк вошёл в сборник «Американские трагедии. Книга VI», изданный с использованием возможностей книгоиздательского сервиса «ридеро» в августе 2023 года. Сейчас сборник доступен во всех магазинах электронной книжной торговли.

5

Этому этапу жизни и приключений Хуркоса в США посвящена глава «1964 год. Неформальные формы ведения следствия» моей книги «История Бостонского Душителя. Хроника подлинного расследования», изданной на платформе «ридеро» в 2019 году. Особо подчеркну, что мой очерк «Бостонский Душитель», размещённый на сайте «Загадочные преступления прошлого», был написан ещё в 2002 году и фрагмента, посвященного Хуркосу, не содержит. Очерк этот меньше книги примерно в 15 раз, поэтому сравнивать их вообще не следует.